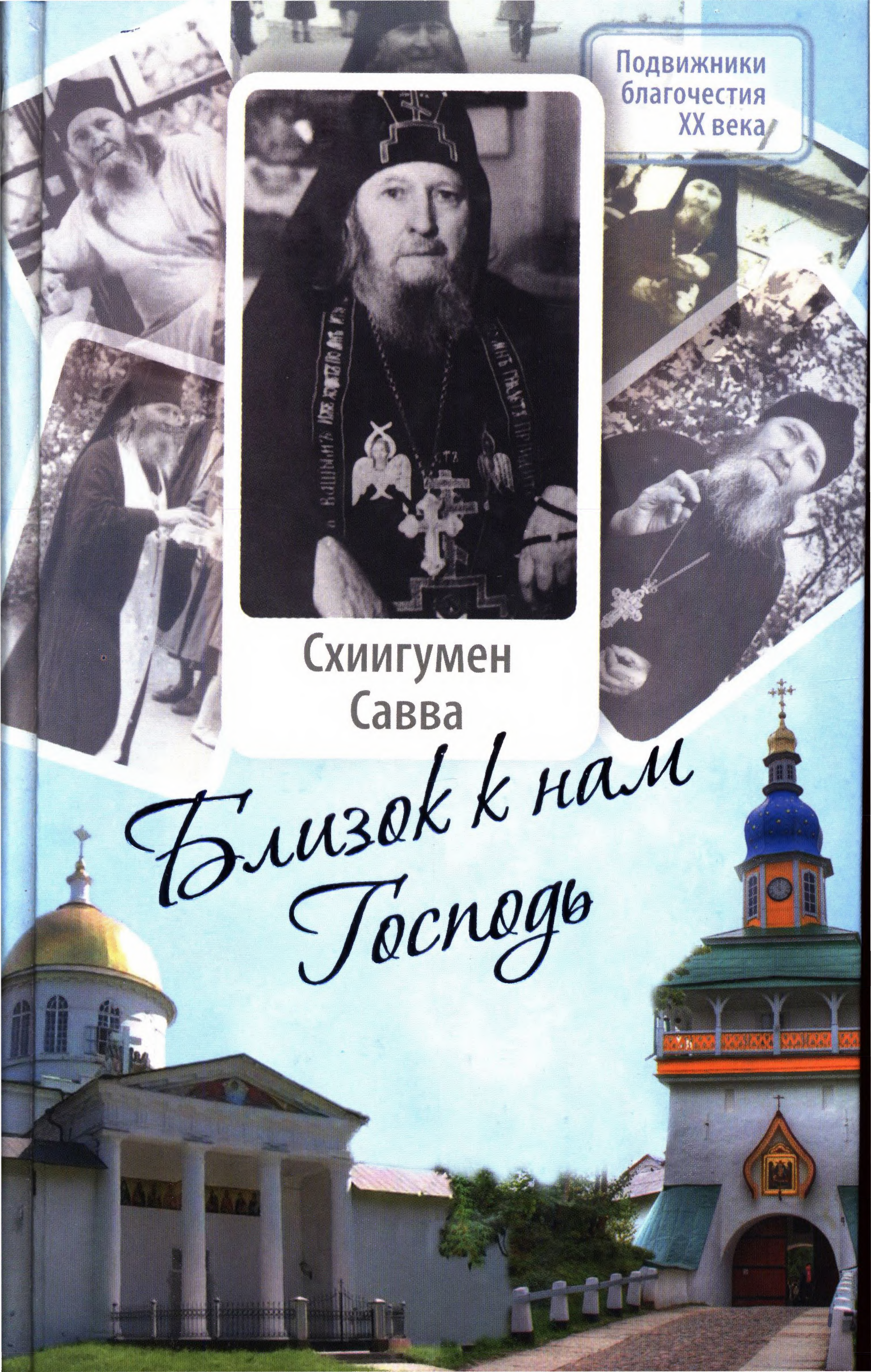
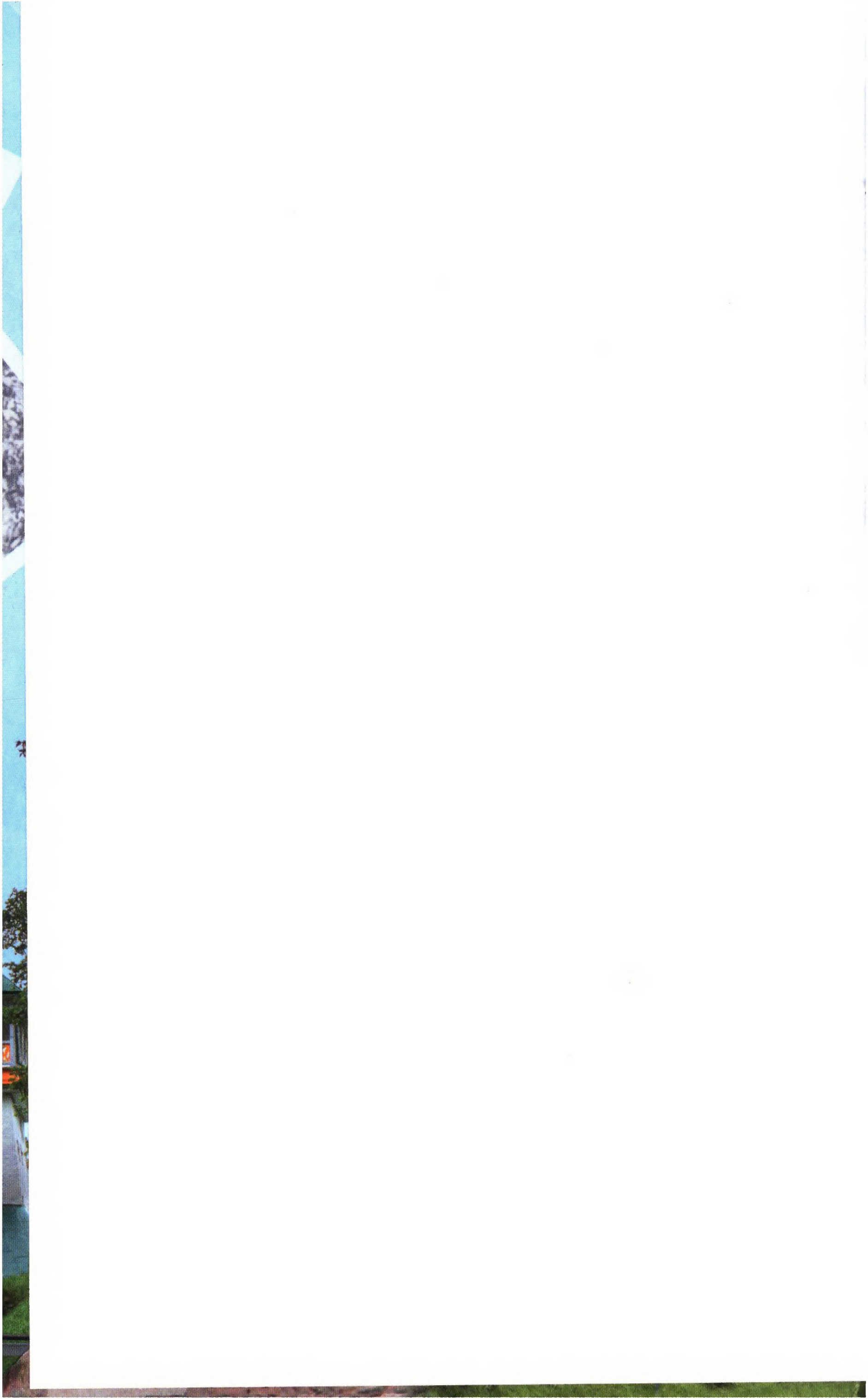
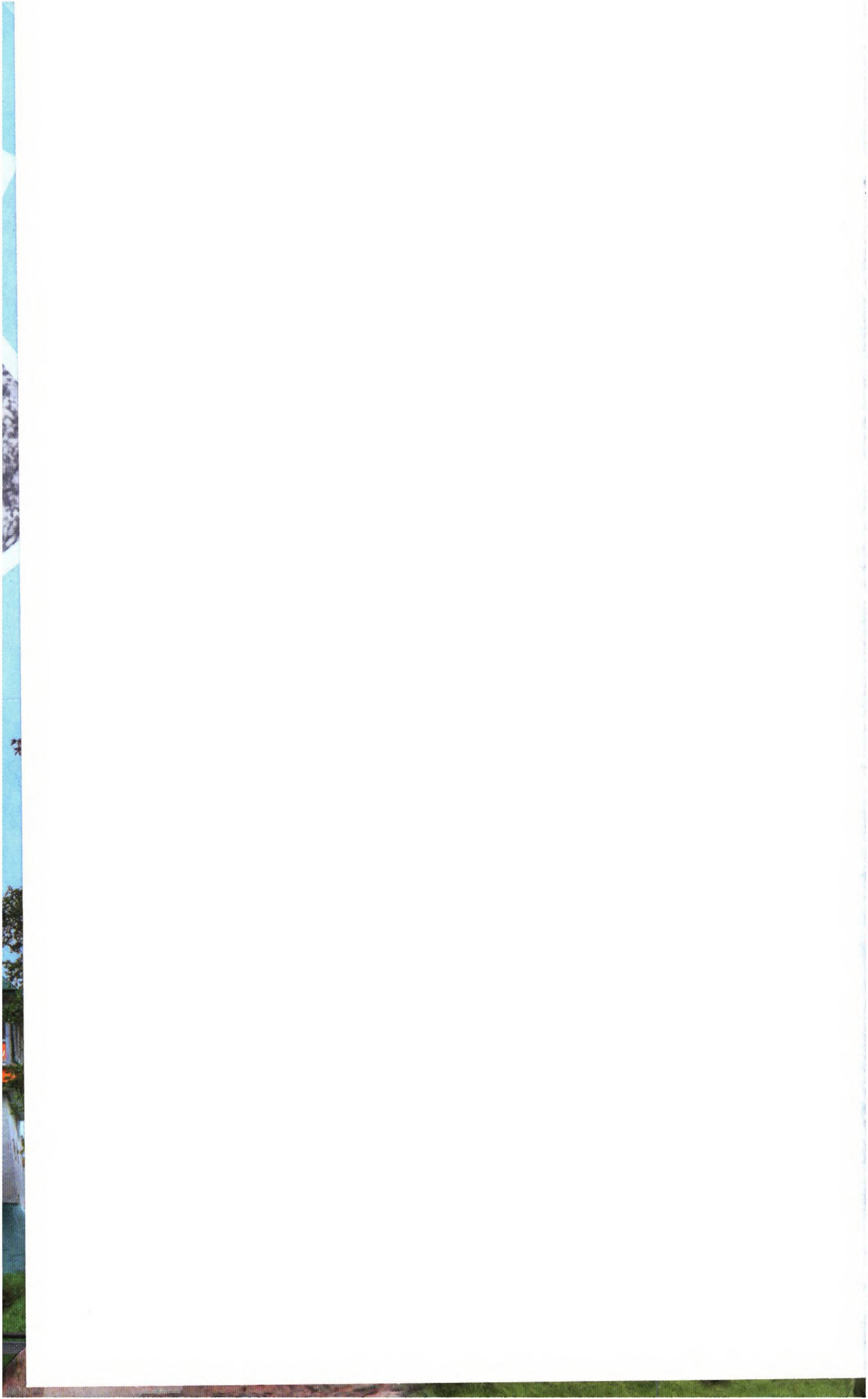

Подвижники
благочестия
XX века
Схиигумен
Савва
Близок к нам
Господь

Серия «Подвижники благочестия XX века»

Московский Сретенский монастырь 2013

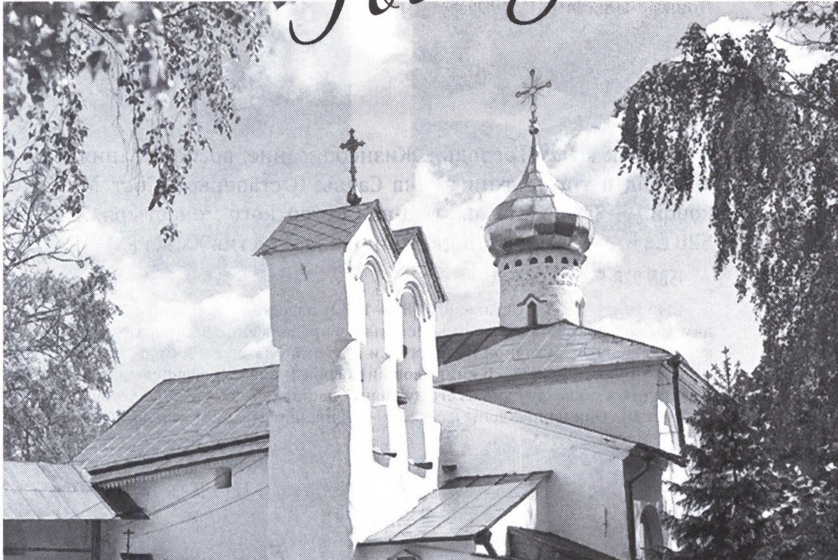
Псково-Печерский Свято-Успенский монастырь 2013

Длинен и узок путь преображения души человеческой. Но великие цели требуют больших усилий и жертв. Здесь не место половинчатости, и боязливости, и лености, и нерадению. Чем больше будет вырастать в вас внутренний человек, тем больше вы будете видеть света и в окружающем, и в окружающих, пока не достигнете такой чистоты сердца, что все кругом будет вам казаться светлым и преображенным. Это есть пребывание в раю еще до смерти.

Схиигумен Савва (Остапенко) (†1980)

Близок к нам Господь

СХИИГУМЕН САВВА (ОСТАПЕНКО)

3-е издание

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
ВОСПОМИНАНИЯ ДУХОВНЫХ ЧАД
ТРУДЫ

Составитель
М. Г. Жукова

Москва, 2013

УДК 271.22(470+571)-725:929Савва+271.22(470+571)-1
ББК 86.372
С12

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

ИС 12-122-2245

Печатается по изданиям:
Схиигумен Савва. — Изд-во Сретенского монастыря, 2004.
Схиигумен Савва. Памятка христианских наставлений. О нерадении ко спасению. Путь к совершенной радости. — Йошкар-Ола: МПИК, 1996.
Схиигумен Савва. Плоды истинного покаяния. — М.: Лествица, 1998.
Схиигумен Савва. О главных христианских добродетелях и гордости. — Йошкар-Ола: МПИК, 1991.

С12 Близок к нам Господь : Жизнеописание, воспоминания духовных чад и труды схиигумена Саввы (Остапенко) / Сост. М. Г. Жуковой. — 3-е изд. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2013. — 528 с. : ил. — (Серия «Подвижники благочестия XX века»).

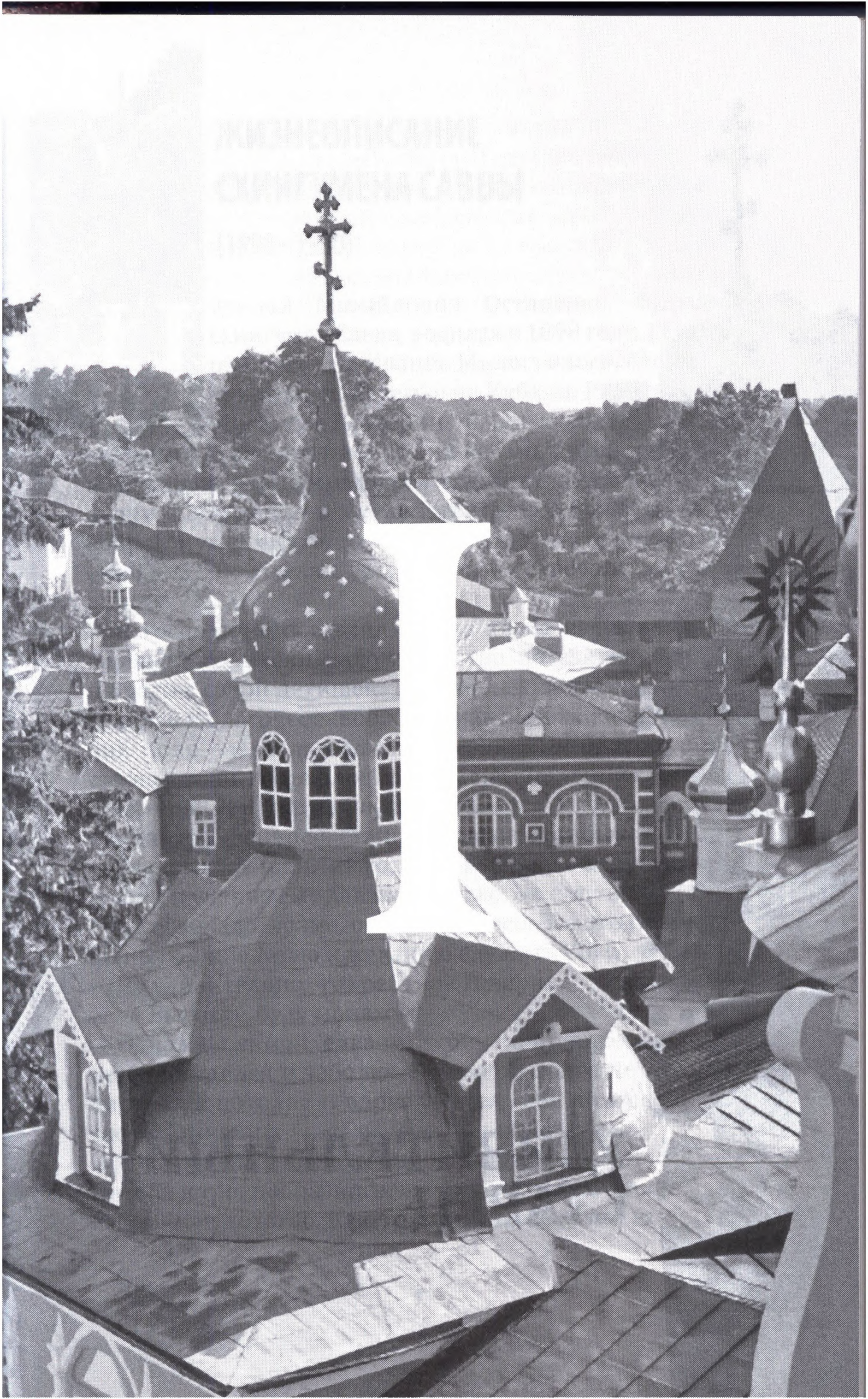
ISBN 978-5-7533-0835-1

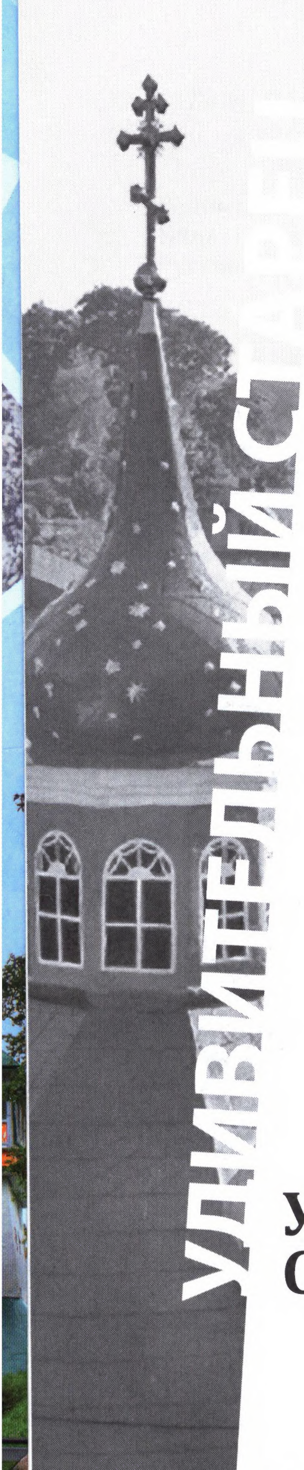
Схиигумен Савва (Остапенко; 1898–1980) известен многим православным людям. Он был добрым пастырем Христовым, в продолжение нескольких десятилетий верою, любовью, духовной мудростью и другими благодатными дарованиями служившим Церкви Божией. В книгу вошли воспоминания многочисленных духовных чад старца, а также лучшие из его духовных наставлений на разные темы христианской жизни. Они направлены к одному — единению со Христом и спасению человека в вечности.

УДК 271.22(470+571)-725:929Савва+271.22(470+571)-1
ББК 86.372

ISBN 978-5-7533-0835-1

© Сретенский монастырь, 2010

I

УДИВИТЕЛЬНЫЙ СТАРЕЦ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СХИИГУМЕНА САВВЫ

(1898–1980)

Николай Михайлович Остапенко, будущий схиигумен Савва, родился в 1898 году, 11 ноября (ст. ст.), на Иоанна Милостивого, в простой христианской семье на Кубани. Родители его Михаил и Екатерина были людьми благочестивыми. Его мать, имея своих восемь детей, отдавала последнюю еду приходящим в дом странникам. В это верится с трудом, но это действительно было так, и на вопрос мужа: «Катя, да ты опять детям-то ничего не оставила?!» — жена с уверенностью отвечала: «Бог пошлет!»

И Господь не оставлял их без хлеба насущного. Совершали родители паломничество по святым местам и брали с собой детишек. Так с малых лет малыши приучались к благочестивой христианской жизни. Маленький Коля очень любил эти поездки. Он благоговейно слушал звон колоколов и монашеское пение в храме, с замиранием сердца прикладывался к чудотворным иконам, смиренно выстаивал долгие службы.

С шести лет мальчика отдали в церковно-приходскую школу, и учение ему давалось легко. Он с удовольствием прислуживал в храме, пел на клиросе. Все это постепенно приводило Колю к желанию служить Богу.

Не удивительно, что ребенок говорил:

— Вырасту, буду монахом!

Однажды зимой, едва не утонув в проруби, он сильно простудился и заболел. Ночью он долго не засыпал, смотрел в потолок и вдруг увидел себя в священническом облачении.

— Сердце мое неизреченно возрадовалось. После этого я быстро поправился, — рассказывал отец Савва, вспоминая детство. Как-то раз он даже хотел втайне от

родителей бежать с монахом-паломником, но тот уговорил ребенка обождать годок-другой.

Но ждать пришлось не годок и не два... Шли годы, заветное желание все не исполнялось, но мальчик продолжал усердно и горячо молиться Господу. «Главное — молитва, молитва — это все! Молитва все победит, и на все вопросы молитва ответит», — часто говорил он впоследствии.

Юный Николай хорошо знал Святое Евангелие, особенно любил перечитывать Евангелие от Иоанна. Во время чтения Святого Писания ему делалось так сладко и хорошо на душе, что он забывал о земле и о земном. В тринадцать лет Николай окончил 2-классное училище, в шестнадцать — досрочно призван в армию, началась империалистическая война. Послужной список говорит, что в 1917 году Николай Остапенко служил уже в рядах Красной Армии. А после Гражданской окончил военно-техническое училище со званием военного техника и работал по специальности. До 1931 года служил инженером-прорабом в Горпромстрое. В 1932 году окончил Московский строительный институт и до 1945 года работал инженером-строителем.

Можно только догадываться, что стоит за этими датами. Почти половина жизни прожита в миру. И как смог Николай сохранить, словно неугасимую лампаду, свою веру и любовь ко Господу?! Как бережно был сохранен этот огонь, если его не потушили ни страшные двадцатые, ни более мрачные тридцатые годы... Сам батюшка вспоминал, что в эти годы он любил ходить на кладбища, особенно на Ваганьковское. Видимо, только там и оставался неизменным прежний уклад, как неизменными остаются рождение и смерть человеческие.

Там, на Ваганьковском, у могилы блаженного Николая, будущий схиигумен Савва не только молился, но и проповедовал слово Божие тем, кто жаждал его, кто нуждался в нем. Примерно в то же время Николай Михайлович повстречался со схимонахиней Марией. Эта старица заслуживает отдельного повествования, здесь

же кратко скажем: по благословению Оптинского старца Нектария она была направлена в Шамординскую обитель. По воле Божией в дальнейшем она сблизилась со старицей Февронией и стала ее келейницей. Добавим, что матушка Мария имела дар прозорливости.

Она же привела Николая Михайловича к Афонскому старцу схиархимандриту Илариону, служившему тогда в Лианозове. Старец принял в духовные чада будущего схиигумена Савву.

— Отче, — просил отца Илариона Николай Михайлович, — благословите принять тайный постриг. Монастыри ведь все закрыты...

— Не спеши! Откроются монастыри, и тогда не тайный постриг примешь, а явный. Будешь жить в лавре.

В те времена ни о каком открытии монастырей речи не шло, но война изменила все. Принесла великие скорби и испытания, приблизила ужасный лик смерти. Через горе, потери близких люди обращались к Богу.

Случилось так, что незадолго до начала войны Николай Михайлович сломал ногу и поэтому работал по строительству различных сооружений в тылу всю войну. Война закончилась. И наконец-то настал этот долгожданный час — открылась Троице-Сергиева лавра и несколько духовных учебных заведений. Николаю Михайловичу было тогда 48 лет. Казалось бы, что уже поздно начинать жизнь сначала, тем более что лучшая часть ее (по мирским меркам) уже прожита. Но ничто не могло помешать будущему старцу. Успешно сдав экзамены в Духовную семинарию, он садится за изучение премудрости Божией. Вспоминая учебные годы в семинарии, отец Савва говорил, что, изучая предлагаемые там науки и особенно богословие, он старался все понять и воспринять сердцем, поэтому отвечал на задаваемые преподавателем вопросы по существу так, как понимал своей душой и сердцем, так, как приходилось ему наблюдать в жизни.

Курс семинарии Николай Михайлович окончил за три года вместо положенных четырех. Настоятель Богоявленского собора приглашал его служить вместе

у мощей святителя Алексия. Но давняя многолетняя мечта о монастыре не оставляла будущего схиигумена, и он отказался от этого приглашения.

Монашество — это разумный и свободный подвиг человека, борьба за достижение христианского совершенства. Оно основано на Святом Евангелии. Правда, слово «монашество» не встречается там, но о сущности монашества говорится во многих местах. Впоследствии отец Савва написал о монашестве несколько книжек, в том числе «Об иноческом постриге», «Ответы на вопросы о монашестве». Много в этих работах полезных советов и наставлений для новоначальных иноков. Щедро делился старец опытом своего монашеского делания. И щедрость эта была неоценима в те годы, когда святоотеческой литературы об этом не издавалось.

И вот наконец-то Николай Михайлович Остапенко принимается в число братии Троице-Сергиевой лавры. Пока послушником. Этот период был недолгим для будущего старца. Послушание свое он нес усердно, с Божией помощью минуя искушения и соблазны. И это не удивительно: вся его долгая, предшествующая этому жизнь была направлена к достижению совершенного служения Богу.

Вскоре наместник лавры архимандрит Иоанн ходатайствует перед Святейшим Патриархом о пострижении Николая Остапенко в монашеский чин. Благословение на постриг в монашество совпало с днем памяти великого угодника Божия преподобного Серафима Саровского. Отец Савва очень любил его и втайне мечтал носить его имя. Но Господь судил иначе: при постриге ему было дано имя Саввы Сторожевского, верного ученика преподобного Сергия Радонежского. Так из «победителя народов» (греч. перевод имени Николай) батюшка стал «невольником» (араб. перевод имени Савва). Произошло это 7 ноября 1948 года. Встав на путь совершенного служения Богу, монах становится добровольным невольником, принимая скорби и поношения, претерпевая испытания и искушения.

«Ты дал обет целомудрия, чтобы приобрести господство духа над влечением плоти. Ты дал обет послушания для облегчения борьбы с самолюбием и гордостью. Ты дал обет нестяжательности, чтобы воспитать в себе полное бескорыстие и бесстрастие к земным благам... Быть истинным последователем Христа — это значит распять страсти, то есть обессилить их, подавить и совсем искоренить их, умертвить себя миру, поработить тело духу, а это совершается только помощью Божией при постоянном напряженном труде тебя самого над твоим внутренним человеком», — писал батюшка.

В праздник Благовещения 1949 года в Богоявленском соборе Святейший Патриарх Алексий I рукоположил его в сан иеродиакона, а в июле того же года — в сан иеромонаха. Жизнь батюшки в Троице-Сергиевой лавре совпала с трудным периодом ее восстановления. Неся послушание эконома, ему приходилось не только руководить строительством, но и выполнять самую тяжелую и грязную работу. Видя зрелость и богатый жизненный опыт эконома, наместник обители дает отцу Савве новое послушание — быть духовником богомольцев. Так началось пастырское служение старца. Можно только догадываться, как скорбела его душа, когда сталкивалась с обилием людских грехов.

— Какое беззаконие творят они, как оскорбляют своими грехами величие Божие, какая строгая кара ждет их в загробной жизни! — часто сокрушался он. Батюшку угнетало то, что сердца людские далеки от покаяния, они не ведают жизни вечной и спасения. Духовные чада старца вспоминают, что он никогда не бранил за порок, а старался раскрыть и показать исповеднику всю мерзость содеянного им греха. И лишь изредка он резко обличал, но потом сразу же извинялся за резкость.

Измученные сердца находили утешение у доброго и мудрого священника. «Сколько искренних слез и стенаний было на исповедях, которые проводил наш духовный отец!» — вспоминали позднее его духовные чада.

— Встанем на коленочки, — бывало, скажет он, — и со слезами помолимся. Попросим Господа простить наши грехи, наши ошибки, — и море слез льется из очей исповедующихся. Во время пения «Тебе поем, Тебе благословим...» батюшка опять прерывал исповедь, прося всех встать на колени возле аналоя, и молился со слезами.

В одной из бесед архимандрит Вениамин, мудрый наставник и подвижник, дал отцу Савве четыре завета:

1. Для того чтобы руководить народом и быть мудрым и опытным наставником, надо много читать святоотеческих книг.

2. Никому, даже родственникам, на житейские темы писем не писать.

3. Быть среди священнослужителей последним, то есть презреть честолюбие, не стремиться к наградам, почестям и повышению сана.

4. Нести крест благодушно.

Эти заветы отец Савва хранил всю свою жизнь, принимая огромное количество людей, имея более 7 тысяч духовных чад. Именно они и поддерживали своего духовного отца в минуты скорби и испытаний, именно они поехали за своим батюшкой из Троице-Сергиевой лавры в далекий и неизвестный Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь.

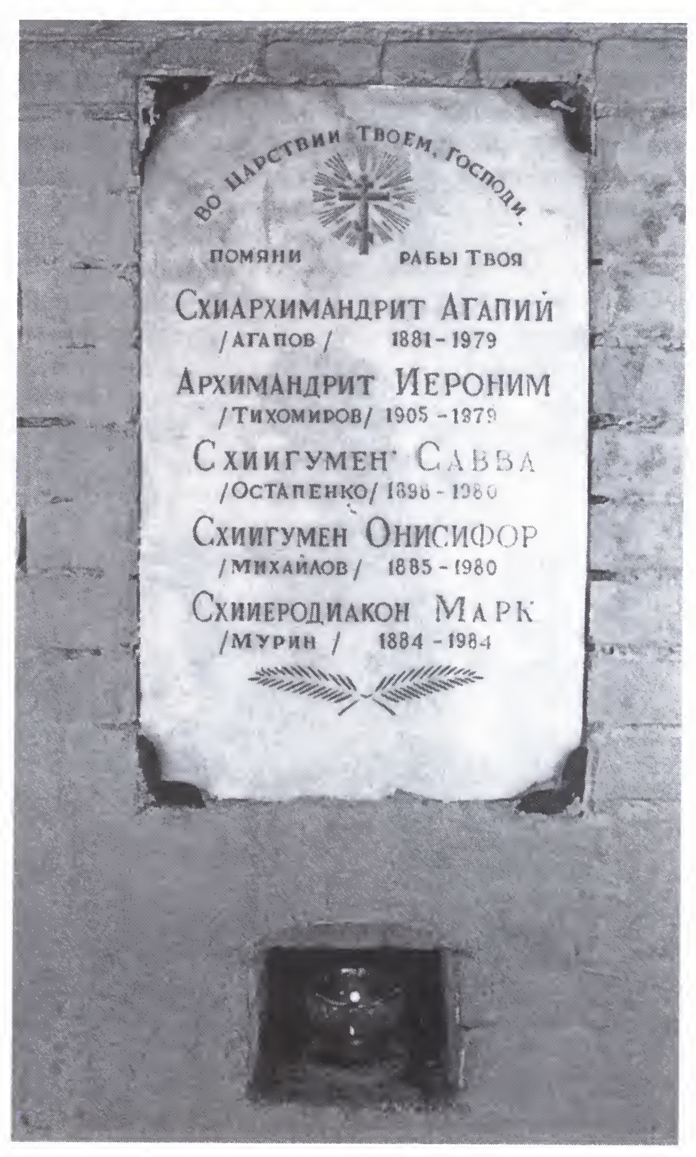
В монастыре отца Савву ждало ответственное послушание благочинного. С первых же дней он предложил по примеру лавры ввести ежедневный братский молебен перед ракой с мощами преподобномученика Корнилия, а после вечернего богослужения ежедневно читать акафисты в храме.

Для тех, кто впервые приезжал в Печоры и не был осведомлен об истории обители, он написал книгу «Краткое описание Псково-Печерского монастыря».

Так в трудах и молитвах проходили дни отца Саввы. Не все было гладко у него в монастыре, находились люди, которые не понимали его пастырского служения. Несколько раз отец Савва был даже вынужден некоторое время служить на приходах Псковской епархии,

Схиигумен Савва (Остапенко)

Плита на месте погребения старца в пещерах Псково-Печерского монастыря

но, несмотря ни на что, он возвращался в обитель, находящуюся под покровительством Пресвятой Богородицы. «Кто оправдывается и старается доказать свою правоту, тот, может быть, и найдет справедливость, но только тем нарушит планы Божии об исцелении души! Кто ищет покоя, в том не может пребывать Дух Божий. Где скорбь, там и Бог». Люди съезжались к отцу Савве со всех концов страны. Что они обретали в Печорах? Любовь и утешение, покаяние и прощение. И на любовь своего духовного отца отвечали такой же горячей и преданной любовью.

14 (27) июля 1980 года, в воскресенье, в 9 часов 45 минут почил в Бозе старец Псково-Печерской Свято-Успенской обители схиигумен Савва. Об этом возвестил монастырский колокол. На отпевании присутствовало множество его духовных чад и почитателей, поскольку отец Савва стяжал славу удивительного старца, по молитвам которого обильно подавалась просящим чудесная помощь от Бога, и наставника, редкого по своей духовной мудрости и опытности.

Не было человека, соприкоснувшегося с отцом Саввой, который бы не утешился рядом с ним. Для каждого у старца находилось слово любви и мудрого наставления.

— Каким был ваш духовный отец схиигумен Савва? — спросили у одного из духовных чад.

— Он творил любовь, — был ответ.

Поэтому никогда не угасает лампада на могиле старца в Богом зданных пещерах Псково-Печерского монастыря.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ДУХОВНОМ ОТЦЕ

Самым большим событием в своей жизни я считаю встречу со схиигуменом Саввой (Остапенко). Впервые я встретился с ним в 1955 году в монастырском корпусе Троице-Сергиевой лавры, когда он ожидал приема у наместника монастыря — архимандрита Пимена (будущего Святейшего Патриарха всея Руси). Отцу Савве предстояла разлука с обителью: сразу после рукоположения в иеромонаха он оказался в числе гонимых светскими властями, а отчасти — и своими собратиями. Дело в том, что отца Савву постоянно окружал народ; около монастырских ворот можно было видеть толпу богомольцев, которые часами ожидали, когда он выйдет из кельи, чтобы взять у него благословение или спросить о чем-то очень важном для себя. Какая сила притягивала к нему людей? Мне кажется, сила непрестанной молитвы, которая делает человека подобным духовному магниту. Молва о великом молитвеннике шла по всей Руси и с каждым днем собирала около него все больше духовных чад. Это было единственным и самым тяжелым обвинением против него для негласного суда. Такие суды, чем-то напоминающие «тройки» тридцатых годов, вершились в кабинетах уполномоченных при закрытых дверях. Гонения на отца Савву продолжались несколько лет со все возрастающей силой. Ложь, угрозы, притеснения, оскорбления, клевета обрушивались на него, будто удары молота, а он стоял неподвижно, как наковальня. Наконец власти потребовали, чтобы его перевели в какой-нибудь монастырь подальше от столицы. Отец Савва уже получил указ о направлении его в Псково-Печерскую обитель и ожидал благословения наместника отправиться в путь.

С Троице-Сергиевой лаврой было связано начало его духовной жизни. После открытия лавры он, еще будучи в миру инженером-строителем, участвовал в восстановлении монастыря. Здесь он учился в семинарии, но настоящей духовной школой был для него храм. Рассказывали,

что во время церковной службы он забывал обо всем и нередко опаздывал на уроки. Когда педагоги спрашивали: «Где Остапенко?», то дежурные студенты отвечали: «У преподобного Сергия на молебне» или: «Читает записки на панихиде». Некоторым студентам это казалось странным, и они втихомолку подшучивали над ним (на что он отвечал только улыбкой), но когда приближались экзамены, то шутники первыми просили у него молитв. Многие впоследствии с благодарностью вспоминали отца Савву именно за то, что он своим примером учил их, что самое главное в жизни христианина, особенно священнослужителя, — непрестанная молитва.

Теперь отцу Савве предстояло расстаться с лаврскими монахами — своими духовными братьями и сослужителями, а также с многочисленными чадами, с которыми он был связан неразрывными узами любви; они не могли представить себе жизни без своего духовного отца. Монах, покидающий монастырь, похож на мореплавателя, который оставляет пристань родного города и, направляясь к неведомым берегам, отдает себя простору моря, — только монах отдает себя Промыслу Божьему, непостижимому и более глубокому, чем океан.

Что меня поразило в отце Савве в тот день? — То, что он был совершенно спокоен, как будто все происходящее не касалось его, как будто вся его жизнь сосредоточилась в имени Иисуса Христа, а до остального ему мало дела. Он вверил себя и свое сокровище — чад своих — воле Божией и покрову Пресвятой Богородицы. Мне казалось, что если бы его послали не в Печерский монастырь, а в степи Казахстана или в заполярную тундру, то он принял бы это с таким же душевным миром и готовностью, как послушание, данное от Бога.

Я подошел к нему, взял благословение и попросил уделить мне несколько минут. Я спросил о том, что считал самым главным: как научиться Иисусовой молитве. Отец Савва внимательно посмотрел на меня. Кажется, ему понравился мой вопрос. Он стал излагать мне учение святых отцов об Иисусовой молитве по

«Добротолюбию». Я был удивлен тем, что он помнил наизусть целые страницы из святоотеческих творений. Раньше я читал «Добротолюбие», но в его устах оно звучало по-другому. Слова отцов были как бы оживотворены и согреты его личным молитвенным подвигом. Я воспринимал их так, будто слышал в первый раз. Словно раньше, открывая книгу, я видел ноты, а теперь слышу их дивное звучание. Страницы «Добротолюбия» засияли передо мной внутренним светом. Мне казалось, будто древние отцы-аскеты говорят его устами. Что я испытывал в эти минуты? — Какую-то необычайную живую теплоту в своем холодном сердце. Тогда я почувствовал, что значит жизнь и смерть сердца. Я понял всем своим существом, почему люди уходили в монастыри и пустыни, какое духовное сокровище, подобное златоносной жиле, они находили там. И еще мне казалось, что если бы тогда отец Савва сказал мне: «Оставь все и иди за мной», то я бы пошел за ним хоть на край света. Затем я спросил его: «У какого отца наиболее полно и ясно изложено учение об Иисусовой молитве, особенно для нашего времени?» Он ответил: «У русского инока Дорофея в книге, называемой “Цветник рукописный”»*, но добавил, что эта книга очень редкая и написана на церковнославянском языке. Он беседовал со мной с таким вниманием и участием, как будто ему не предстояло вскоре покинуть лавру, как будто не стояли у стен монастыря его чада, горько оплакивая грядущую разлуку с духовным отцом. Казалось, что у него нет ничего, кроме имени Иисуса Христа, и в этом имени есть все. Монах на земле — нищий, и вместе с тем он царь в своих владениях: его жезл — молитва, его корона — покров Пресвятой Богородицы, его престол — покорность воле Божией.

* «Книга, глаголемая Цветник, сочиненная священноиноком Дорофеем, содержащая заповеди евангельские и поучения святых отцов» (конец XVI — начало XVII века) неоднократно издавалась в XVIII веке. Ныне переиздана в переводе на русский язык. См., например, издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 2005.

Духовное спокойствие отца Саввы передалось мне. Я почувствовал, что он любит меня, любит ради Христа, и что я, как ни странно, защищен этой любовью и со мной не может произойти ничего страшного. Это касалось не только моей души, но и всей моей последующей жизни: как будто с этого часа я нахожусь под невидимым покровом его молитв.

Это трудно объяснить: я обрел не гарантию от того, что мир считает несчастьем, а уверенность в том, что все случающееся с человеком — только различные обстоятельства и ситуации, скорлупа жизни, но не сама жизнь, и что существует лишь одно действительное несчастье — потеря Бога. Я явственно ощутил, что с благодатью Божией нетрудно пережить все скорби в этом мире и что главное — то, чем живет человеческое сердце, а остальное — только внешнее, составляющее как бы оболочку жизни. Может быть, в малой степени, но я почувствовал то, что открыто святым: «С Богом везде хорошо». Без Бога внутреннее исчезает, а внешнее становится для человека полем постоянной борьбы: как зверь, оно преследует свою жертву повсюду и терзает его душу и плоть.

При встрече с отцом Саввой я не чувствовал никаких особых эмоциональных переживаний — наоборот, они утихли, как ветер, которому сказал Господь: стихни и перестань (см.: Мк 4, 39). Я подошел к отцу Савве, и в то же время мне показалось, что это он подошел ко мне и принес с собой то, чего мне так не хватало, — окружающий его дух не земной, а какой-то глубокой, всепроницающей тишины. Эту тишину я ощутил в своем сердце. Разговоры с богословами, напротив, колебали мой ум, как будто я находился в лодке, раскачивающейся на волнах. А здесь все оказалось просто, ясно и понятно. Замолкли внутренние противоречия, отступили темные силы, грызущие зубами сердце, и стало просто хорошо, как будто солнечным утром я пробудился от какого-то тяжелого сна. Это было состояние совершенной уверенности в бытии Божием, в Его присутствии

и в Его благом Промысле обо мне — так мы уверены в том, что существуют земля и небо. В этом состоянии невозможно рассуждать о вере, как невозможно и нелепо доказывать, что ты есть на этом свете. Благодать можно назвать «очевидностью Бога».

При встрече с подвижником особое пламя охватывает сердце. Это пламя не жжет, не вводит в состояние восторга, а открывает человеку, что есть еще некое таинственное «сердце в сердце», где обитает Господь. Как странно: если бы те же слова, которые произнес отец Савва, я услышал от другого человека, они осели бы в памяти ума, а сказанное отцом Саввой вошло, как острый клинок, в глубину сердца и осталось там навсегда.

Встреча со схиигуменом Саввой стала для меня самым главным свидетельством того, что существует нечто великое и невыразимое словом — истинная жизнь с Богом, без чего обычная жизнь — только затянувшаяся смерть. Я поцеловал руку отца Саввы, и какое-то чувство подсказало мне, что моя жизнь будет неразрывно связана с ним.

* * *

Господь допустил меня грешного увидеть великих старцев нашего времени. У каждого из них были свои особые духовные дары. Как луч, преломляясь через призму, распадается на цвета радуги, так благодать Божия действовала в одном подвижнике как дар духовной мудрости, другим даровала способность утешать скорбящих и сострадать грешным, а схиигумен Савва, как мне всегда казалось, получил от Господа дар благодатной молитвы. Впрочем, слово «казалось» здесь не вполне точно: те, кто общался с ним, ощущали эту благодать. Они чувствовали силу его молитв своей душой, притом не только когда он молился в храме или в келье, но и когда вел беседу с ними или просто молча слушал их. Это была та непрестанная молитва, которая идет от сердца к сердцу, — молитва, неподвластная состоянию и времени. Человек чувствовал, что он вошел в не-

зримый свет молитвы подвижника. Будет ли он рядом с отцом Саввой или за тысячи верст от него, будет ли он совершать путь земной жизни или уже окончит его — этот свет не угаснет и не померкнет, любовь отца Саввы не оставит человека одиноким и брошенным.

Когда я ехал к отцу Савве в Печоры, то мне казалось, что старец уже издалека встречает меня: он знает, что я еду к нему, и духовно он уже со мной. Когда я уезжал от отца Саввы, то испытывал такое же чувство: что он провожает меня своей молитвой, что увеличивается расстояние между нами, но он остается таким же близким, как тогда, когда я находился в его келье.

Молитвы такой силы, которой обладал отец Савва, я не встречал ни у кого. Он был всегда радостен, как будто он только что получил какую-то дорогую для него весть и хочет поделиться ею со всеми нами, но особенно преображался во время храмовой молитвы. Я помню его взгляд: лучистый, ясный и глубокий, как будто проникающий до глубины души. Эти глаза были чистыми, как кристаллы, через которые сияет вечность.

И какой страшный парадокс: до того как я стал духовным чадом отца Саввы, у меня по временам возникала какая-то непонятная ненависть к нему, как будто его присутствие и молитва колыхали темное дно моей души, и появлялось похожее на беснование желание оскорбить и унизить его. Однажды со мной произошел такой случай. У меня обнаружились признаки болезни, которую возможно было излечить хирургическим путем, но я не хотел обнажать свое тело и не обращался к врачу. И вот во время очередного приступа болезни и тяжелого искушения против схиигумена Саввы я сказал с какой-то злобой, как говорят скверную шутку, чтобы посмеяться над человеком, — сказал в своем сердце: «Если ты святой, то исцели меня», веря, что он не исцелит. И вдруг случилось то, чего я не ожидал. В ответ на мои похожие на кощунство слова я, к своему изумлению, получил исцеление. Эта болезнь больше никогда не повторялась.

Схиигумен Савва (слева) с архимандритом Иеронимом (Тихомировым)

Как глубоко падение человеческой души! Только в редкие мгновения понимаешь, какой ад скрыт в глубинах сердца. И лишь Кровь Христа могла искупить и оживотворить эту бездну греха — человека.

Одна женщина в Сухуми* спросила меня: «Ты знаешь отца Савву?» Я ответил: «Да». Она сказала: «Нет, ты не знаешь его. У меня был рак груди. Врачи говорили, что операция необходима, я попросила молитв у отца Саввы. Он ответил: “Будешь здорова”. После этого опухоль у меня стала рассасываться, а потом исчезла совсем. Разве ты знал, что он творит такие чудеса?» Я спросил: «А ты сказала ему об этом?» Она ответила по-детски: «Я купила две большие рыбы, самые лучшие на базаре, принесла в тот дом, где он был, и просила, чтобы он принял от меня этот дар. Затем я встретила его в церкви и, когда хотела сообщить ему о своем исцелении, он дотронулся пальцем до моих губ и тихо сказал мне на ухо: “Господь, а не я”».

* * *

Отец Савва не раз повторял слова преподобного Пимена Великого: «Чтобы иметь мир в душе, находись в своем чине»**. Церковь, семья, служба — все это структуры, где человек должен найти себя и определить свое место. Отец Савва не одобрял тех игуменов и игумений, которые из-за ложного смирения боятся проявить свою власть: от этого происходят нестроения в монастырской жизни. Он также считал, что духовному отцу не должно под предлогом милосердия «распускать» своих чад и самому становиться послушником у них. Он приводил слова преподобного Иоанна Лествичника о том, что монах, умирая, будет проклинать своего излишне снисходительного духовника***.

---

* Долгое время отец Рафаил служил на приходах в Грузии и Абхазии. — *Примеч. ред.*

** Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Об авве Пимене, 71, 167. — М., 2004. С. 646, 667.

*** *Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы.* Лествица, возводящая на небо. Слово особое к пастырю, научающее, каков должен быть наставник словесных овец. 14, 4. — М., 2001. С. 500.

Однажды я сказал отцу Савве, что не имею духовных чад, и думал, что он одобрит это. Но он строго сказал мне, что я, отказывая людям в совете и общении, от этого преподобным Антонием не стану и что это порождение не смирения, а лености, что я горжусь тем, чего священник должен стыдиться. Но тут же добавил, что надо уметь руководить духовными чадами и, скрывая любовь, проявлять к ним разумную строгость. Он сказал, что для решения духовных вопросов достаточно несколько минут и нельзя позволять людям распоряжаться твоим временем, что для правильного руководства надо встречаться с человеком редко и на короткое время, объясняя ему это, например, так: «У меня есть для тебя пять минут, уложись в это время, ты не один»; или же можно сказать человеку, чтобы он написал исповедь или вопросы на бумаге — не более одной страницы. Исключение отец Савва делал для тех, кто приезжал издалека. Очень часто он, не отвечая на вопросы, говорил: «Я помолюсь о тебе». И, как правило, человек получал ответ, иногда совершенно нежданный.

Можно сказать, что отец Савва общался с людьми через молитву, беседа была только подспорьем. Он говорил о том, что встреча с духовным отцом должна быть для человека событием, а не обыденностью; что ни одно слово духовного отца, даже сказанное в шутку, нельзя пропускать без внимания. Он говорил, что некоторые духовные чада за три минуты пребывания с ним получают больше, чем другие за неделю.

Я как-то спросил у него: «Какая страсть самая опасная и какой грех самый губительный?» Он ответил: «Трусость и боязливость. Такой человек живет всегда двойственной, ложной жизнью, он не может довести доброго дела до конца, всегда хитрит и как бы лавирует между людьми. У боязливого кривая душа; если он не поборет в себе эту страсть, то неожиданно для себя под действием страха может стать отступником и предателем». Когда я спросил: «А как преодолеть эту страсть?», он ответил: «Преодолевай ее в малом, не надейся на лю-

дей, в том числе на себя, а уповай на Бога. Страх перед Богом уничтожает другой страх». Затем сказал: «Молись Божией Матери. Она — наша Взбранная Воевода».

Один иеромонах, желая исповедаться у отца Саввы, написал на листе бумаги грехи, которые он вспомнил; среди них были и тяжелые. Старец взял лист и карандаш и стал читать. Выражением лица он напоминал врача, который внимательно и напряженно слушает больного, чтобы определить его болезнь. Он читал медленно и сосредоточенно, словно взвешивая каждый грех на ладони своей руки. Через исповедь он будто стремился увидеть душу человека, его духовный путь и сокровенную внутреннюю жизнь и определить причины совершенных грехов. Вдруг он встал и резким движением карандаша подчеркнул одну фразу, а затем вернул лист иеромонаху: тот написал, как он из-за боязни перед человеком покривил своей совестью. Отец Савва сказал: «Обрати на это внимание, трусость — один из самых тяжелых грехов; она является причиной многих других грехов и падений, ведь во время гонений люди из-за трусости отрекались от Христа. В Апокалипсисе написано, что боязливые не спасутся и не войдут в Небесный Иерусалим (см.: Откр 21, 8). Старайся искоренить этот грех из своего сердца». Затем он добавил: «Оставь этот лист, я сожгу его». Иеромонах возвращался от отца Саввы с радостным чувством и ощущением, что грехи его сгорели в невидимом пламени.

Отец Савва сострадал каждому человеку, но к своим чадам был строг и часто скрывал это сострадание под внешней суровостью. Чем больше он любил человека, тем более требовательно обращался с ним: слово его звучало властно. И, напротив, к слабым духом он проявлял снисходительность и даже уступчивость, как к ребенку или больному. Отец Савва говорил, что каждый металл имеет свою меру прочности. Когда он давал благословение на какое-нибудь дело, то не терпел возражений и споров. Если же он видел, что человек немощен душой и изнемогает, то сам снимал с него послушание

или облегчал его; а если считал, что тот может исполнить требуемое, но колеблется, то не слушал его объяснений, не повторял своих слов, но резко обрывал его и гнал от себя.

Фарисейское смиреннословие и ложь отец Савва считал худшим видом гордости. Если человек приходил к нему с искренним покаянием, то он никогда не упрекал его, как врач не упрекает больного за гнойные язвы и раны, а старается сделать все, чтобы исцелить болезнь. Старец словно сжигал грехи своих духовных чад огнем своей молитвы. Но если он видел в человеке лицемерие и хитрость, то гневался на него, резал словом, как ножом, и мог в буквальном смысле выгнать такого человека в шею из своей кельи. Грех фарисейства он считал одним из самых трудноисцеляемых грехов. Поэтому его видимая резкость была как бы последним средством разбудить совесть человека.

Старец строго обращался с гордыми и непослушными. Одного тщеславного и самоуверенного человека, который пришел к нему в келью, он заставил стоять у порога, сказав, что келью только что убрали, а он своими ногами запачкает пол. Другому он сказал: «Ты пришел не спрашивать, а искушать меня, чтобы потом рассуждать, в ком больше правды: во мне или в твоем старце, которого ты также искушал вопросами, а теперь решил бросить». Некоторым отец Савва говорил так: «Ты был в зоопарке? Если ты подойдешь с пищей к зверям, то они будут внимательно смотреть за каждым твоим движением. Брошенная тобой пища не успеет упасть на землю, как они схватят ее на лету. Так ты должен хватать на лету каждое слово старца и запоминать его».

Схиигумен Савва терпеть не мог многословия. Он учил своих чад говорить как можно более кратко. Некоторым он давал правило произносить в день не более определенного количества слов. Старец стремился сохранить от рассеяния внутреннюю молитву, поэтому он предпочитал, чтобы духовные чада записывали свою исповедь — не более одной или двух страниц. Они

должны были предварительно обдумать ее, выбрать самое главное и отбросить второстепенное. Отец Савва говорил, что, исповедуясь духовному отцу, не должно объяснять или рассказывать обстоятельств, пускаться в глубокий самоанализ и в тонкий просмотр своих помыслов — надо указать на грехи, которые ты совершил, а не писать автобиографию. Когда к отцу Савве подходили за разрешением того или иного вопроса, он также пресекал многословие: просил кратко и ясно изложить, в чем дело, и ждать ответа от духовного отца. Чем меньше слов, тем понятнее дело, тем более правильный ответ может дать духовник. Схиигумен Савва считал, что человек, который долго объясняет старцу свою проблему, хочет убедить его согласиться с решением, которое он сам уже принял, и как бы принуждает его благословить то, чего желает сам. Здесь происходит некая внутренняя борьба между вопрошающим и отвечающим: под видом дополнительных объяснений такой человек представляет новые аргументы в пользу своего решения и внутренне давит на волю старца. Получается обман или самообман. Основа благословения как доверие к старцу здесь отсутствует, и поэтому воля Божия не может проявиться через старца. В таких случаях отец Савва обычно прерывал беседу. Он рассказывал: «Одна женщина, подойдя ко мне, хотела попросить благословения на какое-то дело и стала говорить не умолкая. Я сказал ей, что понял. Но она, не обращая внимания на окружающих, не отставала от меня, продолжая говорить. Тогда я взял ее за шиворот и вытолкал из кельи. Это почему-то показалось ей обидным. Бывает и так. Приходит ко мне человек и говорит: "Помолитесь обо мне". Я киваю головой; он отойдет на несколько шагов, возвращается и опять говорит: "Помолитесь обо мне", и так несколько раз. Может быть, я и помолюсь за него, но ему отвечаю: "Научись молиться за себя сам"».

Некоторым отец Савва говорил: «Закрой рот и отвечай только на те вопросы, которые я задам тебе».

Многословие с духовным отцом он считал распущенностью. «Духовный отец для спасения, а не для дружбы, — говорил он. — А ты разговариваешь со мной, как с соседкой, которую встретил на улице». Если житейские вопросы не были связаны с духовными, то отец Савва нередко вовсе отказывался отвечать на них. Он приводил в пример слова Спасителя, Который отказался делить имение братьев, сказав, что не за этим пришел сюда (см.: Лк 12, 13–34).

И среди народа отец Савва мог сохранять внутреннее безмолвие. Рядом с ним мне вспоминались слова преподобного Феодора: «Или удаляйся от людей, или будь для них, как меч»*.

Центром духовной жизни схиигумен Савва считал причащение. Он убеждал своих чад причащаться как можно чаще. Старец делал выписки из творений праведного Иоанна Кронштадтского и других отцов о пользе частого причащения. Он говорил, что диавол всеми силами старается отвести человека от причастия. Темная сила борет человека с правой и с левой стороны: с левой — явными грехами: нерадением, леностию, осквернением души, фантазиями и помыслами, отвращением к храмовой службе, раздражительностью, злопамятством, стыдом исповедовать грехи перед священником, нечистыми сновидениями перед причастием и так далее. Враг подходит к человеку и с правой стороны — через ложное понимание благоговения перед святыней. Он внушает не только мирянам, но и священникам и даже архиереям, что частое причащение — это злоупотребление Таинствами, признак духовной гордости; что от частого причащения Тело и Кровь Христовы могут стать привычными, как простая телесная пища; что часто причащающийся человек не может достойно приготовиться к этому величайшему из Таинств. Такие люди смотрят подо-

* Древний патерик, изложенный по главам. Гл. 8. О том, что ничего не должно делать напоказ. — М., 1891. (Репр. изд.: М., 1997). — С. 134.

зрительно на тех, кто причащается часто, и считают частое причащение каким-то новшеством в Церкви. Отец Савва говорил, что лишить человека причастия так же жестоко, как лишить грудного ребенка молока матери. Опыт показывает, что люди, причащающиеся часто, ведут жизнь в духовном плане более достойную, чем те, кто под предлогом благоговения лишает себя святыни. На самом деле это не смирение, а диавольский обман. В причастии человек черпает силы для борьбы с грехом, а ему говорят: «Не причащайся часто». Откуда же он возьмет эти силы? Когда указывают на то, что в древности причащались часто, эти люди обычно отвечают: «Тогда был другой духовный уровень». Но разве духовный уровень не зависел от частого причащения? Отец Савва редко отлучал грешников от причастия. Он говорил: «Исповедуйся, смири себя в своем сердце как самого недостойного и спеши к Святой Чаше».

Отец Савва очень любил Псалтирь. Он считал, что чтение Псалтири необходимо для Иисусовой молитвы, что псалмы и Иисусова молитва — живая вода из одного источника: Псалтирь поддерживает Иисусову молитву, как стены храма — его кровлю. В древности были монастыри, которые назывались «неусыпающими». Монахи этих обителей в двадцать четыре чреды день и ночь читали Псалтирь. Отец Савва благословлял своим духовным чадам распределять между собой псалмы Давида и читать их в определенное время суток, так, чтобы чтение Псалтири в его духовной семье никогда не прекращалось. Старец считал необходимым и ежедневное чтение Нового Завета. Он советовал своим чадам, если это возможно, уделять час времени для чтения Евангелия и апостольских посланий.

Схиигумен Савва написал много книг о внутренней, духовной жизни. Тогда опубликовать их было невозможно: они перепечатывались на пишущей машинке или переписывались от руки. Язык этих книг очень прост и ясен; в них найдут духовные советы люди

Схиигумен Савва за чтением неусыпаемой Псалтири

различного интеллектуального уровня, от малого ребенка до богослова. Когда их читаешь, то кажется, что отец разговаривает со своими детьми.

* * *

Этот случай рассказывал мне один иеромонах. «В юношеские годы я вошел в дурную компанию, стал пить и курить и, что еще хуже, стал дерзить своей матери, а на ее увещания отвечал бранью и насмешками. Однажды в порыве гнева она подошла к иконам и сказала: "Будь ты проклят и будь я проклята, что родила такого сына". И после этого я увидел, как бестелесная черная змея ползет в мой рот. Я стиснул зубы, но она все равно вошла в меня. Присутствие какого-то холодного существа я физически ощущал в душе и даже в теле. Иногда я испытывал такое мучение, как будто змея кусала меня внутри своими ядовитыми зубами. Тогда я переменил свою жизнь: стал ходить в церковь и затем прислуживать в алтаре. В церкви

я чувствовал себя хорошо, но в самые священные минуты литургии змея снова начинала мучить меня. И в великие праздники я чувствовал, как эта гадина начинала биться в моих внутренностях, освирепев, словно ее жгут огнем. Я чувствовал одновременно и благодать, и мучение — это трудно передать словами. Священник намеревался послать меня в семинарию, но я хотел идти в монастырь. Тогда он посоветовал мне поехать в Псковские Печоры, устроиться там на работу, получить прописку, затем поступить в монастырь рабочим, а потом стать послушником. Я так и сделал. Прошло несколько лет. Меня благословили мантией и представили ко священству. Я чистосердечно рассказал духовнику о своих грехах и о проклятии матери. Тот сказал: "Только не ропщи на нее, а прости и молись об упокоении ее души". Перед рукоположением я также просил архиерея, чтобы он выслушал мою исповедь и решил, могу ли я быть священником. Тот сказал: "Проклятие матери было епитимией за твои грехи, а когда Господу будет угодно, Он исцелит тебя". Я стал служить в монастыре. Таких мучений, как прежде, я не испытывал, но по временам какая-то темная сила наваливалась на меня. Было ощущение, что у меня ноют и открываются старые раны, хотя на их месте остались только шрамы и рубцы. В это время из Троице-Сергиевой лавры в наш монастырь перевели отца Савву. И вот однажды, пристально посмотрев на меня, он сказал: "У меня был духовный сын, который оскорблял свою мать, — и что же потом? Она прокляла его, и с тех пор у него постоянно не ладились дела: все, что он начинал, разрушалось, как будто он строил дом на воде; не дай Бог оскорблять свою мать". Меня поразили эти слова: откуда он мог знать о моем несчастье? Я посмотрел на него с удивлением и увидел в его глазах что-то необыкновенное: как будто они одним взглядом проницали мою жизнь от самого детства. Когда отец Савва принимал исповедь у богомольцев, я пал на колени у его ног и сказал: "Отец, я не встану отсюда, пока не примешь мою исповедь; дай мне какое угодно наказание, но помоги мне". Выслушав мой рассказ о проклятии

матери, он накрыл меня епитрахилью, но не сразу прочитал разрешительную молитву, а стал молиться. Затем сказал: “Иди, Бог простил тебя”. Я вдруг почувствовал всем своим существом, что прощен, что эта темная сила оставила меня, как будто рассеялось какое-то темное облако, окутывавшее мою душу столько лет.

Впоследствии о подобном случае я прочитал в житии святого Иоанна Кронштадтского. Человека прокляла мать, он спился, потерял работу, начал воровать, а затем пришел на исповедь к отцу Иоанну и плакал перед ним. Отец Иоанн сказал: “Пусть это проклятие будет на мне”, — и он, как будто вновь родившись, начал другую жизнь. Может быть, отец Савва просил у Бога того же — не знаю».

* * *

Схиигумен Савва любил Грузию. Своих чад он благословлял на паломничество по святым местам Грузии и говорил, что хотя теперь путь в Палестину закрыт, но у нас есть вторая Палестина — Грузия. Несколько раз я встречал отца Савву в Сухуми. Невозможно забыть тот день, когда он служил литургию в Сухумском кафедральном соборе. По каким-то причинам я опоздал. Еще не войдя в храм, я почувствовал что-то особенное, как будто какие-то волны, струившиеся оттуда, объяли меня. Я ощущал их явственно, почти физически. Это не было ни настроем души, ни самовнушением — я едва помнил, что в этот день служит отец Савва, — а чем-то необычайным и глубоким. Я помню, что сел на скамейку у стены храма, не понимая, что со мной происходит. Я ощущал какое-то неземное спокойствие, и, странно, ощущал это не только душой, но и телом. Так продолжалось минут десять или пятнадцать. Затем я осознал, как будто только что услышал, что в храме идет служба, и прошел в алтарь. Это чувство какой-то невесомости усилилось еще больше. Что я переживал, трудно передать словами. Как будто сила извне вливалась в каждую клетку моего тела, обновляя и очищая ее. Я чувствовал

в душе своей какую-то особую теплоту, однако теплоту без всякого жара. Она одновременно и согревала, и прохлаждала душу. У меня было ощущение, что какие-то язвы и раны заживали в душе и старые струпья спадали с нее. Я чувствовал ту чистую радость, которую испытывал в детстве, но более глубокую.

Отец Савва стоял перед престолом. Лицо его было преображено светом; этот свет казался живым, он то разгорался, все больше озаряя его, то затухал, как будто уходя внутрь. В это время я понял, что значит красота благодати и образ Божий, таинственно живущий в человеке. Святые отцы говорят, что Христа можно познать только в Духе Святом. Но человек в состоянии глубокой молитвы, когда душа его соединена с благодатью, с этим невещественным светом, становится похожим на Христа.

То, что я испытал и видел во время этой службы, казалось мне откровением тайны, как будто мне был показан (насколько я был в силах воспринять) отблеск славы святых в Небесном Царстве, или, образно говоря, я увидел луч того идущего от вечности света, который соединяет небо с землей. Что я еще чувствовал в это время? — Что мне больше ничего не надо, что здесь то, чего жаждет человеческая душа и чего она не может найти больше нигде в этом мире.

Апостолы на Фаворе сказали Господу: «Хорошо нам здесь» (Мф 17, 4; Мк 9, 5; Лк 9, 33). Они хотели всегда пребывать в состоянии боговидения, но его надо было заслужить через труды и страдания, поэтому свет фаворский, озарявший их, погас.

Если бы мое общение с отцом Саввой ограничилось только одной этой службой, я и тогда был бы благодарен ему на всю жизнь. Он стал для меня тем духовным руководителем, которого в древности называли «авва», и более дорогим и близким человеком, чем мать и отец, — отцом, который помогает душе человеческой родиться не для этого, а для вечного мира, и во внутренних муках берет тяготы и страдания своих чад на себя.

* * *

Отец Савва, приезжая в Сухуми, почти всегда бывал на источнике мученика Василиска и в пещере главы Иоанна Крестителя в Команских горах. Дорога в Команы проходила мимо кладбища. Однажды отец Савва посетил Преображенский кладбищенский храм и решил остаться здесь на ночь. Об этом стало известно, собралось много народа. После беседы с людьми отец Савва отслужил молебен. Он служил с каким-то необычайным дерзновением, обращаясь ко Господу так, словно видел Его перед собой. Казалось, время исчезло. Молитва старца будто оторвала людей от земли, они испытывали нечто необычайное, что невозможно описать. Они чувствовали, что Христос близ них, что Он знает их нужды и как по просьбе Своих учеников Он помиловал хананеянку (см.: Мф 15, 21–28), так по молитвам схиигумена Саввы готов исполнить их заветные желания. Эта вера переходила в какую-то уверенность, и будущее становилось очевидностью.

Отец Савва остался ночевать в доме у храма. Вечером он сказал, что хочет погулять по кладбищу. Я спросил его, благословляет ли он людей, которые остались ночевать в храме, пойти с ним или же возьмет только меня одного. В ответ отец Савва улыбнулся и сказал: «Господь посылал Своих учеников по двое». Мы пошли по дороге среди могил. Наверно, отец Савва молился за тех, кто почивал здесь. Он говорил со мной мало и как бы в притчах, которые затем раскрылись в моей жизни; он предсказал мне, что я буду его духовным чадом. На другое утро он уехал в кафедральный собор, где должен был служить с архиереем.

* * *

Бывая в Сухуми, отец Савва иногда останавливался в местечке, называемом Новый Афон, где находился монастырь, построенный афонскими монахами*. Обитель была закрыта в 20-х годах. Здесь на каждом шагу видны

* Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь был основан в 1875 году.

следы варварского разрушения: оливковые рощи, которые уже не дают плодов, пруд, который никто не чистит, монашеские корпуса, где теперь останавливаются туристы, храм с выбитыми стенами и протекающей кровлей. Другой, более древний, монастырь в окрестностях Сухуми, называемый Драндский*, превращен в тюрьму, а из алтаря храма в насмешку сделали туалет. И это называется прогрессом.

Но святыня не уничтожается людскими грехами. Церковь можно разрушить, но благодать останется на ее месте. В Новом Афоне как будто сама земля пропитана благоуханием молитв. Во времена языческих гонений на мучеников нередко надевали шутовское платье, а девушек, которых бросали в Колизей на растерзание зверям, облачали в одежду вакханок, чтобы посмеяться над их целомудрием. Диавол — великий шутник, но он не смог опорочить мученический подвиг и осквернить пролитую за Христа кровь. Большинство монахов Нового Афона и Дранды были убиты и замучены в ссылках. К молитвам прежних монахов приложилась их кровь, которая безгласно взывает к Богу. Поэтому Новый Афон, поруганный и разоренный, оставался святыней.

Помню, как однажды, узнав, что отец Савва находится в Новом Афоне, после службы поехал искать его. Я долго не мог найти домик, где он остановился. Пошел сильный дождь, но я не хотел возвращаться и продолжал свой путь почти наугад. Наконец дождь прошел. У моря быстро меняется погода, на улицах снова появились люди, и мне указали двор, где видели отца Савву. Он встретил меня так, как будто ждал. На мне была мокрая одежда, по которой еще стекала вода. Он, улыбаясь, сказал: «Ты, наверное, пришел исповедоваться? Но дождь уже смыл твои грехи, поэтому мне почти ничего не остается делать». Этими словами он указал мне:

* Здание Драндского Успенского собора, на развалинах которого в 1883 году был основан Драндский Успенский монастырь, относится к VI–VII векам.

я правильно сделал, что не вернулся, а продолжал свой путь.

Странное дело: там, где появлялся отец Савва, сразу же собирался народ; при этом приходили люди совершенно не знакомые, которые даже не ходили в храм. Чего они искали у отца Саввы, они, наверное, не знали сами; они только чувствовали, что какая-то сила влечет их к нему.

Встреча с подвижником или со святым может вызвать разные чувства. Подобно вспышке света, она может озарить жизнь человека, и тогда душа говорит: «Я нашла то, что искала, в этом человеке я увидела тень неведомого мне Бога. Я почувствовала от него тепло любви, не человеческой любви, а любви Того, Кто создал мое сердце и душу. Я не могу смотреть на солнце, но вижу его луч». Может человек пережить и другое. Демон пробуждается в его душе, как змея, или начинает метаться, словно раненый тигр; он скребет когтями, грызет своими зубами сердце, и человек испытывает к подвижнику непреодолимую ненависть, переходящую в мучение, подобное тому, которое испытывает бесноватый при отчитке. Говорят, что святые всегда гонимы, так как они являются молчаливым обличением и постоянным укором для людей, погруженных в грехи и страсти. Но есть еще одна причина. Благодать Божия, которая радует Ангелов и призывает людей к Богу, — эта благодать мучительна для демонов, навеки потерявших ее. Свет благодати ослепляет демона; тепло благодати жжет его; любовь Божия обращается для него в проклятие. Поэтому он борется с подвижниками через людей, поэтому Господь произнес заповедь-пророчество о том, что Его ученики в этом мире будут гонимы. Есть еще люди, которые настолько погрузились в вещественность и материальность, что у них почти атрофировалось мистическое чувство, у них закрыты те внутренние очи, которыми они могли бы увидеть свет, окружающий подвижника. Они смотрят, но не видят и проходят мимо святого, не понимая, что эта встреча могла быть самым великим событием в их жизни.

Благословение старца

Отец Савва всю жизнь подвергался гонениям. Можно ли сказать, что он покорялся своим обидчикам и принимал это бесстрастно? — Нет. Он духовно боролся, только не с ними, а за них. У него был особый помянник, куда он записывал имя каждого человека, от которого исходила эта диавольская неприязнь. В начале проскомидии или у себя в келье на молитве он читал этот помянник, а потом уже молился о близких себе людях. Он также давал своим чадам листы, где были написаны имена его недоброжелателей, и говорил, что это его лучшие благодетели и духовные друзья. Однажды такой список он дал мне.

Я по своей неопытности подумал: наверное, это те люди, которые сделали какие-нибудь пожертвования для монастыря. А потом случайно узнал об этой его духовной милости от одной хорошо знавшей его монахини.

* * *

Кто-то из духовных чад схиигумена Саввы сказал: «У отца Саввы нет биографии, у него есть житие». Подвиг жизни отца Саввы вызывает чувство удивления, но повторить его, как мне кажется, почти невозможно. Для этого нужна особая благодать, граничащая с даром чудотворения. Если бы кто-нибудь захотел подражать духовному наставничеству отца Саввы, то он мог бы очутиться в положении врача, который без необходимой подготовки и знаний берется производить самые сложные операции и в результате только калечит своих пациентов.

Для наших современников подвиг отца Саввы имеет еще одно значение. Он воочию показывает нам, что даже в наше растленное и бездуховное время, когда мир стонет под властью демонических сил, а в самом христианстве преобладает мертвящий дух теплохладности, возможно стяжать благодать, подобную благодати древних подвижников: были бы только горячая решимость и твердое произволение.

Господь не покинул нас, Он с нами как в прежние времена, так и теперь. Об этом свидетельствует вся жизнь схиигумена Саввы, так же как подвиги и чудеса мучеников свидетельствовали перед языческим миром о силе и истине христианства.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

СВИДЕТЕЛЬСТВА МОЛИТВЕННОЙ ПОМОЩИ СХИИГУМЕНА САВВЫ ЛЮДЯМ

Я знала отца Савву, когда он был еще Николаем Михайловичем, задолго до поступления его в монастырь. Он посещал многие храмы, но чаще всего бывал в храме села Леонова, там он читал и пел.

Одна раба Божия очень сильно заболела, у нее была страшная рвота. Однажды она собралась к врачу, но знакомые привели ее в храм. Там после литургии служили водосвятный молебен, на котором пел Николай Михайлович. После молебна он дал ей стакан святой воды, но она не стала пить. Тогда Николай Михайлович ей сказал:

— Что ты боишься, пей — рвоты не будет.

Сам выпил один глоток и опять подал ей. Она выпила. После этого она дома долго спала и встала совершенно здоровой.

Впоследствии она была его духовным чадом. После того как Николай Михайлович поступил в Троице-Сергиеву лавру, мы стали туда часто ездить. Там я все просила преподобного Сергия, чтобы мне Господь послал духовного отца.

Когда Николай Михайлович стал уже иеромонахом Саввой, я не решалась к нему проситься в духовные чада, боялась, что он меня не возьмет. Однажды он прочитал молитву перед исповедью и общую исповедь, а затем сказал:

— Разрешительную молитву будет давать другой батюшка, а я отпущу только духовных чад, которые у меня давно.

Я стояла позади всех, и вдруг он сам меня первой подозвал под разрешительную молитву. С этого времени я стала считать его своим духовным отцом.

Не знаю, с чего начать и как можно описать все чудеса, исцеления и предсказания его не только мне, но и моим детям, всей семье и знакомым.

Я очень сильно заболела. Посылаю к отцу духовную сестру, прошу его святых молитв. Та приезжает к нему, а он сам ее встречает и спрашивает:

— Что — болеет? Я сейчас тебе принесу святыньку для больной, а сам пойду в келью читать акафист мученику Трифону. Не беспокойтесь, все будет хорошо.

В это время я лежала в постели недвижима, но вдруг почувствовала облегчение. Поднялась с постели, помолилась, поблагодарила Бога и духовного отца и пошла на кухню готовить детям обед.

В это время приезжает от отца Н., видит — постель моя пустая. Она испугалась, не знает, что и подумать, а я иду из кухни в комнату. Она своим глазам не поверила, да мне и самой не верилось, что я живая. Вместе мы поблагодарили Господа и духовного отца.

В другой раз я болела так сильно, что лежала без дыхания, с закрытыми глазами, в предсмертном состоянии. Вижу, что лежу на постели, подходит ко мне женщина во всем черном. В это время отец, как бы в воздухе по пояс, протянул к груди этой женщины руку и сказал: «Стоп». Женщина сразу исчезла. У меня появилось дыхание, я подняла руку, перекрестилась и сказала:

— Слава Богу, отец меня спас, я ожила.

У моей дочери заболел большой палец на ноге; пошла к врачу, ей предложили отнять палец. Я ей говорю:

— Не соглашайся, пиши отцу, и все будет хорошо.

Она написала, отослала отцу, он сказал: «Помолюсь». На второй день боль прошла.

Моя замужняя дочь была беременна. Отец дает мне для нее две иконочки Спасителя-Младенца, я сразу поняла, что это не просто одинаковые две иконочки. Передаю дочери и говорю:

— Наверное, у тебя будет двойня.

И действительно, она родила совершенно одинаковых двух мальчиков, которых и сейчас, уже тридцатилетних, нельзя различить.

Моя младшая дочь встречалась с одним человеком 10 лет и собиралась замуж, а он все молчит. Отец ей сказал:

— Будешь Христова невеста.

Дочь расстроилась, расплакалась, а потом заявила своему жениху:

— Давай или расписываться, или расставаться.

Тогда он вынужден был признаться, что не может на ней жениться. Она очень тяжело это восприняла, ведь всю свою молодость провела с ним, но, по молитвам отца, все обошлось. Потом встретилась с другим, который сделал ей предложение. Назначили день регистрации, а он не пришел. Это так задело ее самолюбие, что она даже не стала узнавать, что с ним случилось. И только через год попросила своего брата ему позвонить. Ответили, что год тому назад он пропал, подкинули только его паспорт — видно, убит. Вот как сбылось предсказание отца.

Н. сильно заболела — отнялась нога, врачи не могли помочь, она ходила на костылях. В отпуск поехала к отцу, он дал ей святое масло, велел мазать ногу. Вернулась Н. без костылей, совершенно здоровая.

Я приехала в Печоры, в отпуск, очень больная. Хотелось в монастыре потрудиться, но не могу. Стою в храме, молюсь и вдруг чувствую: стало легче дышать. Пошли с отцом на Святую Гору. Отец спрашивает: «Как, легче стало?» Я попросила благословения потрудиться в монастыре, и он благословил. По его святым молитвам во славу Божию трудилась весь отпуск и вернулась домой совершенно здоровой. Вот уже после смерти отца прошло четыре года. Возраст мой — на девятый десяток, а, по его святым молитвам, живу: стоит только попросить отца, и Господь посылает исцеление.

* * *

К отцу меня впервые подвела в Троице-Сергиевой лавре монахиня Киево-Покровского женского монастыря — мать София. У меня не было еще тогда духовного отца, и когда я читала утреннее правило, где есть молитва за духовного отца, то молилась так: «Господи, пошли мне духовного отца! Спаси, Господи, всех батюшек!»

Так семь лет просила, но не всматривалась в священников и не выбирала, для меня они все были одинаковыми. Мать София подвела меня к отцу и обратилась с просьбой:

— У マリчки нет духовного отца. Отец Савва, возьмите ее в свои чада.

— Хорошо! А ты молишься Казанской Божией Матери? — спрашивает меня отец.

— Молюсь, как умею.

— Ну, вот тебе иконочка Почаевской Матери Божией.

Это было первое благословение отца — и благословение не случайное. Вскоре мне пришлось поехать в Почаев (там были и другие его чада) и долго жить там. Наш отец приезжал к нам каждый год. При первом посещении он поручил нас для духовного руководства двум старцам, сродным ему по духу: иеросхимонаху Николаю и старенькому монаху-страннику Конону, который из-за своего юродства был гоним монахами, жил летом и зимой в холодном сарае. Каждый день мы находились на послушании у отца Конона, который с нами трудился в храме, а за благословением и на исповедь ходили в скит к отцу Николаю. Трудились и в лавре, и в скиту. Часто приходилось ночевать в поле, и в сараях, и в лесу, и не простужались мы, не болели и никогда не были голодны, по молитвам нашего отца.

Когда батюшка приезжал в Почаев, это для нас был большой праздник. Он укреплял нас духовно, учил, как вести себя в мужском монастыре, чтобы не наводить монахов на греховные помыслы. Мы спросили отца:

— Некоторые батюшки дают нам ключи от своих келий и просят у них убрать. Можно ли нам это делать?

— Скажите им: «Наш отец духовный категорически запретил это делать». Вы уберете, а монах, придя в келью, вместо Иисусовой молитвы будет думать, кто убирал.

Прожили мы в Почаеве три года, а потом отец Николай посылает двоих из нас к нашему отцу, чтобы он благословил нас в монастырь. Дорогой мы договорились,

что не скажем отцу о монастыре; мы боялись, что не вынесем монастырской жизни: какое там нужно иметь терпение, послушание, воздержание!

Приезжаем к отцу (он был тогда уже в Печерском монастыре). Он радостно встретил нас и в первую очередь спросил:

— Что велел мне передать отец Николай?

— Велел кланяться, — ответили мы.

— А еще что?

— Больше ничего.

Вскоре отца благословили поехать в Москву по монастырским делам, а нам он сказал:

— Я поеду, а вы меня здесь подождите.

Вечером приносит ему послушник Василий 200 рублей и просит, чтобы он взял от него эти деньги для нас:

— Я их давно знаю по Почаеву, раньше они мне и всей братии белье стирали. Они странницы, им нужны деньги, а мне они не нужны, я на всем готовом. От меня они не возьмут, а вы, ради Бога, передайте им.

Утром отец говорит нам:

— Божий Промысл! Надо вас взять с собой. Вам денег дали на дорогу, — и все рассказал нам об этих деньгах.

Едем в поезде, подъезжаем к станции Дно. Отец опять намекает нам:

— Здесь пересадка в Овручский монастырь. А может быть, отец Николай все-таки велел мне что-то передать?

Мы толкнули друг друга локтем и опять не признались.

С Божией помощью приехали мы к преподобному Сергию. У его мощей отец в третий раз попытался склонить нас к признанию. Держит красивые белые шелковые четки и говорит:

— Вот! Это чтобы у вас были такие же белые и красивые души, — и благословил нам эти четки.

Вечером в Павловом Посаде, где собралось человек тридцать его духовных чад, на квартире у одной из них

отец утешал нас духовной беседой всю ночь. А потом благословил нас все-таки в монастырь. Мы упали ему в ноги и со слезами просили прощения: три раза не признались в том, что отец Николай нас за этим к нему и послал...

...Летом, в Петров пост, получила известие о болезни отца. Не рассуждая, без благословения на выезд в тот же день поехала в Печоры и всю дорогу плакала.

Отец лежал в больнице, куда я не смела идти. В томительном ожидании тянулись дни. И вот по выходе из больницы он строго сказал:

— Зачем приехала? Нам нужна молитва, а не свидание! А схиму приготовь. Как откроется ваш монастырь, в монастырь пойдешь. Если будешь в опасности, читай молитву: «Взбранной Воеводе» и «звони» мне. Но больше не приезжай, даже по смерти.

С горькими слезами возвращалась я в Почаев. Там мне было очень трудно. Ночевать никто не пускал. В храме оставляли ночевать только под большие праздники. Но я всегда помнила батюшкины слова: «Я буду молиться, а тебе какая мысль придет, ты ее и исполняй». И я, с Божьей помощью, так и делала и, по его святым молитвам, чудом избегала опасностей. Всегда я чувствовала его благодатную помощь и его духовное присутствие.

Все, о чем бы ни говорил отец, намеками или прямо, потом исполнялось. «И к чему мне отец говорил о схиме? — думалось мне. — Я ведь молодая, кто мне сейчас ее предложит, а он велел готовить схиму». Но вот начали сбываться его слова.

Однажды ношу торф в церковный сарай, а один батюшка трижды называет меня схимницей. Я возразила, что недостойна этого. А он опять твердо сказал: «Будешь схимницей!»

Записали меня в Почаевской лавре на вечное поминовение: «схимонахиня», а я стала просить зачеркнуть «схимонахиня» и написать «монахиня». Монах, который записывал, молчит и не исправляет. Тогда я прошу схиигумена Авраамия:

— Стыдно мне перед монашками, что меня схимницей поминают, какая я схимонахиня?

А он ответил:

— Не твое дело, их Господь заставил так написать.

Однажды он же благословляет всем матушкам четки.

— А тебе, — говорит, — вот эти — схимнические!

И я познала волю Божию и убедилась в правдивости предсказания отца: на третий день Крещения Господня (1964), Божиим Промыслом, облекли меня в схиму с новым именем. Отец благословил меня приехать к нему; он отменил мне большое монашеское правило и дал другое. Потом благословил меня на послушание к одному старцу-схимнику на Новый Афон.

* * *

У одной из чад муж сильно пил. Отец сразу сказал:

— Возьми с ним развод.

Перепугалась она и спрашивает:

— А если он будет просить прощения, что тогда? Да и прожито с ним много лет.

Он повторяет:

— Надо брать развод, а я буду молиться.

Приезжает она домой и делает так, как благословил отец. Лишь только она заявила мужу о разводе и собралась все оформлять, его это так поразило, что от переживаний он попал в больницу, перестал пить и стал потом вести себя так, как будто никогда и не был пьяницей, так что и развода им не пришлось брать.

* * *

Одна матушка мне сказала, что сила молитвы останавливает поезда. Я не поверила. Прошло три года после этой беседы, и вот она советует мне, чтобы я поехала к отцу Савве и попросилась к нему в духовные чада. Попутчика она мне дала, нашего церковного старосту; он болел астмой, ему трудно было дышать. А матушка и ему посоветовала поехать к отцу Савве и твердо его

заверила, что отец Савва исцелит его. Он поверил ей, и мы поехали.

Отец тогда служил в приходской церкви села Палицы Псковской области, от поезда надо было идти полтора или два километра пешком. Мы шли обыкновенным шагом, но мой попутчик говорит:

— Вы быстро идете, я не могу так идти.

— Простите, я не знаю состояния вашего здоровья. Буду идти самым тихим шагом, — отвечала я. И мы потихоньку пошли дальше.

Отец взял нас в число своих духовных чад. После праздника Рождества Христова батюшка благословил нас поехать в Печоры, в обитель. В день отъезда, после вечерней службы, нам надо было спешить к поезду, но батюшка долго говорил слово «О Трех Радостях», и мы думали, что не поедем сегодня, так как опаздывали на поезд. Подходим к нему, берем благословение, а он, улыбаясь, весело говорит:

— Опаздываете, но я благословляю вас ехать.

Уже было темно, когда мы вышли. Мой спутник говорит:

— Я даже боюсь: темно, а надо идти через лесок.

— Бог с нами, и мы ведь идем по благословению.

Вдруг подходит к нам духовная дочь нашего отца и говорит:

— Я тоже поеду с вами в Печоры.

Итак, мы втроем пошли к поезду. Мы вышли на ровную, прямую дорогу и далеко-далеко впереди были видны горящие фары паровоза.

— Это наш поезд, но нам уже не успеть, — говорит наша попутчица.

Как только она сказала это, мой спутник, ничего не говоря, вдруг как побежит, и я за ним. Так мы бежали без остановки, причем в зимней одежде и с чемоданами, не меньше полутора километров.

Проводница подала нам руку, и мы вошли в вагон. Сейчас же поезд тронулся в путь. Потом я пришла в себя и говорю старосте:

— Разденьтесь, вы устали.

— Нет, не устал. Мне кажется, я и не бежал, — ответил он.

Я думаю: «Боже мой, он сейчас умрет, ведь он же не мог даже быстрым шагом идти». Но он спокойно сидит и нормально дышит.

— Если вы скажете моей жене, что я бежал, она никогда не поверит. Я и сам себе не верю! Матушка Г. правду сказала, что отец Савва меня исцелит. Приеду домой — все переделаю, перестрою свою жизнь, ведь мы совсем не так живем, как положено жить христианину, — говорил мой спутник.

Вот как оживил, исцелил и переродил нас отец!

* * *

Случилось отцу побывать в нашем стареньком доме после только что сделанного ремонта. Своими силами мы вынули нижние гнилые бревна и замуровали отверстия камнем, кирпичом и цементом. Кажется, сделали прочно, на наш век хватит. Отец обошел вокруг дома, осмотрел нашу работу и сказал:

— На два года хватит.

Удивляемся: неужели мы так непрочно сделали? Неужели только на два года хватит?

А через два года по плану реконструкции города наш дом снесли.

* * *

Как-то во время исповеди отец попросил всех встать на колени и сам тоже встал на колени против алтаря, где придел преподобных Антония и Феодосия. Подняв руки ко святому алтарю, он громко, трогательно, дерзновенно возгласил три раза:

— Господи Боже, Отче Вседержителю, освяти Духом Твоим Святым сей кающийся народ!

И я ясно увидела, как Дух Святой снизошел на отца и почил над ним в виде голубя, весь золотой, и лучи золотые, такие большие, густые, что покрыли весь

кающийся народ и проникли насквозь во все стены храма. И так это были низко, над самой головой отца, что я грешная смогла ясно рассмотреть Святого Духа — и носик, и крылышки распростертые, и ножки, к брюшку прижатые, — и все было так красиво и долго, что невозможно передать словами эту красоту и радость!

Прошло несколько дней, отец вышел на амвон и беседовал с духовными чадами, а я стояла сзади. Он посмотрел на меня, улыбнулся и говорит весело:

— П. видела Святого Духа, как Он сходил на нее.

А о том, что на него сходил Святой Дух и на весь народ кающийся, он не сказал, умолчал.

* * *

Когда я была принята в духовные чада, то сильно сомневалась, как отец сможет мною руководить: «Писем он не пишет, и нет у него возможности поговорить, а я не могу часто к нему ездить». И вот Господь во сне вразумил меня. Я увидела духовного отца, и он сказал: «Для общения верующих расстояние не имеет значения, велика сила молитвы». И я все поняла и успокоилась.

Однажды стояли мы в Успенском храме, несколько человек и отец. Подошла к нему схимница и говорит, что прислали черный материал, кому его отдать? А отец показал на одну из нас и говорит:

— Отдай его ей, я молился о ней, и у нее такой же путь, как и твой, только она сейчас еще ничего не понимает.

Действительно, прошло несколько лет, и она стала монахиней.

Благословил меня отец в отпуск ехать в Грузию. Вот подходит лето, и я спрашиваю о поездке, а он говорит:

— Я же тебя благословил в Сухуми, вот и поезжай.

Поехала я на вокзал за билетом, а мне сказали, что туда нет проезда из-за карантина. Подошла я опять к отцу, а он мне говорит:

— Ведь я же тебя благословил, что же, я сам, что ли, поеду? — и дал мне рубль. — Это тебе на дорогу и на все расходы.

А после этого уехал в отпуск. Я осталась в недоумении.

И вдруг появилось у меня такое ощущение, что надо мне ехать хоть до Москвы. Если не смогу уехать дальше, то там буду ездить по храмам, поеду в Загорск. И так проведу отпуск. И такое было у меня состояние, что я не могла больше находиться в Печорах, надо было во что бы то ни стало уезжать.

Приехала в Москву, встретилась с Л., которой тоже было благословение ехать вместе со мной в Сухуми. Мы решили, что я пока поеду в Звенигород, а она побудет дома. Побыла я там два дня, возвращаюсь в Москву, а она мне с радостью сообщает: объявили по радио, что снят карантин и открыт проезд на юг. Она уже купила билеты, и мы в числе первых пассажиров поехали в Сухуми.

У меня, конечно, были деньги, хотя и мало. Но я совершенно не знала ни в чем никакой нужды, мне даже сшили на день Ангела три платья и билет обратный купили, и все было как нельзя лучше.

Благословил отец меня и А. из Москвы во Псков, навестить больную в больнице. Договорились мы с А. поехать в три часа, и она купила билеты на автобус. Приходит ко мне на работу близкая женщина и говорит, что она звонила во Псков врачу и говорила с ним об этой больной и что нет никакой необходимости ехать в больницу. Тогда я не знала, что надо в точности выполнять благословение духовного отца, и решила не ехать. Кончила работу в три часа и пошла домой. Только захожу в квартиру, а Митрофания (духовная сестра) увидела меня и говорит:

— Ты что пришла? Ведь тебе благословение ехать к больной, какое тебе дело до других? — И прямо-таки вытолкала меня со словами: — Иди, выполняй благословение.

Иду и думаю: «Автобус уже ушел, придется на такси ехать». Подхожу к автобусной станции, смотрю и глазам не верю: подъезжает автобус «Печоры-Псков» и сидит А. у окна. Я вошла, а она говорит:

— Садись, это твое место, я ведь не успела сдать твой билет.

Потом я спрашиваю ее:

— Почему вы вовремя не уехали?

А она говорит, что они отъехали от станции, и вдруг что-то случилось, автобус «зафыркал» и зачем-то приехал обратно.

Съездили мы во Псков, навестили больную и возвратились домой. Я была рада, что выполнила благословение отца.

Вспомнилось мне, как я писала покаяние. Так старалась, чтобы все написать. Подаю, а отец говорит:

— А ты ведь не все написала.

С шести лет написала, и опять сказал, что не все написано. И вот однажды он мне сам сказал:

— Вот теперь пиши, я буду молиться, а ты будешь вспоминать, вспоминать и много еще напишешь.

И вот когда я стала писать, то, по его молитвам, Господь открыл мне все мои грехи. Я так ясно все вспомнила, как будто передо мной снова проходила вся моя жизнь. Мне даже были открыты все мои плохие детские помыслы. Когда я написала последнюю четвертую тетрадь и отдала отцу, то испытала ощущение безгрешия. Это нельзя описать, нет слов для этого. Действительно, покаяние — это второе крещение. Но все это я смогла только по молитвам нашего отца. Какая в нем была великая Божия сила и благодать, как он очищал нас и помогал нам грешным!

Потом я стала впадать опять в разные грехи и уже не могла так изложить и покаяться. И однажды отец мне сказал:

— Даже не можешь хорошо исповедь написать.

* * *

Отец видел все на расстоянии. Папа пошел на пенсию и когда поехал к отцу, то написал ему о желании переехать в Загорск. Это было в 1970 году. Отец сказал: до 1972 года будьте на месте и трудитесь. В 1972 году

«В нем была великая Божья сила и благодать...»

неожиданно получилось, что наша большая семья, прожившая 40 лет на одном месте, переехала в святое место. И домик такой удобный, рядом храм приходской, и обитель недалеко. Так дорогому отцу нашему было все открыто, и Святой Дух помогал ему предвидеть все заранее.

* * *

Весной я была в Печорах. Подошел день моего отъезда, мне надо было на работу. А отец, провожая, говорит:

— В Петровки приедешь.

Я еду и думаю: «Как же я приеду, ведь мне на работу надо идти?» Приезжаю, пошла на завод, а мне техник говорит:

— Свободного места нет, но в твоей бригаде работает молоденькая девочка, мы тебя на ее место возьмем, тебя знают, ты с нами работала.

Дома, посоветовавшись, решила, что не надо соглашаться на это: девочка работает, а если пойду, ее уволят.

Проходит время. Наступает Петров пост. Что делать? Положила жребий. Выпало ехать к отцу. Утром прихожу в церковь, а матушка Е. говорит:

— Мне хочется в Печоры, и я просила Царицу Небесную, чтобы ты свезла меня туда.

Я говорю:

— Собирайтесь, у меня как раз благословение ехать.

И мы поехали. Приезжаем, я все написала отцу. А он на исповеди говорит:

— Не стройте свое счастье на несчастье ближнего.

И рассказывает о моем поступке.

А по возвращении домой все уладилось. Вот и сбылись слова отца: «В Петровки приедешь».

* * *

Когда отец был в Сухуми, владыка Илия (впоследствии — патриарх Грузинский) предложил ему посетить святые места Грузии. Назначили день, когда они на машине поедут. С владыкой должна была поехать матушка из собора, которая знала все места, а на четвертое место в машине владыка предложил отцу Савве кого-нибудь благословить. И вот отец благословил меня, грешную и недостойную. Но за два дня до отъезда заболела матушка, которая была с нами, температура 40, и отец благословил меня остаться ухаживать за больной, а сами они уехали. Но я почему-то верила, что благословение отца не пропадет.

Прошло лет 15–20, как оно чудным образом исполнилось. Случилось это так. Из Печор приехали трое гостей в Москву, я их встретила на вокзале. Все они — духовные чада отца Саввы и ехали в Грузию. Я говорю:

— Как жаль дорогих гостей провожать. Думала, что заедете ко мне, но вы меня огорчили.

Они мне отвечают:

— Нам нежелательно под праздник быть в дороге, поэтому сейчас же едем за билетами.

Приехали мы на Курский вокзал, подошли к кассе, а билетов на сегодня нет. Вдруг ко мне обращаются все мои гости:

— Е. И., поедемте с нами.

Сердце забилось, а никакой возможности и надежды у меня нет, я на два дня-то с трудом уезжаю из-за больной сестры, а тут на месяц, да и денег нет. Мои гости говорят:

— Давайте потянем жребий: если будет воля Божия, то, по молитвам отца, Господь во всем поможет.

Мы стали молиться от всего сердца, не замечая, что люди теснят и толкают нас. Жребий выпал ехать в Грузию. Мы еще раз подходим к кассе, и — о чудо! — нам дают билеты на следующий день, отдельное купе.

Утром пошла в храм за благословением Господним, а потом — все остальное... Встречаю сестру во Христе, говорю ей:

— Где можно срочно занять денег?

Она спрашивает:

— Сколько? Я могу дать 50 рублей, когда сможешь, тогда и отдашь.

Еду к брату, и он тоже помог. Слава Тебе, Господи! За больной сестрой ухаживать согласились родные сестры...

* * *

Моя знакомая стала мне предлагать переходить к ней жить. Я согласилась, но когда приехала к отцу в Печоры, решила взять у него благословение. Отец мне ответил:

— Благословляю, если только она захочет.

Я промолчала, а про себя подумала: «Ведь она сама меня зовет». Приезжаю домой, а она молчит, как будто в рот воды набрала.

* * *

Я приехала на несколько дней в Печоры. Привезла письмо одного благочестивого человека и его жены с просьбой принять их в духовные чада. Отец выходит из кельи и выносит четки и просфору и говорит:

— Я принял Иоанна и Татьяну в духовные чада.

Я постеснялась попросить еще одни четки и недоумевала — почему же одни четки и кому же их отдать? Приезжаю домой, а мне говорят — Иоанн умер 25-го ноября, то есть в то время, когда я была в Печорах. И стало понятно, почему одни четки и одну просфору дал отец.

* * *

С одной духовной сестрой перед поездкой к отцу попостились, помолились и натощак к нему поехали в надежде получить от него похвалу. Но между собою поссорились, не считая это за грех. Приехали к отцу, подошли под благословение, сначала Е. Он отвернулся и отошел от нее, подхожу я — то же самое. Через некоторое время отец подходит к нам, благословил, дал по просфорочке и сказал:

— Не молились, не постились, поссорились...

Приехала я однажды в Печоры, пришла к отцу, к его келье, а он ходит взад и вперед, смотрит на меня весело и говорит:

— До чего только не додумаются чада, передают мне пеленки, распашонки.

А я подумала: «Действительно, зачем отцу нужны пеленки и распашонки?» А вот когда случилось то, чего я не ожидала, вспомнились пророческие слова батюшки. Стали мне нужны пеленки и распашонки: у меня родилась внучка.

Когда отец лежал в больнице, я пришла к нему, а сама почему-то подумала: «Хорошо бы для батюшки сейчас свежей черники собрать». А на дворе уже зима. Отец прочитал мои мысли и говорит:

— Может, за черникой завтра в лес сходите?

А с ним вместе лежал в палате подполковник, который от души рассмеялся:

— На улице мороз, а он захотел свежей черники!

Отец улыбнулся и говорит ему:

— Может, стаканчик, может, два, а может — трехлитровый бидон привезет, — а потом мне: — Поезжай завтра, прихвати с собой повариху, и Е. захватите с собой.

Прихожу к поварихе, говорю:

— Завтра поедем в лес за черникой, отец благословил.

Она, конечно, тоже засмеялась, приняла это за шутку. Но когда я сказала, что поеду одна, она говорит:

— Тогда и я, конечно, поеду.

Пошли к Е.:

— Поедем завтра за черникой.

Она с удивлением:

— Да что вы — в уме? Снег, мороз, а они за черникой собрались.

Мы говорим:

— Как хочешь, тогда одни поедем.

— А куда?

— В Песьяне.

— На чем?

— На автобусе.

Она тогда и говорит сыну:

— Женечка, отвези нас на машине.

Тут и муж ее не выдержал:

— И я с вами поеду.

Утро было необыкновенное: яркое солнце, мороз. Приехали в лес; мне хотелось поехать туда, где я летом собирала чернику, а они остановились поближе. Пошли все пять человек в лес. На этом месте набрали очень мало. А я говорю:

— Отец благословил набрать трехлитровый бидон, благословение надо выполнять.

Поехали на мое место — и набрали трехлитровый бидон!

Отец заказал испечь пироги с черникой поварихе и Е. — на конкурс, у кого лучше. У поварихи получились пироги превосходные, а у Е. неудачные. Но отец утешил:

— Ничего, я и ее пироги поем!

Отец ел свежую чернику, угощал подполковника, нас, медсестру и больных деток, которые пострадали от пожара. Не было надежды, что они будут видеть. Но отец усиленно молился, утешал скорбящих родителей и предсказал им, что мальчик будет видеть обоими глазами, а девочка — одним глазиком. Что и сбылось.

* * *

Из нашего города несколько человек были в Печорах, и вот что они рассказали. Отец служил молебен. Вдруг он задумался и говорит:

— Ох, что там делается в городе! Но все будут живы.

В нашем городе был пожар, мы погорели, восемь человек, но все остались живы. Я пострадала больше всех: площадь ожога была 53 процента. По заключению врачей, я не должна была выжить, но, по святым молитвам отца, осталась жива и трудоспособна.

В больнице я пролежала шесть месяцев, через полгода приехала к отцу. Когда мы пришли к его келье, батюшка вышел и говорит:

— Говорили, что ты сгорела, а ты жива и такая чистенькая.

Когда я лежала в больнице, то все время мысленно обращалась к отцу, просила его святых молитв, и Господь давал мне терпение. Боли были ужасные, и медики удивлялись моему терпению.

Когда я поднялась на ноги, все с удивлением говорили:

— Поднялась наша больная, а ведь никакой надежды не было на то, что она останется жива.

Это чудо сотворил Господь по святым молитвам отца.

* * *

Осенью 1975 года мы с сестрой были у духовного отца. После обедни подошли к нему, чтобы он нас благословил на дорогу. Он всем нам дал по просфорочке. Многие просили, но он ответил:

— Я сперва дам тем, кто уезжает.

Пришла я на квартиру к матери О., она мне говорит:

— Не уезжай, будет всенощная, помажешь голову елеем.

Я так и сделала, осталась. Стою в Михайловском соборе, смотрю, идет отец, я вышла из собора, чтобы подойти к нему. А он мне говорит:

— Вы почему здесь, а где ваши сестры?

— Они уехали.

— А вы почему здесь? Я вас благословил в дорогу, а что скажут на работе, отпуск-то у вас кончился?

— Ну и наплевать, прогуляю, я теперь пенсию оформила.

Как он закричит на меня:

— Как это вы плюете, на кого? На государство, которое вам платит деньги! Сию же минуту берите вещи — и на вокзал!

Я — в слезы:

— Отченька, у меня голова болит, я еще побуду.

— Нет, нет, на вокзал!

— Мои вещи у матери О. Это три километра от монастыря, а в деревне заболел пастух, и ее попросили пасти коров.

— Ну хорошо, завтра чтобы уехала.

Я так и поступила. Выхожу на работу, а директор увидел меня и говорит:

— Слава Богу, М. вышла на работу!

Оказывается, некому было работать.

* * *

Однажды приезжаю к отцу, пошли после службы к его келье. Он выносит деревянный крест, дает его мне и говорит:

— Целуй этот крест по пять раз утром и вечером и читай «Взбранной Воеводе» и молитву о спасении. Молись за своего сына А.: «Спаси, Господи, сына моего А.».

Приезжаю домой и сразу все стала выполнять, как благословил меня отец. Вскоре поехал сын по

туристической путевке. Катаясь на лыжах, он заблудился. Вот как потом он мне рассказывал:

— Еду, и вдруг все закружилось. Лес идет кругом, земля кругом, из глаз огненные искры.

Кругом лес и поля, и никакого селения нет, я уже выбился из сил. Стал замерзать, меня клонило ко сну. Потом увидел стог с сеном, привалился к нему и чувствую, что засыпаю. Думаю: «Нет, нельзя оставаться здесь, если засну, то замерзну». Вижу у стога след от саней, значит, есть здесь где-то жилье. Еду по следу, увидел низкий барак, обрадовался и поехал туда. Там меня встретила приветливая хозяйка, рассказала мне, как добраться до дома отдыха.

Вот как отец все знал! Господь и Матерь Божия по его святым молитвам спасли моего сына.

* * *

У нас с сыном духовный отец схиигумен Савва. Когда сыну надо было идти в армию, мы с ним приехали к отцу, чтобы получить благословение и попросить его святых молитв. Отец сказал:

— Служба будет тяжелая и ответственная, но ничего, будем молиться, а спасать тебя будет птица.

Получили благословение и поехали домой. Дорогой мне сын говорит:

— Мама, я очень жалею, что не переспросил отца: как это — меня будет спасать птица?

Сына отправили в опасное место, на границу. Потом он рассказывал:

— Вблизи — огромная пропасть, часто пропадали посты, и даже трупов не находили.

Когда он первый раз стоял на посту, сильно закричала сова, и он тут же вспомнил слова отца:

— Будем молиться, а спасать тебя будет птица.

Сразу же повернул оружие в том направлении. И не один раз сова извещала, откуда грозит опасность. И таким образом его дежурство всегда проходило благополучно.

Раньше не спал весь караул, а тут стали говорить:

— Сегодня на посту Е. — можно вздремнуть.

По святым молитвам отца, сын благополучно отслужил в армии и вернулся домой.

* * *

Служил отец панихиду в пещерах. Я плакала о том, кто будет меня поминать, когда я умру, я — сирота. Отец оборачивается в мою сторону и говорит:

— Сирот поминает Церковь, вот и я молюсь за всех.

* * *

Об этом поведала мне наша духовная сестра Иулиания. Она после войны осталась вдовой, и на руках у нее было двое детей. К этой скорби еще сгорел дом. В то время отец был в Троице-Сергиевой лавре. И вот она со слезами пришла к нему, поведала о своем несчастье.

Отец внимательно выслушал и сказал:

— Я помогу тебе. — Вынул из кармана три рубля и говорит: — Вот тебе на постройку дома.

Взяла я их, а сама подумала: «Дорогой отец, это нищенское подаяние на хлеб насущный, а не на дом». Положила в карман и поехала к своим деткам.

Встречаются мне знакомые:

— Иулиания, мы слышали, у тебя горе, вот тебе немного на постройку, — и еще и еще дают денег и приговаривают: — Помоги тебе Господи!

Я сразу поняла, что благословение батюшки не прошло даром.

* * *

Отец благословил поехать в Пюхтицкий монастырь с одними людьми вместе через три дня. На другой день говорю ему:

— Отец, три дня ждать долго, я вот с этими поеду.

— Что же, поезжай!

Приехала в Пюхтицы, меня парализовало, отнялась вся правая сторона, купаться в источнике было нельзя,

и сколько хлопот было через меня врачу-монахине. Ровно три дня болела — конечно, за своеволие, как поняла позже.

Однажды отец благословляет нас с Е. оформить прописку:

— Завтра поезжайте.

Е. ему в ответ:

— Нет, послезавтра поедем.

— Хорошо, — говорит он.

Поехали мы послезавтра, а в этот день тот, кто нам был нужен, отлучился. Мы прождали целый день; было холодно, перемерзли, рассорились и приехали ни с чем.

* * *

Дает отец матушке Е. бинты со словами:

— Тебе пригодятся.

А у нее была привычка читать правило со свечкой. Спала она в коридоре. Молилась как-то вечером и заснула, свеча догорела, и целлофан загорелся на столике и на стене. Мы, несколько человек, в это время были в комнате и ничего не видели, а когда, по милости Божией, кто-то из нас вышел в коридор, то пламя было чуть ли не до крыши, а крыша соломенная (потолка не было). Мы еле-еле матушку разбудили, она в испуге стала срывать горящий целлофан. Обожгла себе все руки. Вот и бинты пригодились. И только сила Божия помогла нам погасить пламя. Мы бы все сгорели, но, молитвами отца, Господь помиловал нас.

* * *

Узнав, что в Псково-Печерском монастыре подвизается старец, знакомая моей тети, А., решила поехать к нему и попроситься в духовные чада. Я просила ее взять и меня, но с другой целью — попутешествовать (мне было 19 лет). Мы приехали, А. нашла старца, попросила благословения на квартиру, причаститься и обо мне спросила. Он сказал:

— На квартиру — вместе, а причастится она пусть через неделю, на святителя Николая, ей семь дней нельзя. Пройдет время, и тогда причастится. (Ни он меня, ни я его ни разу не видели.)

На квартире окружающие меня духовные чада старца рассказали мне о духовной жизни, о необходимости духовного руководства, о духовном отце и о старческом устроении.

Конечно, мне, человеку, впервые попавшему в духовную среду, было многое непонятно. Дух мой сильно противился новому учению. Даже казалось, что это что-то неестественное, нереальное. Была сильная внутренняя брань: все во мне восстало. Но в то же время где-то внутри неосознанно меня потянуло к этой жизни.

Как-то в Сухуми в кругу молодежи отцу был задан вопрос:

— Можно ли ходить в кино?

Что тут можно было ответить, когда на тебя устремлены молодые глаза, ждущие снисхождения? И умудрил его Господь поставить нас на суд своей совести и разума:

— Можно, — сказал батюшка. — Только это отдаляет от Бога.

После этого я ни разу не пошла в кино, хотя раньше кино очень любила.

По приезде домой возникли у меня сложные вопросы. Писать по почте было нельзя, ехать тоже. К другим духовникам обращаться за советом не положено, так как это считается духовным блудом. И вот эта неразрешимость и вызвала во мне бурю смятений, ропота.

И снится мне сон: пришел отец в мою комнату, сел за стол и меня пригласил сесть и говорит: «Ну, что тебя волнует? Что у тебя за вопросы?»

Еще был случай. Написала отцу вопросы и попросила его келейницу отнести ему. А вечером, после службы, пришлось увидеться с отцом, и он сам ответил на все вопросы. Когда я пришла домой, то увидела, что мое письмо еще не отнесли и оно лежит на столе...

Когда отец был в Сухуми на лечении, то мы сподобились быть там и часто с ним видеться. Однажды, когда мы сидели за праздничным столом, я передала отцу вино, которое сделал папа. Подняв бокал с этим вином, отец произнес:

— Пусть у этих виноделов все увенчается успехом.

И через несколько месяцев мои родители повенчались, когда им было уже под 60 лет, а до этого и слышать о венчании не хотели — дескать, старые. И стали поститься, выполнять правило, чаще ходить в храм (хотя раньше ходили только на Рождество, Пасху и Троицу) и стали духовными чадами отца Саввы.

В Сухуми я ехала, намереваясь получить благословение батюшки на брак. У меня была неумеренная привязанность к избраннику (как говорится, не ела, не пила — так мне его всегда хотелось видеть). О своем намерении и состоянии я рассказала отцу. Он так ласково и печально посмотрел на меня и сказал:

— Деточка, если выйдешь замуж, пропадешь. А любви у тебя к нему совсем нет, одна лишь страсть.

Приехала домой я совсем другим человеком и совсем иными глазами уже смотрела на брак с этим человеком и на него самого. Какой-то пустой мне показалась наша дружба, и он сам вынужден был сказать:

— Я вижу, что я тебе не нужен.

Сколько благодарности вам, дорогой отец, что уберегли меня от ненужного, а может быть, даже пагубного шага. Всю тяготу и нечистоту отогнали от меня.

* * *

Вдруг появилось у меня неодолимое желание ехать к отцу, хотя причины срочно видеть его не было. Но, ведомая невидимою силою, не отдавая себе отчета, для чего еду, приехала в лавру. Отец ждал меня: ему прислала одна монахиня письмо, прося разрешить серьезный вопрос. У отца не было благословения писать письма, и ответить ей никто не мог, кроме меня, потому что она

была знакома только со мной. Отец дал мне указание, как ей написать, и я уехала.

* * *

С одной нашей духовной сестрой был случай. Три месяца не проходила у нее боль в правом локте. С трудом она могла положить на себя крестное знамение и поэтому редко крестилась. Приехала к отцу и пожаловалась.

— Болит рука? — весело переспросил он. — Иди, поставь свечку Божией Матери «Троеручице» и попроси Ее: «Ты, Владычица, исцелила отсеченную руку преподобному Иоанну Дамаскину, исцели и мою руку!

Она все исполнила, но в мыслях просила батюшку, чтобы именно он умолил Матерь Божию исцелить ее больную руку, так как она и раньше обращалась к Ней с молитвой, но не получала облегчения. И что за чудо! Она даже не заметила, когда у нее прекратилась боль — в этот день или на другой.

* * *

Как-то в Великих Луках после службы отец раздавал всем гостинцы: кому просфору, кому яблоко, кому баранки, конфеты, а мне дал детское полотенце и святое масло. Я недоумевала: что бы это значило?

Приехала домой и вскоре заболела: страшная головная боль, фурункулы на голове и на лице. Опухла, глаз не видно, высокая температура, озноб. Я сразу поняла, чем мне надо лечиться: достала батюшкино полотенце и святое масло. Помазала голову, окутала этим полотенцем и обвязала сверху теплым платком.

Прошла первая мучительная ночь, глаза совсем заплыли, ресницы кололи глаза. К утру боль немного стихла. Я снова помазала маслом голову, окутала полотенцем и завязала теплым платком.

Утром приехала врач-инфекционист (моя родная сестра). Я закрылась одеялом и боюсь ей показываться. Прошу ее:

— Не обижайся, что я тебе не покажусь. Успокойся и мне ничего не говори. Я буду лечиться своими средствами.

— Ну хорошо, но мне тебя все-таки надо посмотреть, — настаивала она.

Тогда я открыла одеяло и показала ей лицо и голову. Она сдержала свой испуг и объяснила мне: болезнь инфекционная и называется «опоясывающий лишай», длится она не менее четырех месяцев со страшными головными болями, при которых больной буквально лезет на стену. И предложила прислать сильное лекарство.

На другой день она опять была у меня. Мне пришлось объяснить ей, чем я лечусь и что от этого мне становится легче.

Через пять дней головные боли утихли. Моя сестра не верила такому скорому улучшению. Она знала как врач, что такая болезнь не вылечивается даже за месяц. Значит, произошло чудо!

Через месяц я совсем поправилась, но на лице долго были заметны темно-синие пятна и очень зябла голова. Так что я все лето ходила в теплом платке. Так избавилась я от продолжительной тяжелой болезни по милости Божией, молитвами и целебными средствами дорогого отца.

* * *

Приезжаю к отцу в Печоры и думаю: «Сказать ли ему о своем глазе (на внутренней стороне века росла шишка) и о том, что врач настаивает на операции?» А батюшка сам спрашивает у меня:

— Что у тебя с глазом?

Я объяснила все и попросила святого масла, чтобы только не делать операцию. Отец принес мне масло и сказал:

— Вот тебе на исцеление!

Дома я стала этим маслом мазать глаз крестообразно, и через пять дней шишка стала почти незаметна. Я помазала еще несколько раз, и все прошло.

* * *

Анну в тяжелом состоянии положили в больницу. Врачи определили рак легких. Ее дочь поехала в лавру сообщить об этом горе отцу и просить его святых молитв.

Отец служил молебен у мощей преподобного Сергия. А потом, утешая, сказал дочери больной:

— Не волнуйся, все будет хорошо! Вот, вези ей эту просфору, чтобы всю съела.

На следующий день после вкушения просфоры больная стала неузнаваема: спокойная, веселая. У нее появился аппетит. Врачи были в недоумении. Они стали сомневаться в диагнозе и перевели больную в научно-исследовательский институт, где в результате тщательного обследования было дано заключение: «Рак не обнаружен». Анну выписали домой.

Чуть только окрепли силы, Анна поехала в лавру, чтобы поблагодарить Господа, преподобного Сергия и своего дорогого батюшку. При встрече отец сказал ей, улыбаясь:

— Ну вот и Анна явилась! Где же твой рак — уполз?

* * *

Приехали к отцу в Псково-Печерский монастырь его московские духовные чада с печальной вестью о тяжелой болезни своей духовной сестры Параскевы, отличавшейся особой добротой и милосердием. Врачи определили у нее раковую опухоль в кишечнике. По их мнению, дни ее были сочтены.

Отец отслужил молебен о болящей. Перед молебном он обратился ко всем молящимся с просьбой:

— Помолимся сейчас искренно о болящей Параскеве. Врачи признали у нее рак, а мы не дадим ему развиваться в ней, помолимся, и ей будет легче... Ей еще рано умирать, она еще здесь нам нужна!

Отец благословил отвезти ей святой воды с этого молебна и просфору.

Когда больная приняла эту святыню, то сразу почувствовала, что боли уменьшились. А потом ее вскоре выписали из больницы.

* * *

В Псково-Печерский монастырь духовные чада старца привезли тяжело больного 60-летнего Тимофея. За литургией в Успенском храме батюшка особенно молился за болящего Тимофея, несколько раз поминал его имя. А больной был без сознания, потом началась у него рвота; его вынесли на улицу. К концу литургии он опять вошел в храм, но с ним опять стало плохо, и его положили в углу у печки. После литургии отец в ризе, с крестом сам пошел к больному, дал ему приложиться, а еще дал ему большое яблоко:

— Вот тебе для исцеления!

Еще два дня мучился Тимофей, не мог выстаивать службу, темная сила валила его с ног. Потом отец отслужил молебен и всех молящихся просил помолиться о болящем. Больному стало легче, и не прошло недели, как он совсем исцелился от недуга.

Обрадованный Тимофей с восхищением отзывался об отце:

— Я впервые в жизни встречаю такого чудотворца! Когда отец давал мне пить святой воды, то говорил: «Эта водичка тебя достанет со дна ада». И эта вода обожгла всю мою внутренность, а потом стало так легко, и я скоро почувствовал себя совершенно здоровым.

* * *

Приехала к отцу скорбящая А. из Днепропетровска. Врачи у нее обнаружили рак. Отец дал ей просфорочку и сказал:

— Помолимся.

Она тут же уехала домой. А на другой год приехала благодарить отца за молитвы. Врачи не находили у нее больше раковой болезни и сказали, что ошиблись в диагнозе.

Девица В. собиралась замуж. Но вдруг заболела, врачи обнаружили рак и предложили ей операцию — удалить грудь. Она тут же обратилась к своему духовному отцу, игумену Савве, за благословением: как ей быть? Отец весело ей сказал:

— У одной тоже был рак, но, по милости Божией, он уполз, так будет и у тебя. Помолимся: что у людей невозможно, то у Бога возможно. Но на операцию иди, а я помолюсь.

Приезжает она домой, идет в больницу. Ее снова обследовали, а раковая опухоль исчезла. Врачи удивляются и не могут понять эту загадку: «Был же рак — и нет больше его?» Операцию отменили, но с учета ее не сняли. Через год ее снова вызывают на проверку и предлагают отнять грудь, чтобы не возобновилась опухоль. Но она отказалась и сейчас жива и здорова.

* * *

Заболел у меня передний зуб, все лицо опухло, рот перекосило, лежу — не пью, не ем. Сказали отцу о моем состоянии. Он передал носовой платочек и гостинцы для меня и сказал:

— Пусть приложит этот платочек ко рту. Если не поможет, то пусть идет в больницу.

Я с радостью приложила этот платочек к лицу и подержала его немного. Мне стало полегче, а к вечеру все стало на место. Опухоль спала, и боль стихла.

* * *

В монастыре на покое находился больной батюшка К., которому врачи предписали постоянный постельный режим. Больной обратился к отцу Савве:

— Помолитесь за меня.

Отец ему сказал:

— Читай Псалтирь.

А он отвечает:

— Я не могу.

Но отец Савва ему говорит:

— Не можешь, а ты читай!

— Да я же не могу.

— А ты читай.

Через несколько дней он сказал, что пересилил себя и стал читать Псалтирь. И выздоровел и после этого жил еще 10 лет.

* * *

У московского священника Георгия родилась дочь Мария. До пятилетнего возраста она не ходила и не разговаривала. Приехали они всей семьей к своему духовному отцу за помощью. Он взял эту девочку в келью, помолился и благословил их ехать домой. Когда они приехали на вокзал, Мария вдруг сошла с рук, пошла по платформе и заговорила. Счастливые, они поехали домой, благодаря отца за исцеление дочери.

* * *

После смерти отца я часто видела его во сне очень хорошо. Захотелось мне увидеть, куда его определили после сорока дней, и Господь сподобил по его молитвам.

Вижу: все бегут в церковь на службу к отцу, я тоже побежала. Церковь круглой формы, высокая, внизу ничего нет. Надо подниматься вверх по винтовой лестнице. Я быстро стала подниматься, за мной еще одна или две сестры, а остальные смотрели вверх, а подняться не могли. Я кого-то спросила: «На каком этаже будет служба и где наш отец?» Мне ответили: «На третьем этаже». Я поднялась и увидела светлое помещение, у стены гроб, у гроба — большая фотография отца, а рядом стоит монах, строгий, как часовой. Я громко крикнула: «Отец!» — и упала к гробу, дыхание захватило. Я проснулась и никак не отдышусь.

После этого стала размышлять: к чему такое сновидение? И поняла так: у отца — схима, это высший ангельский чин, а высший ангельский чин находится на третьих небесах. И успокоилась.

Мне прислали письмо, что от гроба отца идет благоухание, и я решила сразу поехать к нему, а чувствовала себя не очень хорошо. Но все же решила ехать. С такой мыслью уснула. Только закрыла глаза — вижу: у постели стоит отец и говорит: «Я и тут с тобой».

* * *

Вся моя жизнь была в скорбях и болезнях. Муж мой был алкоголиком и часто бил меня. В доме у нас была икона Божией Матери, но я перед ней не молилась. Так прожила до 33 лет, несколько раз была при смерти. Обращалась к врачам, но они мне не помогали. В то время у меня было трое маленьких детей.

Милость Божия не оставила меня. Я познакомилась с добрыми людьми и пошла в церковь, заказала молебен с акафистом Матери Божией, и мне сразу стало как-то легко. Потом познакомилась с П., стала ходить к ней, рассказывать о своем горе, она меня утешала и давала читать духовные книжечки.

И вот к П. приехала из Печор матушка Г. и рассказала про схиигумена Савву. Слушая, я так плакала душой, что люди ходят смело в храм и ездят по святым местам, а я как только схожу в церковь, то муж поднимает шум и бьет меня.

Однажды я отцу написала: «Дорогой отец, я слышала, что Почаев по святости — второй Иерусалим, помолитесь, чтобы мне побывать там. Ведь мне дорога закрыта: если и схожу в свою церковь, и то муж скандалит, а как же я уеду в Почаев?»

Через некоторое время я была одна в доме и слышу, что мне кто-то говорит: «Мужа посадят на пятнадцать суток, а ты поедешь в Почаев». И вот он поднял такой шум и драку (по своей привычке), что дети вызвали милицию, и его посадили на 15 суток, а я съездила в Почаев. И таким же образом, по молитвам отца, была в Загорске.

Были такие случаи, что мне очень хотелось в церковь в праздники, об этом я мысленно просила отца Савву. Удивительно: когда я шла в церковь и встречалась с мужем, то он проходил мимо меня не узнавая.

Приезжает Г., привозит от отца две конфетки и говорит, чтобы я скушала светлую сама, а мужу дала темную конфетку. Я так и сделала. Вскоре после этого мы с мужем развелись и я уехала в Печоры. А если бы не уехала, он меня бы убил, потому что он всегда говорил:

— Все равно святую уничтожу, мне не жить — и тебе не жить.

И вот дети мне сообщили: собрался он ехать за мной, выпил поллитра вина и сразу умер.

Потом приезжает отец Савва из отпуска и рассказывает притчу:

— Вчера вижу: кот поймал голубя, я стал отнимать голубя у кота, а он когтями вцепился и не отпускает. Я нажал на кота... Не я, но Бог помог мне.

Я слушала и не понимала, думала, что правда кот голубя поймал вчера, а потом мне открылось, что это он про моего мужа и про меня рассказывал. По отцовым молитвам Господь сохранил меня от смерти. После смерти отца я прихожу в пещеры, рассказываю ему про свои скорби и болезни, и они удаляются. Легко и радостно становится на душе...

* * *

Моя родная сестра заболела, у нее был рак. Врачи пытались ее облучать, но сердце отказывало. Она впала в отчаяние. Но когда обратилась к отцу за помощью, попросила его святых молитв, невозможное стало возможным. Весь курс лечения чудным образом протекал благополучно. Во время процедур больная не только чувствовала близость отца, но видела его присутствие.

Еще был случай с моей племянницей, тоже его духовной дочерью. Отец во время ее беременности сказал, что у нее родится мальчик. Она родила мальчика с недвижимыми ножками. Врачи предлагали операцию, но, по молитвам отца, мальчик получил исцеление.

Потом заболел мой родной брат — кровоизлияние в мозг. Состояние было безнадежное, назначили трепанацию черепа. Я всем существом предчувствовала неутешительный исход, да и сам профессор не обещал ничего хорошего, потому что сосуды продолжали рваться.

В отчаянии я поехала к отцу, все ему рассказала, на что он ответил:

— Не отчаивайся, будем молиться. Господь милостив!

Уехала я окрыленная надеждой на милость Божию и на батюшкины молитвы.

Вернувшись от отца, в назначенный для операции день еду к брату в институт. Вошла в палату, а на его койке сидит человек. Мне даже стало плохо: брат мой и головы не поднимал, и я решила, что его койку занял кто-то другой, а его уже нет в живых. Я отшатнулась назад, но брат меня окликнул и позвал:

— Это же я, иди сюда, — и улыбнулся.

Сосуды рваться перестали, и трепанацию отменили. Это было явное чудо, на удивление всему медперсоналу.

* * *

По семейным обстоятельствам мне не пришлось быть на погребении духовного отца. Но мне очень хотелось приложиться к его гробу. Я с нетерпением ждала своего отпуска. И вот когда настал день моего отъезда, с мужем сделался сердечный приступ, а свекровь уже семь лет лежала в постели больная и вдобавок слепая. Что делать? Душа рвется на части, какая-то сила меня тянет в Печоры. Я вспомнила евангельские слова: «Не оглядывайся назад» — и действительно вышла из дома не оглядываясь, но в большой тревоге.

Когда приехала в Печоры, немного успокоилась. Но вот снится мне сон, что дома очень плохо, я вскочила с постели и стала собираться обратно, не побывав даже в обители. Мне представилось, что дома у меня сразу два покойника. Спрашиваю:

— Как можно быстрее уехать?

Мне говорят, что поезд идет вечером, самолета до вечера тоже не будет. Что делать? Пошла я в обитель, отстояла литургию, заказала молебен Божией Матери. У меня слезы лились рекой.

После службы пошла к пещерам — и что же я вижу! Выходит отец из пещер, остановился неподалеку,

благословил меня и спросил прежде всего про свекровь (она тоже его духовное чадо). Сказал:

— Причащайте ее чаще, она скоро придет ко мне, и мы будем с ней вместе молиться о вас. С мужем живи мирно, он у тебя неплохой, вина не пьет, не курит, а где нужно — потерпи, промолчи.

Дома меня встретили радостно, ничего не случилось, все живы, все благополучно. А свекровь действительно вскоре мирно отошла ко Господу.

* * *

Однажды приехал ко мне муж, с которым я не жила уже несколько лет. Сказал, что вечером поедет в Таллин, но почему-то на поезд не пошел. Я совершенно не подозревала в этом никакого злого умысла. В четыре часа утра, слышу, он встал. Я думала, что он пойдет на поезд, а он тихо приблизился ко мне и всеми приемами старался убить меня, но так, чтобы не было никаких ран. Надежды на жизнь у меня не оставалось; хотя я усиленно молилась, но он не отступал. Из самых последних сил я громко закричала:

— Отец Савва, спаси меня!

И в ту же минуту муж весь ослаб и в страхе меня оставил, а в оправдание сказал:

— Я ничего плохого не хотел с тобой сделать.

Трижды просил прощения и ушел.

Утром у меня не было сил, я была вся искалечена, но все-таки пошла к отцу. Когда я пришла, он меня уже ждал в коридоре. Я ему сказала:

— Меня обидел бывший муж.

Отец положил руку мне на плечо, тихо провел по моим больным местам, дал мне гостинцев и сказал:

— Дома скушай, а я помолюсь.

Первый шаг я сделала с опасением, как бы не упасть, но, к моему удивлению, не почувствовала ни боли, ни тяжести. Пошла домой как на крыльях.

После смерти отца у меня врачи признали рак прямой кишки. Я сильно похудела, упала духом, ходила с поник-

шей головой: отца уже нет, обратиться теперь не к кому, видно, придется ждать смерти.

Накануне того дня, когда надо было идти к врачу, вижу сон: стоит отец у аналоя с крестом на исповеди. По узкой тропинке друг за другом идут много-много людей к нему за благословением. Я к нему подошла с поникшей головой, как ходила в последнее время, а он говорит: «Выше голову держи, читай "Отче наш"». Я протянула к нему руки, чтобы принять благословение, но он сказал: «Неправильно сложила руки, надо сложить крестообразно». Сам три раза поправлял мои руки, а потом сказал: «Хорошо, я тебя благословлю, читай "Отче наш"».

Стоя перед ним, я громко и отчетливо прочитала молитву и проснулась от своего же громкого голоса.

В Пскове сделали мне рентген и сказали: «Рак атрофирован, оперировать не нужно». Тут я подняла выше голову, прочитала «Отче наш» и, радостная, поехала домой.

Мой сын, тоже духовное чадо отца, еще при жизни его взял без разрешения грузовую машину на работе и приехал ко мне в Печоры. Ему нужно было вовремя вернуться на работу, а бензин кончился. Я обошла всех знакомых шоферов, но бензина не достала, на базе без талонов тоже не давали. Я побежала к отцу со слезами. Келейница меня не пускает, не хочет его беспокоить. Я не ухожу, ведь на него одна надежда. Отец услышал мои слезы, велел келейнице узнать, в чем дело, и сказал, что купить бензин можно, но пусть сын до утра не уезжает. Дал два апельсина — сыну и мне.

Сын получил бензин, по святым молитвам отца, но нарушил благословение, понадеялся на свой разум и тут же уехал, за что и получил большие скорби. Его остановила милиция, выясняли, почему ночью едет на государственной машине без путевки. После проверки отпустили, но пошел сильный снег, занесло дорогу, машина дальше идти не могла, и ему пришлось ее бросить и идти 15 километров по пояс в снегу. Вот что значит своеволие.

* * *

Духовная сестра Т. из Овруча рассказала следующее.

В. уехала в Печоры к отцу, а мы с сестрами поехали в лес на лошади. Лошадь звали Вурчик, эта единственная на весь монастырь лошадка была закреплена за мной. Поработали, сели покушать, и лошадка паслась около нас, но вдруг исчезла. Все пустились на поиски, но безрезультатно. Я испугалась и кричу отцу:

— Отец, у нас лошадь пропала.

И лошадь сразу нашлась.

А в этот момент в Печорах В. идет в Успенский храм, и отец идет; подходят к нему за благословением, обращаются с вопросами, а он говорит:

— Да подождите, там кричат, что лошадь пропала...

Когда В. вернулась домой, Т. рассказала ей о случившемся. В. сразу вспомнила слова отца: «Подождите, кричат, что лошадь пропала...»

* * *

Мы, трое, поссорились в двенадцатом часу ночи, а утром все трое пошли в обитель на исповедь. Исповедовал отец, он к нам обращается и говорит:

— Если камень бросить в глубокую реку, вода не возмутится, а если в лужу — возмутится. Так вот, надо быть не лужами, а глубокими реками.

Отец старался соединить тех, у кого были разные характеры, и притом говорил:

— На море камешки обтираются друг о друга и становятся гладкими.

Он не давал нам больших правил, не накладывал строгих постов, удерживал от больших подвигов, но всеми мерами выкорчевывал из нас страсти, смиряя на каждом шагу, стараясь отсечь у нас свою волю.

Великим постом мой отец причастился Святых Христовых Таин, но пришел знакомый, принес вина, закуски... Я с отцом поругалась и уехала в Загорск. У дверей храма меня встречает отец Савва и говорит:

— Сейчас же поезжай домой и с отцом своим обойдись ласково, это враг его искушает перед смертью.

Приезжаю домой, отец, как дитя, заплакал и говорит:

— Я сам не знаю, почему так сделал.

В то время он был совершенно здоров, но вскоре заболел. Перед смертью соборовался, несколько раз причастился. Умер в тот же день, как причастился. И все это — по святым молитвам духовного отца.

* * *

Приехала из Тбилиси духовное чадо Д. вся расслабленная, особенно у нее болели ноги. Спрашивает отца, куда он ее благословит на квартиру с такими больными ногами, и думает: как бы поближе? А он благословляет ее в деревню за семь километров, и чтобы она ежедневно ходила в монастырь. За послушание она пошла и, по его святым молитвам, получила исцеление ног.

* * *

Господь сподобил меня грешную готовить обед для духовного отца во время его болезни. Однажды несу ему обед, и появилась у меня мысль: «Вот я хожу к отцу, стараюсь, готовлю, а когда же он скажет, хорошо или плохо я готовлю? Так и не знаю, нравится ли ему моя кулинария».

Прочитала молитву, получила благословение, ставлю обед на окно. Отец спросил, что я приготовила. Я перечислила. После этого отец говорит:

— Готовишь, ходишь, не благодарю и не хвалю. А благодарность получишь там (то есть на небесах).

* * *

Одна из чад отца из города Сочи рассказала следующее.

Любит она посещать больных и при этом берет для них что-нибудь с панихидного стола. Однажды ей надо было посетить двух больных женщин. Но и сама она чувствовала себя плохо. Еле-еле достояла

литургию и решила, что сходит только к одной из больных. Подошла к столику и смотрит, что ей взять, чтобы нести не тяжело. Вдруг перед ней появился отец и говорит:

— Нет, не немножко, а вот то и это возьми и сходи к обеим больным.

— Батюшка, благословите, — сказала она, склонившись под благословение, забыв, что вот уже четыре года, как он умер, а когда подняла голову, его уже не было. Но она почувствовала такой прилив сил, так обновилась и обрадовалась, что взяла все, что отец благословил взять, и сходила к обеим больным.

* * *

Вот и распределение после окончания учебы. Кого куда, а меня — в Удмуртию. Как быть? Просила оставить поближе к родителям (бабушка, дедушка старенькие, маме трудно) — отказ. Мама поехала к отцу. Стоит, ждет, и вот он идет из Михайловского храма, утомленный до предела, спускается со ступенек.

— Батюшка, дочь-то к удмуртам отправляют. Что она там одна, да и как мне без нее?..

— А мы сейчас помолимся, а ты иди на панихиду, за усопших там помолись, — и стал обратно подниматься в храм. — А дочка пусть не спешит.

Приезжает мама, говорит, что отец советовал не спешить.

— Так ведь все уже решено. Подъемные получила, пора.

Иду снова к тем, кто отказал.

— Ну ладно, оставайся со своими стариками, — говорят мне.

Слава Богу! Благодарю отца за заботу и молитвы обо мне грешной.

Отец попросил нужную ему вещь, и я обещала привезти. Вскоре приезжает его келейница и говорит, что привезли из другого города. Ну что ж, думаю, значит, не возьму. Приехала в Печоры, а отец передает:

— Если привезла обещанное, пусть придет ко мне.

Погоревала — опять виновата. Где верность, твердость, дело, а не многословие с тщеславием?

И вот встречаем отца в Успенском храме:

— Эх ты, что же не привезла?

Я даже прощения не попросила — сразу в слезы. Плачу не переставая, и вдруг одна из духовных чад говорит:

— Батюшка, ведь и мы так же можем ошибаться.

— А я разве для нее только говорю?

Как тяжело, а сегодня надо уже уезжать, хоть бы что-нибудь еще услышать от отца. И вот у самого выхода он оглянулся и говорит:

— Не ошибается тот, кто ничего не делает.

За несколько дней до кончины отца взглянула на его фото и почувствовала такую жалость, близость и что-то невыразимое. Может быть, он мысленно прощался...

* * *

Когда отец приехал в Москву на операцию, мы с Е. И. за ним ухаживали. Отец однажды сказал:

— Вот скоро в Москву соберется много спортсменов. Они сюда, а я — туда, — и рукой показал на небо.

Сбылись его слова: когда он скончался, в это время как раз в Москве в самом разгаре была Олимпиада.

* * *

Схимонахиня М., находясь у меня, смертельно заболела: температура 41, сознание теряет, я испугалась, стала молиться Богу, просить помощи.

Вдруг матушка заговорила в сонном состоянии, я обратилась к ней, она открыла глаза и говорит:

— Пришел о. Савва, спросил меня, как я живу. А я ему ответила: «Вашими святыми молитвами!»

Затем матушка сама, без моей помощи, повернулась к стенке и заснула опять, а утром она сама, как обычно, встала с постели, как будто и не болела.

* * *

Раба Божия Е.П., прочитав некоторые труды отца Саввы, загорелась желанием переписать их, а потом взяла его фото, пошла в фотоателье и попросила увеличить. А потом увеличенные фотографии отца Саввы раздала его почитателям. Сама она молилась за него, часто заказывала литургии. И ей явился отец во сне и сказал:

— Я за всех молюсь, кто за меня молится.

* * *

Приехали мы с мамой в Печоры и жили там уже неделю. Я потеряла кошелек с деньгами, которые были оставлены на обратную дорогу. Мама меня ругает:

— На что теперь поедем?

Приходим вечером к отцу, а народу было много. Он протягивает через всех 20 рублей и говорит:

— У кого там нет денег на дорогу?

* * *

Трудно мне было в Печорах, и со здоровьем стало плохо. Отец благословляет меня ехать домой и устраиваться на работу, а куда — не сказал. Сердце мое горело только к храму. И вот во сне я вижу, что работаю в храме, готовлю все к предстоящему молебну. Затем выходит из алтаря наш епископ и в сослужении наш отец — игумен Савва, и сразу запели: «К Богородице прилежно ныне притецем, грешнии и смиреннии...» Я оказалась сзади всех и рада была, что меня никто не будет видеть — буду молиться.

Проснулась в слезах, благодаря свою Заступницу, Матерь Божию, и дорогого отца, который указал мне дальнейший путь моей жизни. Радостно было на сердце от того, что он присутствует здесь, в нашем храме.

Несмотря на всю строгость в то время ко мне батюшки, я никогда не мыслила искать себе другого духовного отца. Помоги, Господи, по молитвам Божией Матери и нашего дорогого молитвенника и чудотворца схиигумена Саввы,

остаток жизни провести в покаянном чувстве, хотя бы к концу жизни постигнуть эту главную науку из наук — познать свое негожество и не отчаиваться, надеясь на милость Божию. Благодарю за все, мой добрый пастырь!

* * *

На панихиде пели «Вечную память», а я подумала, стоя в толпе у самой двери: «Странно: неужели мы можем помнить человека вечно? Как это — вечная память?» Отец тут же стал объяснять:

— Вот некоторые из вас думают: а что это такое — вечная память? Может ли человек вечно кого-то помнить? Конечно нет, возлюбленные! Он и сам-то не вечен. А это мы просим у Бога, чтобы Он вечно помнил. Он-то — вечный!

* * *

Приехал ко мне в Загорск батюшка. Погода была хорошая, а потом пошел дождь и стало грязно. Отец попросил у меня галоши. Я говорю:

— У меня таких больших галош нет.

— У тебя был муж, дай его галоши.

— Да у меня же нет!

— Как, а в диване новые галоши лежат.

Я посмотрела — и правда, тем лежали новые галоши, о которых я совсем забыла.

* * *

Я не знал отца Савву и никогда не видел его живым. Но когда познакомился с его духовными чадами (а это была дружная духовная семья), то с великой радостью влился в нее. Поражали и утверждали меня в вере и необыкновенные сны, предвозвещавшие мне будущие события и открывавшие мне волю Божию. В снах я видел смысл Божий, направляющий меня на путь спасения. В этих снах я не один раз видел отца Савву, но таким, каким он изображен на фотографиях. Об одном из них хочу рассказать: перед рукоположением во диакона.

Гора — высокая, скалистая, с острой вершиной, стою у самой вершины и держусь за самый шпиль. Обернулся и посмотрел назад, вижу — пропасть. Думаю: «Если я не буду держаться, то упаду вниз и разобьюсь».

С большим усилием я подтянулся вверх и на том склоне, внизу, увидел еще большую пропасть, чем сзади. Вдруг вижу слева темного человека с мрачным лицом, зовущего:

— Перебирайся ко мне.

А склон слева поднимается еще выше. Думаю: «Зачем я туда полезу, тем более налево?» Потом я как-то невольно взглянул направо и увидел, что скала спускается к подножию горы.

Меня объяла великая радость, и я начал потихоньку спускаться все ниже и ниже. Наконец благополучно спустился к подножию горы. Здесь передо мной открылось небольшое поле, покрытое зеленой травкой. Я увидел одного знакомого священника — отца Н., чадо отца Саввы, в подряснике, с крестом.

Я спросил его:

— Почему вы здесь? — но он не ответил.

В это время подходит к нам юноша и говорит:

— Отец Савва благословил сказать вам, что отец Н. — священник, а ты — диакон.

— Какой я диакон, мне надо хором руководить. Кто меня заменит?

Затем юноша незаметно исчез, а я стоял, очарованный всем виденным. Мы молча смотрели с отцом Н. друг на друга. Потом я повернулся направо и начал спускаться все ниже и ниже, а отец Н. стал исчезать из поля зрения.

Через три месяца после этого сна меня рукоположили во диакона.

* * *

Я часто слышала от окружающих, что в жизни надо быть мудрой. Мне указывали на мои недостатки, неопытность, большую доверчивость, простоту. И я стара-

лась исправиться, пытаясь искать мудрость в духовных книгах. И вот как-то в Печорах, в храме, отец, проходя мимо, заметил:

— Где просто, там Ангелов со сто, а где мудрено, там ни одного.

И мне все вдруг стало ясно и легко.

На исповеди отец стал перечислять мои грехи с такой точностью, что я даже вскрикнула:

— Ой, это мои грехи!

Меня мучила стенокардия в тяжелой форме, приступы продолжались сутками, много раз я была на волоске от смерти.

Однажды в храме отец сказал во всеуслышание, что у меня больное сердце. Одна из молящихся приходит к нам на квартиру, где я остановилась с детьми, и говорит, что, наверно, я скоро умру, если отец так сказал. Моя дочь стала плакать:

— Я и в храм больше не пойду: там сказали, что мама скоро умрет.

Утром все пошли в обитель. Дети побежали вперед и встретили отца, идущего в храм.

— Что у вас там вчера была за паника, что мама умрет? — спрашивает батюшка. — Мне Господь открыл, что мама ваша будет жить долго.

Прошло некоторое время, я чувствовала себя хорошо. Но после смерти мамы у меня снова участились сердечные приступы. Приехала к отцу, передала свою исповедь, где написала, что мне опять очень плохо. После литургии отец вышел из алтаря, остановился около меня, посмотрел прямо в глаза, погладил меня по лицу и сказал:

— Сердце твое больше болеть не будет.

И я почувствовала в сердце какие-то толчки. После этого болеть я перестала и не нужны мне стали никакие лекарства.

Когда я болела, то огорчалась на детей, что они мне не помогают. Приезжаю к отцу и спрашиваю: как быть?

— Когда устанешь, то перекрестись и скажи: «Делаю ради Христа», и Христос тебе поможет.

Так я и стала поступать. Исчезли мои обиды, и усталости не стало. Как только почувствую, что раздражаюсь, прошу перед карточкой отца: «Отец, помогите, опять раздражаюсь». Приезжаю к нему, он говорит:

— Вот ты все пишешь мне: «Раздражаюсь, помогите» (а я и не писала). В руке у отца иконочка Божией Матери «Неопалимая Купина», он дает ее мне и говорит: — Она помогает не только от пожара дома, но и от пожара души. Молись Ей.

Начала я молиться Божией Матери перед этой иконой. Мне сделалось легко, я перестала раздражаться.

На исповеди отец сказал, что не надо бояться душевнобольных. И, окинув всех взглядом, добавил:

— Здесь все до единого больные, только в разной степени и в разной форме: у кого один, у кого два, у кого семь, а у кого — две тысячи бесов. И если мы раздражаемся, то мы больные.

Я думала: он берется очистить одну, у которой две тысячи бесов, а лучше бы всех нас вместо нее одной очистил, и были бы все чистые. Он повернулся ко мне и говорит:

— Была одна больная, часто ходила к старцу, просила очистить ее. И когда старец ее очистил, то она стала неверующая. Она вернулась обратно, просит его: «Верни мне мою болезнь и верни мне мою веру». Старец ответил: «Много я трудился, чтобы очистить тебя, но еще больше надо трудиться, чтобы вернуть половину твоей болезни и половину твоей веры».

Подумалось мне, что после поездки к отцу я стала намного хуже, что напрасно ездила... Оставив исповедь, он подошел ко мне и говорит:

— Когда младенцу три года, мать берет его на руки и ласкает. Но когда ему уже двенадцать лет, то с него уже другой спрос и мать его на руки не берет. Так и отец духовный: три года носит чадо на руках, а теперь с вас уже и спрос. — И сравнил меня с карликом: — Лилипут не растет или уродливо растет, тогда нужны уже подпорки: шлепки, испытания, скорби, напраслины.

Так в жизни духовной и бывает: за утешением следует скорбь. И чем сердцу больнее, тем полезнее, спасительнее для души. Другого пути нет. Все святые сим путем шли. И нам надо им подражать!

Заметила я на квартире, что схимницы и монахини не употребляли пищу до двенадцати часов дня и после шести часов вечера, а меня заставляли есть «за послушание». В душе я решила: приеду домой и тоже буду так делать. Намерение свое решила держать в тайне, никому не говорить об этом, даже отцу.

После литургии отец говорит всем:

— Вот посмотрите на Г. Она решила: как приедет домой, то не будет есть до двенадцати часов дня и после шести часов вечера. А муж ее за это из дома выгонит. После Петрова дня благословляю ехать на Украину и пить молоко, есть яйца, чтобы приобрести нормальный вид. И никакого режима в часах.

Я только поражалась: ничего от батюшки не скроешь!

Поссорились мы с дочерью. А в это время у отца была одна из наших чад. Отправляя ее домой, он передал для нас духи «Роза» и говорит:

— Там у Н. с Г. вспышка. Ух как! — и руками показал как. — Пусть они подушатся этими духами, а Г. скажи, чтобы она так больше не поступала.

После второй вспышки отец присылает нам розовое масло. Я серьезно обратила внимание на свою вспыльчивость и стала сдерживаться, даже сердитого вида не показывала дочери, вспоминая батюшкины слова: «Смиряйся перед детьми, ведь ты господствуешь над ними».

Отец мне сказал, чтобы я читала акафист Божией Матери, а какой, не сказал. По жребию я стала читать акафист Ахтырской Божией Матери, иконочку которой я получила от него как первое благословение.

И дочь моя начала изменяться. Через некоторое время она мне призналась:

— Если бы ты, мама, поступала со мной грубо, ты потеряла бы меня навсегда.

* * *

По благословению отца мы поехали домой. В вагоне сестра улыбается.

— Что ты улыбаешься? — спрашиваю я.

— Отец сказал: «Будете ехать под стражей». И смотри: кругом нас солдаты.

Еще отец сказал Л., что ей предстоят похороны, на которых будут священник и врач. Приехала она домой. Через неделю — телеграмма: у брата ее мужа умерла жена. Они с мужем едут на похороны. Погода была ненастная: дороги занесло снегом. Народу собралось мало. Приехали только брат — священник и другой брат — врач.

* * *

У меня отнималось правое плечо, с большим трудом я могла положить крестное знамение. Лежала в больнице, но улучшения не было. Приехала к отцу. На исповеди он стал говорить о болезнях, потом приблизился ко мне, положил руки на мое больное плечо и с силой нажал. И я сразу перестала чувствовать боль. И до сих пор это плечо меня больше не беспокоит.

Заболели у меня глаза, резко падало зрение. Врачи предлагают операцию. Я поехала к отцу за благословением.

— На операцию сейчас не благословляю. Вот тебе маслице, будешь мазать, и закажи молебен с акафистом Казанской Божией Матери, — сказал мне отец.

Я все сделала так, как благословил батюшка. Глаза мои болеть перестали, зрение остановилось на одном уровне.

* * *

Молодая девица Л. приехала к отцу. Отец ей говорит:

— Хоть ты и хочешь на праздник Успения Божией Матери остаться здесь, но я тебя не благословляю. Поезжай-ка ты домой, а духом будешь здесь. Если же ты останешься, о чем ты мечтаешь, то будешь находиться под конвоем бесов.

Но она все-таки осталась в Печорах. Нас приехало шесть человек, и отец заранее знал, что одна ослушается его, дал нам в дорогу только пять просфорочек и пять крестиков. А Л. в Печорах душевно заболела.

* * *

В Печорах я упала, получила перелом руки в трех местах. Отец благословил мне провожатого до дома и дал святое масло, мазать руку.

Дома я пошла в больницу только на третий день. Там сделали снимок. Врач посмотрел и говорит:

— Не знаю, каким чудом, но у вас все срослось!

В следующий раз, когда я была в Печорах, мне очень нездоровилось, поднялась высокая температура, но я все-таки, почти ползком, поплелась в храм. Стояла у чудотворной иконы Успения Божией Матери и тут увидела отца. Прикладываясь к иконе, он взмахнул своей мантией, и я оказалась вся ею покрыта. Потом отец ушел в алтарь, а я сразу почувствовала легкость, радость: исчезла боль, и силы восстановились. Так чудесно, в одно мгновение, исцелил меня отец.

* * *

Мне предложили красивую шерстяную кофту. Я решила спросить отца, можно ее взять или нет. Он ответил:

— Ну возьми, если будешь носить.

Я подумала: «А что это я ее не буду носить, она такая красивая». Но когда я ее постирала, то она стала мне мала. Так и не пришлось мне ее носить.

* * *

Одна из церковных певчих потеряла голос. Что только она не предпринимала, чтобы восстановить его, но помогало это только на короткий срок. Подошел отпуск, и она сразу поехала к отцу. Пожаловалась ему на свою скорбь.

— Ничего, все пройдет! — уверенно сказал батюшка.

Буквально на другой день за литургией в Покровском храме она всю службу пела. А потом батюшка дал

святой водички с маслицем для лечения, и голос полностью восстановился.

В нашем городе жила одна девица Л. Врачи признали, что у нее киста на легких, и предложили ей операцию. Она сказала об этом отцу, но он не благословил ее на операцию. Прошел год, ей опять предлагают. Отец опять не благословил. И так прошло пять лет. Потом он сам сказал:

— Теперь можно делать операцию.

Оказалось, что у Л. киста с легким была соединена пленкой. Эта пленка засохла, и кисту убрали не повредив легкого. Если бы операцию делали раньше, то повредили бы легкое, а так киста сама отпала.

* * *

По моим жизненным обстоятельствам меня в моем городе не прописывали. Однажды вижу во сне: стою я перед портретом отца Саввы, меня благословляющего. Вдруг передо мной открывается картина: я в Печерском монастыре стою перед Успенским храмом. Выходит из храма отец, а я говорю ему:

— Меня не прописывают.

А он отвечает:

— Пропишут. Как пойдешь на кирпичный завод работать, так и пропишут.

В том городе, где я жила, кирпичного завода нет. Тогда я и помыслить не могла, что буду куда-то переезжать. Но отец, по своей прозорливости, предсказал это. И вот через несколько лет по семейным обстоятельствам я вынуждена была оставить родительский дом и переехать в Печоры. Устроилась на кирпичный завод. И действительно, начальник сказал:

— Можно работать и прописаться.

* * *

Отец дал мне красивые тапочки, похожие на детские пинетки, и сказал:

— Раньше в таких тапочках в Михайловском храме на клиросе хористы стояли.

Я подумала тогда: «И зачем мне такие тапочки, где я буду в них ходить?»

Прошло с тех пор уже много лет, батюшки уже не было в живых, и вдруг мне предложили петь на этом самом клиросе. Я не знала, что ответить. Стою в храме в Светлую Пасхальную седмицу и прошу отца разрешить этот вопрос. Тут же вспомнила про тапочки, и сразу все прояснилось. Не было ли это благословением? Думаю — да. И после смерти отец остается утешителем во всех наших нуждах, болезнях и печалях. Вот почему так всегда хочется в пещеры, к его гробу. Слава Богу за все!

* * *

Была всенощная на праздник преподобного Серафима Саровского, пели «Честнейшую», а Александра вдруг села. Я спросила:

— Ты что?

Она говорит:

— У меня ноги отнялись, — и заплакала.

Я подошла к отцу и сказала:

— У Александры ноги отнялись, а хочется, чтобы она завтра была на исповеди.

Он сказал только:

— Помолимся.

Домой она не могла идти, и мы повезли ее на санках. Утром тоже пришлось везти на санках, и всю службу она сидела. Отец исповедовал, и к концу исповеди мы ее посадили поближе к нему. Батюшка дал ей на развернутом платочке просфорочку и говорит:

— Твоей болезни врачи не помогут, — а еще — пузырек масла, — будешь мазать ноги.

К причащению мы ее подвели, а ко кресту она уже сама подходила. Домой пошла и сказала:

— Санки мне уже не нужны.

* * *

У нас не было воды, решили сделать колодец. Вырыли два, а воды нет, и рабочие уже стали уходить.

Я взмолилась: «Господи, молитвами отца Саввы, помоги! Вода мне необходима: мама больная, ребенок маленький, много нужно воды для стирки».

Уговорила рабочих, заставила их перекреститься, встала на колени, помолилась, покропила святой водой землю... Немного покопали и — чудо! — попали в жилу. Сделали колодец, и какая же в нем чистая, вкусная оказалась вода!

* * *

Опаздывала я на междугородный автобус, бегу и про себя кричу: «Отец, задержи автобус, а то мне здесь сутки сидеть». Автобус долго «чихал» и не заводился. Села я на свое место, перекрестилась, и мы, по милости Божией, поехали. Моя соседка по сиденью говорит:

— Как будто вас ждали.

Но ей-то не расскажешь, что опять батюшка помог.

* * *

Отец дал нам с Е. послушание и благословил, чтобы к празднику сделали, разрешил даже в храм ходить редко, потому что послушание выше поста и молитвы. Но мне так захотелось увидеть батюшку! Думаю: «Я только сбегаю, посмотрю на него — и обратно».

Пришла я, он как раз выходит из Михайловского собора. Все окружили отца, и я оказалась прямо перед ним. Он меня как будто не видит и немножко улыбается. Девочка дала ему пакет конфет, он взял, передает пакет стоящей за мной духовной сестре и говорит:

— Маргарита, там Н. трудятся с Е., передай Н. конфеты, утешь ее и скажи, чтобы она хорошенько работала.

А рядом стоит Елена и говорит:

— Да вот же Н., стоит перед вами.

А он улыбается и повторяет:

— Скажи же ей, чтобы хорошенько трудилась.

Я молча взяла пакет, вылезла из толпы и поспешила обратно.

Как отец мог так мудро обличать? Я больше поняла, чем если бы он меня поругал.

* * *

Узнала я о старце игумене Савве и обратилась к нему письменно с просьбой принять меня в духовные чада. «Н. принял, пусть скорее приезжает», — передают мне слова отца.

Отпуска не предвиделось, а мне так хотелось съездить к батюшке. На работе руководитель подразделения вдруг спрашивает:

— Хочешь слетать в командировку в Ленинград?

Вылетела я самолетом, справилась с порученными делами, еду в Печоры. В конце литургии слышу:

— Отец будет служить панихиду в Сретенском храме.

Многочисленная толпа направилась туда, пошла и я. Судя по фотографии, думала: «Батюшка похож на отца Иоанна Кронштадтского, — наверное, высокий, представительный». С душевным трепетом иду к нему под благословение. И слышу:

— Ну вот и Н. К. Дай-ка я посмотрю на тебя в натуральную величину! Прочитал я твою исповедь. Ты как писатель, все так литературно и подробно изложила. А ты думала, батюшка высокий, представительный, как Иоанн Кронштадтский?

Вот как отец отсекал у нас своеволие. Едем несколько человек в Печоры на праздник Успения Божией Матери. Всю дорогу я думаю о том, чтобы отец не направил на квартиру к А., чтобы не обличил в присутствии людей и чтобы весь отпуск провести в Печорах.

Подходим к келье, выходит батюшка... и благословляет на квартиру к А. После службы стоим около колодца, ждем, когда он пойдет из Успенского храма. Подходит отец и говорит при многочисленной толпе (в том числе из нашего города человек двадцать):

— Вот Н.! Создает группы какие-то. Нет, чтобы со всеми одинаково...

За давностью времени не помню всего сказанного отцом, зато помню, что мне в то время хотелось провалиться сквозь землю. Молча смотрела на крест на груди отца и черпала в нем силы.

Мои сестры Т. и А. впервые поехали к отцу в Печоры. Он благословил заказать сорокоуст по умершей в 1949 году нашей маме, прибавив при этом:

— Она умерла в немирном духе.

Действительно, мама, кроткая и смиренная, страдая от сильных болей, изменила своей натуре. На вопрос: «Мама, как нам жить?» она безучастно ответила:

— Как хотите, так и живите.

Не оставил отец и нашего папу без своего внимания. В 1966 году мы с сестрой приехали в отпуск в Печоры. Отец, благословляя нас в дорогу домой, дал нам свою одежду для нашего больного родителя со словами:

— Переоденьте отца вашего в мою одежду и тут же снимите, а когда он умрет, положите его в ней.

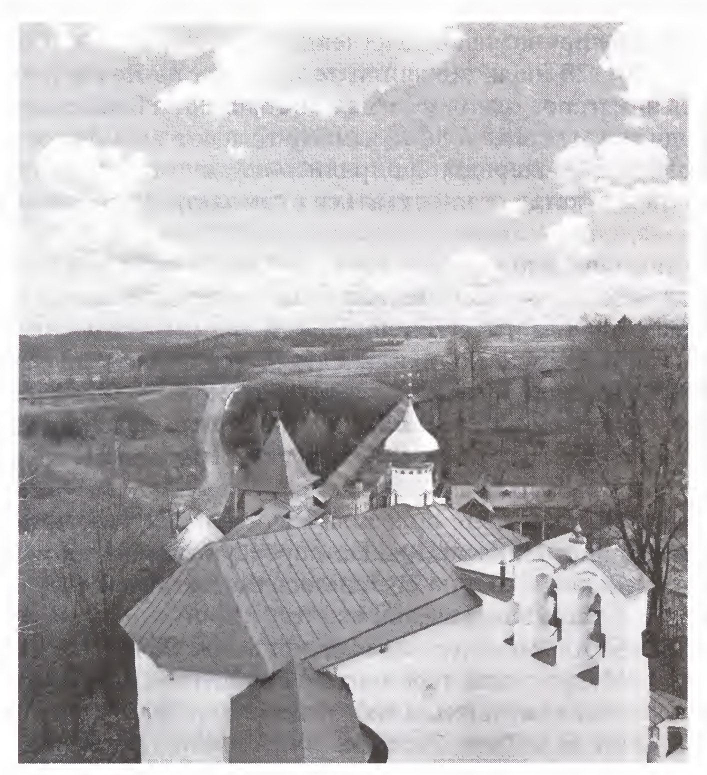
У папы была гангрена. По святым молитвам отца нашего, папа отошел в вечность с молитвой на устах.

Я была в командировке в Москве. Мне дали сложную работу и определили срок — неделя. Проходит день, другой, третий, а решение все не принято. В среду вечером прихожу на квартиру (жила у духовной сестры Е. М.), рассказала ей о своем затруднении, и она мне посоветовала:

— Пиши отцу.

Коротко, как в телеграмме, обратилась к батюшке, прошу помочь. В четверг утром прихожу на работу, открываю справочник и вижу таблицу, с помощью которой разрешила все вопросы. Ко второй половине дня у меня уже все было готово. Все удивились, как это можно сделать за такой короткий срок такую сложную работу. Они еще не знали, что работа выполнена, по молитвам отца, всего за шесть часов. Невозможное человеку возможно Богу! Так действенна и сильна молитва старца.

В 1980 году мы приехали в Печоры в Петров пост. Отец по состоянию здоровья почти не принимал. Последнюю литургию он был сослужащим 22 июня в Сре-

Псково-Печерский монастырь

тенском храме. Из-за слабости его здоровья и множества народа к батюшке было не подойти. Мысленно со слезами обращаюсь к нему: «Дорогой отец! Скажите мне хоть что-нибудь на прощанье. Мы завтра уезжаем и вас больше не увидим». Отец издалека посмотрел на меня каким-то (если можно так сказать) благословляющим взглядом и сказал:

— Как апостолы на погребение Матери Божией слетались на облаках, так и...

В ночь с субботы, 26 июля, на воскресенье не нахожу себе места. Чтобы как-то успокоиться, взяла Псалтирь

и читала, читала... Какое-то беспросветное томление духа, слезы, не приносящие облегчения.

Утром 28 июля получили телеграмму из Печор и через некоторое время уже были в аэропорту. В кассах народу множество, но нам почему-то дают возможность пройти вне очереди. Собирались по одному, по два, по четыре, а когда стали садиться в самолет, нас оказалось двенадцать человек.

Тяжело было видеть отца в гробу, но в то же время он притягивал, хотелось быть рядом, не хотелось уходить. Некоторые из нас обоняли тонкий аромат, исходивший от гроба старца. Панихиды служились одна за другой, гроб окружали духовные чада и богомольцы. Все стояли с зажженными свечами... Незримое руководство и помощь отца столь ощутимы, что шагу не можешь ступить без его благословения.

В 1985 году меня поразила мучительная болезнь — остеохондроз поясничный с корешковым синдромом. Ни одно движение не обходилось без острой, режущей боли. Лежала без движения.

Навестила меня духовная сестра и говорит:

— Я буду делать тебе массаж с молитвой, буду натирать маслицем, данным тебе отцом.

Дивны дела Твои, Господи!

После первого же массажа я могла шевелиться, хотя еще и с болью, а через месяц уже ходила с палочкой, а теперь, только за молитвы отца, я здорова по-прежнему...

Слава Богу за все! И за то, что мы знали батюшку лично, были на Божественных службах, получали от него благословение и руководство. Блаженнее же нас те, кто никогда не видели отца, но веруют в молитвенную помощь этого великого подвижника.

* * *

Вспоминаются счастливые годы, когда отец был еще с нами, на земле.

Как это было принято в нашем городе, уезжали к отцу сразу по десять и больше человек, особенно

дети, конечно в сопровождении взрослых. Это был праздник: одни радуются, что едут, другие провожают с весельем. Отходит поезд от перрона... Те, что в поезде, облегченно вздыхают — наконец-то едем! Едем к отцу! А те, что остались, смахивают слезы, по-доброму завидуя уехавшим. Удивительно было то, что даже малые дети, пяти-семилетние, с легкостью расставались с родителями на целое лето, а когда после Успения Божией Матери надо было возвращаться по домам, расставаться со святой обителью, с отцом, плакали горькими слезами. Такова была привязанность чистых детских душ к старцу...

Приезжает Е. к отцу, благодарит за святые молитвы и исцеление. Несколько лет она состояла на учете в онкологическом диспансере и вылечилась святой водой и святым маслом по благословению отца Саввы. А тут — новая беда:

— Отец, помолитесь о моем младшем сыне: ему предстоит операция грыжи, а у меня и муж, и дочь умерли от аппендицита, боюсь потерять и этого сынишку.

Отец дал ей святыни и сказал:

— Пусть мажет больное место, не умрет он.

Через некоторое время от грыжи и следа не осталось.

После кончины мужа каждый отпуск Е. проводила в Печорах. Родная ее сестра М. обратилась к отцу с просьбой помолиться о здравии и спасении болящей Е. Отец, утешая, сказал:

— Муж у Е. умер, но он же не молился, а она молится. Мы еще поживем. Я живу, и она будет жить, а как умру, так и она вскоре умрет.

После этого разговора Е. жила девять лет и умерла через год и восемь месяцев после кончины отца.

Отец наш, «чуткой душой прозревая вдаль», по своей дивной прозорливости знал беды и нужды не только приезжавших к нему, но и «сущих далече», утопавших в бурных волнах житейского моря.

Летом, еще при его жизни, поехали мы в Саров на источник преподобного Серафима. В Дивееве остановились

переночевать у матушки Магдалины, которая жила с матушкой Варварой, насельницей Дивеевской обители.

Вспоминая прошлое, мать Магдалина рассказала о таких событиях.

— Всякое было. Однажды хотела на себя руки наложить от отчаяния и нужды, и если бы не отец Савва, не знаю, что было бы с нами.

Положение у нас было трудное. Едва построили келью на последние гроши и помощь добрых людей, как от нас с матерью Варварой отвернулись все сестры и запретили, по вражескому наваждению, приглашать нас на общую молитву. Мы не имели ни теплой одежды, ни постели, ни еды. Больную старицу Варвару я укладывала почти на голый пол. Добрые люди из приезжих подали большую просфору, и неделю я понемногу кормила только матушку. За пенсией надо было ехать по месту прописки в Москву.

Как-то вечером, когда мы совсем было пришли в отчаяние от бедственного положения, раздался стук в дверь.

Спрашиваю: «Кто?» Приятный женский голос весело ответил: «Открывай, тогда узнаешь».

Распахнула дверь — передо мной стоит девушка, вся нагруженная сумками, с рюкзаком за плечами. Вошли в келью, девушка назвалась Мариею и объяснила: «Меня послал к вам мой духовный отец из Печор, игумен Савва. Благословил передать все эти вещи и съестные припасы, дал послушание жить в Дивееве до тех пор, пока всех не примирю».

Мария жила в Дивееве около месяца, объединила всех, примирила сестер и только тогда уехала. После отъезда Марии нужды мы больше не знали, и все это — молитвами отца Саввы, — закончила свой рассказ матушка Магдалина.

Приехала семья на праздник Успения Божией Матери в Печоры. Мать и дочь неоднократно бывали у отца, а муж, И.Е., приехал впервые. В Москве посчастливилось купить редкие ананасы, отдали их нести И.Е. и передать

отцу. Подходят прямо с вокзала к келье отца. Он взял сумку с ананасами и говорит келейнику отцу Зосиме:

— Это унеси в келью, а то И. Е. скажет: «Вез-вез, нес-нес, а отец отдал кому-то».

И.Е. спрашивает потом с удивлением у жены:

— Откуда он про меня все знает? Да еще назвал по имени-отчеству!

Отец наградил их гостинцами и отправил на квартиру, сказав:

— С И.Е. обходитесь внимательно и осторожно, не заставляйте его ходить в храм, пусть он ходит, когда сам захочет. Если у человека температура 40, а его заставить работать, он не сможет. Так и И.Е.: придет время, и он будет ходить в храм.

Прошло пять лет после кончины дорогого и незабвенного отца. И. Е. уже трудился в храме. В день Ангела батюшки, как это принято в нашем городе, была заказная литургия в Покровском приделе кафедрального собора. Среди духовных чад был и И. Е.

М. попросила описать случай поразительной прозорливости отца, которую она испытала на себе.

М. жила в частном домике. По неизвестной причине в подполе развелись лягушки. Их было так много, что они покрыли все стены и стойки в подполе. Тогда М. взяла ДДТ и всех их уничтожила. Восемь ведер лягушек вынесла.

Приезжает к отцу. После литургии выходит он из Михайловского собора. Как всегда, окружили его духовные чада и богомольцы. Смотрит отец на М. и говорит:

— Бывает, что убьют лягушку, ну две. А тут — ведрами морить.

М. ахнула и упала отцу в ноги:

— Простите, батюшка!

— Давайте помолимся за нее все, — сказал отец.

* * *

У меня были очень сильные головные боли, но я старалась терпеть и никому об этом не говорила. Стою в Успенском храме, рядом со мной ныне уже покойная

Михайловский собор Псково-Печерского монастыря

матушка Митрофания. Отец, проходя мимо, обратился к ней и говорит, указывая на меня:

— Напиши тропарь на Усекновение главы святого Иоанна Крестителя и дай ей, — а мне: — Читай, голова болеть перестанет.

И действительно, как стала читать тропарь, головные боли прекратились.

* * *

Были мы в Печорах, стояли в храме, и среди нас очень высокая девушка. Когда вышел отец из алтаря, то она подумала: «Какой он маленький». А батюшка посмотрел на нее и говорит:

— А Н. какая высокая, а что хорошего — как телеграфный столб.

Она обиделась и пожаловалась хозяйке квартиры, что он так ее назвал. А та ей ответила:

— Отец так просто ничего не говорит. Может быть, ты что-нибудь про него подумала?

Тут она и вспомнила, как подумала про него, что он маленький. Тут же написала покаяние, попросила у отца прощения, и вся обида у нее прошла.

* * *

Моя знакомая Анна М., духовная дочь отца Саввы, во время отпуска всегда ездила по святым местам. Как-то перед Святой Пасхой ей дали отпуск, а сына должны были забрать в армию. Анна скорбит:

— Не придется мне нынче поехать в монастырь. Ведь сына вот-вот будут отправлять.

Я ее уговариваю поехать, а она колеблется:

— Нет, а то без меня отправят сына.

Сын тоже говорит:

— Поезжай.

Наконец она все-таки решила ехать.

Пока жила в Печорах, все переживала:

— Не застану сына дома. Я бы его благословила и иконочку ему с собой дала.

Перед отъездом мы вышли из церкви, на площади стоит отец Савва — как всегда, с народом. Мы подошли под благословение. Он благословил и говорит ей:

— Не вздумай сыну икону с собой положить: там выбросят.

Она обрадовалась, узнав, что сын дома. Слова отца оказались верны: сын еще несколько дней пробыл с матерью.

* * *

Однажды отец выходит из алтаря и говорит нам:

— Вот некоторые просят дать им за грехи епитимию. Да на каждого из вас Господь наложил Свою епитимию, только несите ее благодушно.

А я стою в храме в углу и плачу со своим горем. Восстал на меня родной брат (он очень пил). Никакой жизни нет, гонит меня из родного дома. От переживаний я заболела, рот искривило, нога волочится. Больная, парализованная, я приехала к отцу. Написала исповедь и описала домашнюю обстановку, прошу благословения уйти из родного дома на квартиру. Благословляя меня в дорогу домой, отец дал мне просфорочку и только сказал:

— Буду молиться.

На второй день, как я приехала домой, пришел ко мне брат и говорит:

— Сестра, вот что я надумал: отдай нам кладовую, а ты терраску возьми, сделаем тебе отдельный ход. И менять квартиру не надо.

Я, сдерживая радость, говорю ему:

— Делайте, как вам лучше.

Вскоре приезжает ко мне сестра, а у нас все по-новому. И такая нам радость была с ней: и мы не мешаем, и нам не мешают. Я даже от паралича быстро поправилась. Вот какое чудо сотворил Господь по святым молитвам дорогого нашего батюшки!

Но брат все продолжал пить, хотя на меня больше не восставал и сказал даже однажды:

— А все-таки сестра — женщина хорошая.

Однажды отец дал мне молитву от пьянства и сказал, что ее надо каждый день сжигать после прочтения (40 дней так надо делать).

— Только жги не одна, а еще с кем-нибудь.

Так мы делали с его женой, как благословил отец.

Псково-Печерский монастырь. Мощеный спуск от Никольского храма

Вдруг у брата заболела на ноге вена. Долго его лечили в больнице, всего измучили уколами. Хирург отпустил его домой отдохнуть. Брат меня просит:

— Помоги мне.

— Тебе только Господь поможет.

— А как?

— Надо каяться. Это все грехи твои. А потом батюшка тебя причастит, и поправишься.

— А ты напиши мне мои грехи, — просит он меня.

Я всю ночь писала. Он прочитал, улыбнулся и говорит:

— Ты точно по пятам за мной ходила...

Больного приготовили, наказали, чтобы он не курил. И тут было искушение: поздно вечером лукавый наслал соседа-собутыльника. Пришел навестить больного, но тот сам отправил его:

— Поздно беседовать, приходи завтра.

Утром пришел священник, прочитал его исповедь, причастил, укрепил брата беседой. После этого он стал поправляться. В больницу больше не пошел, нога болеть перестала.

* * *

В 1967 году я написала исповедь, взяла старшую свою дочь, которая училась в первом классе, и мы поехали в Печоры просить отца Савву, чтобы он нас принял в духовные чада. Из нашего города тогда ездило много людей в Печоры. На службе вечером мне говорят:

— Вот отец идет, сумей ему передать исповедь.

Когда он приложился к мощам преподобномученика Корнилия и направился в алтарь, я ему в руку вложила исповедь. Он взял мой листок, а на меня даже не посмотрел.

Я сразу подумала: «Как он будет знать, чьи это грехи?» В отчаянии я отошла к иконе Успения Божией Матери, стала на колени и плачу. Вдруг чувствую, кто-то коснулся моего плеча, смотрю — отец Савва. От удивления слезы полились еще больше, и я еле проговорила:

— Возьмите меня в духовные чада.

Утешая, он сказал:

— Ты мое чадо, вот тебе моя фотография и молитвы.

Какая была радость!

* * *

Переехали мы с дочерью в Печоры и жили на квартире.

Однажды подхожу к отцу под благословение, а он говорит:

— Вам надо комнату.

Я решила, что он нас благословил сменить квартиру, и стала искать. Обошла много домов, но никто нас не пускал. И вот прошло несколько месяцев, и заведующая на работе мне говорит:

— Тебе дали комнату.

Я удивилась и думаю: «Смеются они, что ли, я ведь не писала и не просила». На следующий день она опять меня спрашивает:

— Ты ходила смотреть комнату? Нужно ее занимать.

Тогда я пошла к отцу, чтобы спросить его благословения. Подхожу к его келье, а его келейница матушка Митрофания выходит и говорит:

— Идите скорее, занимайте комнату, отец благословил.

Мы еще не перешли туда жить, а он уже прислал нам несколько икон на новоселье.

* * *

Жила я на квартире. Как-то ходила в лес за грибами и потеряла ключ от квартиры, один на двоих (хозяйку и меня). Что делать? Идти к отцу или написать записку, чтобы он помолился? А до темноты надо успеть снова в лес, искать ключ.

«Звоню» отцу по «духовному телефону», то есть кричу своим скорбящим сердцем: «Отец, помолитесь за меня грешную, чтобы Господь ради ваших святых молитв сотворил чудо, чтобы мне найти ключ». И поспешила вернуться в лес. И — о чудо! — ключ нашла!

* * *

Вот что удивительно: достаточно просто написать отцу, и все трудности разрешаются. Все просветляется, проясняется, делается понятным, и становится ясно и радостно. Нет, это не выразишь на словах...

Как-то пришла мне мысль, и я написала отцу: «Нельзя ли нам иметь в нашем роду священника, ведь грешить — нас много, а молиться у престола — некому?» И вот сразу же пошли чудеса. Сына взяли иподиаконом к владыке, а вскоре он поступил в семинарию. Мне грешной это так удивительно и не вмещается в сердце.

Или напишешь о какой-либо слабости у детей, попросишь помощи, и сразу же происходит изменение к лучшему. Какая это радость и счастье для матери!

Однажды молюсь я в Михайловском соборе, служба только началась, как вдруг слышу внушение: «Выйди». Я думаю: «Зачем это, ведь вроде бы незачем выходить!» Но опять слышу: «Выйди». Выхожу и вижу: у ступенек стоит отец и держит в руках пачку иконочек «Достойно есть». Дал мне, чтобы я всех утешила.

Приехала я помолиться в обитель. Попросила меня старица написать отцу, можно ли ей переехать в Печоры. Я написала и держу записку в руке. Отец готовился служить панихиду в Сретенском храме. А я все думаю: как бы отдать ему записку? Вдруг он повернулся к народу и говорит:

— Вот тут хотят меня спросить, можно ли переехать в Печоры? Отвечаю всем: если есть такая возможность, переезжайте ближе к монастырю, и жизнь у вас будет иная.

* * *

Я приехала в Псков, отец Савва служил тогда в церкви Преподобного Варлаама Хутынского. Владыка был в Германии и привез оттуда часы, их нужно было повесить на стену. Отец встал на табуретку и вбивает гвоздь, а рядом стоят двое мужчин. Я думаю: «Совсем у них совести нет, сами стоят, а отец забивает». Батюшка спустился с табуретки и говорит мне:

— Они не видят, где может гвоздь пройти, стена кирпичная, а я между кирпичей его направил, гвоздь как в дерево вошел.

* * *

Однажды захотела я причаститься. Вечером помолилась, покаялась и ложусь спать. Смотрю на фотографию отца и думаю: «Отец, отец, если бы ты во сне мне сказал о прощении моих грехов и благословил бы меня на принятие Святых Таин». Незаметно я уснула и вижу: отец подходит ко мне веселый, кладет мне на голову руку и говорит: «Прощаю и разрешаю».

Проснулась я от этих слов и продолжаю их слышать. На душе — неизреченная радость! Стало так легко, будто сто пудов с меня сняли. Господи, слава Тебе!

* * *

Слепой Иван подумал: «Совсем у меня носки рваные, хоть бы отец дал мне другие». И вот на другой день пришел в монастырь на работу Игнат. Отец дает ему носки и говорит:

— Передай Ивану.

А Игнат в этот день не передал. На следующий день он пошел на работу, а отец спрашивает:

— Почему ты не отдал носки?

— Простите, батюшка, вечером снесу.

Приходит Игнат вечером и смеется. Я спрашиваю:

— Ты чего смеешься?

А он рассказал, как его отец обличил, что он не передал носки.

И еще два раза было. Прошу мысленно у отца: «Батюшка, дай мне брюки, мои уже износились». И отец с кем-нибудь присылает.

* * *

Дорогого батюшку, отца Савву, я впервые увидела в 1974 году. Отец взял меня в чада и сразу же благословил на Богородичное правило и дал большие

Отец Савва с архимандритом Алипием (Вороновым), наместником Псково-Печерского монастыря

монашеские четки. Его духовная дочь, с которой я приехала, говорит мне:

— Ну, будешь монашкой.

Она уже знала, что отец зря ничего не дает, а я еще ничего не понимала, да и монаха-то впервые увидела.

Вскоре мы переехали жить в Печоры, я устроилась на работу в больницу, работа мне очень нравилась. Но вот у меня появилось желание пойти в монастырь. В это время отец болел, я через келейницу спрашиваю у него благословения уйти в монастырь. Батюшка отвечает, что надо положить жребий и написать на одной бумажке «больница», а на другой «монастырь». Я так и сделала. Помолившись, беру жребий, а там написано: «больница».

Велико было мое огорчение, но отец сказал:

— Больница — это второй монастырь, а ты молись Матери Божией Игумении — Она все управит.

Это благословение я постаралась исполнить. Через некоторое время отец дал мне акафист Иисусу Воскресшему, где припев в икосе: «Христос Воскресе из мертвых...»

После смерти отца я поехала в Ригу, там встречаю сестер, его чад, которых он благословил ехать в Иерусалим. Они мне говорят:

— Пиши и ты прошение.

Я колебалась, но все-таки отслужила молебен и положила жребий и, помолившись, вытянула: «Есть Божие благословение». Пишу сразу же прошение и отсылаю, потом еду на неделю в пустыньку, хожу на послушание, а затем еду домой, в Печоры. Приезжаю утром, а в четыре часа дня приходит телеграмма — вызов в Патриархию насчет отъезда в Иерусалим...

Через год я уже, по милости Божией и по молитвам отца, так скоро (ведь другие ждали вызова по два-три года) попала в Иерусалим. И теперь мне ясно, почему отец тогда дал акафист Воскресению: ему все было открыто, только всему и на все свое время. Именно здесь, у Гроба Господня, ежедневно, неумолкающе поется: «Христос Воскресе...»

* * *

Мы с подругой поехали в Печоры к отцу Савве. Подруга была у него, когда ей было семь лет. Он ей дал тогда маленькие четки, и ее мать и крестная решили, что он ей предсказал этим монашество. А она этого не хотела. Я тоже не хотела, чтобы он мне дал четки. Но когда мы к нему попали, он рассеял наши переживания. Отец Савва сказал моей подруге, что когда происходит постриг, спрашивают, по своей ли воле ты принимаешь монашество. Если не хочешь, никто тебя не пострижет.

Прошло некоторое время. Я работала, а после работы пела в хоре. Уставала так, что была не в силах выполнять молитвенные правила. Вот тут-то я и стала себя ругать, что боялась получить от отца Саввы четки — такая нужда была в них.

И вдруг, буквально через день или два, к одной знакомой приехали из Печор, дают мне четки и говорят:

— Вот тебе от отца Саввы!

Когда ко мне вернулся дар речи, я спросила, кто же это их передал и откуда узнали, что именно мне они нужны. Они мне ничего не могли объяснить, только сказали, что отец Савва просил передать сюда, а кому они нужны, тот знает.

* * *

Я поступала учиться в регентский класс при Ленинградской духовной семинарии. Конкурс был очень большой, вступительные экзамены мало кто выдерживал, многие девочки выходили из приемной комиссии в слезах.

Приближалась моя очередь. Мысленно я стала просить отца о том, чтобы мне не попались тропари двунадесятых праздников. Я знала их все, но там встречаются похожие начала и от волнения я могла их перепутать. В мыслях я просила батюшку, чтобы мне достались три вопроса: 50-й псалом, значение какого-либо слова или предложения из него и 90-й псалом.

Вдруг мне пришел на ум стих из 50-го псалма: «И грех мой предо мною есть выну». Я и раньше задумывалась над значением этих слов, а тут вертятся эти слова в голове, хотя и стараюсь что-то еще повторить. Слышу, называют мою фамилию. Каково же было мое удивление, когда владыка задал мне именно эти вопросы, даже в том же порядке. А дополнительно он попросил меня объяснить значение стиха: «И грех мой предо мною есть выну». Я объяснила, как могла. Сама же так развеселилась от всего происходящего, что не могла сдержать улыбки. Так и вышла с экзамена улыбаясь...

* * *

У нас с братом было много разногласий по вопросам веры.

Во время отпуска я, как обычно, поехала в Печоры к отцу. По дороге вспоминала разговоры с братом и думала: «Если бы отец дал ему какое-нибудь наставление, книжечку, чтобы он вразумился». Приехав, вечером пошла в обитель, служба была в Успенском храме. Отца не было. Подходит ко мне неожиданно его келейница и спрашивает:

— Ты просила отца о чем-нибудь?

Я растерялась, думаю, еще ничего не успела, и вдруг вспомнила свое желание, и тут она подает мне небольшого формата книжечку:

— На, отец передал для твоего брата.

Я прочитала название: «Голос Церкви, призывающий к покаянию».

* * *

Была годовщина кончины отца, и мы решили заказать литургию на его родине, в Новоминской. Одной сестре я поручила съездить и обо всем договориться, а всем чадам стала заранее говорить, где будет служба. И сама прошу святых молитв отца, чтобы все устроилось и состоялось.

Пришло время ехать, и вдруг мне сообщают, что насчет службы не договорились. Что делать? Остановить собравшихся уже невозможно, расстояние — четыре или пять часов езды, а священник не живет там, где служит. В надежде на чудо, на святые молитвы отца решаем: ехать.

Садимся в автобус, а с нами, оказывается, едет батюшка из той церкви, где мы хотели заказать литургию, но едет он в Ейск, у него туда билет. Стали просить его, объяснили, как все получилось, а он никак не соглашается. В душе кричу отцу: «Помоги, вразуми батюшку, чтобы отслужил!» Доехали до Тимашевска, батюшка вышел попить воды, а потом приходит и говорит:

— Ну хорошо, отложу свое дело, поедем служить. Только надо предупредить регента и просфорню.

Приезжаем, начали служить вечерню. Людей мало, а такое было чувство, как будто полная церковь. Прошла половина службы, и приехали наши.

После службы стали устраиваться с ночлегом — кто куда. В. пошел ночевать к батюшке. Утром приходит и говорит:

— Службы не будет: батюшка всю ночь не спал, была сильная рвота.

Вскоре подошел и батюшка, говорит:

— Служить не смогу, заболел, всю ночь не спал.

Я ему говорю:

— Попросите старца отца Савву, он вам поможет.

Батюшка зашел в алтарь и вскоре возглас дал: началась служба. Он отслужил литургию, молебен, панихиду, а после всего сказал:

— Всегда приезжайте, никогда не откажу.

Вот как проявил заботу о заказной литургии и о нас наш дорогой отец: все сам устроил, всех утешил, а кого и подлечил.

* * *

Во время исповеди, которую проводил отец, я стоял и мысленно крестился, но сомневался — можно ли так

делать? Хотелось, чтобы отец подтвердил или остановил. И вот он поворачивается в мою сторону и говорит:

— Некоторые здесь стоят и мысленно крестятся, это можно.

* * *

Моя родная сестра переезжала в наш город. Контейнер разгружали у меня. Когда выгрузили все вещи, один из грузчиков стал уделять сестре внимание больше положенного, и сестра пригласила его отметить ее переезд в моей квартире. Зашли они на кухню, я их стала кормить. Потом пошла в свою комнату, помолилась и попросила отца: «Отец, дорогой, ты видишь, что этот человек не нужен в моем доме, чувствуется — не с добрым намерением он пришел, убери его, если есть на то воля Божия». И только я вернулась на кухню, как он, весь красный, подскочил и говорит:

— Я пойду.

Сестра его уговаривает, еще и вино не все выпили, а он свое:

— Я пойду.

Выскочил, как ужаленный, бегом спустился по лестнице и побежал через дорогу. Сестра в недоумении спрашивает меня:

— Что ты ему сказала?

А я говорю, что ничего не говорила, только попросила отца, чтобы он его убрал.

Моя дочь выходила замуж, а у меня совсем не было денег, чтобы отметить это событие. Обратилась я к отцу с просьбой помочь, а потом думаю: не занять ли денег у родной сестры? Дала телеграмму, и уже через несколько часов приносят мне перевод на ту сумму, что я просила. Я от удивления даже не обратила внимания, от кого пришел перевод. Когда рассмотрела, оказалось, что сын заработал в армии деньги и выслал мне.

* * *

В одной благочестивой семье дочь решила выйти замуж. Ее мать и бабушка были против этого брака, потому что жених был неверующий и некрещеный. Бабушка поехала к своему духовному отцу схиигумену Савве, и он сказал ей:

— Замуж за него внучка пусть выходит, он потом покрестится и будет добрым христианином.

Сочетались они браком и живут, а он и не думает креститься, даже слушать об этом не хочет.

И вот что случилось. Заболел этот мужчина, и врачи признали у него рак. Медицинская помощь очень мало облегчала его страдания, и кто-то посоветовал свезти его к «бабке», которая заговаривала всякие болезни. Когда они обратились к ней, то она сказала, что помогает только крещеным. И вот он стал просить, чтобы его окрестили. А когда это случилось, его коснулась благодать Таинства, он почувствовал сердцем, что есть иная жизнь. Вылечить его не смогли, но умер он истинным христианином.

* * *

Отец прислал ко мне в Почаев двух духовных чад и благословил, чтобы я им сшила монашескую одежду. Я очень растерялась и думаю: «Ни денег, ни материала, ни портнихи нет, да еще и сшить надо за неделю».

Рассказала я о своей скорби одному диакону, а он говорит:

— Мне привезли материал, могу тебе дать.

И дал мне 30 метров ткани. Господь послал двух портних, и они все сшили.

Я радостная с двумя большими узлами иду домой. Но злая сила тоже не спит. На дороге встретили меня двое мужчин, на вид прилично одетые, берут меня под руки и повели. Я подумала, что они поведут меня в милицию проверить, что у меня в узлах.

Свернули в переулок и скоро ввели меня в дом, где были и другие мужчины. Меня охватил ужас. Я, сколь-

ко хватило сил, внутренне кричала отцу, просила о помощи. А они посадили меня около столика, на котором стоял телефон. Кричу: «Отец, сделайте так, чтобы сюда позвонили по телефону и сказали, что сюда идет милиция!» Не успела я договорить последних слов — действительно звонок: «Немедленно уходите, идет милиция!» Меня схватили, вытолкнули в дверь, а сами ринулись к другому выходу. Такова сила молитвы нашего дорогого отца.

* * *

Один раз я приехала в обитель, побыла пять дней и больше не хочу там быть. Но отцу ничего не говорю. Он подходит ко мне, улыбается и говорит:

— Когда ведро воды наливаешь и вода льется через край, то никакой нет пользы. Так и ты: получила благодать — и поезжай с Богом.

Я читала книги о пустынниках и мечтала о пустыне, а когда приехала к отцу на исповедь (он еще был в Загорске), он смотрит на меня и говорит:

— Вот некоторые думают о пустыне, а кто живет в общежитии и работает на фабрике, тот будет выше пустынников.

Стоим мы однажды с духовной сестрой, идет отец и говорит:

— Идите в Покровскую церковь, помолитесь да нищим подайте, не жалейте, а то некоторые считают свои копейки, что на хлеб, — и водит по ладони пальцем.

Мы пошли, и вдруг нищий просит, я подала, что у меня было, а сестра по ладони пальцем гоняет мелочь и говорит:

— Да мне еще на хлеб надо.

А когда нищий отошел, я говорю ей:

— Не тебя ли обличил отец?

— Правда, а я и не поняла.

Все было открыто нашему отцу: он читал наши мысли, и скрыть было ничего невозможно.

* * *

Первый раз я приехала в обитель в 1957 году, до этого нигде не была. Много я скорбела и плакала, так как мне очень хотелось в монастырь. И вот как только узнала, что в Печорах есть монастырь, я сразу взяла расчет и поехала.

В Печорах я попала на квартиру, где были духовные чада отца Саввы. Пошла на службу, на Успенской площади они все стали брать благословение у иеромонаха (а это и был отец Савва), а я смотрю на них, а сама под благословение не подхожу. Он их благословил, а мне говорит:

— А эта откуда прилетела?

Сам подошел, благословил меня и говорит:

— Тоже хочет в монастырь.

Я так удивилась, что он знает мою тайну, и спросила его:

— А вы откуда знаете?

Он говорит:

— Духом чувствую.

Тогда я не понимала, как это можно духом чувствовать, и спрашиваю:

— А почему я не чувствую?

На это он только улыбнулся.

Ехали мы однажды в Печоры вдвоем. Дорогой говорю:

— Я отцу грехи не буду исповедовать, а помолюсь Божией Матери, и Она меня успокоит.

Рассказала свои грехи спутнице, а она свои грехи рассказала мне и тоже сказала:

— Не буду отцу говорить.

Пришли в Успенский храм, отстояли службу, вышел отец на амвон, и сразу все поспешили к нему, а мы стоим в сторонке, я думаю: «Успеем еще подойти». А он говорит:

— Вот две приехали, одна говорит: я не буду отцу грехи исповедовать, а помолюсь Божией Матери, Она меня успокоит, — и назвал все мои грехи, все слово в слово, как я говорила своей спутнице.

Отец дает мне рис в мешочке и говорит:

— Иди за Михайловский храм, там 33 голубя, покорми их.

Пошла, смотрю, стая голубей, высыпала рис, считаю: 29 и сразу еще 4 прилетели — итого 33 голубя.

После своей кончины отец мне приснился. Первый раз: он был очень высоко, мне пришлось поднять руки выше головы, чтобы взять благословение. Он был в голубом облачении.

Второй раз: он был в схиме, я поклонилась ему и говорю:

— Отец, у меня очень много скорбей.

Он повел рукой от себя и сказал:

— А за это грехи сгорают.

Я была так этим утешена и долго, долго радовалась.

* * *

Заболела моя соседка и попросила ухаживать за ней. Я решила: дело доброе, возьмусь, а потом пришла мысль: «Был бы жив отец, разве взялась бы я за такое нелегкое дело без его благословения?» Написала ему все, как живому, и через жребий решила узнать волю Божию. Усердно помолилась, как велел отец в таких случаях, и, к своему удивлению, вытянула: «нет». Как же так: доброе дело — и нет воли Божией? Но ослушаться не посмела. Через год умерла соседка, приехали ее родственники и не нашли кое-каких вещей. Подают в суд на женщину, которая взялась ухаживать за больной. Сколько горя перенесла невинная, а ведь это ждало и меня, если бы я вовремя не обратилась к отцу.

* * *

В столовой я познакомилась с одним человеком, мы с ним стали встречаться. Через некоторое время он мне сделал предложение. Я поехала к отцу за благословением. Когда он со мной беседовал, я почувствовала его святую, неземную любовь и заботу обо мне грешной. Он меня спросил:

— Где ты с ним познакомилась — в столовой?

Я удивилась, что он все знает.

— Детка, человек он очень хороший, но у него есть жена и ребенок. Хотя с женой он не живет, но все равно жизни она вам не даст.

И действительно потом мне очень много пришлось потерпеть от его жены. Но, по святым молитвам отца, я совершенно охладела к этому человеку и спокойно его оставила. Затем я вышла замуж без венца и без благословения. Между нами было что-то непонятное: мы семь раз расходились и опять сходились. Мирно жить не могли и совсем расстаться не могли.

Поехала я к отцу, все ему рассказала. Он говорит:

— Буду молиться.

И вот, по его святым молитвам, все открылось.

Вскоре мой муж узнал, что он некрещеный. Тогда он крестился, мы с ним повенчались, и жизнь у нас стала совсем другой. Я пошла работать в церковь, сын служит иподиаконом и поступил в семинарию. И муж от нас не отстает, стал молиться, ходить в храм, петь и читать на клиросе. А сейчас уже сподобился священства.

Благодарим Господа, что Он даровал нам такого духовного отца, который помогает нам выйти из трудных жизненных обстоятельств и стать на спасительный путь.

* * *

У меня было старое пальто, а мне подарили новое, красивое, которое мне очень нравилось. Об этом я сказала отцу. А он мне говорит:

— Вот если наденешь это пальто, то сразу заболеешь, да еще и будут очень большие неприятности.

А мне все же так хочется надеть это новое пальто — молоденькая, не хочется ходить в старом. И вот я стала приставать к отцу:

— Благословите меня надеть новое пальто.

Тогда отец мне говорит:

— Я тебе сказал, а теперь как хочешь.

И вот я все же надела это пальто — и сразу заболела. Температура 40, и тут же постигли очень большие не-

приятности. Вот что значит ослушаться духовного отца и поступить по своей воле.

* * *

Я училась в школе и одновременно занималась в кружке кройки и шитья, чтобы поступить на работу в ателье.

Пришли мы с мамой за благословением к отцу, стоим. Он вышел из кельи, и мы по очереди стали подходить к нему. Впереди меня стояла одна девушка, и он спросил ее, кем она работает. Девушка ответила:

— Фармацевтом.

Батюшка посмотрел на меня и говорит:

— Ну, что фармацевт — вон Л. будет врачом.

А я тогда про себя подумала: что это отец говорит, я буду работать в ателье, а потом пойду учиться на модельера.

Мама говорит:

— Отец, благословите Л. на работу в ателье.

Отец на меня посмотрел и сказал:

— Хорошо, Людмила будет шить пальто, рубашки.

Мы отошли в недоумении: я собиралась идти работать в ателье, где шили дамское платье. Но когда мы приехали в свой город, обошли все ателье, меня на работу нигде не приняли, и только в одном месте взяли ученицей, где шьют пальто и рубашки.

Потом мы с мамой переехали на постоянное местожительство в Печоры. Я два года заочно училась в Московском институте легкой промышленности на модельера. Но когда работала в больнице, мы с подругой Е. решили поехать в Псков, в медицинское училище. Пришли к отцу за благословением. Меня отец благословил, а Е. задал вопрос:

— А хватит у тебя пороху?

Она меня потом спрашивает:

— Что это отец меня про какой-то порох спросил?

Приехали мы в Псков, поступили в медицинское училище, но нам было очень трудно: нуждались

материально, но особенно плохи были квартирные условия. Вот тогда-то и вспомнила Е. вопрос отца: «А хватит у тебя пороху?»

— Отец, воистину не хватает, — говорит она. Ушла из училища и уехала обратно в Печоры.

Я закончила медицинское училище, работаю фельдшером и не теряю надежды, что сбудутся слова отца, буду и врачом.

* * *

Собрались в отпуск ехать в Почаев втроем. Двоим дали отпуск, они купили билеты, а мне в отпуске категорически отказали. Что делать? Решила поехать к отцу. Он был еще в Загорске. Приехала к нему, все рассказала, он дал мне святое масло и сказал:

— Буду молиться.

Приехала я домой, вышла на работу в ночную смену, но только приступила к работе, как вдруг меня вызывают в кабинет мастера и там говорят:

— Вам предоставлен отпуск, — и сразу отпустили домой.

Сестры уже уехали на вокзал, а когда я туда приехала, никаких билетов не было. Думаю: что же мне делать? А сама от кассы не отхожу. Подошел военный, ему сказали — никаких билетов нет. А я, сама не знаю почему, хотя и неуверенно, но спрашиваю билет до Почаева. И вдруг мне подают билет. Я глазам своим не верю, что у меня в руках билет. Какая милость Божия по молитвам дорогого отца!

* * *

Однажды мы ехали в Печоры к отцу. Места плацкартные, взяли постели и легли спать. Нас было двое. В час ночи в наш вагон вошли двое мужчин, подошли к нам и командуют:

— Вставайте, здесь не спят.

Мы как взглянули на них, так сразу стало понятно, что это за люди. У меня в сумке были чужие деньги на вечное поминовение. Я вижу, дело плохо, сделала вид, что пошла

в туалет, а сама встала в сторонку и изо всей силы душой кричу отцу: «Помогите, спасите!» Вернулась на свое место, и вдруг один другому говорит:

— Отсюда надо уходить, здесь делать нечего, — и оба ушли.

Приехали в Печоры, пошли в церковь, выходит отец из алтаря, подходит прямо к нам и говорит:

— Слава Богу! Господь спас?

* * *

На Пасхальной неделе стою в храме и, чтобы не пришли плохие мысли в голову, про себя читаю: «Царю Небесный...» Отец идет, смотрит на меня и говорит:

— В Пасхальные дни «Царю Небесный» не читают.

Мне было стыдно, что я этого не знала.

* * *

Отец служил раннюю литургию в Успенском храме, а мне хотелось по окончании литургии поехать к сыну, окрестить внучку — приближался день празднования святой, имя которой решили ей дать при крещении. Ехать надо было в другой город, и я со слезами просила Господа, чтобы мне успеть взять благословение у отца. Всю литургию проплакала, весь носовой платок был мокрый, а платочек этот был отцов.

После литургии выходит отец из алтаря, но его так окружили со всех сторон, что не было возможности подойти к нему за благословением. И я решила пойти к трапезной. Идет отец, а я прошу благословения поехать крестить внучку.

Отец вынул из своего кармана новый ароматный носовой платок, улыбается и говорит:

— На тебе чистый платочек. — Потом спросил: — Какое имя хотите дать внучке?

Я сказала:

— Ирина, 1 сентября день ее Ангела.

Отец на это говорит:

— Ангел до трех недель остается в силе, — положил мне на голову руку, потом благословил, и я быстро пошла собираться в путь.

Но когда я туда приехала, мать ребенка не была больна и так сложились обстоятельства, что крестили внучку не 1, а 14 сентября. Тут только я поняла, почему отец мне говорил, что Ангел до трех недель остается в силе.

* * *

Н. стал просить у отца благословения уехать в другой город. Отец сказал:

— Зачем? От креста своего никуда не уедешь.

Теперь я вспоминаю, что эти слова говорил отец и мне. И вот, когда мне бывает трудно и я хочу что-нибудь изменить в своей жизни, вспоминаю эти слова: «От своего креста никуда не уедешь». И примиряюсь с обстоятельствами.

* * *

Когда моему сыну надо было идти учиться в первый класс, мне очень хотелось, чтобы его благословил отец Савва. Перед началом учебного года с большим трудом мне дали отпуск на работе на несколько дней: на дорогу туда-обратно и один день, чтобы увидеть батюшку.

Приехали. Литургия совершалась в Михайловском храме. Людей много, а у алтаря целая толпа детей. Мой сынок в этой толпе совсем затерялся. После литургии был праздничный молебен. Отец стоял на одной стороне, а мы — на другой, напротив него, и приблизиться к нему не было никакой возможности. Я мысленно кричала отцу: «Отец, хотя бы взглядом благословите моего сына!» И — о чудо! — после молебна, когда все батюшки пошли в алтарь, отец перешел на нашу сторону, отстранил других детей, подошел к моему сыну (хотя никогда его не видел) и благословил его большой просфорой. У меня от радости полились слезы, а мальчик обеими руками, крестообразно сложенными, крепко прижал к груди эту просфору и от радости не может выговорить ни слова.

Когда батюшки пошли на трапезу, люди стеной стояли по обеим сторонам. На сей раз отец шел по той стороне, где мы стояли с сыном, и дойдя до нас, положил руку на голову мальчику.

В тот же день мы поехали домой. В Москве нам нужно было компостировать билеты. Людей на вокзале полно, у кассы огромная толпа, много едет детей перед началом учебного года.

Открылось окошко кассы — кассир объявила:

— Билетов никаких нет.

Все заволновались: кто пошел искать дежурного, кто начальника. А я мысленно кричу: «Отец, помогите!» Меня волной людей прижало к самой кассе. Сынишку оттеснили, он плачет, я ему кричу:

— Сынок, не плачь, стой на месте, я здесь, — а сама от кассы не отрываюсь.

Вдруг открылась касса, и мне дали билеты. Мужчина кричит:

— Я был первый, у меня трое детей.

Кассир спокойно ему ответила:

— Билетов только два, — и закрыла окошко.

Вот какие чудеса Господь творит, по святым молитвам нашего дорогого отца.

* * *

Собралась я к отцу и думаю: «Дорогих гостинцев покупать не буду, куплю что подешевле. Отец все равно все раздает другим». Приношу ему свои гостинцы, а он говорит:

— Сама, сама кушай, не надо мне.

Совесть моя заговорила, укорила я себя. В следующий раз купила чего получше, старательно завернула, и отец все принял.

* * *

Когда я поступила в монастырь, меня благословили петь на клиросе. Голос у меня был высокий — дискант, но я заметила что когда поем чего-нибудь кислого

(например, яблок или вишни), то голос садился. И я решила не есть фрукты. Об этом никто не знал, кроме меня.

Приехала я к отцу. Он говорит:

— Мне Господь открыл, что тебе надо прекратить есть все сладкое: сахар совсем нельзя, мед и не нюхать, и вообще есть больше фруктов в любом виде. На тебя надвигается болезнь. Запрещаю тебе строго есть все сладкое, можешь только иногда сиропчик.

Придя на квартиру, после обеда я взяла ложку варенья, размешала в воде, приговаривая: это сиропчик, мне разрешено. Вечером того же дня стояла я у стеночки Успенского храма, входит отец и, поравнявшись со мной, грозит пальцем: «Варенье ведь тоже нельзя».

Одна духовная сестра подарила мне светлые туфли с блестящими пряжками. Отец наш не благословлял носить блестящее: металлические пуговицы, пряжки велел перешивать. Когда я приезжала к нему, эти туфли не показывала, а носила где-нибудь на стороне.

Но вот на Страстной неделе он вызвал меня и говорит:

— Срочно надо ехать на один приход, батюшка просит, некому у них регентовать, — и сделал знак рукой: — Да надевай и новые туфли, которые привезла с собой.

Я удивилась, а он говорит:

— Ведь привезла, есть они у тебя?

— Есть.

— Ну, вот и носи.

Долго живя, по болезни, на квартире в Печорах, я совершенно осталась без денег, а отец лежал в больнице с заболеванием глаз. Я вышла на кухню, подошла к иконам и мысленно обратилась к Божией Матери: «Матерь Божия, пошли денежку, хотя бы на хлеб!» Через некоторое время бежит келейница отца и спрашивает:

— Что, у вас нет хлеба? Отец меня срочно послал купить вам хлеба, — и оставила денег на хлеб.

Хозяйка ничего не поняла. Я молча возблагодарила Царицу Небесную и батюшку за скорую помощь.

Однажды стою я в Успенском храме, кончилась литургия. Отец из алтаря направился к выходу. Люди, как

Икона Успения Божией Матери в Успенском храме Псково-Печерского монастыря

обычно, стеною стоят на дороге и преграждают ему путь, прося благословения.

Было 6 ноября — празднование иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радосте». У меня как раз день рождения. Встав на углу, против двери, я мысленно просила: «Отец, благословите мне что-нибудь, у меня ведь день рождения». Поравнявшись со мной, он говорит:

— День рождения справляют язычники, а у нас, христиан, день Ангела! — и прошел в дверь.

* * *

Мы приехали к отцу втроем. Он нас очень приветливо принял, благословил. С нами была девушка. Отец ей дал флакон и говорит:

— А ну, прочитай, что это.

Она прочитала и говорит:

— Шампунь.

А перед этим она хотела купить его и нигде не могла найти.

* * *

Я положила в карман десять рублей, подошла к отцу и спрашиваю:

— Батюшка, кому перед отъездом отслужить молебен?

А он говорит:

— Так у тебя же денег нет.

Я молчу и думаю: «Что это он говорит? У меня в кармане деньги». На второй день подхожу я к свечному ящику, чтобы заказать молебен, а в кармане пусто — потеряла деньги. Тут и вспомнила слова отца.

* * *

Мы жили с мужем вдвоем, но мира и тишины в доме не было. Я мужу не уступала, а он, в свою очередь, доказывал свою правоту, и так долго продолжалось.

Наконец мне все это надоело, и я решила вести себя по-другому. Муж мне скажет обидное слово, чувствую, что

начинаю раздражаться, — беру Псалтирь и начинаю читать. Муж немного пошумит, потом замолчит. И так мало-помалу у нас в доме водворились тишина и спокойствие.

Пришла я в храм, мимо проходит отец, остановился около меня и говорит:

— Вот давно бы так!

* * *

Сын моей сестры был в деревне, играл в поле с ребятами в прятки, прятались в соломе. Мой племянник влез на верх стога и провалился. Кричал, кричал — никто его не слышит и не идет на помощь. Долго кричал и старался выбраться — ничего не получается, выбился из сил. Тогда он закричал:

— Господи, спаси меня! Отец Савва, помоги мне!

Увидел в соломе просвет, стал выбираться и выбрался из стога. Пришел домой и рассказал, что отец Савва помог ему выбраться.

* * *

Заболели у меня руки, не могу работать: кирпичи надо подавать другому человеку, а они у меня из рук выпадают.

Решила перейти на другую работу и сказала об этом духовной сестре. Она спросила:

— А ты писала об этом духовному отцу?

Я ответила:

— Нет, не писала.

Она говорит:

— Напиши немедленно.

Я написала ему вечером, а утром пошла на работу и работала как положено, со всеми наравне, и руки у меня не болели.

* * *

Года три тому назад со мной был такой случай. Я занимался парашютным спортом и был на соревнованиях. Прыгнул и лечу на землю. Подошло время открыть

парашют, но он не раскрывается. Я рванул запасной — результат тот же. Землю вижу, смерть передо мной, и я закричал:

— Батюшка Савва, помоги, погибаю!

Сию же секунду распахнулся парашют и запахал по земле, только пыль столбом.

Жив отец наш духовный схиигумен Савва, хоть и покоится в пещерах. Духом он всегда с нами был, есть и будет! Слава Богу, что Господь дал нам такого духовного отца, который быстро слышит и мгновенно помогает.

* * *

Я приехала в Печоры к отцу, чтобы принести покаяние, но сама я неграмотная и не могу написать исповедь. Я очень расстроилась и говорю:

— Зачем я приехала сюда? Только деньги потратила, а утешения никакого не получила.

Так и роптала на квартире. Пришла я в храм, отец идет мимо меня и в точности повторяет мои слова, а потом продолжает:

— А вот приедут из Москвы и покаяние напишут.

Я думаю: «Кто приедет?» И действительно, приехала из Москвы З. и написала мне покаяние. И весь мой ропот сменился радостным утешением.

* * *

К отцу в чада я пришла после его смерти. Я очень скорбела, что не видела его живым. И однажды во сне я его очень ясно видела и даже чувствовала его проницательный взгляд. Я упала перед ним на колени и просила благословить моих детей. В то время детей у меня было четверо, но благословлял он пятерых. И вот прошло шесть лет, и у меня родился пятый ребенок.

* * *

Приехала с моей родины моя знакомая В. с двумя сыновьями. Она была духовное чадо отца Саввы. Отец принимал народ. Я подошла к нему и взяла благословение,

после меня подошла В. и стала говорить отцу, что хочет научиться читать Псалтирь, да и детей научить этому. Батюшка говорит мне:

— Дай ей свою Псалтирь.

Я, всегда охотно исполнявшая его благословения, на этот раз промолчала.

В. спрашивает отца о своих семейных делах, а я стою, одолеваемая бурею помыслов: «Как же мне отдать ей Псалтирь? Я же сама ее читаю». Дорогой я сказала В., что не могу отдать.

На следующий день получаю посылку для отца. Открыла — сверху лежала Псалтирь.

Я написала отцу об этом, попросила прощения. Отдала В. свою Псалтирь, а присланную отец благословил мне.

Когда прошло пять лет после кончины отца, я получила исцеление, приложившись к его фотографии. Это случилось после того, как я перенесла операцию. У меня был аппендицит, но я вовремя не обратилась к врачам. Мое состояние было крайне тяжелое, жизнь, как говорится, держалась на волоске: перитонит.

Операция длилась три с половиной часа под местным наркозом, боль была невыносимая. Чтобы ничего не видеть, я закрыла глаза, но отчетливо видела отца с большим престольным крестом в руках.

По милости Божией, за святые молитвы отца, операция прошла благополучно. И я вернулась домой. Прошел месяц, я была дома одна. На улице мороз, а в сенях — бак огурцов, картошка в мешке. Перенесла все на кухню, чувствую, что началось неладное. Поднялась нестерпимая боль, и я поняла, что без врача не обойтись. Пошла в больницу.

Врач назначил обезболивающие уколы. Заняла свободную койку и до вечера крутилась, ожидая облегчения, но так и не дождалась. Что делать? Здесь умирать или дома?

Попрощалась с дежурной медсестрой и сказала, что иду домой. А кто дома может помочь, если в больнице не помогли? Единственная надежда — отец! Подошла

к его фотографии и все ему рассказала, как живому. Прошу: «Отец, умоли Господа облегчить мои страдания, а у тебя прошу прощения и благословения». Приложилась к фотографии отца и, несмотря на нестерпимую боль, все же заснула. Проснулась и думаю: что же это, вроде тихо в моем животе? Лежу и боюсь шевельнуться. Но потом все же повернулась — и никакой боли, слава Богу! Как будто страшного и не было никогда. Почувствовала себя совершенно здоровой. Слава Богу!

* * *

Я была знакома с некоторыми духовными чадами отца Саввы и от них очень много слышала о нем. Хотя я его никогда не видела, но всем сердцем была расположена к нему и твердо решила только его избрать духовным отцом.

Однажды я взяла отпуск, приехала в Почаев, да так там и осталась. Через год приехал отец. Как только он зашел в Успенский храм, его сразу окружили люди, так что подойти к нему было невозможно. Я отошла в сторонку, где стопочка Божией Матери, стою там и говорю:

— Матерь Божия, я никак не могу подойти к отцу, не знаю, что ему сказать, что спросить.

Смотрю, а батюшка уже стоит со мной рядом и говорит:

— Ну вот, отец Савва приехал.

А я опять не знаю, что ему сказать, только и вымолвила:

— Спаси, Господи.

Отец дает мне иконочки: святителя Николая Чудотворца (и говорит: «Он твой покровитель и помощник, молись ему»), Божию Матерь с птичками (и говорит: «Будешь как птичка») и третью иконочку — Божию Матерь Игумению: «Это Божия Матерь — всех монашествующих Покровительница». И еще сказал: «Потом сторожем будешь».

Так все и сбылось. Прожила я в странствованиях, как птичка, потом жила в монастыре. А потом стали закры-

вать монастырь и отправляли всех, кто куда хотел. Дошла очередь до меня — спрашивают:

— Куда тебя?

Я не знала воли Божией и им ответила по-украински (монастырь был на Украине):

— Якось Бог даст.

Спрашивают:

— Ты откуда?

— Из Сибири, жила в Москве, приехала из Почаева.

— А теперь куда поедешь?

— Якось Бог даст.

— Куда же тебя выписывать?

Я им в третий раз сказала:

— Якось Бог даст.

Тогда начальник милиции говорит:

— Оставайся здесь, будешь сторожем на кирпичном заводе.

Так сбылись и эти слова отца.

* * *

На сороковой день после кончины отца Н. привезла своего внука, которому было около пяти лет. Он был совершенно немой и очень злой. Когда стали пускать в пещеры к отцу, мальчика с трудом удалось туда завести и приложить его головку ко гробу. При жизни батюшки, когда мальчику было два с половиной года, бабушка с дедушкой привозили его к отцу и он предсказал, что мальчик будет хорошо петь, и ребенок вскрикнул тогда, около кельи отца, но до пяти лет, то есть до этой поездки, не произнес ни звука.

До сорокового дня ниша, где стоял гроб отца, была открыта. Малыш залез в нишу и забрался на гроб. Вылазит оттуда и говорит бабушке:

— Мама, горть песочка потлал батюшка Тава.

Это были его первые слова в жизни.

Бабушка все время прикладывала его к фотографии отца и к этому песочку и со слезами просила исцелить внука. Мальчик вырос и свободно владеет речью.

* * *

Много лет тому назад отец дал мне иконочку преподобного Никандра Пустынножителя и говорит:

— Вот тебе, будешь пустынница.

Я, ничего не разумея, конечно, приняла это за шутку. Когда пошла на пенсию, стала часто приезжать в Печоры и жила там подолгу. Отец стал давать послушания, а квартирных условий не было.

И вот мы, несколько человек, решили поселиться за небольшую плату в пустовавшем домике эстонской деревни. Домик этот был на порядочном расстоянии от деревни, около лесочка, окна выходили в поле, дороги большой близко не было, кругом тишина, и это место прозвали пустынькой, а нас — пустынницами. И оказались слова отца не шуткой, а его духовной дальновидностью.

* * *

Свой отпуск я проводил в Печорах, и отец сказал, когда мне ехать домой. Но я подумал: «Надо поехать пораньше, доделать домашние дела».

Не послушал я отца и уехал из обители на неделю раньше, чем он благословил. И что же? Просидел на аэродроме ровно столько дней, на сколько меня оставлял отец. Хотя я был недалеко от дома, но стояла нелетная погода и к нам в горное селение не летал самолет. Сидел и горько сожалел о том, что не послушал отца.

* * *

У меня совсем развалилась печь. Горюю: что делать, где брать кирпич, глину, песок, круги железные, да и печников никого на знаю. Прошу отца: «Только ты мне можешь помочь своими святыми молитвами».

И вот чудо! Двое мужчин идут мимо нашего двора, ищут, где бы подработать. В это время моя сестра вышла за ворота, они ее спрашивают:

— Вам ничего не надо бетонировать?

— Бетонировать нечего, а вот печку надо перекладывать.

Говорят:

— Хорошо, придем завтра.

Сами все привезли, сами печку разобрали и за три дня все сделали.

* * *

Отец исповедовал, а меня обуревали разные мысли. Отец посмотрел на меня и говорит:

— Когда самовар холодный, мухи над ним летают, а когда он кипит, ни одна не пролетит — горячей молитвой молиться надо.

Скончалась схимонахиня Сергия. Стоим мы около отца в Успенском храме, и он говорит:

— Вот душа блаженной старицы схимонахини Сергии сейчас испытывает такое: перед ней — гора ледяная. Поднимается она и опять вниз скатывается, снова поднимается до половины, почти до вершины — и опять вниз... Это препятствие перед ней за грех ропота — страшный грех. Она допустила его, когда за ней ухаживали перед ее кончиной. Но ничего! — говорит бодро отец, — вот мы сейчас все за нее помолимся, и препятствия этого перед ней не будет, душа свободно пойдет дальше. А в сороковой день Господь примет душу ее в вечный покой, на вечную радость.

* * *

Однажды иду я на работу, встретила меня матушка Е., как и сказал ей отец:

— Сейчас встретишь В., пусть зайдет ко мне.

Пришла, отец говорит:

— Тебе пора одежду менять.

Я посмотрела на себя (а была в светлом плаще и белых туфлях) и подумала: надо поскромнее одеваться. Но эти слова были о моем будущем и сбылись еще при жизни отца. Теперь у меня другая одежда, по милости Божией, Царицы Небесной и святым молитвам дорогого отца — монашеская.

* * *

От монастыря мы работали в колхозе, копали картошку, и у напарницы воспалились почки. Она говорит:

— Больше не могу работать.

Я в душе прошу отца о помощи (это было уже после его кончины). И вдруг выходит из кабины тракторист и говорит:

— Я вам буду помогать, — и помогал до конца дня. А работали мы целый месяц, и он нам ни разу раньше не помогал.

Слава Богу за все! А дорогому нашему духовному отцу — Царство Небесное, вечный покой.

* * *

У матери духовный отец схиигумен Савва, и у нее благословение отца Саввы делать поминальные обеды о его упокоении. А у дочери духовный отец другой. И вот дочь говорит матери:

— Мама, пожалей свое здоровье, не делай поминальные обеды.

Но мать твердо знала, что благословение духовного отца необходимо выполнять. Батюшка, бывало, ей скажет:

— Вот тебе хлеб, будешь кормить тех, кто придет. Преподобный Серафим Саровский давал по сухарику, а вот тебе целый хлеб.

И на этот раз, когда собрались на обед, попросили и дочь помочь. Она усердно помогала, а когда попросили прочитать стихи — завещание схиигумена Саввы духовным чадам, так же старательно стала читать. Прочитав последние слова: «Забыв могильный сон, приду и сяду между вами», она вдруг заволновалась и заплакала. На вопрос: «Что с тобой?» — ответила:

— Я физически ощутила, как отец Савва шел к столу и остановился около меня.

* * *

Везу отцу варенье. В дороге переставил банки, не помню, где чье варенье: «Это Марии или то, что я из

дома взял? Дай-ка попробую из той и другой банки». Так и сделал.

Приезжаем, отец и говорит мне:

— Ну как, варенье-то вкусное?

Стыдно было.

* * *

Я отцу пожарила яичницу и подсушила, а он говорит:

— Подсушила яичницу, ешь ее теперь сама.

А я думаю: «Все же отец капризный». Отец тут же отвечает:

— Это не капризы мои, а мне нельзя такое есть.

* * *

По милости Божией духовный отец у меня схиигумен Савва. Мой муж — священник. Детей у нас не было.

Однажды нас посетил отец Савва, он просил меня, чтобы я дала согласие, и он вымолит мне сына, который будет преемником отца Б. (моего мужа) и продолжателем священства в моем роду, так как мой отец, дедушки и прадедушки были священниками. А я, неразумная, с упорством говорю ему, что не хочу детей — не перенесу их смерти. Дорогой отец! Он мне три раза сказал, что может вымолить мне дитя.

Когда батюшка от нас уезжал, уже сел в машину, я подбежала к машине и сказала ему:

— Вы помните, что я не хочу ребенка?

Он улыбнулся и сказал:

— Хорошо, воля твоя, — и уехал.

А теперь все это я вспоминаю с чувством глубокого раскаяния. Если бы теперь были у нас сын или дочь, какое было бы для нас счастье. Мы оба больные и старые. Сегодня, во время совершения Божественной литургии, у батюшки было плохо с сердцем, когда мы пели «Милость мира». Я опять вспомнила слова дорогого отца схиигумена Саввы.

В начале моей духовной жизни у меня было много ошибок, а главное — непослушание духовному отцу.

По его святым молитвам, я это осознала и поехала к отцу, чтобы принести ему покаяние. Он дал мне очень легкую епитимию: пять поясных поклонов в день и читать книжечку «Покаяние и воздыхания», что я аккуратно выполняла при его жизни. А когда батюшка скончался, эту епитимию я совсем перестала выполнять.

И вот снится мне сон: огромный очень красивый зал, там отец и много его духовных чад. Я подошла к батюшке и спрашиваю: «Вы считаете меня своей духовной дочерью?» Он ответил: «Нет, потому что ты не исполняешь мою епитимию. Будешь исполнять — будешь опять моим чадом».

Теперь я опять усердно исполняю его епитимию и чувствую в это время себя очень счастливой.

* * *

Схиигумен Савва — духовный отец моих дедушки, бабушки и крестной. А у нас с мамой духовный отец другой.

Еще будучи подростком я была с крестной в Печорах, подходила к отцу Савве, и он говорил, что за меня молится. Однажды крестная попыталась спросить его о моем будущем, но он ничего не ответил, а только внимательно посмотрел на меня и как-то особенно ласково улыбнулся. Эту его улыбку я помню всю жизнь.

Шли годы, я окончила институт, поступила на работу, возник вопрос о личной жизни. Со своим духовным отцом у меня не было связи. Как решить такой серьезный жизненный вопрос, не зная воли Божией?

Вдруг вижу во сне отца Савву. Я обрадовалась и думаю: как хорошо, вот я его и спрошу, как мне быть — выходить замуж или остаться одинокой? Он мне ответил так: «Сама жизнь покажет».

Ответ его меня огорчил. Думаю: как это — сама жизнь покажет? Хочется точно знать — выходить замуж или нет? Так я и проснулась в недоумении.

В скором времени мне довелось познакомиться с одним молодым человеком. Симпатичный, с высшим об-

разованием, а самое главное — говорят, что он верующий, его несколько раз видели в храме.

Через некоторое время этот молодой человек делает мне предложение. Но я не спешила дать согласие на брак, стала внимательно присматриваться к его наклонностям, интересам, пыталась понять, что у нас с ним общего. Приближается воскресенье, и он мне задает вопрос:

— Как мы проведем этот день?

Я ответила:

— Мы с мамой идем в церковь.

— Ну тогда я один пойду на лыжах, — говорит он.

Глотаю первую горькую пилюлю...

Приходит следующее воскресенье. Он заявляет:

— Наши сотрудники едут на экскурсию, мне как-то неудобно отрываться от коллектива, придется поехать.

Пилюля вторая...

А вот скоро и Новый год. Опять вопрос:

— Как будем встречать Новый год?

— Будем, — говорю ему,— только, как всегда, по-христиански — ведь это будет еще Рождественский пост. У нас есть магнитофон, очень хорошие записи, у меня есть друзья по хору — духовное можно попеть.

Он все это выслушал и как-то смущенно говорит:

— Ну а я, пожалуй, поеду к отцу.

Невольно вспомнила слова, сказанные мне отцом Саввой: «Сама жизнь покажет». Вот она и показала. Я твердо уверена, что спас меня Господь от этого брака только по святым молитвам отца Саввы. Слава Богу за всё!

* * *

Мы, несколько человек, ехали в Печоры на праздник Успения Божией Матери. У нас был большой груз. Дали нам билеты в разные вагоны. Зашла я в вагон и мысленно обратилась к отцу: «Как плохо, что мы в разных вагонах, как же мы будем выгружаться?» И тут же свершилось явное чудо: пришел к нам в вагон мужчина и говорит мне:

— Будьте любезны, уступите мне ваше место, перейдите в 13-й вагон, а у меня здесь сынишка один.

Нам всем Господь послал радость за святые молитвы нашего дорогого отца.

* * *

Это было после кончины отца. М. заболел, у него был нарыв на руке от локтя до ладони. Его положили в больницу, велели приготовить к операции.

Во сне М. видит отца, он взял М. за руку и говорит: «Да какой тут нарыв? Давайте записки о упокоении на Великий пост, я жду. Из всех городов уже привезли».

Без разрешения врачей М. приехал домой и говорит жене:

— Собирайте скорее все записки о упокоении на Великий пост в Печоры, отец там ждет, — и показывает ей свою руку: — Смотри, отец меня исцелил.

* * *

Мальчик Василий ехал со своей мамой из Минска в Печоры. У него очень сильно болел зуб, опухла щека.

Стоят они в храме, заходит отец Савва, и мать мальчика обращается к нему с просьбой помолиться за сына. Отец Савва помолился минуты две, провел по щеке мальчика рукой, и боль сразу утихла, а опухоль тут же сошла.

* * *

Я приехала в Печоры в первый раз. Отец исповедовал. Когда стояла в очереди под разрешительную молитву, приготовила рубль и зажала его в левой руке. Отец посмотрел на меня и говорит:

— Настенька, возьми деньги в правую руку, левой рукой не дают.

Я так удивилась: ведь он меня видит впервые, а называет по имени и знает, что я держу в левой руке рубль.

Пасхальный крестный ход

* * *

Одна духовная дочь отца Саввы вышла замуж. Муж ее оказался жестоким, с таким своеобразным характером, что ни в чем ему не угодишь. Жизнь ее стала настоящей мукой.

Как-то он сломал ей руку, и она всего на один день приехала к отцу в Печоры, чтобы попросить его святых молитв и подкрепиться духовно. Но его в это время в обители не было, он куда-то уезжал.

С поникшей головой пошла на автобусную остановку, чтобы ехать обратно. А в это время батюшка на легковой машине возвращался в обитель. Он ее увидел, остановил машину, подошел к ней и всего за несколько минут, как она потом рассказала, так ее утешил и ободрил, что она забыла все свои скорби и радостная, окрыленная, поехала в обратный путь.

* * *

Я духовное чадо схиигумена Саввы — уже старенькая, одинокая. Сижу и горюю: подходит зима, а у меня совершенно нет дров.

Смотрю на фотографию отца и обращаюсь к нему, как к живому: «Батюшка, помоги, помолись, чтобы мне Господь послал дрова». И вот чудо!

Напротив моего дома был деревянный мост, уже старый, и его решили сломать и построить новый. Я вижу, что мост разбирают, пошла спросить: не продадут ли мне на дрова старые бревна? Не только продали, но и сами нагрузили две машины и привезли ко мне во двор.

* * *

Одна девушка рассказала:

— Я совершенно не знала отца Савву, никогда его не видела, но уже после его кончины много слышала о нем, о его молитвенной помощи.

Совсем недавно я познакомилась с одним молодым человеком. Он мне сделал предложение. Я готова была дать согласие на брак, но моя мама была против, так как он совершенно неверующий. Пойти против мамы было страшно, а побороть свое чувство к нему не находилось сил. И вот я решила обратиться к отцу Савве, попросить его святых молитв. И что же — сама в себе вдруг почувствовала какую-то перемену: рассудок начал бороться с чувством. Я представила себе жизнь с человеком, который не имеет со мной ничего общего. Да, это ужасно — мама права. И точно после зноя повеяло прохладным ветерком, на сердце стало так легко, спокойно и наступило полное охлаждение к этому человеку.

* * *

Однажды у меня поднялось высокое давление, шатает из стороны в сторону, а надо ехать на заказную литургию. Хотела взять свою палочку, но нигде не могу ее найти. Спросила дочь, она тоже не знает, где моя палочка. Стали искать вместе, но так и не нашли. А ночью мне

приснился отец и сказал, где моя палочка. Она оказалась там, где он и сказал.

* * *

Отец исповедовал и во время исповеди сказал:

— Лицо каждого человека — это зеркало души.

Я стою и думаю: «Но ведь у всех лица разные: у молодого — гладкое, красивое, а у старого — морщинистое». Слышу, отец говорит:

— Лица, конечно, у всех разные — старые и молодые, а душа у всех одинаковая, но состояние ее бывает разное. От грехов душа темнеет, покрывается мраком и смрадом, а кто кается и живет благочестиво, у того душа светлая, ароматная, и все это отражается на лице.

* * *

На исповеди батюшка одного обличил, что он не целует свой крестик. Тот сказал:

— Я всегда целую.

— А вот подойдешь ко мне, тогда скажу. Меня обманешь, а Бога не обманешь.

Отец ему сказал, в какое время он не целовал свой крестик. Тот человек вспомнил и ответил:

— Да, это правда.

* * *

Мне запали в душу слова отца: «О, как Матерь Божия любит тех людей, которые к Ней обращаются! Как дорого, когда чада прибегают к Матери Божией. Она любит этих чад и берет их под Свой покров». И еще говорил отец: «Что такое благословение? А это — отсечь свою волю и творить волю Божию».

* * *

Я встретила одну знакомую старушку, вид у нее был печальный. Она и стала рассказывать:

— Напротив нас продали дом, и одна молодая женщина купила этот дом и поселилась в нем. Мой

«О, как Матерь Божия любит тех людей, которые к Ней обращаются!»

старик сначала из окна все поглядывал на эту женщину, а потом стал похаживать к ней. И вот теперь он мне заявляет: «Давай разводиться, ты уже старая, я ухожу к этой женщине». Я ему стала говорить: «Опомнись, у нас не только дети, а и внуки взрослые, от людей-то какой стыд!» А он свое: «Давай развод!» Жаль мне, конечно, не так его самого, как его душу. Мы же с ним повенчаны.

Мне очень жаль было старушку, и я посоветовала ей обратиться к нашему отцу, попросить его святых молитв. Она с радостью согласилась и поехала в Печоры. А когда приехала обратно, женщина, только что купившая дом, вдруг продала его и уехала. А старик совершенно изменился: стал внимательно относиться к жене, жалеть ее и во всем помогать.

* * *

Отец лежал с желтухой в больнице, в инфекционном отделении, и к нему никого не пускали. Но, по милости Божией, я все же к нему прошла и стала спрашивать его, как мне быть со своей мамой — в деревне ей одной плохо. Отец сказал:

— Возьми маму к себе.

— Но ведь это совершенно невозможно, я живу в общежитии и занимаю только одну койку.

Отец повторил:

— Возьми свою маму к себе.

Приехала я домой, рассказала все духовным сестрам, а они в один голос:

— Невозможно, никто не разрешит!

Но благословение есть благословение, надо выполнять. Пришла я в жилконтору, но получила отказ. Стала просить помочь мне, и, по святым молитвам отца, совершилось явное чудо: мою маму не только прописали, но даже выдали ордер на жилплощадь.

Однажды я была у батюшки во время своего отпуска. Отпуск закончился, надо было ехать на работу, а отец мне говорит:

— Тебе придется задержаться.

Я очень испугалась — в то время строго судили за прогул. Но ослушаться не посмела.

Приехала домой, а меня до работы не допускают: пиши объяснение, почему опоздала. Я написала, и меня вызвал директор. Пришла к нему, он говорит:

— Вот ты опоздала, а ведь это по-христиански — грех?

— Виновата, — ответила я ему.

— Что же нам с тобой делать?

Я и говорю:

— А вы меня, пожалуйста, простите!

Директор порвал мою объяснительную записку и велел приступать к работе.

* * *

Мы собрались с мужем поехать к его родителям. Я их никогда не видела, а также и они меня, и мне очень хотелось иметь хороший вид, но у меня седые волосы. И решила я купить парик. Денег на это не пожалела, купила, надела — такой красивый, мне очень идет! Полюбовалась, повесила его на гвоздик и ушла.

Пришла в храм, отец исповедовал. Подошла к нему, а он сразу и говорит:

— Полюбовалась, повесила на гвоздик и ушла. Сожги его.

Пришла я домой, сняла с гвоздика, держу в руках: такой красивый — и жечь? Да и деньги жалко. Я решила его продать. Думаю, поеду в Псков и сдам его в комиссионный магазин. Пришла к отцу, он спрашивает:

— Ну что, сожгла?

— Я его сдам в комиссионный магазин.

— Ни в коем случае, только сжечь! Змее надо наступать на голову, а не на хвост.

Что делать, пришлось сжечь. Очень жаль было...

* * *

Моя духовная сестра А. была в Печорах. Домой ехала через Москву. Через некоторое время получаю письмо, она пишет: «У меня пропал в камере хранения в Москве чемодан, в котором были духовные книги, Евангелие и другие ценные вещи. Об этом я заявила, но пробыла в Москве несколько дней — и никакого результата, так и уехала ни с чем». Я сказала об этом отцу, а он говорит:

— Ничего у нее не пропало, сама перепутала ячейку, все цело, все вышлют, — и действительно потом ей все прислали.

* * *

Стою в храме вечером во время богослужения, и очень захотелось есть. Говорю своей родной сестре:

— Пойду на квартиру, есть хочу до смерти!

Подходит ко мне отец и дает мне апельсин:

— На, подкрепись, ты ведь до смерти есть хочешь.

* * *

Отец служил водосвятный молебен и стал всех кропить святой водой. Мне попала одна капля, и то только на пальто. Отец говорит:

— Когда кропят святой водой, даже воздух освящается, а если попала хотя бы одна капля на лицо, все тело освящается.

Я стою и думаю: «А мне капля попала только на пальто». Батюшка посмотрел на меня и говорит:

— Если на пальто попала капля, весь человек освящается, только надо верить.

* * *

Мне очень хотелось поехать в Печоры на день Ангела батюшки, но с работы меня не отпускали. Я написала отцу, попросила его святых молитв. После этого пришла на работу, а мне говорят:

— Ты попала под сокращение.

Я сначала стала возмущаться: столько лет работаю, никаких замечаний — и вдруг сократили. Но потом опомнилась: я же писала отцу, просила его помощи, это же все по его святым молитвам случилось. Обрадовалась и поехала. Вернулась домой, мне говорят:

— Выходи, пожалуйста, на работу, на твое место никто не идет.

* * *

Видя, как страдают от греха раздражительности, гнева, отец говорил:

— У некоторых бывает такой гнев, такая раздражительность, как на море волны бьют, поднимаются,

шумят. Но если нас ругают, это не страшно, лишь бы мы так не поступали, не гневались сами. Представьте, как тяжело бывает разгневанному человеку, ведь у него ад в душе. Его надо пожалеть, помолиться за него.

* * *

Отец считал, что о мирских делах, исключая необходимое, хорошо бы не говорить, и просил всех постоянно пребывать в молитве:

— Ведь нам все равно надо дышать, так вот, хорошо бы на вдох говорить: «Господи», а на выдох: «помилуй». Вдыхать Господа и выдыхать из себя все нечистое, греховное.

* * *

Отец говорил:

— У меня чада разные: есть как горшочки крепкие, которые можно стукнуть, и не разобьются, а есть как вазочки, с которыми приходится обращаться осторожно, а еще есть такие хрустальные рюмочки, что и дотронуться боишься, как бы не разбить! К каждому надо иметь свой подход.

Одна из его духовных чад была подобна такой рюмочке: не могла терпеть ни малейшего замечания, раздражалась, огорчалась и капризничала. По характеру она была веселая, в обществе старалась выделяться, требовала к себе внимания, любила красивую одежду. А косу на голове укладывала как-то особенно, в виде короны. И что же делает наш мудрый отец? Он ее посылает к ныне покойному старцу Симеону.

И вот приходит она к этому старцу, а он перед ней расшаркался, улыбается, сыплет ей комплименты, с особым вниманием смотрит на ее голову и делает комплимент: какая у вас изумительная прическа! А она, конечно, сразу же стала его мысленно осуждать: «Ну батюшка и послал меня к старцу, да это же настоящий кавалер!» А потом ее что-то осенило, и она поразилась, с какой точностью старец ее скопировал. «Ну и мудрец же наш батюшка!»

* * *

Однажды, уже после смерти батюшки, приехали ко мне мать и дочь из Майкопа, духовные чада отца Саввы, и мы за столом говорили о нем, а я все думала: какие они счастливые, видели отца при его жизни, а я его не видела и не увижу.

И вот только они уехали, как в ту же ночь во сне мне явился отец, весь сияющий, в белоснежной блестящей ризе, и такая от него исходила любовь и благодать, что вся моя душа наполнилась невыразимой духовной радостью. Я горько пожалела, что проснулась, — так хотелось, чтобы это блаженство продлилось еще хотя бы одну минутку.

И я подумала: если от святых исходит такая благодать, то каково же будет с душой человека, если он увидит Божию Матерь и Самого Господа? Да! Истинно это будет предел блаженства!

* * *

Одна женщина из Сочи, мать девяти детей, написала схиигумену Савве письмо с просьбой принять ее в духовные чада. В исповеди она постаралась перечислить все свои грехи.

Через некоторое время она видит сон: в храме отец исповедует, она подходит к нему, а он держит лист бумаги, на котором она написала исповедь, и говорит ей:

— Ты не все здесь написала, вот в этих грехах не покаялась, — и сказал, в чем покаяться.

* * *

Я сильно заболела, боль была нестерпимая, все думала, что у меня болит сердце. Несколько раз обращалась к врачам, но они говорили, что это естественное, возрастное явление, и помощи не оказывали.

Приехала к отцу, он на меня смотрит и говорит:

— Что, болеешь?

— Да, — отвечаю, — очень болит сердце.

— И вовсе не сердце у тебя болит, а поджелудочная железа.

Дал мне святое масло, и у меня вся боль прекратилась.

* * *

У меня было очень плохо с легкими. Шесть месяцев лежала в больнице, столько же — в санатории, но улучшения не было. Врачи не знали, что со мной делать.

Моя тетя поехала в Печоры, написала о моем состоянии отцу. Он помолился и прислал мне большую просфору и другие гостинцы. По его святым молитвам я получила полное исцеление и вышла на работу.

* * *

Отец благословил нас двоих на Святую горку и дал нам книжку, чтобы мы почитали. А мне захотелось пить, и я стала уговаривать свою духовную сестру уйти оттуда. Смотрим, идет к нам одна матушка, дает мне бутылку лимонада и говорит:

— На, это тебе отец прислал.

* * *

В 1974 году мы вдвоем впервые приехали из Майкопа в Печоры. В обители мы увидели у дверей корпуса толпу людей, и нам сказали, что все они пришли к отцу Савве. Тогда и нам захотелось увидеть этого старца. Мы стали молиться и просить Божию Матерь, чтобы Она сподобила нас увидеть его. А потом стали со слезами просить и отца Савву: «Дорогой батюшка, мы приехали из Майкопа в первый раз, помогите нам повидать вас». Вдруг открывается дверь, выходит старушка и говорит:

— Кто из Майкопа, пройдите к отцу Савве.

Нас пропустили, и мы подошли к его келье. Отец вышел к нам и велел прочитать три раза «Отче наш» и три раза «Богородице Дево, радуйся!», а сам ушел обратно. Только мы успели прочитать, он опять вышел к нам, дал по конверту и благословил нас быть его духовны-

ми чадами. Сказал, чтобы мы написали с семилетнего возраста свои грехи и побыли в обители семь дней. На квартиру благословил к М., а мы ее не знали, но когда вышли, то она сама подошла к нам.

Через семь дней отец благословил нас ехать домой. Уезжали мы из обители, как будто вновь на свет народились.

* * *

Помню, как отец учил послушанию. В Успенском храме после службы ждем все отца, народу много. Он выходит из алтаря и полную чашечку, в которую запивку наливают, выносит воды. Подает мне и говорит:

— Выпей, Л., один глоток.

Я обрадовалась, набрала воды в рот, глотнула, а во рту еще вода осталась. Глотаю еще, а отец посмотрел на меня с горечью и сожалением:

— Я ведь сказал: один глоток. Где же твое послушание?

Не по себе мне стало: стыдно, чуть не плачу, что отца расстроила, и в душе обещаю всегда слушаться, не огорчать батюшку. Никогда не забуду его взгляда: столько в нем было боли от моего непослушания.

Вскоре я переехала в Печоры. Отец сам дал мне адрес, где жить, и благословил работать в больнице санитаркой. Мне все там не нравилось: и работа грязная, и отношение медсестер казалось плохим, унизительным. Вслух роптать не смею — ведь отец благословил! — а внутри все противится.

Стою как-то в Успенском храме — жду, когда мимо отец пройдет. И вот он идет, остановился возле меня и при всех говорит:

— А Л. у нас какая радостная!

Тут уж я не выдержала: слезы фонтаном! Отец говорит:

— Это она от радости плачет, работа в больнице нравится. Больные ей «мама» кричат.

А я ведь ему еще ничего не писала. А потом уже серьезно говорит:

— Ну что, не нравится работа? Потерпи хоть до Рождества Христова (а была осень), а там, может, на фабрику пойдешь, только не в ателье, а то будешь там шить вычурные фасоны. Потерпи, а я помолюсь, — и шоколадку мне дал, чтобы я угостила медсестру, с которой работала в смене.

И произошло чудо: все изменилось. И медсестры не обижали, и дети некоторые мамой звали, и я к ним с радостью бежала.

* * *

Когда я собралась ехать к отцу, меня попросили взять с собой в Печоры одну молоденькую девушку. Я сначала не соглашалась, но потом все же ее взяла. Приехали мы в Печоры, а она вместо того, чтобы пойти в храм, идет то в один магазин, то в другой, то в столовую. Одну пускать ее я боялась, так и ходила сама с ней везде, измучилась.

Пришли мы с ней в храм, я стала у стены и стою. Заходит отец, его сразу стал окружать народ, а он прямо подходит ко мне и говорит:

— Что, совсем она тебя замотала? — Благословил меня, а потом подозвал эту девушку, спрашивает ее: — Все уголки в Печорах обошла? — и назвал те места, где мы с ней были. Правда, в мягкой форме, но постарался ее вразумить. А ведь я ему об этом ничего не говорила.

* * *

У духовных чад отца был сынишка-подросток. В присутствии родителей он молился, читал Евангелие, но делал все это притворно, а родители им восхищались, что он такой благочестивый мальчик. В отсутствие же родителей он вел себя очень плохо.

Приехали они в обитель и пошли все к отцу. Им очень хотелось показать, какой у них благочестивый сынок. Только хотели они про него сказать, а отец говорит мальчику:

— Тебе надо дубину на спину, ты почему себя так ведешь: притворяешься, обманываешь родителей, а сам

что творишь, чем занимаешься? — и вынудил его во всем признаться родителям.

* * *

Пошли мы с сестрами в лес, набрали грибов. И не заметила я, как отстала от своих. Дороги домой не знаю. Страшно одной в лесу, а время уже к вечеру.

Стала я молиться: «Господи, молитвами отца моего духовного, схиигумена Саввы, спаси меня. Отец, помоги!»

И вдруг услышала среди тишины громкое щебетание птички. Потом смотрю: она подлетит ко мне, пощебечет и летит в сторону, потом вернется ко мне, опять пощебечет и опять летит в ту же сторону. И так несколько раз, точно уговаривает меня идти за ней. Вскоре я действительно вышла на дорогу.

* * *

Одна девушка жила в Сибири. Однажды она шла по просеке, а впереди из леса вышел волк. В испуге она громко крикнула:

— Отец!

Волк посмотрел на нее и пошел в лес.

Прошло время, и она забыла об этом случае. А через год, когда приехала к отцу, он ее благословил и, улыбаясь, говорит:

— Ну что, волков-то боишься?

* * *

Жила я с семьей, а мне хотелось в понедельник поститься, но я то пощусь в этот день, то скоромное ем.

Приехала я в Печоры и сказала отцу об этом. А он ответил:

— Сейчас живешь с семьей, ты мирской человек и ешь все, а вот когда будешь монахиней, тогда и будешь поститься в понедельник.

Я отошла в полном недоумении: у меня и в мыслях ничего не было о монашестве. Но вот прошло несколько

лет, и сбылись батюшкины слова: Господь сподобил меня принять монашество.

* * *

Я была человеком неверующим. Меня окружали люди, подобные мне. Я приехала в Печоры вместе с сыном. Впервые увидела монастырь, монахов, старца схиигумена Савву, который уделил мне много внимания и принял в духовные чада. По его святым молитвам я не просто стала веровать в Бога, но до какой-то степени познала Бога, почувствовала Его своим существом — это не выразить словами.

Обратно в Башкирию, где мы живем с сыном, я вернулась совершенно иным человеком. В обществе тех людей, среди которых я вращалась, мне стало совершенно не интересно, и я сразу с ними порвала. Но мне это не прошло даром. Дознались, где я была с сыном, и задумали лишить меня материнства. Один Бог знает, что со мной было, когда я об этом узнала: я едва не лишилась рассудка. К тому же у меня была какая-то врожденная трусость. От одного сообщения, что надо явиться на заседание, где все должно было решиться, меня уже начало лихорадить. Я знала, что в свою защиту не смогу вымолвить ни одного слова. Я даже не могла молиться. Как больное, слабое дитя произносит слово «мама», я твердила: «Отец!»

Я легла в постель и заснула. Во сне вижу: отец в полном облачении благословил меня и осенил большим крестом. А когда проснулась, то почувствовала в себе непередаваемую благодатную силу. Полное спокойствие, на сердце легко и даже радостно, и никакого страха.

В таком состоянии я явилась на заседание. Истинны слова Спасителя: «Не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Мф 10, 19–20). И это было так. Присутствующие на этом заседании с большим удивлением слушали меня, и ни у кого не нашлось слов, чтобы мне противоречить, я вышла победительницей.

* * *

Приехал А. в обитель со своей неверующей женой. Пришел к отцу. Отец ему говорит:

— Смотри, как бы и тебя не вывела твоя жена из рая, как Ева Адама.

Только вернулся А. от батюшки, а жена ему заявляет:

— Поедем сегодня же домой, я не хочу здесь быть.

Он ее уговаривает, а она свое:

— Сегодня же едем отсюда.

Что делать, пошел А. опять к отцу и говорит:

— Мы сегодня поедем домой.

— Ну да, поедете — пешком пойдете, — сказал он.

И действительно им пришлось идти пешком, автобус не пошел.

* * *

Связала я отцу черные шерстяные перчатки, и он их носил. Потом я приехала в Печоры через некоторое время. Мы стояли за Михайловским собором, было холодно, и я подумала: «Наверно, отец мои перчатки кому-нибудь отдал». Он тут же вынул из кармана перчатки, надел и руку поднял. Как он читал все наши мысли?

* * *

Хорошо помню, как говорил батюшка про смерть:

— Настанет час в вашей жизни, когда душа расстанется с телом. Ее окружат темные силы. Душа от страха вся затрепещет и услышит: «Пришла наша душа». А вы сопротивляйтесь и скажите: «Нет, я не ваша душа, а Божия». Они будут кричать: «Наша, потому что ты грешная!» А вы опять: «Грешная, но все равно Божия, я молилась на земле». Темные силы завопят: «Ты неправильно молилась!» А ты скажи: «Правильно я молилась, я читала «Верую» — и сразу же читай: «Верую во Единаго Бога...»

Вмиг вся тьма расступится и станет светло-светло. Подойдут святые Ангелы, возьмут вас и поведут к Богу на поклонение.

* * *

Много отец мне посылал утешения, а я, неразумная, для него пожалела денег. Как-то пришла в храм, надо было заказать за болящего отца заказную литургию. Думаю, дам и я три рубля. Посмотрела в кошельке — трех рублей нет, а все пятерки. Даю пять рублей, а сама думаю: «Хватило бы и три рубля».

Отдала пять рублей, а сама пошла молиться. И вдруг вижу, идет отец — и прямо ко мне. Держит в руках два рубля, подходит и говорит:

— На тебе сдачу!

* * *

Я была в обители со своей пятилетней внучкой, которая, как и все дети, привязалась к отцу Савве. И вот уже перед нашим отъездом он пришел в храм, его сразу окружили люди со всех сторон, а нас оттеснили. Я сама высокого роста, мне отца видно, а внучка заплакала и тихонько говорит:

— Бабушка, как мне хочется посмотреть на отца, а я его не вижу.

И вдруг батюшка сразу оказался около нас, вытер ей слезки, утешил, дал гостинчик. Сколько же было радости! В это время я ничего не сказала отцу, но мысленно попросила его помолиться, чтобы хоть когда-нибудь в Печоры приехал мой сын. А самой это казалось несбыточной мечтой.

И вот в этом году приехала я в Печоры, и через некоторое время получаю от сына письмо: «Едем отдыхать на море». Как всегда, пришлось смириться, и только с грустью говорю мысленно отцу: «Опять сын на море, а когда же в Печоры?»

Но каково же было мое удивление, когда, без всякого предупреждения, предо мной предстал мой сын со своей женой, прямо своим глазам не верилось:

— Нам отказали в путевке на море, и мы сюда приехали.

Я не в состоянии передать свою радость. На праздник Рождества Богородицы они были в обители на торже-

ственной службе, причастились, ходили в Пещеры. Все им здесь понравилось, уехали довольные. И все это — по святым молитвам дорогого отца.

* * *

Вся наша семья — духовные чада схиигумена Саввы. Брат у нас заболел, врачи сказали, что долго он не проживет, да он и сам чувствовал свою близкую кончину. В нашем городе на старом кладбище хоронить запретили, отвели новое место, а там еще не успеют выкопать могилу, как в нее набирается вода. Меня брат просит:

— Сходи, пожалуйста, похлопочи, чтобы меня похоронили на старом кладбище, а то вы меня положите в воду.

А я все собиралась пойти, а не сходила.

И вижу сон: приехали мы в Печоры и пошли к отцу. Выходит он из своей кельи в схиме, я ему говорю: «Батюшка, брат при смерти». — «Знаю», — отвечает он. Тогда я ему стала объяснять, какое у нас положение с кладбищем. «Не беспокойтесь, его будут хоронить на старом кладбище».

Я проснулась, обрадованная, и никуда не пошла. Через три дня брат умер, и его беспрепятственно похоронили на старом кладбище, как мне во сне и сказал отец.

* * *

Благословил нас отец с П. поехать в Пюхтицы. Я взяла благословение искупаться в источнике (дело было зимой), а П. он не благословил. Приехав, я пошла на источник, и П. со мной. Она говорит:

— Я искупаюсь, тогда исцелюсь, ведь источник целебный.

Мы искупались. Я была больная — поправилась, а П. была здоровая и заболела, я еле ее привезла домой. Она поняла, что ослушалась, написала отцу покаяние. Он помолился, и она выздоровела.

* * *

В начале жизни в Печорах мне было очень трудно. Мы хоть и жили только двое в квартире, но мира у нас не было, к тому же духовная сестра была душевнобольная и по своей болезни причиняла мне неприятности. А я тогда была своевольница, часто ослушивалась духовного отца и из-за этого страдала.

И вот захотелось мне уехать из Печор туда, откуда я приехала. Там хоть и большой город, но мне было спокойно и ничего такого я не испытывала. С такими мыслями я долго жила, но отцу ничего не говорила.

Однажды встречает меня батюшка и говорит:

— Н., ты все еще не уехала.

После этого желание уехать у меня прошло.

* * *

У меня был очень верующий отец, а когда он умер, я даже крест на себе не стал носить.

Однажды встречает меня одна знакомая монахиня и говорит:

— Мне во сне явился твой отец и сказал: молись за моего сына, он погибает.

С этого времени я стал ходить в церковь.

Потом у меня сильно заболела жена, у нее было очень плохо с сердцем. В Москве она подолгу лежала в клинике, ее консультировали несколько профессоров, но положительного результата не было, положение было безнадежное.

Тогда мы с ней стали ездить по святым местам. Когда приехали в Печоры, нас отец Савва принял в духовные чада, по его святым молитвам моя жена поехала домой здоровой. И потом всегда, как только она чувствовала себя хуже, ехала к отцу в Печоры. Я тогда решил спросить отца:

— Может, нам переехать насовсем в Печоры и построить себе домик?

Отец развел руками, показывая размер домика, и сказал:

— Ты вот такой домик построй в Печорах своей жене.

Я тогда совершенно не понял, почему он говорит о домике только для жены.

После кончины отца моя жена очень часто приезжала в Печоры и постоянно ходила в пещеры к его гробу. Однажды она вернулась из Печор, навестила своих родных, распрощалась со всеми и просила о ней не скорбеть и не плакать. А мне перед отъездом в Печоры говорит:

— П., может, тебя дома не будет, когда телеграмма придет.

Так и было: меня не было дома, когда пришла телеграмма о смерти жены, и узнал я обо всем только на следующий день. Умерла моя жена в монастыре во время литургии. Похоронили ее в Богом зданных пещерах, в которых почивает наш дорогой незабвенный отец. Только тогда я и понял, о каком домике для моей жены говорил отец. Упокой их, Господи, со всеми святыми во Царствии Твоем!

* * *

В октябре 1992 года я поехала в Печоры. Дали мне адрес, где остановиться, и посылку для хозяйки. Отстояла я литургию и пошла на квартиру, но вскоре оказалось, что забыла улицу. Ходила, искала, промокла, и пришла мысль вернуться в монастырь, подойти к пещерам и попросить благословения у отца пойти на другую квартиру. Прихожу в пещеры, ставлю свечку, прошу отца помочь мне найти сестру, чтобы отдать посылку. Поворачиваюсь — стоит та сестра, которую я ищу. Так свел нас отец.

Когда я ехала в первый раз в Печоры, в вагоне было очень душно и мне было плохо с сердцем. Я мысленно молилась и призывала отца на помощь. И вот только закрою глаза, а передо мной как бы большой и цветной портрет отца и он, как живой, улыбается и благословляет меня, и мне сразу легче дышать.

* * *

Я просила батюшку, чтобы он помолился за мою неверующую мать. Он сказал, что помолится, и спросил ее имя.

Когда я приехала домой и предложила матери правило Серафима Саровского, которое дал для нее отец, то, к моему удивлению, она охотно согласилась. С этого времени и до самой своей смерти она утром и вечером молилась.

По молитвам отца мама сподобилась умереть в день причащения Святых Христовых Таин.

* * *

Мы с сыном были в Печорах у отца. Благословляя нас домой, батюшка сказал, что в дороге будет препятствие, но он будет за нас молиться. Когда мы приехали в Псков и взяли билет на поезд, по радио объявили, что наш поезд опаздывает на четыре часа. Приехали в Вильнюс в одиннадцать часов утра, а наш поезд на Минск должен был уйти в шесть часов утра. И каково было наше удивление, когда мы узнали, что поезд наш еще не ушел. Мы закомпостировали билеты, сели в вагон, и поезд тронулся. Проводница говорит:

— Наверное, мы вас ждали.

* * *

Мой сын болел девять лет, врачи обследовали его два-три раза в год, а диагноза точного так и не установили, а у него были приступы пять-шесть раз в день: он чернел, терял сознание, парализовало лицо, пропадала речь.

Однажды поехала к нему. Сидим, разговариваем, и он вдруг говорит:

— Так мне надоели эти приступы, взял бы нож да один бы раз стукнул в сердце, чтоб не мучиться.

У меня внутри все замерло от этих слов, но я не могла ничего ответить. Потом отошла немножко и говорю ему:

— Сыночек мой дорогой, смотри, как солнышко светит, неужели тебя это не радует? Люди есть без рук, без ног — и живут, потому что жить хочется; у тебя двое деточек.

Утешаю его, как могу, а душа кричит отцу и плачет. И одного его боюсь оставить, и домой рвусь душою —

скорее отцу написать телеграмму. Вечером написала, а ночью вижу сон: у духовной сестры поминальный обед по отцу. С краю стола сидит батюшка и как бы ждет меня. Я со слезами бросилась к нему и говорю:

— Что делать? Мой сын помышляет о самоубийстве!

А он, дорогой, отвечает:

— Слышу, слышу... Умрет.

Я спрашиваю:

— Какой смертью?

На это он мне не ответил.

Этот сон был в феврале, а в мае мой сын умер своею смертью. И как мне ни жалко было свое дитя, а сердце радовалось, что отец все видит и все о нас знает. И помогает, и укрепляет, и молится.

* * *

Жили мы в Удмуртии. У меня сильно болели ноги, но я все равно пошла в церковь в село Старый Мултан — это семь километров от нашего селения. Дорога березовая — бывший Екатеринбургский тракт. Иду с двумя палками, под каждой березой отдыхаю и молюсь, прошу отца помочь мне дойти до церкви. С Божией помощью, за его святые молитвы, я побывала в церкви. И пришла мне мысль написать отцу письмо (я была его духовной дочерью заочно) и попросить его, чтобы еще хоть раз, в Петровки, сходить в церковь, исповедаться и причаститься Святых Таин. И что же? Подошел Петров пост, и у меня появилось сильное желание идти в церковь. Но как идти? Боюсь, но пошла, опять с двумя палками. Иду и сама себе не верю, как мне легко и весело, ни боли, ни усталости в ногах не чувствую! Иду без отдыха, как на крыльях лечу. Так, по молитвам отца Саввы, я сходила в храм Божий легко и безболезненно, и это при моих больных ногах.

Понадобились мне четки, а где их взять? Говорят, отец Савва дает. Написала ему, и вскоре приезжает ко мне духовная сестра:

— Приехала тебя учить четки вязать.

* * *

Моей жене Т. П. в возрасте 33 лет в 1992 году была произведена трепанация черепа из-за костной опухоли. Выписывая ее из больницы, врач-нейрохирург мне сказал:

— Мужайся, парень, надежды нет, если привезешь ее ко мне через год — это будет чудо.

До операции мы отца Савву не знали. Но когда я познакомился с его духовными детьми и принес его фотографию домой, жена вдруг сказала:

— Вот! Это он!

Я не понял и переспросил:

— Кто он?

И тогда она мне рассказала, что когда лежала перед операцией, к ней приходил в сонном видении старец в черной монашеской одежде, голова покрыта чем-то вроде капюшона, в руке была зажженная свеча, а другой рукой он кропил жену водой. Проснувшись, она увидела на себе капли воды. Он приходил не один раз и до операции, и во время операции. А перед нашим венчанием он приходил к ней в светлой одежде и с двумя зажженными свечами. Всех подробностей жена вспомнить не может, но что приходил именно отец Савва, и не один раз, — это она утверждает.

Со дня операции прошло четыре года. Жена моя, по милости Божией, жива. Я молюсь, чтобы Господь продлил ей жизнь хотя бы до совершеннолетия детей.

Если кто соблазнится написанным, искренно советую в трудную минуту помянуть старца и попросить его святых молитв и помощи.

* * *

Это было в 1961 году, когда мне было еще только 10 лет. Вижу сон: стою я у ворот обители, рядом женщина в черной одежде. Вижу — идут голуби парами, а за ними идет батюшка в монашеской одежде. Я спросила у женщины: «Кто это?» Она ответила: «Это отец Савва — твой духовный отец». Этот сон я очень скоро

забыла. После этого еще несколько раз видела батюшку во сне, но совершенно не придавала этим снам никакого значения.

В 1976 году приехала в Печоры. Смотрю на обитель и говорю сама себе: Господи, я не только здесь, а вообще нигде не была, но почему даже цвет зданий знаком, как будто все это я уже видела не один раз? Зашла в Успенский храм — и здесь все знакомо. А про сны и не вспоминаю.

Стою и думаю: «А где и как я буду искать отца Савву?» Перед поездкой дошли до меня слухи, что он принимает в духовные чада, вот мы с сыном и приехали в Печоры. Обратилась я с этим вопросом к проходившему мимо монаху. Он указал на привратника, а тот сказал, что к отцу Савве пускают в четыре часа, и мы с сыном пошли, а потом вернулись, чтобы спросить, надо ли занимать очередь. Короче говоря, привратник нас привел к келье, постучал. Отец вышел, и при виде его я сразу вспомнила все свои сны. Он сказал, чтобы я написала грехи и в четыре часа принесла исповедь, а потом вынес по шоколадке, и мы с сыном ушли. Я сделала все, как велел батюшка, а он мне дал черные четки, Богородичное правило и книжечки. Я такая радостная была, будто на крыльях летела.

Когда я сильно падала духом, то ехала в Печоры к отцу, а оттуда приезжала ободренной, укрепленной. Но однажды меня так тянуло туда, душа как будто чувствовала, что это батюшка зовет к себе. Я даже стала говорить: «Отец, подожди чуть-чуть, приеду к празднику Успения Божией Матери». Так продолжалось целых две недели, а потом все прекратилось. Приходит ко мне духовная сестра и говорит:

— Получили телеграмму из Печор, отец скончался.

Я будто окаменела, все во мне застыло. Не могу сказать ни слова, двинуться с места, даже не могу заплакать. Непередаваемая горечь переполнила мое сердце от сознания, что отец так долго меня звал перед

своей кончиной, а теперь все — я его больше никогда не увижу здесь, на земле, не подойду к нему за благословением, не поцелую его руку. Места себе не находила, в душе пустота. Мои родные всегда были против, когда я уезжала в Печоры, а тут сами стали меня посылать. Я поехала. Пришла в пещеры, со слезами попросила у отца прошения, и он, как и прежде, меня утешил и успокоил.

* * *

А это рассказал батюшка, который служит в нашем городе:

— Когда я был еще молодым диаконом, приехал в Загорск, в лавру, на исповедь. Вдруг идет молодой иеромонах (это был отец Савва) и спрашивает меня: «Вы на исповедь? Подходите ко мне». Когда я подошел к нему, то не знал с чего начать. Тогда он меня спрашивает: «Ты веруешь в Бога?»

Я про себя подумал: «Как же я могу быть неверующим? Я же диакон!» — «Ну, тогда прочитай Символ веры», — сказал батюшка. К своему удивлению, я не смог прочитать «Верую».

Тогда отец Савва попросил прочитать Символ веры по книге. И опять я не смог прочитать: путаюсь, сбиваюсь, краснею, потею, не знаю куда деваться. Вот так меня смирил отец Савва.

* * *

В 1977 году мы приехали в Печоры. Пошли в Михайловский храм. Видим, отец Савва вышел на исповедь и рукой сделал знак, чтобы исповедники подходили к нему ближе. Подошла и я. Вдруг он указательным пальцем стукнул меня по лбу и сказал:

— А ты не выходи в огород поливать огурцы и помидоры не помолившись, хотя бы Серафимовское правило прочитай!

А ведь я действительно по утрам выходила поливать огурцы и помидоры без молитвы...

* * *

Отец знал задолго до смерти день своей кончины. Я понял это позднее.

Я зашел к нему в келью, помолился, прошу благословения. Отец благословил и спросил:

— Где ты думаешь проводить свой день Ангела?

— Может быть, в Вильнюсе: там 27 июля чествование святых мучеников.

— В Вильнюсе хорошо, но здесь, я думаю, будет тебе лучше.

Затем приглашает матушку в келью и ее спрашивает:

— Где вы собираетесь проводить день Ангела своего батюшки?

Ехать никуда не благословил, но сказал нам:

— Отслужите молебен святым мученикам Виленским, Святому Духу, акафист святому равноапостольному Владимиру и три дня подряд причащайтесь. Ты служи три дня подряд, и причастишься. А ты, если спросят, почему каждый день причащаешься, скажи: «Я больная, причастите, пожалуйста».

25 июля приезжаем в Печоры, чтобы провести там день Ангела. Иду я к отцу, а мне говорят:

— Батюшка никого не принимает, очень болен.

Подхожу к келье, здесь же одна из чад печерских. Она пошла первой, и я ее попросил, чтобы сказала отцу обо мне. Сижу, жду, приходит лукавая мысль: я с дороги, лучше пойду помолюсь, а завтра отслужу литургию, причащусь и тогда уже подойду к отцу. И ушел. В это время батюшке сказали:

— К вам приехал священник.

Отец стал надевать крест и епитрахиль, вышли за мной, а меня нет.

Назавтра после службы я пошел к отцу. Он совсем ослаб, даже не пошевелил головой, сказал только:

— Я немощен, я молюсь.

Последние слова были мне ответом на мою лукавую мысль, что отец в таком состоянии не может молиться (перед входом в келью я так подумал).

27 июля я тоже служил. Мы, служащие, причащаемся, иеромонах отец Нифонт берет частичку и идет причащать отца Савву. Мы причащаем мирян, заканчиваем литургию в Успенском храме. Меня благословили давать крест, и вдруг — страшный плач, вопль: умер отец Савва. Когда я кончил давать крест, кто-то из монахов подсказал мне:

— Батюшка, положите двенадцать поклонов у престола за отца, — и я положил поклоны с молитвой о упокоении.

Разоблачился и иду к отцу. Все стоят в слезах, народу много, скорбь раздирает душу. Захожу в келью, а он лежит, как будто отдыхает, на боку, ноги немного согнуты, как живой спит. Я перекрестился и приложился к нему. Братия торопят меня уходить. Ухожу от отца, а на сердце радость и никакой скорби, выхожу как от живого. Смотрю на плачущих, а у меня никакой скорби. Вот что сотворил со мной отец.

* * *

Мы стояли на исповеди. Отец смотрит на меня в упор и говорит:

— Нет, чтобы в храм идти, так стоит и ягоды продает в праздник.

Я смутилась и думаю: «Что это батюшка говорит, ведь я никогда ягоды не продавала».

Приехала я домой и стала своим духовным сестрам об этом рассказывать. Одна из них говорит:

— Так это я стояла и продавала ягоды, меня послала сестра: хоть бидон ягод продай, деньги на сахар нужны.

* * *

У меня был день Ангела, очень хотелось что-нибудь получить от отца в утешение. После окончания литургии вышел он из алтаря. Все чада ринулись к нему, ну а я, конечно, в первых рядах.

Отец стал раздавать просфоры, иконочки, крестики — кому что. А меня будто и нет, хотя я очень стара-

лась быть у него на виду. Когда он все раздал, говорит мне:

— А ты подойдешь к выходу.

Это было в Михайловском храме, и я, обрадованная, побежала к выходной двери. Думаю: «Отец ничего не хочет давать мне при всех, чтобы другие не завидовали».

Выходит из храма батюшка и говорит мне:

— Иди к моей кельи, я тебе там все отдам.

Я, конечно, еще больше обрадовалась. Пришла туда, а он зашел в келью, выносит большой сверток и говорит:

— Вот, отвези это все в Пюхтицы.

Отец не мог не заметить, что моя радость превратилась в огорчение. Тогда он сказал:

— У тебя сегодня день Ангела, так знай: кто получает в этот день награду здесь, на земле, тот теряет награду на небе. Не жди радости, от радости мало спасения. Скорби и болезни открывают врата в Царство Небесное.

* * *

Природа человеческая такова, что мы склонны — в горе, в обиде ли — найти себе единомышленника и разделить с ним свои переживания. Но ни разу не можем вспомнить случая, когда отец сказал бы о своем горе, печали, пожаловался на обидчика, ища у своих чад сочувствия. Мы, зная о жесточайших порой моментах в его жизни, выражали ему сочувствие, пытались как могли по-человечески разделить его очередную, мягко говоря, неприятность. Но он учил нас:

— Это все временное. А пострадать ради Христа — не печаль, а радость, еще и в высшей степени.

Когда мы приходили к нему со своими бедами, он, печально глядя на нас, говорил:

— Ну что так печалишься, потерпи. Это все временное. Вся наша жизнь — впереди.

Он одобрял тех, кто в трудных случаях жизни тянул жребий:

— Жребий полезен тем, что отсекает твою волю.

* * *

Обратилась М. к отцу со своими просьбами, в том числе, чтобы дети ее удачно устроились в жизни. А он тут же ей говорит:

— Алла и Саша — монахи!

Это опечалило М. Ей так хотелось нянчить внуков.

И что же? Вскоре сына забирают в армию за границу, а там в то время был военный переворот и много ребят погибло. Сестра, любя брата, едет к отцу и просит благословить ее дать обет девства, чтобы вернулся брат из армии живым. Отец одобрил ее намерение.

Прошли годы. Поехала я на родину (а они мои земляки), захожу в Троицкий храм, а там Саша — отец Александр, диакон, дает возглас: «Не умру, но жив буду и повем дела Господня». Невольно полились у меня слезы, вспомнила я слова отца: «Алла и Саша — монахи».

Оба красивые, видные. Сестра — с высшим образованием. Десять лет просил ее руки ее сокурсник, да и для Саши находились хорошие девушки, но оба так и остались несемейными. В данное время отец Александр уже в монастыре. Это было предсказано отцом за 25 лет.

* * *

Однажды я усердно молилась, и в это время вошел в мою комнату монах в полном облачении, обошел вокруг меня, накрыл своей мантией и вышел, а я осталась стоять на коленях. Явление, конечно, необычное, но я не испугалась — наоборот, было приятно и радостно.

Вскоре я попала в Печоры и узнала этого монаха — это был схиигумен Савва. Он взял меня в духовные чада.

Пришла я как-то к старшей духовной сестре в нашем городе, чтобы выяснить один неясный вопрос, а она не пожелала даже со мной разговаривать. Я ушла от нее и подумала: «Отец, какие у тебя чада — не хотят даже говорить со мной». И решила, что больше не пойду

к ней. По дороге встречаю духовную сестру, и она мне говорит:

— Зайди ко мне, я дам тебе книжечку почитать.

Взяла я у нее книгу, пришла домой, открыла и прочла на том месте, где открылась книга, следующее: «Если тебе не ответили на твой вопрос, то этот человек будет небезответен, а тебе Господь пошлет другого человека»...

Прошел месяц, и меня все же потянуло сходить к старшей сестре, и я пошла. С большой радостью они приняли меня и принесли свои извинения. Оказалось, получили они письмо от отца, в котором он их обличал.

* * *

В Иерусалиме были убиты мать Варвара и мать Вероника — мать и дочь, духовные чада нашего отца из Горненского монастыря.

Вот выдержка из письма, присланного нашей духовной сестрой С. «Да, у нас есть уже наши первые горненские мученики, и тем более, что они отцовы. Отец наш знал, только прямо не говорил, но всегда им скорбные открыточки присылал. Мы нашли письма от батюшки, в одном он пишет (когда они возвратились после трехлетнего лечения на родине), что они будут, “как жертва за весь монастырь”, но тогда это не было понятно. Убиты они были неизвестным 19 мая, от восьми до девяти часов вечера (в восемь у нас темно). У матери две раны — одна в сердце, другая в спину. А у Вероники — пять ран и аорта на шее перерезана. На правой руке четыре раны — четыре раза схватилась за нож, а пятая рана уже смертельная. Да, очень трудно нам пришлось все пережить... 10 июня 1983 г., св. град Иерусалим».

* * *

В 1994 году приехали из Сухуми монахиня Сергия и другие чада нашего отца. Монахиня Сергия — псаломщица, а остальные сестры — клиросные. Приезжали на один день к гробу отца, поблагодарить за помощь

и защиту их во время войны и уточнить синодик, так как они читают Неусыпаемую Псалтирь с печорскими чадами. Рассказали, как разрушен город, как много погибло там людей, сколько им пришлось увидеть и пережить ужасного.

— Вот когда мы молились — это был сплошной крик души! Постоянно просили у отца помощи и защиты, и везде чудесным образом Господь и Матерь Божия, за святые его молитвы, хранили нас. Мы все остались целы и невредимы, и даже дома наши не разрушены. Только у Ангелины (регент храма — тоже чадо нашего отца) забрали иконы, но это наживное — главное, что мы живы и не искалечены.

У Р. денег на проезд не было, когда она собралась ехать к отцу, но ее взяли в вагон без билета и денег, о чем она просила батюшку.

Еще рассказала монахиня Сергия:

— Служили всенощную, а мне как кто подсказывает: прибавляй каноны! Я одному святому прибавлю, другому — и таким образом задержала службу. Только батюшка дал возглас: «Слава Тебе, показавшему нам свет...», как начался налет на город, стали сбрасывать бомбы. Мы с сестрами, сама не знаю как, пели великое славословие, от страха себя не помнили. А когда вышли из храма, увидели, что бомба попала в наш церковный дом, но разрушения были незначительные. Кое-где в городе полыхали пожары и лежали убитые, в том числе и наши церковные, кто раньше вышел из храма. Не молитвами ли отца духовного было это вразумление: задержать службу? К нему мы день и ночь взывали, прося защиты и предстательства за нас грешных.

* * *

Родные сестры Анна и София из Татарии стали духовными чадами старца схиигумена Саввы. Они пригласили приехать в Печоры тяжело болящую, много лет страдавшую от приступов эпилепсии, которая протекала у нее в тяжелой форме. По нескольку раз в день падала

она без сознания где попало, поэтому без сопровождающего ей было путешествовать нельзя. Врачи ничем не могли помочь — для них эта болезнь неисцелима.

И вот, полная надежды получить помощь, а может быть и исцеление, она предстала перед отцом Саввой со своей скорбной жалобой. Даже не дослушав ее до конца, он... размахнулся и отвесил ей пощечину! Захлебываясь в рыданиях от такой «ласковой» встречи, не понимая, что происходит, она кинулась бежать из страха, что ее догонят и добавят еще. Так и бежала до деревни, где жили духовные сестры, в двух километрах от Печор, продолжая рыдать. Трое суток К. безутешно плакала, а потом вдруг неожиданно для себя спохватилась с изумлением:

— А припадков-то у меня три дня нет!

Так неожиданно слезы обиды и огорчения сменились слезами радости. Так и уехала она к себе домой, обновленная, счастливая, оставив навсегда свой тяжкий недуг в Печорах.

* * *

Пришли к отцу чада, передали письма. Он дал мне одно письмо и говорит:

— Читай вслух.

Я распечатала, а там два листа бумаги, исписанные мелким бисером. Я начала читать, но не тут-то было. Говорю отцу:

— Батюшка, я не вижу.

— Ну вот, «не вижу»! Надо очки носить.

Взял письмо из моих рук и стал сам читать вслух. А я с великим удивлением уставилась на отца и смотрю: такое чудо я увидела впервые. Я точно знаю, что у отца зрения почти нет: один глаз не видит, а другой едва различает очертания предметов. На его кровати, у самой стенки, разложены разного рода «утешения» для чад. Так отец их не просто берет, как все люди с нормальным зрением, а ощупывает их...

Мне стало ясно, как прочитывал отец сотни писем от чад: он мог читать их и не вскрывая конвертов. Отец продолжал читать, а я не переставала удивляться. Он

глянул на меня и растерялся, как дитя, стал искать очки. Нашел, но не те... Стал искать другие — хотел скрыть свой великий дар, от Господа данный, утаить его... Но Господь показал мне, по милости Своей, что такое старчество. Много лет я знала отца и не догадывалась, не понимала, какая великая духовная сила скрывается в нем под покровом внешней простоты.

* * *

Много лет уговаривал я жену быть христианкой, и все напрасно. Кончилось тем, что она заявила мне:

— В Бога не верю.

После этого в 1977 году я решил оставить семью. Поехал в Псково-Печерский монастырь просить благословения у схиигумена Саввы на расторжение брака. Выслушав меня, он сказал:

— Поживи с женою еще полтора-два года и ежедневно читай сорок третье зачало от Матфея.

По приезде домой я открыл Евангелие от Матфея, где написано: «Приидите ко мне...», после чего мне стало ясно, что о разводе речи быть не может.

Сегодня 16 апреля 1995 года, Вербное воскресенье. Я и моя жена, с которой я обвенчался в 1990 году, дочь моя и внучка — все мы горячо молились и причастились Тела и Крови Спасителя. Что было бы с ними и со мной, если бы я их оставил! Слава Богу за всё.

* * *

Мою семью до мая 1992 года нельзя было назвать церковной, но Господь нас не оставил Своею милостью и не дал нам погибнуть в греховной жизни.

Мой муж Н. В. (49 лет) в 1991 году перенес тяжелое заболевание — кровоизлияние в мозг. Диагноз был смертельный, но по милости Божией муж жив, хотя и на инвалидности, но без потери интеллекта и без парализации.

Этот случай хочу рассказать потому, что за два дня до этого несчастья моя дочь В. видела сон настолько ясно,

как будто это было наяву. Вроде бы она пришла на похороны своего отца. Н. В. лежал в гробу в большом темном помещении, вид у него был неопрятный — расстегнута рубашка, одна нога босая, на другой — носок перевернут пяткой вверх, брюки мокрые, пиджак собран на спине. Ее поразил вид отца, а кроме того, она увидела, что по обеим сторонам его гроба стоят нечистые силы в виде двух лохматых мужиков с когтями на руках и ждут его душу.

Дочь что есть силы закричала: «Папа, не умирай! Около тебя стоят нечистые». Отец безвольно приподнял руки, хотел встать, но не смог. В этот момент нечистые подхватили его под руки и бегом понесли на улицу. Дочь за ними, хочет догнать и отнять отца, но те бегут так быстро, что она догнать их не может. Н.В. безвольно повис у них в руках. Дочь в изнеможении стала кричать: «Помогите, отца уносят!...» На улице народу было много, но на помощь никто не пришел. И вот она увидела, что на лавочке сидит старичок опрятного вида в белой одежде и спрашивает: «Дочка, ты о чем кричишь?» Дочь повторила свою просьбу: «Помогите, отца уносят!.. »

Старичок встал, посмотрел, куда показала дочь, и осенил крестным знамением удалявшихся. Нечистые отлетели в разные стороны, а отец упал на землю. Старичок подошел к нему, еще раз осенил его крестом и исчез.

Когда дочь в ужасе проснулась и рассказала этот сон, мы поняли, что случится очень плохое. И вот на второй день после этого муж ушел на работу и домой не вернулся. Поздно вечером нам позвонили сослуживцы и сказали, что Н.В. находится в больнице № 1 города Химки. Ночью мы поехали в больницу (я, моя мама, дочь и мой брат). Мама моя верующая. Взяли мы с собой крещенской воды, святое Евангелие и Псалтирь. Мама покропила Н.В. крещенской водой, брат читал Псалтирь, я молилась, а дочь разговаривала с дежурным врачом. Врач сказал, что до утра Н. В. не доживет, и разрешил нам остаться на ночь в больнице.

Мама и дочь уехали домой, а мы с братом всю ночь молились.

И вот наступило утро. Н. В. пришел в сознание, узнал нас. Перевели его в палату тяжело больных. Через несколько дней он согласился исповедаться и причаститься, и мы договорились со священником.

Состояние мужа было тяжелым, речь была маловнятная, карандашом он владел плохо. Я его попросила все грехи написать на бумаге, забыв, что он плохо владеет карандашом.

Наутро я пришла к мужу, а он подает мне лист бумаги с написанными грехами и говорит:

— В три часа ночи меня за плечо разбудил старичок и сказал: «Пиши». Я приподнялся на подушку, взял карандаш и написал.

С этого момента, по Божией милости, мой муж пошел на поправку, и через 45 дней мы увезли его домой.

Через три месяца после случившегося я приехала к своей давней знакомой З. Она человек глубоко верующий, духовное чадо старца схиигумена Саввы, от нее я и узнала о нем, получила фотографию батюшки. Взглянув на фото, дочь вскрикнула от восторга:

— Мама, это тот старичок, который спас нашего отца от нечистой силы.

А когда увидел фото муж, то узнал старичка, который разбудил его ночью.

Теперь все мы премного благодарны Господу, что не оставил нас погибнуть в грехах и в неведении и послал нам такого дивного старца, который не только вызволил Н. В. из рук вражьей силы, но и всех нас заставил воспрянуть духом и ожить для жизни духовной.

* * *

Мама моя А. приняла монашеский постриг (в миру), и вскоре ее духовные сестры собрались поехать в Печоры к отцу. Мама очень сожалела, что не может вместе с ними попасть к гробу отца и не примет святого причастия.

И вот она во сне видит, что стоит в храме Псково-Печерского монастыря. Духовные сестры пошли к причастию, а она стоит в стороне. К ней подошел отец Савва и сам ее причастил.

Проснулась она с вкусом во рту Святых Таин, с ощущением необыкновенной благодати.

* * *

У М. было два сына. Старший А. работал геологом. При переправе через реку на плотах он утонул, и восемь месяцев о нем не было известий. Не зная причины его молчания, мать поехала к старцам и многих обошла, и никто не мог ей сказать о сыне, но один из них посоветовал ей съездить в Псково-Печерский монастырь к старцу схиигумену Савве.

Когда она приехала в монастырь, отец Савва сам подошел к ней и спросил:

— Вы кого ищете? Сына? Его нужно отпеть. Мы его отпоем, и он найдется. А тебя я беру к себе в духовные чада, — и добавил: — Ты за меня будешь молиться, а я за тебя.

Когда она возвратилась домой, ее ждала телеграмма, в которой сообщалось, что нашли тело ее утонувшего сына.

Проходит полгода, и молнией убивает другого сына. Потрясенная горем, М. едет в Печоры к отцу. Как и в первый раз, он сам подошел к ней. Она сказала, что лучше было бы ей самой умереть, чем ее детям. На это отец ответил:

— Ты примешь монашество и будешь за них молиться. А если бы умерла ты, то они, не молясь за себя, и за тебя бы не молились.

Когда она стала монахиней, то во сне сыновья явились ей, благодарили ее и сказали: «Мама, мы в хорошем месте».

* * *

На день Ангела нашего духовного отца, покойного старца схиигумена Саввы, в Печоры из Овруча приезжала его духовная дочь М. Т.

И вот что она рассказала.

Примерно дней за десять до трагедии в Чернобыле во сне явился ей наш духовный отец и сказал:

— Мария, скоро у вас будет все отравлено, ты все крести — вот так: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь». Крести. «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, благослови». Крести. «Матерь Божия, благослови, и все святые, благословите». Крести. «Молитвами отца нашего духовного схиигумена Саввы, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, благослови». Крести.

Все это я рассказала своей двоюродной сестре, которая работает на кухне. И вот когда предсказание отца сбылось, им на кухню принесли мясо, а когда его проверили, оно оказалось совершенно непригодным в пищу. Тогда она вспомнила рассказанное ей мною. Взяла это мясо, пошла домой и все сделала, как велел отец. Принесла это мясо обратно на кухню, ничего не говоря отдала на проверку. Проверили и спрашивают ее:

— Где ты взяла такое хорошее мясо?

Сейчас мы живем в Овруче (это близко от Чернобыля), пользуемся советом отца, и не только мы с сестрой, но и все духовные сестры, и по милости Божией живы и здоровы.

* * *

С переходом отца Саввы в жизнь вечную ничего не изменилось ни в душе нашей, ни в сознании нашем, ни в жизни нашей. Лишились мы лишь возможности видеть его телесными очами, а душой часто переживаем встречу, общение с духовным отцом. Жив наш отец! Он слышит нас, он рядом, мы все это чувствуем...

* * *

12 лет духовно окормлял меня старец схиигумен Савва. За эти годы я много видела чудес, которые совершал Господь по молитвам старца, и до сих пор испытываю сверхъестественную силу его святых молитв.

Несколько раз отец духовный спасал меня и сродников моих от смерти. Сестра моя Ольга очень долго и сильно болела. Присылает письмо:

«Умирать буду у тебя. Попрошу, чтобы отвезли к тебе».

Я сказала отцу. Он благословил ехать к Ольге. Рассказал, что нужно делать, дал святое масло и назначил день отъезда. Перед отъездом опять пошла к отцу. Он выходит из кельи и весело говорит:

— Я молился, и Господь открыл... Ольга еще поживет!

Поездку отменил и сказал:

— Поправится!

Через неделю сестра пишет, что неизвестно каким чудом болезнь оставила ее, и теперь она хорошо себя чувствует. Я объяснила ей, что это чудо произошло по молитвам духовного отца.

* * *

Позавидовал враг рода человеческого мирной жизни Александры с дочерью Марией и навел на них лютую брань, чтобы погубить их.

Прежде Александра «души не чаяла» в дочери и звала ее «Ангел мой». Тихо и мирно протекали годы. После работы Мария вслух читала жития святых, акафисты, каноны, в праздники ездили в церковь. Чувствовалась близость Господа. Хорошо им было!

Переехали они в другой город. Александру стали все в один голос превозносить и хвалить, называя ее «святой». Дочь разъясняла матери, как это опасно, объясняла, что это происки злой силы, и умоляла избегать похвалы, смиряться и сокрушаться о грехах своих. Желая в этом помочь матери, Мария обличала ее, открывая грехи другим. Александра восстала на дочь, видя в ней единственного человека, который не понимает родную мать и не желает ей добра. В таком огорчении она внезапно скончалась.

Дочь сильно переживала и умоляла духовного отца, схиигумена Савву, помолиться за мать. Сны открывали

печальную участь усопшей. Однажды дочери приснилось: приехала она в гости к родственникам (там были все усопшие). Стала она просить прощения у матери, но та даже не взглянула на нее. Дочь на коленях рыдала и просила:

— Мама! Ведь ты же ма-ма! Прости, прости!..

— Не прощу! Никогда не прощу! — в ожесточении сказала мать.

Мария очень скорбела за мать и отчаялась в своем спасении. Ей казалось, что материнское проклятие всюду преследует ее. Сплошные скорби и болезни стали ее постоянными спутниками. Она опять обратилась к отцу духовному с просьбой помолиться за мать.

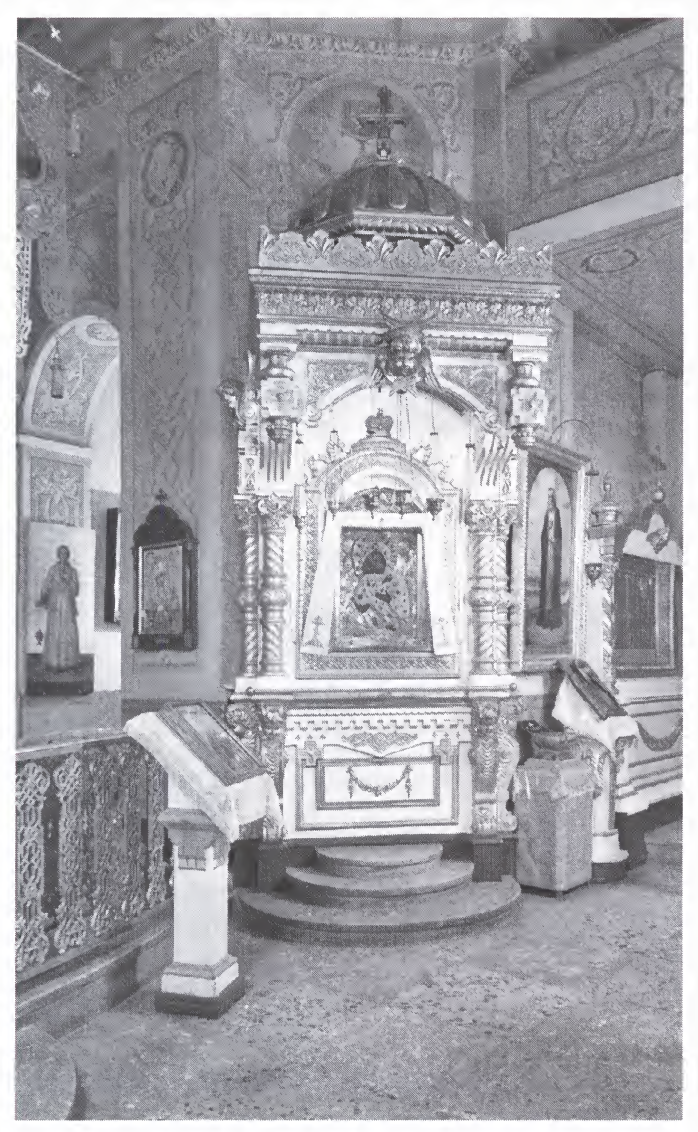
И вот однажды в сонном видении Александра, с улыбкой наклонясь к дочери, ласково и весело сказала ей:

— Доченька, отец (схиигумен Савва) велел простить тебя...

Так примирил старец силою своей молитвы души, живущие в разных мирах.

* * *

Врачи признали у меня глаукому. Зрение быстро падало. Очки +7,0 для работы и +5,0 для дали. Без очков ничего не видела ни вдали, ни вблизи — сплошной туман, а в очках долго не могла быть — сильно болели голова и глаза. От лекарства сильно болели глаза. Отец благословил не закапывать капли и перед своим отъездом на операцию глаз (у него тоже глаукома) дал мне маленькие (карманные) книжечки — Апостол и Евангелие, написанные очень мелким шрифтом. Это меня удивило и обрадовало. Я поняла, что он собирается меня исцелить. И вот постепенно, день ото дня, в течение трех лет зрение становилось все лучше и лучше. И теперь с Божией помощью, молитвами старца, я почти хорошо вижу без очков вдали, а вблизи читаю без очков крупный шрифт. Верю, недалек тот день, когда без очков буду читать данные мне отцом Апостол и Евангелие, написанные бисерным шрифтом.

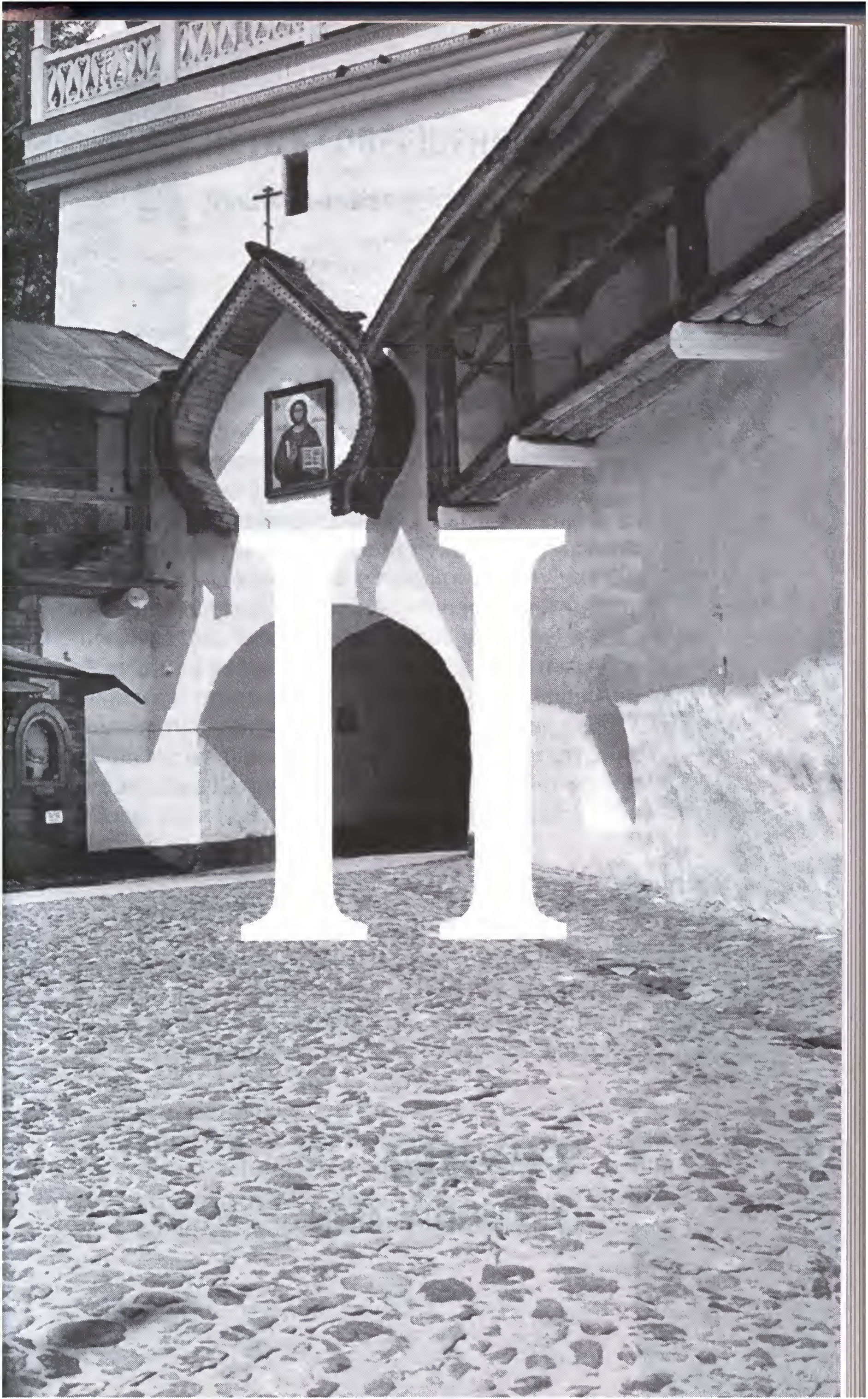

Владимирская икона Божией Матери в Михайловском соборе Псково-Печерского монастыря

* * *

Однажды батюшка поручил мне написать благодарственное письмо духовному лицу. Я напомнила ему, что у меня плохой почерк. Не сказав ни слова, он пошел в келью, а когда вышел, в руках у него блестела авторучка. Я обрадовалась и подумала: «Теперь у меня будет красивый почерк!»

Отец многозначительно посмотрел на меня и стал диктовать. Когда я все написала, он ручку отобрал. И вот удивительно! По молитве старца я так красиво написала письмо, что сама не узнала своего почерка. Как жаль, что это было единственный раз в жизни! Потом почерк стал таким же, каким был всегда: размашистый, некрасивый — видимо, для моего смирения.

П

ТРУДЫ

СХИИГУМЕНА САВВЫ

ПУТЬ К СОВЕРШЕННОЙ РАДОСТИ

Душа человеческая

Душа есть тварь умная, великая и чудная, исполненная красоты, подобие и образ Божий.

Преподобный Макарий Великий

Из всех ценностей, которыми обладает человек, одна несравненно ценнее других — это душа человека. Душа есть образ Божий, который начертал Сам Бог. Она — дух. Она свободная и бессмертная и должна быть чиста, светла и полна любви, как образ Божий.

Усилия христианина прежде всего должны быть направлены к изучению своей души, «к познанию самого себя». И тем, кто будет следовать этому указанию, облегчится достижение главной цели своей жизни: стяжание Духа Святаго Божия и преображение через это своей души, ее богоуподобление. От степени самопознания зависит и понимание человеком окружающего. «Через обращение человеческого духа внутрь себя и затем к Богу ум отходит от бесконечной множественности явлений мира и всей силой обращается к Богу и, пребывая в Боге, видит и себя, и весь мир» (схиархимандрит Софроний).

Душа и тело

Только душа человека вечна и потому единственно всецело реальна; существованию же современного материального мира придет неминуемый конец: «Земля и все дела на ней сгорят», — говорит Священное Писание.

Итак, тело наш друг, но этот друг все же — «осёл». Надо учитывать его нрав, причуды, упрямство, низменность стремлений, чтобы обезопасить себя от них. Попробуйте распустить тело (осла), приучить к своеволию, и оно само захочет господствовать над нами. Оно

будет требовать излишнее количество изысканной пищи и будет назойливо напоминать об удовлетворении своих животных потребностей. Откормленное тело — враг, а не друг человека.

Иоанн С.*: «Эта самая плоть, которую мы столько лелеем, покоим, услаждаем, украшаем, есть враг души нашей, весьма коварный и опасный. Она непрестанно противится любви Божией, воле Божией, и порывается исполнить свою волю почти всегда, разве когда сильное препятствие противопоставляет Господь Бог в благом Промысле Своем. Не питай пристрастно плоть твою, не ласкай ее, не угощай и не усиливай ее тем против духа. Иначе она не даст встать ему и войти в силу. Невольником будет дух у плоти. Плоть должно всегда распинать со страстьми и похотьми, а не лелеять, ее надо умерщвлять постом, бдением, молитвою и трудом».

Аскетизм — порабощение тела духу — дает возможность в сильной степени смягчать запросы тела и еще до его смерти в какой-то мере приобщать душу к жизни духа. «Если человек не умрет для плоти, живя духом, он не может воскреснуть душою» (преподобный Варсонофий Великий).

Итак, и к телу у христианина должно быть внимание, но несравненно больше внимания должно быть у него к бессмертной душе. Душа — младенец бессмертия, беззащитный и жалкий в условиях окружающего нас мира. Как надо прижимать к груди своей и к сердцу своему душу свою! Как нужно любить ее, предназначенную для вечной жизни! О, как нужно счищать даже малейшее пятнышко с нее!

---

* Отец Иоанн Кронштадтский.

Ум или разум

А мы имеем ум Христов.

1 Кор 2, 16

Надо различать три проявления, или, условно, три вида ума.

Первый вид ума — ум «инстинктивный», которым обладают и животные и которым живут неразвитые духовно люди — дикари. Он занят исключительно удовлетворением потребностей тела. Он может быть хорошо развит, и тогда его называют хитростью, пронырливостью.

Второй вид ума — это ум логики и науки. Его нет у животных. С его помощью человеком строится наука, движется прогресс техники. Господом он дан человеку для постижения Его творений и премудрости Самого Творца. Этим умом человечество зачаровано, гордится им и считает, что некогда он приведет все человечество к счастью. Этот ум не совершенен, о чем свидетельствует философия, теории которой непостоянны и противоречивы.

Третий вид ума — ценнейший дар человечеству, назовем его условно благодатным разумом. «У души есть свой, более глубокий разум, интуиция, внутреннее восприятие истины» (митрополит Вениамин).

Благодатным разумом человек постигает существование Бога, Творца мира, Его непостижимую премудрость, Промысл и любовь к Своему творению, связь мира с Божеством, целесообразность всех законов природы и закономерность явлений в судьбах всего человечества, народов и отдельных личностей. Лишь благодатный разум веры может постигать гармонию мира и невыразимую красоту Самого Божества и примирять в душе кажущиеся противоречия и недоумения, пред которыми бессилен ум науки и логики. Он не смущается от таких антиномий, как единство Бога при троичности Лиц; единство в Христе Бога и человека; совмещение свободы воли человека с предопределением его судьбы

у Бога, сочетание Божией справедливости с милосердием Бога.

Дух Божий не может быть постигнут одним человеческим разумом. Он доступен только полноте человеческого духа, по наитию благодати. Попытка проникнуть в область веры и ее тайны одним светильником разума без благодати есть дерзость в глазах христианина. Только сила, даруемая Духом Божиим, может вознести его в те неприступные высоты, где является Божество. Этот вид познания, в отличие от первых двух видов ума, святые апостолы называли мудростью.

Ум, умерший своему мудрованию, становится проводником Таин Божиих и Его всесвятой воли.

Человеческий ум и благодатный разум очень часто находятся в противоречии друг с другом. Повеление одного не согласуется с пожеланиями другого.

Старец Силуан считал, что «зло всегда действует обманом, прикрываясь добром, но добро для своего осуществления не нуждается в содействии зла, и потому там, где появляется лукавство, ложь, насилие, там начинается область, чуждая духу Христову». Добро злыми средствами не достигается, и «цель не оправдывает средств». Добро, недобро сделанное (злыми средствами), — не есть добро. Это завет нам от апостолов и святых отцов.

Мысли

Что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте.

Флп 4, 8

Что является источником мыслей? В основном это пожелания сердца. При господстве первого вида ума мысли будут направлены на потребности тела, при развитии ума второго вида человеком будут владеть умственные интересы к науке, искусству. При наличии благодатного разума (третьего вида) мысли будут

преимущественно касаться области духовной: религии, покаяния и т. д. Чем дальше человек отстоит от Бога, тем раздробленнее его мышление и беспокойнее его душевные переживания. Чем ближе человек к Богу, тем у́же круг его мыслей сосредоточивается на единой бесстрастной мысли, это особое видение или чувство ума. Самым существенным моментом в аскетическом искусстве является «хранение ума» (не отдавать его суете мира и извне навязанным впечатлениям).

Самое важное в хранении ума — память о Боге. Что случается с рыбой, вынутой из воды, то и с умом, оставившим памятование о Боге и блуждающим в воспоминании мира сего. Источником мыслей в значительной мере является и космический потусторонний мир — мир духов. Это подтверждается и Евангелием: «Диавол вложил в сердце Иуды предать Его». Когда святитель Иоанн Златоуст писал толкование на послание апостола Павла три дня, то келейник его Прокл видел стоящего с Иоанном Златоустом апостола Павла, который шептал ему на ухо свои мысли. И потому авторство толкования следует приписывать не одному святителю Иоанну Златоусту.

Многие появляющиеся у нас мысли, иногда неожиданные, бывают от Бога, Ангелов, святых и от наших невидимых врагов — слуг сатаны. Поэтому святые отцы предлагают разобраться, откуда идут мысли — от Ангела или от лукавого. Мысли бывают человеческие, ангельские и демонские — трех устроений. Демонские помыслы состоят из страстей, пристрастий, ненависти, злопамятства, осуждения. Ангельский помысл есть бесстрастное видение вещей, чтобы ум не возвышался и не унижался, не предавался бы неразумной привязанности, не был бы многопопечительным.

Преподобный Серафим считал от Бога лишь первую мысль, появившуюся в его голове. Варсонофий Великий говорит: «Через меня, малейшего, говорит тебе Бог».

Старец Зосима из Троице-Сергиевой лавры говорит: «Бывает, иногда, благоговейно страшно мне внутри

себя ощущать силу и голос Божий. Знаю, что больно иногда словом моим делаю людям, а иногда Бог утешает словом моим, но я обязан говорить то, что внушает мне Бог. Своего я никогда не говорю теперь ничего-ничего. И сбывается слово Божие, потому что оно есть истина и жизнь».

Конечно, говорить о принятии мыслей от Бога и Ангелов могли лишь святые и подвижники благочестия. На людей же, находящихся в стадии очищения, влияют и Ангелы, и лукавый дух. Мы обычно не обращаем внимания, откуда появилась новая мысль, отчего зародилось желание? А ведь это так важно понять и определить. Шло ли оно справа — от Ангела Хранителя, или слева — от лукавого духа. Помыслы от демонов бывают исполнены смущения и печали. Помысл от Бога приходит с тихостью и радостью.

Добрый Ангел тих, скромен, кроток, мирен. Он внушает чистоту, справедливость, целомудрие, ласковость, снисходительность, любовь и благочестие. Злой ангел злобен, гневлив, безрассуден.

Способность к различению мыслей является достоянием уже зрелых в духовной жизни. Схимонах Силуан пишет: «Любовь к земному опустошает душу, и тогда она бывает унылая, дичает и не хочет молиться Богу. Враг же, видя, что душа не в Боге, колеблет ее и свободно влагает в ум что хочет и перегоняет от одних помыслов к другим». «Борьбу с помыслами Господь принимает за мученичество» (святой Варсонофий).

Стяжавший непрестанную молитву не имеет времени и подумать о чем-либо земном. Непрестанная молитва предохраняет от влияния темных сил сатаны. В отдельных случаях, когда нам надо быстро найти верное решение, надо усердно, внимательно, от всего сердца попросить Ангела Хранителя прийти к нам на помощь и показать правильные мысли. А когда получим просимое, то, конечно, надо мысленно поблагодарить его.

Душа — невеста Христова. И как тело надо хранить от видимого греха, так и душу, и ум надо хранить от не-

потребных помыслов. Грешная мысль, навязанная извне и не имевшая сочувствия у человека, не считается грехом.

В одном монастыре жил инок, у которого заметили одну странность. Когда он шел один, то часто поворачивался в левую сторону и вполголоса говорил: «Отрекаюсь». Это он отрекался от навязанных, не угодных ему мыслей сатаны. «Я не хочу отвечать за чужие мысли», — объяснял он монахам и инокам. Он мудро поступал, пресекая течение прилогов словом «отрекаюсь».

Счастлив тот, у кого мышление не мечтательное. За случайные мысли мы не ответственны, но за желания мы несем ответственность. Архиепископ Иоанн пишет: «Одним волоском помыслов, как паутина тонким, от человека может заволокнуться все небо». Протоиерей Иоанн С.: «Мысли человека имеют крайне сильное влияние на состояние и расположение его сердца и действий».

Схиархимандрит Софроний о борьбе с помыслами

Не будем думать, что мы в какой-то мере владеем нашими мыслями. Мы в тяжком плену у них. И если бы захотели владеть ими, как владели ими святые подвижники, то сразу заметили бы свое бессилие и те великие трудности, которые преодолевали они.

Подвижник — делатель умного безмолвия. Он вступает в единоборство с помыслами. Принимая душою страстный помысл, который очень часто есть результат демонического влияния, человек через то становится орудием демонического действия.

Старец Зосима советовал молиться так: «Господи, Сам во мне живи, Сам говори, Сам действуй».

Бывают случаи, когда христианин подвергается нападению хульных мыслей. Один инок поведал старцу об этом. «Не бойся, чадо, ты не виноват в мыслях. Всю вину в этих мыслях я беру на себя. В этом виноват

диавол»,— сказал старец. И инок почувствовал великое облегчение.

Наиболее действенное средство для борьбы — это частое причащение Святых Христовых Таин.

Один инок говорит: «Когда приходят хульные мысли, тогда я творю Иисусову молитву. Так я и привык к ней».

Сердце

Сердце чисто созижди во мне, Боже.
Пс 50, 12

Из сердца исходят злые помыслы.
Мф 15, 19

Непостижимым образом физическое сердце человека связано со всеми переживаниями души человека. Об этой тесной связи свидетельствует Священное Писание и святые отцы, а также представители науки.

Господь говорит: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф 6, 21). И: «да не смущается сердце ваше» (Ин 14, 1).

Преподобный Макарий Великий пишет: «Сердце правит всем организмом, и когда благодать займет все отделения сердца, то господствует над всеми помыслами и членами, ибо там ум и все помыслы душевные».

Если Господь посещает человека, то опять-таки сердце является Его вместилищем. Преподобный Ефрем Сирианин: «Недоступный для всякого ума входит в сердце и обитает в нем. Сокровенный от огнезрачных Ангелов обретается в сердце. Земля не выносит стопы Его, а чистое сердце носит Его в себе». Поэтому преподобный Нил Синайский сказал: «Сердце каждого человека из нас есть домашняя церковь».

Итак, физическое сердце человека, точнее нервный узел сердца, является тем местом, где душа человека таинственно соприкасается с его телом. Так произошло понятие о «душевном сердце» как центре всех внешних психических проявлений души. И только сердце характеризует состояние души человека, определяет

его ценность, его духовную высоту или его низкое состояние.

Господь говорит: «Из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления» (Мф 15, 19). К чему привязано сердце человека и к чему влечет его пожелание, то и бывает для него Богом.

«Разум (ум) — слуга сердца», — говорит мудрый пастырь Иоанн С. Один из философов подтверждает: «Разум играет лишь роль регулятора, диспетчера». Таким образом, не ум, а сердце является истинным господином в человеке.

Мы часто не желаем греха только по рассуждению, то есть по уму. Но чувства наши в иных случаях побуждаются ко греху, и тогда мы бываем сильно боримы греховными помыслами. Поэтому одно рассуждение не сильно победить в нас страсти.

Чистое сердце есть сосуд Духа Святаго, это божество на земле, это свет, счастье и радость для окружающих его, хотя бы с этим сердцем сочеталось образование простолюдина. После ублажения сердца человека и ум его будет склонен к тем пожеланиям, которые ему пробуют привить. Чувство очищенного сердца есть более верный показатель истины, чем заключение ума. Так, Лука и Клеопа, шедшие в Еммаус, не могли умом распознать Христа, но сердце их не обмануло и горело во время встречи с Господом.

Чтобы понять человека, надо прежде всего распознать его сердце. Однако не так легко это сделать. Апостол Павел пишет: «Чувства (сердца) навыком приучены к различению добра и зла» (Евр 5, 14).

Подлинная христианская жизнь течет там, в глубоком сердце, сокрытом не только от посторонних взоров, но и (в полноте) от самого носителя этого сердца. «Войди в себя, пребывай в сердце своем, ибо там Бог», — говорит преподобный Ефрем Сириянин. Когда ум соединяется с сердцем, тогда человек исполняется неизреченной сладости и веселия. Чувство милосердия, любовь

к правде, нищета духа, кротость сердца — все это переносится за гроб бессмертной душой для вечности. Это тот «елей мудрых дев», которого не хватило их нерадивым подругам. Гнездящиеся в сердце земные страсти и пристрастия — это тот «пассив», который не дает возможности приобщиться святости. «Не войдет в него (Царство Небесное) ничто нечистое». Достижения же ума здесь безразличны. Двери Царства Небесного широко раскроются перед простецом с чистым сердцем, но они могут оказаться плотно закрытыми для ученого с мировым именем.

При чистоте сердца может получить развитие благодатный разум веры. Ум, по мере очищения от страстей, становится более сильным в борьбе с помыслами и более устойчивым в молитве и богомыслии. Сердце же, освобождаясь от страстей, все духовное начинает видеть чище, яснее — до убедительной ощутимости.

Итак, сердце является истинным господином души и его значение для вечной жизни несравненно выше значения ума. Лишь в сердце зарождается и живет любовь Христова.

«Знание надмевает, а любовь назидает; кто любит Бога, тому дано знание от Него» (1 Кор 8 ,1, 3).

Сердце и вера

Можно веровать умом, но много выше — веровать сердцем. Веровать сердцем означает поверить, что то, что говорит нам наше сердце, то, к чему мы стремимся и чего желаем, есть несомненная истина. Наше сердце жаждет жизни вечной, и мы верим в нее, верим, что она начинается здесь, на земле, и продолжается по смерти и воскресении. Разум являет себя в рассуждениях, доводах, часто очень сложных, длинных умозаключениях. Сердце выражает себя по-иному. Оно обычно не строит доказательств, порой не нуждается даже в словах. Решения его бывают быстры. Когда апостол Иоанн вошел

в опустевший гроб Господень, то «и увидел, и уверовал» (Ин 20, 8).

Когда пришла «полнота времен», Бог послал к нам на землю Сына Своего, Который возвестил людям слова любви о подвиге, о совершенстве, о милосердии, о вечной жизни. Слово Евангелия близко нашему сердцу. Нужно только, чтобы сердце отозвалось на него. И когда оно отзовется, то уже само станет судьею всех наших поступков. Апостол Иоанн, зная это свойство нашего сердца, говорит: «Если сердце наше осуждает нас, то кольми паче Бог... если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу» (1 Ин 3, 20–21).

Воля человеческая

Да будет воля Твоя.

Ин 6, 10

Воля не является самостоятельным элементом души, и понятие о воле неотделимо от понятия о сердце. Воля — это «равнодействующая сила» стремлений и желаний сердца.

Наша воля поэтому имеет решающее значение в восприятии всего нас окружающего и оценки его, как пишет отец Александр Ельчанинов: «Мы видим мир таким, каким его делает наше воображение, наша воля. И каждый видит его по-иному, по-своему, часто ставя центром своего мира вещи ничтожные и вовсе не давая места тому, что единственно важно».

Человек создан «по образу и подобию Божию» — со свободной волею. «Наша свобода есть неотделимая часть образа Божия», — говорит отец Иоанн С.

Архиепископ Иоанн говорит: «Когда воля человека очищается от зла, тогда все становится даром, исходящим свыше». Все тогда делается исполнением желаний самого человека. Это и есть «Царство Божие, пришедшее в силе».

Апостол говорит: «Ничего не имеем, но всем обладаем» (2 Кор 6, 10).

Вместе с тем свобода воли человека все же далеко не абсолютна. Схиархимандрит Софроний: «Чтобы самому во всем определить свое бытие — это свобода Бога, человек такой свободы не имеет». Человеческую свободу связывают: а) законы природы, б) запросы тела, в) окружающие люди и обстановка, г) установленные Богом внутренние законы, сообщаемые ему через голос совести, д) влияние на душу темной силы при оставлении человека Божией благодатью. Епископ Игнатий (Брянчанинов) утверждает, что воля человека свободна почти только в одном избрании добра и зла; в прочих отношениях она ограждена отовсюду.

Различают людей сильной и слабой воли. У сильных, волевых людей «остаток свободы» более ярко выражен, и они настойчиво стараются проводить в жизнь свои стремления. Наличие у человека сильной воли вместе с настойчивостью при достижении определенных целей — это великие дары, многие таланты, дарованные человеку от Бога. Немногие из людей обладают ими в значительной мере. Если при этом у человека целью жизни является богоугождение и стяжание Духа Святаго Божия, то человек может достигнуть высоких степеней святости. Одним из ярких примеров для этого случая является апостол Павел. И наоборот, если сердце человека жестоко, гордо и тщеславно, то при очень сильной воле существование такого человека является народным бедствием. Например, Наполеон, Гитлер. Таким же будет и грядущий антихрист, особая личность в конце веков.

Епископ Михаил Таврический подразделяет наши стремления по *пяти* сферам:

– *первая* — сфера чувственно-материальной жизни;

– *вторая* — сфера умственной жизни;

– *третья* — сфера искусства (мир образов и грез);

– *четвертая* — сфера человеческих симпатий и состраданий, в которой живут люди, имеющие доброе сердце;

– *пятая* — сфера жизни духа — сфера свободной веры, сфера молитвы и богообщения, единения души с Богом.

После грехопадения громадное большинство людских душ живет в своих стремлениях преимущественно в низшей сфере эгоизма и чувственности. Человек, одаренный мистически, живущий духовно, живет в плане более высоком и большего достоинства, чем тот, которому принадлежит научная жизнь. Духовный человек занят Богом и мало занимается мирскими делами.

Сфера сострадания — это остаток от Божиих даров сердцу человеческому, данных в раю. Добродетель сострадания развивается с возрождением в человеке веры и приобщением его к пятой — высшей сфере.

Варсонофий Великий пишет: «Всякое доброе дело, которое совершается не из одной только любви к Богу, но к которому бывает примешана и своя воля, нечисто и неприятно Богу».

Никодим Святогорец: «В этом же состоит вся сущность нашей невидимой брани».

Человек может добровольно отказаться от своей воли, например иноки подчиняются игумену, *христиане — духовному отцу.* Это благое умерщвление своей испорченной грехом воли: в человеке через старца, а в последнем через веление Святаго Духа начинает господствовать воля Самого Бога, которая всегда благая и всегда совершенная, *она ведет душу к миру и к совершенной радости.*

Святые старцы единодушно считают отречение от своей воли совершенно необходимым для спасения своей души. *Безнадежна участь человека с самомнением* — надеющегося на себя и не стремящегося во всем искать воли Божией. У невоздержанного, духовно мертвого человека воля связана и покорена диаволу-сатане. В длительном процессе покаяния и совершенствования воля не может освободиться сразу от него: для этого нужны многие годы. Но Господь за усердное благочестие может срок сократить.

Устремление наших душ (наша воля) — это то основное, что служит критерием пригодности душ к Царству Небесному. Если даже высокие стремления души

на земле подавлялись и душа не могла их осуществить, то они раскроются в том мире, где не будет мешать им земная обстановка. Для победы над грехом вовсе не достаточно просто не грешить. Надо перестать быть грешником.

Семь важнейших импульсов, влияющих на душу: 1) потребность тела; 2) душевные склонности; 3) рассудок, или ум; 4) влияние общества; 5) влияние авторитетов и образов из литературы; 6) побуждение и влияние темных сил; 7) высший разум и побуждения, идущие от Бога через Ангела Хранителя (совесть и благодать).

Восполнение слабой человеческой воли и разума Божией благодатью

Благодатию вы спасены.
Еф 2, 8

Господи, посли благодать Твою в помощь мне... Аще и ничтоже благо сотворих пред Тобою, но даждь ми по благодати Твоей положити начало благое. Господи, окропи в сердце моем росу благодати Твоея.
Молитвы свт. Иоанна Златоуста на каждый час

Благодать есть Бог, ощущаемый в сердце.
Паскаль

Недостаточность разума и воли человеческой при стремлении ее к добру может быть восполнена содействием благодати Божией, проявляющейся как следствие покаяния и молитвы к Богу. Святой Максим Исповедник говорит: «Человек имеет два крыла: свободу и благодать... Добродетели влагает в нас Бог; Он вкладывает их в сердце человека, а человеку принадлежит «труд и пот».

Слабы часто разум и воля человека, не по силам ему бороться с грехом, но чрез начало покаяния, выполнение заповедей и чрез молитву его воля укрепляется благодатью, и тогда он побеждает грех. То же действие производит и молитва за него ближних.

Благодать Божия не идет только к тому, кто ее не ищет. Ее нельзя домогаться, но ради нее надо трудиться. С первых же минут побуждения себя на тесный путь — благодать приходит на помощь. «Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей».

Здесь как бы надо взойти на высоту пяти километров, а у человека силы только на один. Пусть он все же дерзает идти. На все остальные четыре километра его вознесет благодать Божия.

Схимонахиня Ардалиона говорит: «При работе над своим внутренним человеком такая иногда чувствуется немощь, недостаточность всех внешних подвигов, всех своих душевных сил, что не раз я приходила в уныние и некоторое безнадежие... Всею немощью души своей я сознавала, что ни на себя и ни на что свое я не могу надеяться, что ничто мне не поможет в моем несовершенстве. Всем существом я верю, что Господь, один Господь и сила Его благодати может меня спасти, может просветить, очистить и усовершить мою душу. И эта сила будет Его сила, во мне действующая, а не моя, я же и все мое навсегда остается немощным, безжизненным, беспомощным».

По существу без промыслительной помощи Божией человек вообще не может сделать ничего доброго. Можно сказать, что причиной большего или меньшего дара является предуведанный Богом *ответ человека* на действие благодати. Если небольшая благодать, то в душе *мир* и чувствуется любовь ко всем; если благодать больше, то в душе *свет* и радость великая, а если еще больше, то и *тело ощущает* благодать Святаго Духа.

Как получить благодать

Старец Силуан: «Чтобы иметь благодать, человек должен быть воздержан во всем: в движениях, в слове, в смотрении, в помыслах, в пище... Будь послушлив, не осуждай и храни ум и сердце от плохих помыслов, а помышляй: *все люди добрые, и их любит Господь*. За эти

смиренные мысли благодать Святаго Духа будет жить в тебе, и ты скажешь: "Милостив Господь"».

Блюдите благодать Божию: с ней легко жить, все делается хорошо по Богу, все мило и радостно, душа покойна в Боге и ходит как по какому-то саду, в котором живут Господь и Божия Матерь. Гнев, тщеславие, высокоумие, осуждение ближнего отгоняют благодать Святаго Духа. Вот путь для христианина, часто страждущего от раздвоения воли и не имеющего силы для следования своим высоким стремлениям.

Болезни души, грех, рабство души и глубина падения

Все мы много согрешаем.

Иак 3, 2

Человек своим актом отвержения Бога разорвал связь миров духовного и физического, и этот последний, вместе с собою, подчинил рабству тления и смерти, заменив законы любви законом ненависти и всеобщей вражды. Первым следствием греха было ослабление природы человека во всех отношениях. Обессиленный дух не мог сохранить своего владычества над душой и телом. Ослабленный внутренне, человек пал и внешне. Трудясь в поте лица, он должен добывать себе кусок хлеба. Но обычно человек слеп на духовные очи и не видит умирания своей души. Он раб своих привычек и установившихся склонностей и не в силах выйти из-под их власти.

Протоиерей Иоанн С. говорит: «Одно простое движение сердца к нетерпению есть уже грех и наказывается внутренне тотчас же».

Старец Алексей М. считает за грех даже внутреннее нетерпеливое движение души. А так как судиться будет наша душа, а не тело, то всякая греховная мысль есть пятно на одежде души.

В отношении пожеланий у души не может быть оправданий. Она свободна желать добра или зла и следовать

в своем чувстве за истиной или ложью. Бездна мысленного греха лежит в глубине нашей души и затаенных стремлениях сердца, скрытых от мира, а чаще всего и от нас самих, но видимых для Господа (затаенное влечение к самообожанию, скрытое бунтарство раба, который ощущает Бога как ярмо и Ему противится).

Св. Петр Дамаскин: «Наши прегрешения числом превышают песок морской, а по тонкости своей многим неведомы. Грех овладел пажитями души до глубочайших ее тайников».

Протоиерей Иоанн С.: «Никто да не думает, что грех есть нечто маловажное; грех — страшное зло, убивающее душу ныне и в будущем веке».

Как глубоко грех пускает корни в сердце грешника и во все существо его! Он дает грешнику свое зрение, которое видит вещи совсем иначе, чем они есть в существе своем, *представляя их в каком-то обаятельном виде*. Как правило, все мы горды и очень высоко ценим себя, приписываем все удачи жизни своим заслугам и достоинствам, самодовольны, смеемся над чужой оплошностью.

Филарет, митрополит Московский: «Когда душа человека кипит огнем божественного желания, тогда сей духовный огонь служит ей в одно время и силою для действования, и бронею для защиты». Отшельник Диокл: «Тот, чья душа не привязана к Богу и увлекается какой-либо страстью, становится подобием животному».

Планы нашей души

1) Настоящая гарантия нашего спасения — то, что есть в нас от святого крещения, от Таинств, от дыхания Духа Святаго в нас.

2) Облако добродетелей, изуродованных, как кислотой, тщеславием, — наша будто бы молитва, наша «праведность».

3) Тучи действительных грехов — это те грехи, о которых мы не помним, которые себе с легкостью прощаем.

4) Глубокие, старые пласты грехов — это грехи, сливающиеся с родовыми и общечеловеческими.

Страсти

Те, которые Христовы, распяли плоть
со страстьми и похотьми.

Гал 5, 24

Душа человеческая постоянно подвергается воздействию прилогов, навязываемых ей темной силой, — греховных мыслей и пожеланий. Борьба с «прилогами» не так трудна: здесь как бы смахнул комара, и нет его. Но если появилось уже «сочетание» и если комар успел впустить свое жало и задел самое сердце, то от человека требуется уже некоторое духовное усилие при противодействии искушению. Еще опаснее «пленение». Последнее, по определению святых отцов, является насильственным отведением сердца в плен, удержанием в нем и слиянием будто в одну жизнь с предметом пленившим. В том случае, если «пленение» становится долговременным или часто повторяющимся, хроническим, душа будет в состоянии страсти. Отсюда существуют следующие ступени, по которым грех входит в нас: образ — прилог; интерес — сочетание; влечение — пленение, страсть.

Источник происхождения страстей — темная сила. Страсти суть демоны. Страсть горяча, смутна, необдуманна, зла, стремительна. Подпадая демоническому влечению, человек претерпевает поражение своей богоподобной свободы и отпадает от божественной жизни. Когда какой-либо страстный помысл или образ утвердится в душе, тогда человек становится в той или иной мере одержим (различной степени, напряжения и силы).

Итак, страсти суть болезни, язвы души демонического происхождения, которые, при сильном развитии их, ведут душу к духовной смерти. В состоянии страсти человек находится как бы в состоянии душевного опьяне-

ния. Святые отцы называют восемь главных страстей: чревоугодие, блуд, печаль, уныние, гнев, тщеславие, гордость и сребролюбие.

Чревоугодие и блуд — извращение потребностей тела. Мирская печаль оскорбляет Духа Святаго, помрачает разум и препятствует молитве. Ни в коем случае не унывайте. Уныние — это палач. Спасительна печаль только о соделанном грехе. Преподобный Серафим Саровский дивеевским сестрам велел более всего бояться уныния и от него бегать, как от огня. Нет ничего пагубнее уныния.

Гнев — это пожар души, по выражению святых отцов. Душа не сознает во время приступа гнева, что во всем происшедшем надо видеть волю Господню, всегда благую и совершенную. В борьбе с гневом хорошо: первое — молчание, второе — удаляться от возбуждающего гнев, третье — просить прощения, четвертое — внутренне взывать ко Господу о умиротворении сердца. На того имеешь право гневаться, кто хочет отлучить тебя от Бога. Начальная стадия гнева — это раздражение, на которое так мало обращаем внимания. Однако оно непростительно, так как в это время мы находимся во власти темной силы.

Самой губительной и ненавистной для Бога страстью является гордость — возведение самого себя в кумиры, почитание себя выше других, обольщение собою, своими достоинствами, способностями, умом и т. п. Гордость, коль скоро овладевает бедной душой, то как свирепый тиран весь город до основания разоряет. С гордостью связана страсть тщеславия.

Как лечить страсти? Каждое сопротивление страсти ослабевает ее, увлечение страстью усиливает ее. Наиболее совершенно страсти побеждаются очищением сердца путем усиленных молитв и подвигов. Надо развивать противоположные страстям добродетели. Например, если развить смирение, угаснет гордость, если будет господствовать радость, то не будет месту печали.

Исцеление от страстей требует многолетней борьбы. Один из великих подвижников говорит: «Мне потребовалось пятнадцать лет, чтобы победить гнев».

Итак, всем начинающим свой путь ко спасению надо помнить не только о его «узости», но и о том, что годы могут пройти, пока будут замечены признаки искоренения страстей. Игумения Арсения говорит: «Чистоту помыслов и чистоту чувств нетрудно приобрести уединением, чтением духовным и упражнением в молитве». Но чистота сердца многими страданиями приобретается, она есть совлечение страстей. Там, в груди, есть тяжесть непонятная, которая давит и давит, которая, как стена, стоит между душой и Господом. Эту стену может разрушить благодать Божия при нашей решительной борьбе со страстями по заповедям Божиим.

Надо различать чистоту ума и чистоту сердца. Даже мирная молитва еще не служит показателем победы над гнездящимися в сердце страстями. Бесстрастие же не в том состоит, чтобы не ощущать страстей, но в том, чтобы не принимать их в себя.

Страсти мучают душу. Они дурны больше потому, что не дают душе приобщиться блаженства, которое есть единение души со Христом. И самое добро — не предел стремлений души: покой души — один Бог.

Пристрастие

Ничто не должно обладать мною.
1 Кор 6, 12

От страстей надо отличать пристрастие. Сатана постоянно нападает на души людей, целью его усилий является удаление души от Бога всеми доступными для него средствами. Он старается, чтобы мы создали для себя кумира, *которому вместо Бога отдали бы свое сердце, о котором постоянно думали бы.* Для этого он прельщает нас богатством, славой, властью, пристрастием к людям, животным, вещам, наукам, искусству, литературе, поэзии, спорту и т. д. Отец Александр Ель-

чанинов: «Таинственная сфера искусства — такая пленительная, но для нее обычные черты — эгоизм, гордость, жадность, слава».

Например, пристрастие (не Христова любовь) к детям или близким может привести к отречению от Бога. *Бывает пристрастие и к хорошим предметам,* но все же и здесь они будут препятствием *к стяжанию Святаго Духа Божия.*

Так, например, ради пристрастия к *чтению духовных книг христианин может пренебрегать молитвой* и своими обязанностями по отношению к ближним.

Игумения Арсения говорит: «Если случится увлечься *чем* или *кем-либо,* то это *временное утешение оскверняет сердце,* делает человека более неспособным к принятию Господа, одним словом, отодвигает его от цели».

Вместе с тем пристрастия всегда *лишают мира душу человека.* Если в душе есть хоть малое пристрастие к чему-нибудь или кому-нибудь, то печали не минуешь. Пристрастие к вину, табаку вредно отзывается на здоровье тела.

Как преодолеть пристрастия? Здесь очень важно вовремя обнаружить их в себе, поставить правильный диагноз. Это и нелегко, и христианин часто считает за добро то, что на самом деле от лукавого и мешает его духовному росту и угнетает душу. Вот почему очень важно жить под руководством старца, который мог бы вовремя указать на душевное нездоровье. За отсутствием таковых надо внимательно *прислушиваться к мнениям духовно близких.* Господь так милостив, что отовсюду мы можем получить Его указания и помощь, если будем смиренны и заострим наш духовный слух.

Метод лечения от пристрастий все тот же, как и при всех болезнях души: *горячая просьба о помощи ко «Врачу душ и телес наших» и неотступная молитва об избавлении от пристрастия.* Здесь следует сказать, что Господь нередко Сам посылает Своим избранным благодатные врачевания для избавления от пристрастий.

Предмет пристрастия часто занимает самое почетное — первое — место в сердце человека, которое должно принадлежать только Богу, поэтому пристрастие и нетерпимо «Богу-Ревнителю» как оскверняющее сердце и отделяющее его от Бога. Даже у праведных людей бывает какое-либо сильное пристрастие, как бы «Ахиллесова пята», в их душевном теле добродетелей. Сюда-то и направляется Богом *врачевание*.

Примеры из Библии. Так, патриарх Иаков любил Рахиль, а получил вначале в жены Лию. Он более всего любит сыновей Рахили — Иосифа и Вениамина, и Господь отнимает как раз Иосифа, а впоследствии и Вениамина (заложник). Посылая подобные испытания, Господь показывает Своим избранникам, что их сердце не свободно от человеческой немощи (пристрастия), затмевающей в нем любовь к Богу. Так, часто лишь путем переживания тяжких испытаний сердце человека может исцелиться от пристрастий.

Значение земных пристрастий ярко сказывается при переходе души в загробный мир: тяжело умирать душе, имеющей много земных пристрастий и привязанностей. Благо тем, кто вовремя от них освободится.

Искушения

Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение.

Мф 26, 41

Нигде в мире нет такой серьезности в отношении к слову «искушение», как на Святом Афоне, и серьезности к делу спасения своей души; этим следует объяснить и пристрастие к слову «искушение». Последнее принадлежит преимущественно к лексикону монахов. Всякому христианину необходимо иметь о нем глубокое познание и применять его на опыте жизни в своей никогда не прекращающейся «невидимой брани» с лукавым духом.

Что такое *искушение*? Во-первых, искушением называют все *тяжелые для души переживания, приходящие к человеку извне по Божию попустительству, — в нака-*

зание, для исправления, для испытания в вере и т.д. Сюда будут относиться болезни, нужды, несправедливости от людей, обиды.

Во-вторых, искушением называется *состояние души,* когда ей темной силой *навязываются мысли, а сердцу — чувства, нарушающие душевный мир* или влекущие к нарушению Божественных заповедей, требований *совести и разума*. Подобное искушение неизбежно для каждого человека, пока он живет на земле. Сам Господь в пустыне «был искушаем от диавола». «Чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим» (1 Кор 7, 5).

Господь сказал: «Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам» (Мф 18, 7). Иоанн С. говорит: «*В жизни христианской необходимы искушения — пробы или испытания нашего духовного состояния...* Как для пробы серебра нужны инструменты, так для испытания души нужны люди».

Счастье вечной жизни и будущего пребывания с Богом в Царствии Небесном является ни с чем не сравнимым даром человеку, что должно приобретаться за великие подвиги — преодоление искушений и соблазнов при длительном испытании души человеческой.

«Если бы не было искушений, никто бы не получил Царства Небесного» (преподобный Антоний Великий). Лишь путем преодоления искушений и соблазнов в христианине умножается опытность и духовная сила.

Сатана и его воинство в течение тысячелетий не устают изощряться в искушениях людей — каждой человеческой души. Одним из типичных видов мысленных искушений является *беспокойство за обеспечение* себя и своих ближних, недовольство своим материальным положением; одним из мысленных искушений является сожаление: «Как жаль, что так получилось». Также ловит нас лукавый бесплодными самоукорениями: «Зачем я сделал так?» В житейских делах самоукорение вредно. Если мы ошиблись, то и это, надо думать, случилось не без Промысла Божия, чтобы смирить нас.

Даже премудрый Соломон не считал, что способности человека могут влиять на житейские дела. Он пишет: «И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достигается успешный бег, не храбрым — победа, не мудрым — хлеб, и не у разумных — богатство, и не искусным — благорасположение, но *время и случай для всех их*»* (Еккл 9, 11).

Итак, все зависит от Бога. Мы забываем в делах сначала *внимательно помолиться Богу.*

Есть и еще случай, когда мы искушаемся и когда надо *быть очень внимательным* к себе. Это совершение какого-либо доброго дела. Диавол в этих случаях более, чем обычно, злобится на нас и старается на нет свести результаты нашего дела, испортить его каким-нибудь проступком невоздержания. Иногда мы желаем потщеславиться, а иногда осуждаем того, кому даем.

Игумения Арсения: «Ко всякому доброму чувству враг примешивает свою отраву, так и к сокрушению о грехах — отчаяние, и к любви — сладострастие, к отречению от мира — холодность к людям. Только при молитве именем Господа Иисуса Христа, произносимым с верою, этот яд отделяется».

Одним из наиболее тяжелых искушений является искушение против любви — вражда или неприязнь к кому-либо из окружающих, часто близких и ранее любимых. Нужно делиться с опытными в духовной жизни людьми. Уже один рассказ о своем состоянии является часто достаточным, чтобы искушение прошло. Духи тьмы боятся своего обнаружения и уходят.

Если ясны причины нашего искушения, то нужно молиться Господу Иисусу Христу: «Господи, я вижу себя в искушении, помоги преодолеть его. И если я не в состоянии это сделать, то Сам изгони борющего меня злого духа, как некогда Ты победил его в пустыне и изгонял из людей, одержимых им».

---

* Выделения в цитатах сделаны автором. — *Примеч. ред.*

Если искушение связано с *осуждением ближнего, то надо молиться за него,* и помощь Господня не замедлит. В недоумении душа себя спрашивает: «И чего было бояться?», «Чему было завидовать?»

Следует отметить, что в некоторых случаях Господь попускает длительные искушения и медлит со Своею помощью, чтобы более закалить душу в борьбе или предохранить душу от гордости. Схимонах Силуан: «Господь воспитывает душу человека, не отстраняя его от встречи со злом, а давая ему силу на преодоление всякого зла».

Чем выше поднимается человек по пути к святости, тем сильнейшим подвергается искушениям. Преподобный Исаак Сириянин: «Пока ты еще на пути ко граду Царствия, признаком приближения твоего ко граду Божию да будет для тебя следующее: *чем больше приближаешься и преуспеваешь, тем более находящие на тебя искушения умножаются*. И знай, что душа твоя в это время втайне вступила на иную, высшую ступень и приумножена ей благодать в том состоянии, в каком она поставлена, потому что *соответственно наличию благодати,* в такой же именно мере, Бог вводит душу в скорбь искушения».

Ты за Бога, а враг за тебя. Если кто приступает работать для Господа Бога, то пусть приготовит душу свою к искушениям. Победив искушение силою Христа, душа богатеет духовным опытом. Она приучается побеждать искушение молитвою. И этим кладется прочное основание для успеха в *«невидимой брани»* христианина с духами тьмы и к стяжанию через это Духа Святаго Божия.

Болезни воли, гипноз, одержимость

Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете.
Ин 8, 36

Митрополит Вениамин: «Мы, грешные, не можем быть свободными, ибо страсти наши господствуют над нами. И только по мере освобождения от них растет

и свобода наша. Послушные несравненно свободнее своевольных. А святые уже совсем свободны, сколько возможно человеку. А вполне же свободен только один Бог. Смирение дает свободу. Гордый же — раб себя самого, хотя воображает, что он-то и есть свободный... Неверие есть рабство. Люди же думают совсем наоборот».

От порабощения страстями воли человеческой освобождает Господь: «Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете». Над их духом уже нет власти лукавого, из-под власти которого остальной мир не имеет силы вырваться. И есть глубокая разница в положении рабов сатаны и свободных сынов Божиих. Когда в душе разлад и раздвоение и душа колеблется между Богом и сатаной, то ослабленная воля врачуется только через очищение сердца, то есть в единственном случае — при стяжании Духа Святаго.

На волю каждого человека может влиять и воля других людей. Это влияние передается не только через слова, но и по таинственным путям мистической взаимозависимости. Мы можем взглядом привести другого в замешательство.

При гипнозе воля человека парализована и человек находится в известной степени в подчинении другому человеку — гипнотизеру. По мере порабощения человека греху ослабляется воля человека и он становится способным поддаваться гипнозу. Интересно, что нельзя загипнотизировать детей до семи лет. Простые необразованные люди менее испорчены сердцем и ближе к Богу, чем люди, вкусившие цивилизации, — это и обусловливает их меньшую подверженность гипнозу.

Властность — черта характера, присущая людям, живущим *вне Бога.* Христианин по природе кроток, как и Христос. Не была ли в Христе неизмеримо сильная воля? Но Он был кроток и не допускал психического насилия над людьми.

Подчинение темной силе может достигнуть крайней степени, которая называется «одержимостью». Следует заметить, что одним из начальных проявлений одер-

жимости являются частые приступы тоски и боязливости.

Диавол сидит в наших сердцах еще необыкновенно сильной раздражительностью; мы становимся иногда так больны самолюбием, что не терпим ни малейшего противоречия, препятствия вещественного или духовного, не терпим ни одного слова негладкого, грубого. Святитель Димитрий Ростовский сказал: «Простите меня, братия, если я всякого грешника, не думающего о своих грехах, назову бесноватым».

Прелесть

Диавол, прельщавший их...

Откр 20, 10

Слово «лесть» обозначает обман, и люди, находящиеся в «прелести», — это обманутые люди (темной силой). Для последней легко обмануть тех, кто лишен благодати, защищающей человеческие души. Благодати же лишен тот, кто грешит, заражен страстями и не кается.

Из страстей самой страшной является гордость с ее последствиями: самомнением, самочинием, самоуверенностью, непослушанием, отсутствием авторитетов. Вот на таких людей легко действовать темной силе и прививать им «прелесть» в той или иной форме. Это случается всегда, когда люди в духовном отношении стоят одиноко, не признавая для себя никаких авторитетов, не желая иметь ни советов, ни руководства.

По мере роста подвигов в прельстившихся растут гордость, самомнение и они видят видения: образ Христа, святых и Ангелов, слышат их голоса, принимая за дары благодати. Часто эти люди гибли в своем ожесточении и кончали жизнь самоубийством.

Однажды один инок возгордился и перестал посещать старца. Ему во время молитвы явился ангел блистающий и сказал: «Твоя ревность и молитвы угодны Богу, но их недостаточно. Требуется жертва — пожертвуй один глаз». И инок в экстазе сжег свечой глаз.

И ничего не сказал старцу. Затем вторично является ему ангел, который требует у него второй глаз. У него не хватило сил лишить себя последнего глаза. Братия заметили его состояние. И вот пошел он к старцу. Старец спросил: «Что это ты перестал меня посещать и кто руководит тобой? Уж не ангел ли? И как это ты глаз потерял? Уж не по совету ли ангела?» Тут открылись его духовные очи, и он понял свое прельщение и, обливаясь слезами, упал в ноги старцу.

Одним из видов прелести является стремление к благодатным душевным переживаниям, к вкушению во время молитвы духовной сладости и восторга или умиления. Епископ Игнатий (Брянчанинов): «Если в тебе кроется ожидание благодати — остерегись: ты в опасном положении».

Нужно считать, что всякое пренебрежение авторитетом Церкви и непризнание общепринятых в Церкви основ, религиозных понятий грозит увести христианина от истины и тем предать его влиянию темных сил.

Для всякого христианина в миру, стоящего одиноко, без послушания духовным отцам, всегда имеется опасность впасть в прелесть в той или иной форме или степени. Величайшая прелесть — признавать себя свободным от прелести. Все мы обмануты, все обольщены, все находимся в ложном состоянии и нуждаемся в освобождении истиною.

Ты подумал, что хорошо сказал, хорошо сделал — вот уже прелесть. Размечтался о своих дарованиях — опять прелесть. Принял похвалу — и это прелесть.

Начало прелести:

1) самонадеянность, самочиние;

2) устремление внимания на себя, «эгоцентризм».

Как предохранить себя от прелести:

1) быть в послушании старцу;

2) изучать Священное Писание, творения святых отцов;

3) опасаться иметь мнение, различное от Церкви;

4) быть чутким к мнению друзей и окружающих, быть внимательным к их суждениям.

Господь обличает нас устами наших близких. Борьба с раздвоенностью нашей души есть дело всей нашей жизни. Можно прожить, и живут многие, всю жизнь слабой чьей-то тенью, копией. Самый первый и важнейший смысл существования — быть самим собой, возвышаясь до преобразования себя в «образ и подобие Божие». Как говорит Священное Писание: «Весь мир во зле», а истинных христиан лишь «малое стадо».

Зарождение «внутреннего», «духовного» человека

Должно вам родиться свыше.
Ин 3, 7

Верою вселиться Христу в сердца ваши.
Еф 3, 17

Благодатию — силою и милостию Господа Иисуса Христа и чрез покаяние человек может быть освобожден от власти первородного греха и обновлен душою. Господь говорил Никодиму: «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше» (Ин 3, 5–7). Но что такое этот «дух»?

Епископ Феофан Затворник: «Дух есть душа нашей души, призванный изнутри побуждать, двигать душу, крепко связанную с телом, к миру «горнему», небесному, вечному.

Когда дух начинает возрастать и подчинять себе душу, то она сама, по словам преподобного Макария Великого, превращается в дух, становится сопричастной Божества». Есть *первое* рождение от отца, *второе* — от Бога, а *третье* — человек сам себе родитель, чтобы явиться миру благим светом. Это таинственный процесс, как и зарождение физической жизни. Это начало

отображения душой христианина Христа при вселении в душу Святаго Духа Божия. Апостол Павел пишет: «Кто во Христе, тот новая тварь» (2 Кор 5, 17).

Рост «внутреннего», «духовного» человека

Мы же все открытым лицем, как в зеркале, взирая на славу Господню, преображаемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа.

2 Кор 3, 18

Апостол Павел: «Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор 4, 16). Постепенно отмирает «внешний», «душевный» человек по мере роста «внутреннего», «духовного». Так изменяется человеческая душа от примитивного животного состояния в невозрожденном человеке до обожения природы святого, уподобившегося Христу. Для христианина важно, чтобы его рост совершался интенсивно, непрерывно, беспрепятственно. Когда растение растет наиболее успешно? Когда корни его будут в земле и когда будет там достаточное количество питательных веществ, когда листья будут поглощать углекислоту, когда не будет вредителей. Имеется аналогия с этим и в процессе возрастания в душе Духа Божия.

Господь говорил: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф 4, 4). Итак, истина — слова, идущие от Бога через Иисуса Христа, — и есть наша пища, соки, питающие нашу душу. Истину мы можем черпать из Священного Писания и затем из духовных книг. Поэтому духовное чтение является одним из важнейших условий роста в нас Духа Святаго Божия. Отсюда — читать книги, содержащие истину, надо так же регулярно, как питать пищей наше тело.

Господь сказал: «Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин 6, 53). Из этих слов Господа следует необходимость регулярного участия в Таинстве святого причащения.

Дыхание души нашей — это молитва, которая, по заповеди Господа, должна быть непрерывной. Гибнет душа, впитавшая в себя вредные мысли, — философию безбожия, безнравственности. Схождение Духа Святаго в наше сердце зависит не от нас, но от наших усилий очистить сердце посредством покаяния и тем создать условия для этого схождения. Все добродетели будут развиваться лишь при постоянном упражнении в них. «Кто не собирает со Мною, тот расточает», — сказал Господь (Мф 12, 30). Поэтому лишь при нашей внимательности к своему духовному росту, при заботе о постоянном упражнении в добродетели мы можем ждать успеха. Если же не будут постепенно ослабляться путы мира сего, страстей и пристрастий, то в душе не могут развиваться добродетели.

Преображение души происходит не сразу. И не думай, чтобы в ком-нибудь озарялась вся душа; внутри ее остается еще великая часть порока, и человеку потребны великий труд и усилие, согласованные с действующей в нем благодатью.

Два периода в жизни духовной должен пройти человек: сначала богообщения, а потом боговселения. В первом случае неполное единение Духа Божия с духом человека. Постепенно, с богообщением, греховные навыки, привычки умаляются, теряют власть над человеком и вообще исчезают, уступая место добрым, святым мыслям и действиям. Сначала период богообщения. Боговселение есть совершенный вид богообщения, *когда Дух Святый совершенно вверяется человеку и поселяется в нем.* Степени боговселения на земле могут быть различны, как различны и степени святости.

Итак, длинен и узок путь преображения души человеческой. Но *великие цели* требуют больших усилий и жертв. Здесь не место половинчатости, и боязливости, и лености, и нерадению. Чем больше будет вырастать в вас внутренний человек, тем больше вы будете видеть света и в окружающем, и в окружающих, пока не достигнете такой чистоты сердца, что все кругом будет

вам казаться светлым и преображенным. Это есть пребывание в раю еще до смерти. В этом состоянии живут праведники и святые, которых много среди нас, но которых мы не видим по нечистоте своих глаз и сердец.

Особенности «внутреннего», «духовного» человека

Проверяйте себя всегда — в Духе ли вы Святом?

Преподобный Серафим Саровский

С внешней стороны «духовные» люди, как и «внешние», ведут обычную жизнь: работают, занимаются домашними делами, разговаривают с людьми и т. д. Однако они «умерли для мира», у них «истлел внешний человек», они возненавидели душу свою в мире сем. Они почувствовали охлаждение ко всем мирским привязанностям, возненавидели их, как препятствие на пути к жизни духа.

Вместо всего этого у них создался свой внутренний мир. В этом мире преимущественно живет их сердце. Здесь у них особые радости и особые печали, не видимые никем достижения или падения, незримые бури и непогоды или созерцание света Незаходимого Солнца. Внутренний человек бежит развлечений. В какой-то мере ему всегда необходимо уединение, чтобы уйти из внешнего мира, побыть с самим собой, погрузиться в свой внутренний мир.

Франсуа Мориак: «Внутренний человек любит свое одиночество, от которого страдают и бегают «внешние» люди. Однако он в этом одиночестве не одинок: он один и не один. Его внутренняя молитва растет, светит и овладевает всем его существом. В душе его ощущается действие благодати, исполняющее его миром. Дух Святый, пребывающий в нем, заявляет о Себе благодатным состоянием. Его верующее сердце наполняется радостью от сладостного сознания близости Бога. Это приносит душе полный мир, доверие, покой и отдых». Такой человек хотя и любит людей, но далеко не со все-

ми хочет иметь общение: одних он избегает, с другими старается свести свои отношения к возможному минимуму. Иных он ищет: тех, кто мог бы обогатить его внутренний мир. Глаза внутреннего человека закрыты на грехи и пороки других.

Преподобный Симеон Новый Богослов: «Каждому надлежит распознавать: получил ли он обручение Духа от Жениха и Владыки Христа. Если получил, то тщится держать сие и хранить, а если не сподобился получить, то потщится посредством дел благих и теплого покаяния скорее получить его. Надо каждому уметь распознавать свое духовное состояние: в благодати ли оно или нет». Вот какой духовный вопрос должен всегда стоять перед внутренним человеком, и пусть он более всего в мире боится потерять, испустить от себя Небесного Гостя. «Здесь ли Он? Не оскорбил ли я Его каким-либо грехом, или невоздержанием, или нескромностью, или пренебрежением какой-либо заповеди?» — спрашивай себя постоянно.

Если волны душевного мира не ясны, то надо искать того гада, который возмутил его, и убить его покаянием и смирением и неотступно просить вновь вернуться Небесного Гостя. Но вот горечь покаяния растворилась в умилении, на глазах выступили слезы. Он здесь, Он опять здесь, дорогой Гость! Он простил! Он видит мою немощь, мое смирение и решимость не повторять греха.

Сравнительно мало друзей у внутреннего человека во внешнем мире. Но зато сколько их во внутреннем! Они так близки и дороги его душе и так всегда доступны, так легко обращаться к ним! В любой момент они готовы слушать обращенные к ним просьбы и так быстро и чудесно помогают! Вот перед нами полки с возлюбленными книгами. Вот и жития святых.

Внутренний человек думает: какими грехами я грешу чаще всего? Какие страсти чаще всего владеют мною? Из чего состоят мои обычные искушения? В чем состоит мой крест, с которым я должен следовать за Христом? Как развить в себе христианские добродетели?

Хотя еще не полностью очищена душа, но Господь не гнушается ею, как не погнушался некогда снизойти с неба, чтобы возлечь в убогом вертепе. Лишь бы не запирать дверей сердца, лишь бы не пропустить стука Великого Гостя. «Се, стою у дверей и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною», — говорит Христос (Откр 3, 20).

Велика награда труженику, работающему над очищением своего сердца. «Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят», — говорит Господь Иисус Христос (Мф 5, 8). Преподобный Макарий Великий: «Христианин — это новая тварь. Он отличается от всех людей в мире обновлением ума, умирением помыслов, любовию и небесною приверженностью ко Господу и мыслию своею имеет жительство свое на небесах».

Внутреннее око и внутренний слух «духовного» человека

Если око твое будет чисто, то все тело будет светло.
Мф 6, 22

Кто сподобится увидеть самого себя,
тот лучше сподобившегося видеть Ангела.
Преподобный Исаак Сирин

«Всякий должен знать, что есть очи, которые внутреннее сих очей, и есть слух, который внутреннее сего слуха», — говорит святой Макарий Великий. «Кто ежечасно назирает за душой своею, у того сердце возвеселяется откровениями. Кто зрение ума своего сосредоточивает внутри себя самого, тот зрит в себе зарю духа» — преподобный Исаак Сириянин.

Развитие этих-то особых «внутренних органов» является одним из показателей роста духовного человека. У нас внутри есть духовное око, которым мы в миллион раз больше видим, чем телесным зрением. Какие предметы созерцания этого духовного ока? — Явления мира духовного. Кроме видимого мира есть Бог, беско-

нечный Дух, бесконечный Ум, все сотворивший в мире вещественном, который есть осуществление Его мыслей (идей), и есть мир духовный, ангельский, бесчисленный, живущий в постоянном созерцании Божества и всех дел Его всемогущества и премудрости.

Духовное око наше относится больше всего к Богу, и в этом случае действие его называется созерцанием и богомыслием. Это созерцание и богомыслие может простираться в бесконечность, как бесконечен Сам Бог, и имеет свойство очищать душу от греха, усовершать и приближать все больше и больше к Богу, Источнику нашего света, нашей мысли и жизни.

Итак, у внутреннего человека должна постепенно развиваться способность непрестанного внимания вовнутрь себя: на свои мысли и чувства, склонности, запросы и переживания. Преподобный Исаак Сириянин пишет: «Потщись войти во внутреннюю клеть свою, и узришь клеть небесную, потому что та и другая — одно и то же, и входя в одну, видишь обе. Лестница того царствия внутри тебя сокровенна в душе твоей. В себе самом погрузись от греха, и найдешь там восхождения, по которым в состоянии будешь восходить».

Наличие способности внутреннего зрения дает возможность спасения душе через покаяние. Смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма? Господь говорит о невещественном теле души и способности видеть ее одеяние или в грязи страстей, или в красоте добродетелей. Развитие внутреннего зрения есть лишь медленный процесс, как и процесс преображения внешнего человека во внутреннего. Не вдруг открывает Господь грехи человека ему самому, иначе он от страха не вынес бы и умер.

Важнейшим условием приобретения внутреннего зрения является нищета духа и смирение. Трудись над тем, чтобы смирить свои помыслы, и тогда Бог откроет очи сердца твоего. Очи души, просвещенные Божественным светом, духовно видят и распознают истинного Друга, Сладчайшего Жениха — Господа. Однако немногие

достигают этого и лишь редкие познают себя, свою душу. Лишь сквозь слезы глубокого сокрушительного покаяния она бывает видна всякому. Препятствием к развитию внутреннего зрения является впечатлительность, то есть переживание внешних событий, рассказов, книг, разговоров. Гляди больше внутрь себя, там ты увидишь всю свою скверну. Мера мудрости человека определяется и мерой его евангельской ненависти к себе.

Итак, лишь чистые сердцем увидят Бога не только за гробом, в Царствии Небесном, но еще и здесь, на земле, и внутренний человек будет созерцать великую любовь к себе Бога, Его всегдашний неизменно благой Промысл и понимать мудрость направления Им всех судеб: своих близких, всех народов. И в мире со всем миром в его успокоенной душе всегда будут звучать слова святого Иоанна Златоуста: «Слава Богу за все! Аллилуиа!»

Различие «внешнего» и «внутреннего» человека

«Внешний», или «душевный» человек	«Внутренний», или «духовный» человек
Бог	
Преимущественно лишь отвлеченное, абстрактное понятие, Бог далек. Если мысль и обращается к Нему, то холодно — лишь по привычке при чтении молитвенного правила.	Любящий, Всеблагий, заботливый, как мать, всепрощающий при покаянии, близкий, во всех делах моей жизни (самых малейших) принимающий участие. Исполняет всякую просьбу, если она на пользу мне и близкому.
Святые	
Где-то там, вне моей жизни.	Близкие, старшие братья во Христе, которые молятся за нас всегда, заботясь о нас. Они чутки ко всякой просьбе и тотчас же передают ее Богу.

Цель жизни

Есть текущая забота, суета, тягости, неприятности. Ум обычно не задается вопросом о цели жизни, не думает, что она не сегодня, так завтра оборвется.

Все подчиняется одному внутреннему требованию — как угодить Господу и стяжать благодать Святаго Духа и тем сделать себя достойным для будущей, вечной жизни. Каждый день хочется провести собранно, как последний день жизни.

Таинства Церкви

В Таинствах покаяния и причащения Святых Таин или совсем не участвуют или один раз в год, по обычаю, не по потребности в них.

В Таинствах покаяния и причащения Святых Таин видят необходимейшее средство для поддержания жизни в духе и участвуют в них не реже одного раза в месяц. Наблюдают и записывают свои грехи, тщательно готовясь к Таинствам.

Молитва

Если есть молитва, то в лучшем случае это вычитывание правила утром и вечером. В течение дня мысли о Боге теряются. Молитва не приносит успокоения — мира душевного.

Молитва внимательная, сосредоточенная, мысли молитвы живо переживаются сердцем. Помимо правила, мысли во время дня все обращены к Богу: то за помощью перед началом дела, то с благодарением, то в молитве за ближнего, то с покаянием, то со славословием.

Окружающие

Обычно не до них, а только до себя. Интересы ближних далеки, к ним холодное чувство или даже вражда и неприязнь.

Все люди милы и любезны, как братья и сестры во Христе, или образы Божии. Хочется сделать им приятное: скорбящих утешить, грустных развеселить, несчастным помочь и т.д. Думы не о себе, а о ближних — как им помочь, послужить, чем обрадовать.

Обычное состояние души

Душа в томлении, беспокойстве, в неудовлетворенности жизнью, всем и окружающей обстановкой. Часто раздражается.

Дух светел, радостен, безмятежен, покоен, мирен, доволен, во всем видит Промысл Божий, за все благодарит Бога: «Слава Богу за всё!»

Господствующие мысли

О том, что тяготит в жизни, что не удовлетворяет, от чего хочется избавиться, чего человек боится, чего опасается, что страшит или беспокоит в будущем, человек желает чего-либо страстно, во что бы то ни стало.

При безмятежности о будущем, при полном довольстве настоящим мысль обращается только к текущей задаче, как ее выполнить по воле Бога и (или) в согласии с Его заповедями. Что сейчас поручает мне Господь? Не грешу ли я чем-нибудь в чувствах и мыслях? А все будущее Сам Господь управит.

Мысли о себе

Все в жизни зависит от меня, моей предусмотрительности, ловкости и умения. Незачем с кем-либо советоваться — я сам все понимаю хорошо, только мое мнение правильно, безошибочно.

Все зависит от Промысла Божия. Одни мои усилия ничего не значат, на все надо искать помощи у Бога и испрашивать ее — в постоянной молитве. Я грешен, жалок, слеп и убог. Самое лучшее — во всем слушаться мудрого старца — духовного отца, через которого говорит Сам Бог. Кроме того, надо быть внимательным к мнениям близких и окружающих, учиться у них и просить указаний о моих недостатках.

Досуг

Хочется развлечься, забыться.

Хочется быть в уединении и молиться или в задушевной беседе с близкими по духу и преимущественно на духовные темы. Книги ценятся преимущественно духовные, очищающие душу.

Внешние признаки не преображенного человека и духовного

Лицо злого человека всегда колючее, неприветливое и убийственное для окружающих.	Сквозь лицо человека (через глаза особенно) явственно видно бывает все доброе и светлое, что есть в нем; лицо доброго человека светится, как зеркало, отражающее внутренний мир правды Божией.

Законы роста в душе человека

Будьте подражателями мне, как я Христу.
1 Кор 11, 1

Спасайтесь от рода сего развращенного.
Деян 2, 40

При отношении человека с другими людьми имеет место закон взаимного влияния — передача чувств, как бы взаимного «резонанса», то есть пробуждения в человеке того душевного переживания, которое он чувствует в другом. Закон этот сильно проявляется у родственных по духу душ.

Сильна способность восприятия положительных эмоций у мягких сердцем, легко восприимчивых, нежных душ и слаба у душ с «черствым сердцем». На основе этого закона возникают чувства ответной любви, жалости, сочувствия, сострадания. Эта восприимчивость положительных эмоций особенно обострена у душ, исполненных Христовой любовью. Поэтому окружающая нас среда имеет для нас очень большое значение: она формирует нашу психику.

Соломон говорит: «Общающийся с мудрыми будет мудр, а кто дружит с глупыми, развратится» (Притч 13, 21).

Преподобный Исаак Сириянин писал: «Лучше жить со зверями, чем с людьми худого поведения».

Основной закон духовного совершенства — «окружение себя обстановкой возвышающей, а не принижающей уровень души». Святые отцы говорили:

«С преподобными — преподобен будешь, а со строптивыми — развратишься».

Старец Амвросий: «Когда дикая лошадь присмотрится, что прочие лошади идут спокойно, тогда и сама пойдет в ряд. Так и человек».

Важнейшим условием для подражания является взаимная связь душ через любовь, симпатию и доверие. Особенно сильное подражание себе могут вызвать люди с сильной целеустремленной волей и яркой индивидуальностью, а для христиан — подвижники, старцы, проповедники, духовные отцы и все праведники. Святые отцы советуют теснейшее сближение с людьми, у которых просвещенные души. Преподобный Иосиф Волоколамский говорит: «Следуй ему во всем, внимай словам его, делай приятное ему. Если ты нашел такого человека, будь покоен: ты нашел ключ к Царству Небесному».

По словам архиепископа Антония: «...та духовная сила, которая войдет в нас при общении со старцами, просветит и примирит нас с жизнью... будет заключаться не столько в самом содержании ответа (на наши вопросы), сколько в том обстоятельстве, что светящаяся в облике и речи старца перельется в нашу душу, и мы ощутим в себе совершенно новое, дотоле нам неведомое содержание».

Схиархимандрит Софроний оговаривается: «Со святыми жить не всегда легко». Никакой святой не может освободить от необходимости личной борьбы с живущим в нас грехом. Освободить нас от труда и подвига он не может. И потому святой может показаться жестоким.

Апостол Павел пишет: «Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы» (1 Кор 15, 33). Или: «Какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?.. Какая совместность храма Божия с идолами?» (2 Кор 6, 14, 16).

Господь говорит: «И потому выйдите из среды их и отделитесь... и не прикасайтесь к нечистому; и Я приму вас» (2 Кор 6, 17).

Апостол Павел: «Завещеваем же вам, братия, именем Господа Иисуса Христа, удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно» (2 Фес 3, 6); и далее: «Если же кто не послушает слова нашего в сем послании, того имейте на замечании и не сообщайтесь с ним, чтобы устыдить его» (2 Фес 3, 14).

Апостол Павел: «Я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем... или злоречивым... с такими даже и не есть вместе... Итак, извергните развращенного из среды вас» (1 Кор 5, 11, 13).

Симеон Новый Богослов: «Мертв для святых мир и люди мира».

Старец Силуан: «Когда духовный человек встречается с недуховным, то обоим скучно и тяжело их общение».

Привычки

Бойся плохих привычек больше, чем врагов.

«Привычка есть вторая натура» — это глубокая истина. Привычка создает святых, но привычка же создает и осужденных на вечную муку. Закон привычки — это закон духовной инерции. Прочная привычка — это большая сила, которая легко преодолевает препятствия. При наличии прочных привычек действия человеком совершаются очень легко, автоматически, без затраты волевых усилий. Поэтому хорошая привычка есть скопленный духовный капитал, процентами с которого можно жить всю жизнь. И наоборот, скверная привычка — это яд в крови, который постепенно отравляет человеческую жизнь. Если привыкнешь ко греху, то так и будет постоянно тянуть ко греху, и бесы в том помогают, а если привыкнешь к добру, то Бог в том содействует Своею благодатью.

Если привыкнешь постоянно молиться, любить ближнего и плакать в молитве за весь мир, то так и будет влечься душа к молитве, слезам и любви. Если привыкнешь давать милостыню, быть послушным,

откровенным на исповеди духовному отцу, то так и будешь всегда делать, и в этом найдешь ты покой в Боге.

Древние греки говорили: «Самая большая победа — это победа над самим собой». Для христианина она вполне возможна. Но начинать надо с усиленной о том молитвы. Главное условие успеха: «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его». Залог успеха в Божией помощи достигается усиленной молитвой.

Душе христианина не полезно богатство. Усиленный труд разовьет отвращение к безделью. Скудость в пище развивает воздержание, низкое положение в обществе способствует скромности.

Испытанием скудостью Господь Сам помогает нам в развитии в нас добрых привычек. Пост служит закалке нашего духа. Рост духовного организма происходит постепенно и медленно, как рост организма животного мира.

Исаак Сириянин: «Если привычка потребует чего однажды и требование не будет исполнено, то в другой раз найдешь ее слабой».

Итак, в развитии своих добрых привычек нельзя рассчитывать на внезапность перемены, но при постоянных усилиях в преодолении трудности поставленных задач привычки развиваются постепенно. Цепь добрых привычек — это ограда нашего духа, стены крепости. Прорыв в одном месте уже передает город неприятелю. Так одна привычка, например невоздержанность в осуждении, лишает христианина духовной устроенности — способствования в нем Духа Святаго.

Какие привычки развить прежде всего?

1) Привыкнуть выполнять молитву тщательно, неторопливо, с наивысшим вниманием.

2) Приучить себя к постоянной — в течение всего дня — молитве.

В отношении к ближним приучить себя:

1) к тщательному сбережению своего мирного состояния духа, имея отвращение к спорам, раздражению, ссорам, упрекам, укорам и т.п.;

2) к предпочтению воли ближнего, а не своей;

3) по возможности, к исполнению всех просьб ближнего, не противоречащих совести или интересам других, ставя целью успокоение духа ближних;

4) посетителей принимать как посланных от Бога, оказывая им гостеприимство, радушие и помощь.

В отношении слова приучить себя:

1) к скудости слов, то есть не говорить ничего лишнего и ненужного, не празднословить.

2) иметь отвращение ко лжи и осуждению других;

3) в основе всех слов иметь любовь к поддержанию в других бодрости духа;

4) к частому произношению слов: «прости», «благодарю», «пожалуйста».

В делах приучить себя:

1) проверять себя перед всяким делом: можно ли получить на него благословение Господне;

2) к неторопливому, тщательному и своевременному выполнению всех дел;

3) не быть ни одной минуты в праздности;

4) приучить себя к возможно более раннему подъему с постели, сразу вставая с нее.

В отношении пищи приучить себя:

1) принимать пищу только в определенное время;

2) есть и пить мерою, без пресыщения;

3) принимать пищу с молитвою и благодарением, как дар Божий.

В области мышления приучить себя не дозволять мыслей маловерия, неприязни, осуждения.

От внешнего к внутреннему

Приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне... и потом ешь и пей сам.

Лк 17, 8

Делайте, делайте внешнее, а за внешнее Господь даст и внутреннее.

Дар веры — это дар всемогущества, дар такой силы, которая может *исторгнуть смоковницу и пересадить в море* (см: Лк 17, 6), при обладании которым для человека, по словам Господа, ничего не будет невозможного. Дар веры дается по трудам. И притча Христа объясняет это. Господь говорит, что всякий раб сначала должен потрудиться и послужить своему господину, а потом уже может рассчитывать на то, что будет сам отдыхать и насыщаться — *есть и пить сам.*

Вот законный и, очевидно, единственный путь для приобретения сокровищ добродетелей: веры, любви, смирения и т. д. Эта мысль о необходимости предварительного тяжелого труда и преодоления трудностей пути, ведущего к сокровищам Царства Небесного, встречается во многих речах Господа. Однако же нашего усилия недостаточно. Господь говорит: «Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете».

Один подвижник говорит: «Делайте, делайте внешнее, а за внешнее Господь даст и внутреннее, ибо внешнее принадлежит нам, а внутреннее — Богу». Так, для развития любви нам надо пройти сначала через дела милосердия, когда мы с некоторым усилием будем принуждать себя помогать в нуждах ближним. Так постепенно, наконец, в сердце засветится огонек благодатной Христовой любви.

Такой же путь восхождения от молитвословия к молитве. Это путь от принуждения себя к терпеливому выстаиванию и вычитыванию молитв и тягостным для тела поклонам до переживаемой сладостной беседы с Господом, в которую поглощен ум, от которой горит сердце и текут слезы радости и умиления.

Таков же путь стяжания и развития смирения: кто предупреждает приветствие других своим приветствием, выражает ко всем услужливость, почтительность, молчаливо терпит огорчения ради Христа, на того за безропотное исполнение заповедей Божиих свыше изливается благодать Святаго Духа, смягчает его сердце для искренней любви к Богу и к людям, и переживания бывают сладостными. Смирившийся начинает чувствовать в окружающих людях родных во Христе и располагается к ним благожелательностью.

Точно так же должны мы восходить от исповедания Бога к вере. Здесь мы должны стяжать веру через труд исполнения заповедей Божиих. Через это будет усиливаться наша вера, пока не заблестит в душе, как путеводная звезда. За наши труды она будет дарована нам как великий дар от Господа. Он Сам входит тогда в наше сердце, и от Его Лица бежит тот порок, который угнетал в нашем сердце добродетель.

А когда в сердце, как благоуханный цветок, расцветет добродетель, в нем расцветет и совершенная радость, и христианин приобщится к истинному счастию, которое достижимо еще здесь, на земле, — к стяжанию внутри себя неоценимого сокровища — Духа Святаго Божия.

Человек состоит из тела и души, они тесно связаны между собой и взаимно влияют друг на друга. Но тело доступнее в смысле воздействия на него. Душа же таинственна и не поддается нашему воздействию, если только через благодать, а нам не дано подчинить ее Духу Святому Божию.

Путь к душе идет через тело (наложение крестного знамения, ношение на груди креста, поклоны, стояние на молитве, помещение лампад и свечей). Внешнее пробуждает внутреннее. Все наше тело в его формах и линиях не случайно — «образ есмь неизреченныя Твоея славы».

Все освященные предметы имеют особую благодатную силу и действуют не только на нашу душу, но

влияют на космический мир духов, которыми мы окружены, отгоняя от нас темные силы. От вселения Божия в человека изгоняются лукавые демоны со страстями, и человек делается храмом Божиим, освященным, очищенным, исполненным благодати и радости.

Закоснение

Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший.

1 Кор 12, 31

Верующих людей можно разделить на две категории:

1) Люди, имеющие веру, но мертвые по духу: у них вера без дел. Они самонадеянны.

2) Истинные христиане — живые члены Церкви, исполняющие заповеди Христа, любящие Бога, ближнего и творящие дела милосердия. Этих христиан можно подразделить на:

а) растущих духовно;

б) находящихся в состоянии «закоснения». Остановившийся рост в духовном отношении — это признак духовного неблагополучия или духовного умирания.

Святые отцы говорили: «Одна душа, ищущая совершенства, в глазах Господа дороже тысячи душ, не стремящихся к преображению своего сердца». Поэтому для христианской души очень опасна остановка на пути совершенствования. Самоуверенность и довольство своими поступками происходят от неведения своей души, что очень опасно, так как это ведет к закоснению.

Игумен Иоанн пишет: «Пусть в шествии христианина на гору Божию не смущают его «оступки» и «падения».

Хорошо иметь мудрых духовных руководителей.

К свойствам души.
Слышание Божиего голоса: совесть

Будут все научены Богом.
Ин 6, 45

Во всех делах своих, как светильником,
пользуйся руководством совести.

Прекратив Свое видимое и непосредственное общение с человеком, Господь не оставил его и продолжает постоянно учить и вразумлять его. Он вложил в него особую способность: как бы прикровенно слышать *Свой голос через голос нашей совести, этот голос очень нужен, и способность его слышать легко потерять.*

Повторяющиеся грехи принижают нашу чувствительность к голосу совести. Когда человек не перестает совершать грехи и не кается в них, то голос совести замирает совсем. Голос совести слышится нами, когда мы внимательно проверяем состояние своего сердца: есть ли в нем покой, мир, тишина? Нет ли беспокойства? В мире ли оно со всеми людьми? Если нет, надо искать причину, смутившую сердце. И когда причина (то есть грех) найдена, то надо немедленно перед Господом очистить совесть покаянием.

Совесть не имеет связи с умом логики, она не зависит от этого ума. Совесть не есть только наш обличитель. Она и *наш судия как в этом, так и в будущем веке.*

Святитель Иоанн Златоуст: «Нет, подлинно нет между людьми ни одного судии столь неусыпного, как *наша совесть*». Совесть есть «Божественная искра», без которой не могли бы мы спастись.

Преподобный Исаак Сириянин: *«Если можешь оправдаться сам в себе, в душе своей, то не заботься искать другого оправдания».*

Вот почему Господь в притче Своей о «сопернике», который и есть наша совесть, повелевает нам мириться с ним как можно скорее — «пока ты еще на пути с ним».

Надо лишь внимательно прислушиваться к внутреннему голосу в тишине уединения после молитвы. Если не ясно что-то, то надо молиться, и тогда Господь всегда откроет Свою волю тем, кто хочет слушаться Его, кто волю Его ставит выше всего. Когда Господь хочет что-либо изменить в решениях христианина, то наступает беспокойство, неясность в чувствах.

У души, очистившейся от страстей и привыкшей к непрестанной молитве, этот слух настолько утончен, что он постоянно воспринимает голос Божий. То же бывает с ревностными к своему служению пастырями, по данной им от Бога благодати священства. Поэтому, когда они наставляют своих духовных чад, то их устами говорит Сам Господь.

Чрезмерное самокопание есть уже болезнь.

Сновидения

Старцы наши сновидениями вразумляемы будут.
Деян 2, 17

Душевная жизнь человека не прекращается и во сне; да она и не может прекратиться, поскольку душа бессмертна. Только во сне отнята наша воля по отношению к телу и вместо обычного сознания появляется так называемое подсознание. Святые отцы говорят, что лишь при совершенном очищении сердца и сновидения будут всегда чистыми и светлыми.

Святые отцы запрещают придавать снам какое-либо значение и тем более рассказывать другим, считая их за откровения потустороннего мира. Сны бывают: а) простые, б) «зрения», в) «откровения».

Простые сны бывают у людей обыкновенных. В этих снах много нечистого. Их надо презирать. «Зрения» бывают людям, стремящимся к очищению своих чувств. Этим людям Господь Бог посылает сны для того, чтобы через зримое в сновидении они лучше постигли волю Божию и стремились к духовному восхождению. «Откровения» бывают людям совершенным, исполненным

Святаго Духа, которые крайним воздержанием достигли степени пророков Божиих. Над некоторыми снами следует задуматься и попробовать уяснить себе: не обличает ли Господь меня в этом сне в каком-либо грехе, пристрастии или слабости.

У иноков Старого Афона есть правило относительно снов: «Не принимать и не отвергать». Это мудрое правило спасает нас от гордости и превозношения.

Плач, слезы и умиление

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.
Мф 5, 4

Даждь ми слезы, память смертную и умиление.
Свт. Иоанн Златоуст

Чаще всего в мире слезы вызываются горем. Есть еще слезы радости — при неожиданном радостном известии и др. Слезы непроизвольны, и мы не можем их вызвать по своему желанию. Способность к слезам свойственна детям («мягкому» сердцу), и в большинстве случаев говорит о жизненности, чувствительности сердца. Способность же умиляться — это начало размягчения сердца, признак его оживления.

Слезы так значительны потому, что они потрясают весь организм. В слезах, в страданиях истекает наша плоть земная и рождается тело духовное, плоть ангельская. Тело духовное созидается слезами, постом, бодрствованием.

Протоиерей Иоанн С.: «Слезы имеют силу очищать скверну потому, что через страдания спасительно стесняется греховная широта сердца, а от стеснения сердца легче всего льются слезы». Этими слезами плакал апостол Петр после отречения от Христа. Все святые плакали о грехах своих и этот плач считали необходимостью для спасения своей души. Однако не надо вынуждать течение слез и не надо слишком домогаться внешнего плача. Сокрушение сердца состоит в том, чтобы хранить его и не допускать увлекаться неполезными помышлениями.

Отец Алексей Зосимовский так говорил девочке, плакавшей на исповеди: «Плачь, милая, плачь. Это значит Христос тебя посещает, а Он нам самый бесценный Гость».

Каков путь, чтобы приобрести умиленное сердце и дар слез? Путь все тот же. Путь постоянного покаяния в грехах, напряженного внимания к своей жизни, поста, отречения от самоволия, *смирения себя всеми способами*.

Святой Исаак Сириянин пишет: «...будем молить Господа даровать нам плач, ибо если мы получили благодать, то при помощи ее достигнем чистоты. А коль скоро достигнем ее, то не отнимется уже она от нас до самого исхода нашего из жизни этой».

Но еще более прекрасным будет особый вид слез, свойственный святым, — слезы сострадания. «Плачьте с плачущими», — заповедует апостол Павел (Рим 12, 15).

Один святой отец говорил, что надо считать тот день потерянным, в который не лились слезы покаяния.

Созерцание и постижение невидимого

Мы ходим верою, а не видением.
2 Кор 5, 7

Мы смотрим не на видимое, но на невидимое:
ибо видимое временно, а невидимое вечно.
2 Кор 4, 18

Протоиерей Иоанн С. пишет: «Невидимое играет первую роль во всем мире, во всех существах, и когда невидимое оставляет известное существо, это последнее теряет жизнь и разрушается; так что видимое в существах составляет без невидимого одну массу земли. Я и все люди живем невидимым началом».

Бог, создавший невидимую душу человеческую, одарил ее способностью отрываться от окружающей ее действительности и жить воспоминаниями или воображаемыми образами. Воображение есть огромная творческая, но и жуткая, страшная сила души.

Подавлять работу воображения опасно, а часто и невозможно — его нужно лишь правильно развивать. *Надо дать воображению чистое и светлое движение.*

Что же вместо окружающего мира должен видеть своими духовными очами христианин? *Для нас существует невидимый очами Бог и мир добрых духов. Существует Небесное Царство и торжествующая Церковь святых. Поскольку это вечно,* то и неизмеримо важно и должно жить в нашей душе, должно стоять в нашем мысленном взоре.

В очах Господа не существует времени в человеческом понятии, а Он видит прошедшее, настоящее и будущее.

Сердце у христианина должно жить будущим, также должно ему быть близко то из настоящего и прошедшего, которое важно для вечности.

Священное Писание и откровения святых рисуют нам картины из потустороннего мира — блаженства для святых и неугасимый огонь для грешников, и картины будущего «нового неба» и «новой земли».

Так, для каждого явления и человека Господь видел не только событие в настоящее время, но и то, которое было важнейшим событием, от которого зависела судьба и спасение города или отдельного человека.

То же переживали и святые, прозорливые. Несчастия постигали Иова одно за другим, но за ними он мысленными очами видел всегда Промысл над ним Бога, и это давало ему силы неизменно говорить: *Господь дал, Господь и взял — да будет имя Господне благословенно!*

Вот мы видим вокруг себя злых людей и, может быть, подумаем, что с ними нам надо бороться. Но не то видел вокруг себя апостол Павел, который сказал: «Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф 6, 12). Не суди грешника, а вооружись молитвой за него.

Пусть человек никогда не оставит без внимания и ту свою невидимую «книгу», которая будет раскрыта на Страшном Суде и по записям которой будет судиться

его душа. Чем больше мы отрываемся от действительности, чем глубже входим сердцем в события жизни вечной, тем лучше для нас, тем легче нам будет идти в жизни, тем ближе будем мы к небу, тем желаннее для нас будет переход к новой, вечной, блаженной жизни в Боге.

Восприятие имен и образов

Свято и страшно имя Его.
Пс 110, 9

Да защитит тя имя Бога Иаковля.
Пс 19, 2

Именем Моим будут изгонять бесов.
Мк 16, 17

Вероятно, многие не сознают, какое значение имеет произнесение вслух или в уме какого-либо имени. Вот, например, я произношу имя дорогого для меня человека. Во мгновение времени в моих глазах встает его образ, в уме воспроизводятся отличительные черты характера, его жизненный путь, его взаиморасположение ко мне; в моем сердце просыпаются по отношению к нему чувства любви, симпатии, нежности, уважения и т. п., и душа моя как бы заполняется этим образом, сливается с ним. Это невидимое единение меня с образом друга совершенно реально и в сильнейшей степени влияет на меня.

Если друг отличается жизнерадостностью, его образ влил в меня струйку жизнерадостности. Протоиерей Иоанн С.: «В имени человека — душа человека. Итак, на призыв: "Иван Иванович" — его душа сознает себя в этом имени и откликается на него». Итак, имя вызывает образ, а образ в душе есть соприкосновение или даже единение души с этим образом. Если мы в любви тянемся к нему, то этот образ вливается в нашу душу, объединяется с нами и влияет на наши чувства и ощущения. Итак, произнесение имени ведет к общению нас с образом и отражается в той или иной степени на пере-

живаниях ума и сердца. Глубина этих переживаний зависит от отношения сердца к именуемому образу.

Вот почему была дана евреям заповедь: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно» (Исх 20, 7).

Протоиерей Иоанн С.: «С крайним благоговением произноси имя Божие, помня, что Богом все приведено из небытия в бытие и все существующее содержится в благобытии по Его благости, всемогущею силою и премудростью Его».

С крайним благоговением произноси имя Иисуса Христа, Сына Божия, через которое все «начало быть» и которым все управляется. Имя БОГ имеет в духовном мире то же значение, что свет в физическом мире для растений и животных.

Так мы можем постигнуть освящающую, просвещающую и очищающую силу святых имен, действующих на нашу душу, на наш разум и сердце и через это — на всю нашу жизнь. Вот откуда сила Иисусовой молитвы: она очищает, одухотворяет душу христианина, убивает в ней страсти. При этом, естественно, тем глубже образ Христов западает в сердце христианина, творящего молитву, тем сильнее единение духа христианина с Духом Господа, тем сильнее освящающая сила молитвы.

Целительный бальзам изливается на нашу душу и от благоуханного имени Божией Матери, Приснодевы Марии, от имени бесплотных служителей Бога — архангельских и ангельских чинов и всех святых.

Протоиерей Иоанн С.: «Благодать присуща каждому церковному слову ради обитающего в Церкви ипостасного, вочеловечившегося Божия Слова, Которое есть Глава Церкви».

Икона, изображение, фотографии и т. д. также воспроизводят в душе образ и объединяют душу с этим образом. Один старец сказал: «Чтобы приблизить себя к Господу, надо достать хороший образ Иисуса Христа во весь рост, в натуральную величину, и поместить его в своей комнате».

Чем больше в доме икон и духовных картин, тем легче душе бороться со своей нечистотой, легче подавлять страсти, искушения и соблазны, легче за видимым миром видеть свет горнего мира.

Среди образов особое место занимает знамение креста. Христиане первых веков полагали крестное знамение не только на своем челе, очах, устах, но и на одежде, постели, пище, утвари домашней.

Поток светлых образов и имен, которыми наполнена молитва, будет просветлять сердце лишь благоговейного христианина. Упоминание «черного» роднит душу с темной силой и объединяет ее с ней.

Пренебрежительное отношение человека к святым изображениям порочит душу. Скверные изображения надо уничтожать, мы в силе это сделать. Этим мы так же будем служить Господу, как те ревнители, которые уничтожали идолов.

Имя человека есть некоторое сравнительно независимое от своего носителя, но для его благоденствия или несчастья высоковажное, параллельное ему существо, которое одновременно представляет своего носителя и влияет на него. «Уже не имя при человеке, но человек при имени». Отец Павел Флоренский: «Имя — особое существо, по преимуществу со всеми прочими живое, дающее жизнь, жизнеподательное: то благодетельное, то враждебное человеку...» По своему происхождению имя — небесно. Оно — Божественная сущность. В особенности Божественные имена — нечто Божественное: они несут с собою благодать, преобразуют их носителей, влекут их по особым путям, куют их судьбы, охраняют и ограждают их.

Постижение и отображение красоты души

Постижение красоты доступно лишь человеку. Красота может проявляться во внешнем мире в его звуках и образах (земной красоте). Особой формой красоты является внутренняя красота *души человеческой*.

Красоте земной поклоняются не прозревшие красотой внутренней. Но эта красота земная — не самоцель, а только тропа к великой цели, и то для немногих. Немногие глубоко одаренные одиночки этой тропой обретают путь к бессмертной — внутренней — красоте.

Избранные идут к внутреннему служению, ко вниманию к своей душе, распинают свою жизнь вожделений на кресте отрешенности. Мы на земле существуем для того, чтобы работать над красотой нашей души.

В Боге абсолютная красота, и восприятие истинной красоты души есть один из путей к познанию Бога и приближению к Нему. Как одно из свойств Божества, красота не определяется, она постигается не умом, а высшим разумом — интуицией. Она действует на сердце человека, облагораживает и очищает его. Красота составляет как бы особый вид положительной духовной энергии. Поэтому ничто истинно прекрасное не может уничтожиться, и погибнуть, и пройти бесследно. А в вечности все самые малые искорки и блестки красоты живут, как неуничтожаемый временем материал.

Хотите ли вы реально приобщить себя к вечности в строительстве мировой гармонии? Так приобщите себя к красоте, отобразите ее хотя бы в слабой мере в своей душе, жизни, поступках, словах, мыслях и намерениях. Тогда эти крупинки духовного «негибнущего золота» приобщат ваши души к бессмертию.

Но как сама истина, как голос совести, так и постижение красоты бывают заглушены в грешной человеческой душе. Прекрасны христианские добродетели души: бескорыстная любовь, смирение, кротость и т.д. Но люди находят красоту в гордости. Каждый христианин должен у себя развить способность восприятия истинной красоты. Путь к этому тот же: чтение Священного Писания, изучение образов духоносных христиан. Из этих источников христианин постигает образ абсолютной, неземной красоты Самого Бога в лице Его Сына —

Господа Иисуса Христа. Изучая образ Богоматери и святых, христианин поймет, что в них разлита и светится та же красота Христова.

Церковь и есть тело Христово, она отображает Его красоту в бесконечном разнообразии форм, образов, цветов и сочетаний. «Прекрасный мир — творение Великого Бога, но нет ничего прекраснее Человека, подлинного Человека — Сына Божия», — говорит старец Силуан.

Старец Варсонофий: «Внутренняя красота души выступает и наружу в выражениях лица и даже во всем движении человека».

Гармоническое сочетание добродетелей видно у старца Силуана, по словам схиархимандрита Софрония: «Редкая сила воли без упрямства; простота, свобода, бесстрашие и мужество с кротостью и мягкостью; смирение и послушание без униженности и человекоугодия. Это был подлинный человек, образ и подобие Бога».

Венцом красоты Христа является Его крест — добровольные и непостижимые разумом страдания. Венец красоты Богоматери — Ее смирение, беспредельное милосердие и материнская жертва, завершившаяся распятием Сына. Венец красоты мучеников — их добровольная жертва жизнью ради исповедания Христа. Венцом красоты преподобных является полнота самоотречения, отдача всего себя (и тела, и души) Богу. Красота святителей — самопожертвование всем ради служения Христу на пути пастырства и т.д.

Идя от малого к великому, тот же критерий может быть распространен и на все мелкие и житейские поступки человека. Цветы и блестки красоты душа может собирать каждый день в любой обстановке.

Например, вас несправедливо обидели, а вы кротко смолчали, чтобы не возбудить ссоры, и от всей души простили обидчика. Вот и расцвел цветочек красоты духа! Вас просят помочь, и вы тотчас бросаете все свои дела, чтобы успокоить дух просящего. Вот и блеснула

искорка красоты любящей души! С вами случилось несчастье, но вы не ропщете, а благодарите Бога, проявляя Ему полноту покорности. Вот и засияла красота Вашей веры! Так в «малом» вы творите прекрасное и собираете его в свою сокровищницу красоты для Царства Небесного. «Верность в малом» также высоко оценивается Господом! А тот, кто во многом бывает Ему верен и ревностно богоугождает, тот получит великие духовные дары еще здесь, на земле, а в веке грядущем — жизнь вечную.

Особые способности и возможности у человека

Верующий в Меня, дела, которые творю Я,
и он сотворит, и больше сих сотворит.

Ин 14, 12

Не должен находиться у тебя...
прорицатель, гадатель, ворожея, чародей...

Втор 18, 10

У человека могут быть и особые способности, которые надо различать по их происхождению и значению для жизни души и вечности.

Высшей степенью очищения сердца человеческого является святость. Святым, после совершения ими великих трудов и подвигов и по очищении их сердца, даруются от Бога и необычайные способности. Сюда относятся: чтение чужих мыслей, дар пророчества, дар исцеления болезней и другие дары.

Можно ли стремиться христианину к особым дарам благодати? Архиепископ Иоанн пишет: «Не откровений надо искать, а верности. В откровениях Господь служит человеку, а в верности человек служит своему Господу».

Но помимо Бога существует и сатана, и подвластный ему темный космический мир злых духов. По неисповедимым судьбам Божиим темному миру дана возможность влиять на не защищенных благодатию Божией

людей. Сюда относятся умение колдовать, наводить порчу, заговаривать, гадать и прочее. Горе миру от таких слуг сатаны. Они сеют зло вокруг себя, как многие гибнут от них душой и телом! Как безобразно ведут себя «порченые» в храмах, особенно во время чтения Евангелия и пения Херувимской (лай, мяукание).

Церковь Христова и закон Моисея запрещают заниматься спиритизмом, гадать, вызывать духов. С древних времен откровение Божие говорит о недозволенности гаданий, узнаваний по рукам, картам и прочему своей судьбы. Судьба человека должна утонуть в послушании воле Божией, умереть целиком в ней. Как нужно быть осторожным верующему человеку, чтобы не продать свою святую Христову веру, веру преданности воле Божией!

Как у йогов, так и у теософов успех достигается при наличии сильной воли. Они могут ходить голыми ступнями по раскаленным углям без малейшего признака ожога. Но эти цели совсем иные, чем в христианстве. У христианина вся воля должна быть направлена на очищение сердца от страстей и развитие в душе христианских добродетелей при помощи благодати Божией. У йогов и теософов остается черствое и греховное сердце. Эти люди близки к темным духам.

Разность — в мистике и в подвиге христианском. Монах пребывает в непрестанном подвиге, но православный монах — не факир. Монах ведет сильную, крепкую, упорную брань. Некоторые из них, как отец Силуан, ведут титаническую, неведомую миру борьбу за то, чтобы убить в себе гордого зверя, за то, чтобы стать человеком, по образу Совершенного Человека-Христа, кротким и смиренным.

Епископ Игнатий (Брянчанинов) говорит: «Легкомысленно покушающиеся нарушить порядок, установленный Богом, и вторгнуться самовольно в то, что Богом сокрыто от нас, признаются искусителями Бога и изгоняются от лица Его в тьму кромешную, в которой не светит Свет Божий».

ПЛОДЫ ИСТИННОГО ПОКАЯНИЯ

Ответ на письмо о покаянии

Боголюбивейший друг мой Д.! Отвечаю на твои вопросы об истинном покаянии и, в основном, о плодах истинного покаяния. Одновременно исполняю твою просьбу и пишу душеполезные наставления, а также в виде приложения пишу те покаянные молитвы и воздыхания, которые ты просил у меня.

О самом Таинстве покаяния, с подробным перечислением грехов, ты найдешь в книгах «Семена Слова для нивы Божией» (ч. 2) и «Ответ на вопросы о монашестве», так что сейчас я кратко отвечу о плодах истинного покаяния и о том, как надо подготавливать себя к исповеди.

Вопросы о покаянии не только тебе интересны. Часто ко мне обращаются люди с такими же вопросами. Особенно часто спрашивают: «Батюшка, а что такое плоды покаяния?», «Батюшка, а что значит истинное покаяние?», «Как надо правильно каяться?» — и много подобных вопросов.

На все твои вопросы я с Божией помощью постараюсь ответить, но у тебя есть и такие вопросы, на которые тебе сама совесть подскажет, как поступить. Совесть для нас то же, что компас для мореплавателя. Если капитан потеряет компас, то он не будет знать, в какую сторону направлять корабль, особенно в пасмурную погоду. Так и у нас, христиан: кто потерял совесть и стал бессовестным, тот уже не знает, как достигнуть тихой гавани спасения.

Разбойник убивает людей, и если никто не обнаружил его преступления, то он ходит довольный, веселый. Радуется! А чему радуется? Мы с тобой знаем — своей погибели, он этого не понимает.

Совесть не судит только тех, которые достигли верха добродетели или верха порока. О первых говорить не приходится: судья нужен только для нарушителей

закона, а для исполнителей закона он не требуется. Их совесть кристально чиста, и она не тревожит праведников. У последних совесть или потеряна, или спит непробудным сном. У остальных грешников нечистая совесть все время тревожит их и как бы говорит: очисти меня покаянием, ты сделал то-то и то-то, покайся. Вот и надо нам как можно внимательнее прислушиваться к голосу нашей совести. Она всему доброму и хорошему научит.

Голос совести — это внутренний, тайный голос Божий в нас, и горе тому, кто не прислушивается к ее советам и требованиям, кто сознательно заглушает ее голос, чтобы не слышать ее суда и не ощущать ее мучений, кто склоняется более на сторону греха и порока.

У тебя, Д., в этом отношении все благополучно, но есть пробел в другом. Некоторые вопросы ты задаешь повторно. Я уже ответил на них, а ты, значит, забыл. А почему? Да потому, что невнимателен к словам духовного отца. Это грех — кайся.

Надо на лету ловить каждое слово духовного отца, а ты... Ну ладно, прощаю! Ты только исправься!

Вместо предисловия

Друг мой! Много раз ты исповедовался и причащался Святых Христовых Таин. Слава Богу! Это хорошо! Приступая к Таинствам исповеди и причащения, человек очищается, обновляется, оживотворяется и выходит из храма, как бы из купели крещения. По сути дела это так и есть. Через покаяние и причащение к нам возвращается благодать, которую мы получили при крещении, потому что оно возвращает потерянную благодать. После покаяния и причащения человек ощущает радость, мир и утешение.

Но, наверное, ты испытывал и другое, когда вместо радости и утешения после исповеди и причащения в душе вдруг появляется непонятное чувство томления: теснота, неудовлетворенность, какое-то общее расслабление. Это признак того, что неправильно испо-

ведовался и недостойно причащался Святых Христовых Таин. На исповеди, значит, был вялым и холодным, не было у тебя глубоких переживаний, жажды очищения, сердечного сокрушения о своих грехах, горячего стремления соединиться с Господом: когда священник перечислял грехи, ты говорил: «Грешен» — машинально, вот и результат.

Правда, томление духа бывает и по другой причине, когда Господь испытывает, но чаще бывает, когда мы неправильно каемся. Некоторые к покаянию примешивают самооправдание и даже осуждение, оставляют в стороне личное покаяние своих грехов и переходят к духовной беседе или, еще хуже, затрагивают житейские вопросы. Это рассеивает их и ослабляет покаянное чувство. Некоторые обвиняют священника и говорят: «Батюшка не сумел привести в чувство. У другого все плачут, а этот...»

Такое понятие неправильное. Не батюшка виноват в том, что у исповедника нет сокрушения сердечного, нет слез покаянных. Причину этому надо искать в самом себе. Значит, в душе его не все благополучно.

Похвально, конечно, когда духовник проводит исповедь с большим духовным подъемом, но если батюшка в преклонном возрасте и немощный, то можно ли требовать от него особого подъема? Да и так ли это необходимо?

Раньше общих исповедей не было. Священнику не приходилось напоминать исповедующимся, в чем они могли согрешить, потому что каждый из них хорошо знал свои грехи. Христиане строго следили за своими поступками, делами, словами и даже помышлениями, поэтому быстро и уверенно перечисляли все, что было у них на совести.

Им не приходилось особо напрягать память: совесть как бы подсказывала им все грехи.

Теперь же на исповеди подходят к священнику и не знают, что говорить. В чем же дело? Что за причина в том, что совесть людей огрубела и притупилась

и человек уже не чувствует ее угрызений, стал бессовестным. Грешит и не замечает, что грешит, а иногда умаляет грех, то есть говорит: «Это малый грех, за него Бог не взыщет» — и не кается.

Диавол радуется такой беспечности людей, радуется, что живут нетрезвенно, не следят за собой, и убаюкивает их мнимой праведностью. Он внушает им помысел: «А что особенного я сделал? Не убил, не украл. Живу, как все». Выходит, что и нужды нет в покаянии. Вот как хитро подходит злой дух...

Так вот, друг мой, чтобы посрамить злую силу, чтобы не подпасть под ее влияние и не погибнуть навеки, тебе тоже нужно научиться правильно каяться и не ожидать, когда другие заставят сокрушаться о грехах своих. Ведь если сокрушение о грехах на исповеди, да к тому же еще только когда батюшка красноречивый и имеет особую силу благодатной молитвы, которая зажигает сердца, то надежно ли и прочно ли такое сокрушение? Какие плоды может принести такое покаяние?

Слушаем — плачем, каемся... Вышли из храма и забыли, что мы сокрушались о грехах, каялись и давали обещание Богу, как бы присягу давали перед Крестом и Евангелием, что не возвратимся к прежним грехам и что с Божией помощью будем исправляться... Про все забыли, опять начинаем празднословить, осуждать, клеветать, раздражаться, гневаться, ссориться... вот это самое страшное. Это значит, что у нас нет настоящего, истинного покаяния: одна только форма покаяния, а духа покаяния нет. А Господу не форма нужна, а сущность! Сущность же покаяния заключается не в том только, чтобы машинально перечислить название грехов священнику, а главное в том, чтобы сердце, откуда исходит помышление, не принимало злые слова и злые дела, а принимало бы только чистые и святые помыслы и ощущения, а всему злому говорило бы: не соизволю. Сущность покаяния заключается в исправлении греховной жизни, в самоусовершенствовании.

Такое покаяние бывает плодотворным, оно всегда приносит добрые плоды. Если человек словами говорит: прости, а сам как делал зло, так и продолжает, то это нельзя и назвать покаянием. Это лицемерие перед Богом. Избави Господи!

Три момента покаяния

Цель покаяния — это исправление греховной жизни и добрые дела. В покаянии, как и во всяком другом деле, есть свои определенные моменты. Истинное покаяние определяется тремя моментами:

1) испытание совести;
2) сокрушение сердца;
3) словесное исповедание своих грехов.

Но прежде чем приступить к объяснению этих моментов, я вынужден предупредить тебя, что, когда ты пожелаешь поговеть, у тебя может появиться множество препятствий, внутренних и внешних. Не обращай на них никакого внимания. Если ты проявишь непреклонность, то все препятствия исчезнут.

И второе, на что следует обратить особо серьезное внимание, это чтобы промежутки между исповедями были наполнены духовной борьбой, усилиями воли к добру.

Например, мы очень словоохотливы. Любим шутить, смеяться, сами смеемся и других рассмеиваем, рассказываем анекдоты, а все это — грех. После первой исповеди редко кто сразу перерождается и становится серьезным и благочестивым. Обыкновенно говорят: ну что делать, если такой характер? Вот таким-то и надо кропотливо поработать над собой, надо нудить себя к молчанию.

Подготовка к исповеди

Когда начнешь готовиться к исповеди, тогда в первую очередь *испытай свою совесть,* загляни в свое сердце. Посмотри, в какой мере оно загрязнено грехами. С Божией помощью припомни все грехи, какие были сделаны

тобой после последней исповеди, а кто готовится к принятию иноческого пострига, тот вспоминает грехи свои с семилетнего возраста.

Проверь себя: нет ли в тебе недостатка веры, надежды, любви; нет ли самоуверенности, черствости, раздражительности, чревоугодия, малодушия, ропота, уныния и других грехов.

Если этот момент покаяния ты проведешь с должным вниманием, то у тебя неизбежно появится и сокрушение сердца, а если сокрушения нет, то это говорит об окаменелом нечувствии, о мертвенной холодности, значит, душа — в опасности.

В этом случае надо читать и вспоминать жития святых и их поучения. Они считали себя первыми грешниками и с искренней убежденностью взывали к Господу: «Никто же согреши на земле от века, яко же согрешил аз (я) окаянный и блудный». Если ты будешь равняться по ним и брать с них пример, то непременно явится сокрушение и ты восплачешь о себе.

Искренняя раскаянность — это и есть начальная степень святости, а хладнокровность, равнодушие — удаление от святости, умирание вне Бога. Когда благодать касается сердца и озаряет его, тогда со всей ясностью выступает беспорядок в душе и тогда мы искренне сознаем грехи свои, язвы и раны душевные. А те люди, которые не тянутся к благодати, они погружены в мрак греховный и ничего не видят в своем сердце, а если и видят что-либо, не ужасаются, потому что сравнивают себя не со святыми, а с подобными себе.

Проверь себя и по заповедям Божиим: не нарушаешь ли какую-нибудь из них, а также по некоторым молитвам (например, 3-я вечерняя и 4-я перед причастием).

Основные грехи и производные

Хорошо, если ты сумеешь различать основные грехи от производных. Если не умеешь, научись. Это очень важно. Мы должны знать, о чем наиболее нам нужно

сокрушаться и в чем исправляться. Вот, например, если мы рассеяны на молитве, если в церкви на нас нападает дремота и мы невнимательны, если нас не интересует даже чтение Священного Писания, то это происходит или от маловерия и слабой любви к Богу, или от лености и беспечности.

Если в Церкви во время богослужения мы ходим, разговариваем, толкаемся; если к елеопомазанию, ко кресту и к плащанице подходим без благоговения, не сдерживая позади стоящих, и напираем на тех, кто впереди нас стоит; если за крещенской водой и за водой малого освящения на молебнах мы не стоим в очереди, а идем напролом, чуть ли не по головам, то это значит, что нет в нас страха Божия и любви к ближним. Если мы усиленно заботимся о своей наружности и обстановке дома, то это значит, мы тщеславны.

Если мы слишком близко принимаем к сердцу житейские неудачи, тяжело переносим разлуку, неутешно скорбим о усопших, то это говорит о том, что мы не верим в Промысл Божий, и так далее. Самооправдание, нетерпение упреков, тщеславие, упрямство, но еще важнее увидеть их связь с самолюбием, себялюбием, высокоумием и гордостью, именно на эти основные грехи надо обратить все свое сетование.

Есть хорошее средство, которое приводит нас к познанию своих грехов, — это вспомнить, в чем обвиняют нас люди, особенно рядом живущие, близкие. Их обвинения, укоры, нападки почти всегда имеют основания. При испытании себя надо следить, чтобы не впасть в чрезмерную мнительность ко всякому движению сердца. Если мы встанем на этот путь, то можем потерять чувство различения важного и неважного. В этом случае надо оставить испытание себя и молитвой и добрыми делами упростить и прояснить душу.

Приготовление к исповеди заключается не только в том, чтобы возможно полнее вспомнить или даже записать свои грехи, но прежде всего в том, чтобы

искренно осознать свою вину и греховность, чтобы свое покаянное чувство довести до сердечного сокрушения и, если можно, пролить слезы покаяния.

Сокрушение сердца

Знать свои грехи — это еще не значит каяться в них. Скорбь о соделанных злых делах, плач *о грехах* — вот что важнее всего в делах покаяния. Ну, а если нет слез? Что тогда делать?

Не надо отчаиваться! И в этом случае все равно надо каяться, каяться, каяться, как бы мы ни были холодны и бесчувственны, в надежде единственно на милость Божию. Холодность и бесчувственность обычно бывают, когда нет в сердце страха Божия, от маловерия или от скрытого неверия.

Иногда человек утаивает на исповеди, что он *не верит* в загробную жизнь или сомневается в ее существовании, вот за это Господь и наказывает холодностью. Господь как бы говорит человеку в душе: «Ты же не христианин, язычник. Осознай, что у тебя нет веры, покайся, и тогда Я утешу тебя, прощу грехи и пошлю радость».

В самом деле, *какие же мы христиане, если не верим в бессмертие души?* Если не верим, что вечно будем славить Господа, когда Он удостоит нас такой милости? *Ведь теряется весь смысл веры в Бога!* А как много таких христиан-язычников. Ой-ой-ой! Проверь-ка себя, Д.! Не язычник ли ты?

Плач

Плач о грехах имеет большое значение в покаянии. На этом я остановлюсь несколько подробнее, потому что у тебя неправильное понятие о плаче. Знай, что не плач происходит от слез, а *слезы от плача.* У некоторых нет слез, они сдерживают себя в присутствии других, но сердце их плачет кровавыми слезами, искренне со-

крушаясь о своих грехах. Вот когда человек не обращает внимания на чужие грехи и разбирает только свои грехи и сокрушается о них, тогда-то он и приобретает плач.

Плачем называется преизобильное усиление от покаянных чувств. Человек со всей остротой признает свою немощь душевную. Он видит свою слабость, свою беспомощность; сознает, что своими силами никогда не сможет освободиться от язв греховных, от скверн душевных без помощи Господа, и он с глубочайшим смирением припадает к подножию Креста, умоляет распятого Господа простить ему грехи, которыми он вновь пригвождает Его ко Кресту.

Опять и опять я всегда оскорбляю
Тебя, мой Спаситель, Тебя распинаю
Грехами моими я каждого дня;
А Ты, милосердный, а Ты, умирая,

Ты все меня любишь и, тихо склоняя
Главу на Кресте, Ты прощаешь меня,
И только раскаянья Ты ожидаешь,
И все меня в рай к Себе призываешь...

У смиренного грешника появляется ощущение присутствия Божия. Иногда бывает, что каждая клеточка в организме чувствует Его присутствие, Его близость. Появляется страх Божий, временами столь сильный, что, кажется, волосы поднимаются на голове и священный трепет, будто озноб, пробегает по телу. У человека появляется памятование о смерти, страх осуждения на Страшном Суде за грехи, и вот из глаз его неудержимым потоком истекают слезы. А когда в сердце своем человек почувствует прощение грехов, почувствует легкость, тишину, радость, тогда от избытка счастья и благодарных чувств, как утешенное дитя на груди нежного отца или матери, непрестанно повторяет слова: «Иисусе мой! Радость моя! Счастье мое! Любовь моя! Не удаляйся от меня!» В этот момент человек желает разрешиться от тела, чтобы уже никогда больше не разлучаться со Христом.

Вот что значит истинное покаяние. После великой скорби грешник получает большую-большую радость и утешение — единение души с Господом. Это и есть наивысший плод истинного смирения и покаяния.

Много есть благочестивых,
Умных и ученых;
Много есть людей правдивых,
Целомудренных, готовых
Всем помочь, прощать порою,
Но немного можно встретить
Со смиренною душою —
Сознавать себя всех хуже!
Все грехи в себе увидеть —
Это подвиг!
Это то же, что себя возненавидеть,
Это значит — отрешиться
От кумира самомненья!
Это значит — согласиться
Принимать все оскорбленья!
Гордость — всех грехов ужасней,
Но смирением прекрасным
Воплотился Сам Христос!

Помоги нам, Господи, подражать истинному смирению!

Решимость не грешить

Верный признак совершившегося искреннего покаяния, по которому грешник может узнать, что грехи его действительно прощены от Бога, есть чувство ненависти и отвращения от всех грехов до того, что он соглашается лучше умереть, чем произвольно грешить перед Богом; к тому же у него появляется чувство всепрощения, чувство легкости, чистоты, неизъяснимой радости, глубокого мира, желание все делать лишь во славу Божию, возненавидеть и устранить горделивое желание приписывать славу себе. И наоборот, недостойное покаяние, после которого грехи остаются, вызывает чувство неудовлетворенности, ложится сугубой тяжестью на сердце, каким-то тяжелым, смутным, неясным чувством горечи.

Запомни, Д., раскаяние не будет полным и полезным, если у тебя *внутренне* не будет *твердой решимости* не возвращаться к исповеданному греху. Если скажешь со смирением в каком бы ни было грехе (падении): «Прости!» — будет тебе прощено, но если скажешь так, а потом возвратишься к греху и не будешь с ним бороться, это значит — покаяние твое ложное; это значит каяться и оставаться в грехе. Избави Господи!

Надо осознать свой грех и *возненавидеть* его, надо приложить как можно больше усилий, чтобы не возвращаться к прежним беззакониям.

Полное прощение грехов состоит в освобождении *от страстей*, и кто от них не освободился благодатью, тот не получил еще прощения. А чтобы получить прощение от Бога, надо произвести перемену во всей своей жизни и, оставив порок, постоянно пребывать в добродетели.

Покаяние ценится не по количеству времени, а по расположению души. Кто ненавидит грех, тот отвращается от него и быстро побеждает в себе страсти, однако часто бывает, что исповедник не замечает в себе духовного роста и смущается этим, вот как ты, например. Ему кажется, что он стоит на месте или даже хуже стал, чем был: «шаг вперед и два шага назад». Не смущайся, друг мой, это только так кажется, на самом деле не бывает случая, чтобы каждая исповедь не произвела бы в душе добрых перемен, когда человек тянется к благодати и имеет доброе желание исправиться, подавить в себе грех.

Человек не может правильно судить о себе: стал ли он лучше или хуже. Только духовному отцу Господь открывает истину, только он один знает, в каком состоянии души его чад. Обычно возросшая строгость к себе и обостренный страх греха создают впечатление, будто грехи умножились и усилились и что душевное состояние будто бы не улучшилось, а ухудшилось. Кроме того, Господь часто скрывает от нас наши успехи, чтобы мы не впали в фарисейство, тщеславие и гордость.

Бывает и так, что грех-то хотя и остался, но частые исповеди и причащения Святых Таин расшатали его

и значительно ослабили его корни, к тому же сама борьба с грехом и страдание от сознания своей греховности приносят большую пользу для души. Так что не устрашайся, друг мой, если даже каждый день будешь падать... Поднимайся скорей, кайся и мужественно стой в подвиге, и Господь вознаградит тебя за терпение.

Покаяние — это не только исповедь в церкви, это вся жизнь человека в покаянии, в покаянном чувстве. До самой смерти мы должны хранить это чувство, постоянно должны умом пребывать в аде, то есть искренно считать себя достойными ада, но не отчаиваться, а уповать на милосердие Божие. Если человек потеряет это чувство своего негожества, он потеряет благодать.

Грех кладет на нас такое пятно, которое нельзя вывести ничем, кроме искреннего покаяния и горьких слез о нем. Кто не плачет о грехах своих, тот будет плакать от наказаний за грех и в этой, и в будущей жизни, поэтому уж лучше здесь оплакать грехи свои добровольно и потерпеть за них, чем плакать там вечно от мучений.

Всякий грех совершается для наслаждения и входит услаждением, поэтому прощение грехов подается через злострадание и печаль, а изгоняется грех горечью и слезами.

Слезы

Слезы — это верный признак того, что человек чрез покаяние рождается в новую жизнь, в духовную. Но слезы эти не такие, которые приходится выжимать из себя, которые появляются по принуждению, а такие, которые трудно остановить и скрыть от постороннего взгляда. Если человек не достиг таких слез, значит, Божие дело он делает только внешним человеком, а его внутренний человек еще бесплоден, потому что плод его начинается слезами. Кто возрождается для духовной жизни, тот плачет непрерывно день и ночь до двух и более лет. Это когда благодать касается сердца и человек тянется к благодати. Она, как нежная, заботливая мать, то явит себя человеку, то на некоторое время скроется, что-

бы научить его всей мудрости духовной и сделать его опытным и сильным в духовной жизни, ибо неискушенный муж не искусен.

Такими обильными слезами человек более омывает, очищает душу и потом приходит в умиротворение, блаженное состояние. Дух Святой вселяется в человека и руководит всеми его поступками.

У всякого человека, пребывающего с Богом, тоже бывают слезы: то когда он в умственном созерцании, то когда читает Священное Писание, то во время молитвы, но эти слезы умеренные, радостные, сладостные. В этом случае можно сказать, что человек плачет от преизбытка счастья.

Вот к какому покаянию нужно стремиться. Слезы особенно полезны на исповеди. Они смягчают окаменение, устраняют главное препятствие к покаянию — нашу самость. Гордые и самолюбивые, как правило, не плачут о грехах своих, а плачут от обиды, но такие слезы греховные. Не плачут те, кто обвиняет других и оправдывает себя.

Слезы даются только *смиренным* грешникам. Не стыдитесь слез на исповеди. Пусть полнее очищается душа твоя от скверн греховных, только не забывай, что печаль о грехах своих полезна и спасительна в том случае, когда она не выходит за пределы допустимого, а если она становится неумеренной, как говорится, переходит границы, то печаль эта переходит в гибельное чувство — отчаяние. Избави нас, Господи, от этого!

Полезно иметь постоянное сокрушение о грехах, но не надо забывать и о милосердии Божием. Господь прощает всякого грешника, который кается и переходит с пути нечестия на путь благочестия.

Если не сможешь по немощи душевной сразу переродиться и опять будешь согрешать, то не отчаивайся, но опять и опять прибегай к Таинству покаяния.

Какое бы падение ни случилось, немедленно вставай (кайся). Стряхни с себя грех, как пыль, как грязь, и продолжай идти обычным путем с удвоенной энергией.

Упражняйся в незлобии, неосуждении и других христианских добродетелях.

Схимонах Никодим Афонский пишет: «Чтоб мы гневались на бесов, а не на людей, надобно отвечать бесам так: хотя я и многогрешный, но отчаиваться во спасении не хочу, ибо я надеюсь на милосердие Божие! Богу моему одному я согрешил, Ему и каюсь. Он один мой Судья, а не вы, проклятые бесы. Какое вам дело до меня? Вы сами отступники от Бога и отверженные от Него, вы не имеете права истязать меня, вы сами осуждены на вечную погибель; я знать вас не хочу проклятых. Бог — моя сила, Бог — мой Спаситель, вся моя надежда на милость Его, и все зависит от Его помилования. Страха же вашего не убоюсь, если бы и в тысячу раз более этого вы нашли за мною грехов, то и тогда я не принял бы внушенное мне вами отчаяние, надеюсь на неизреченную милость Божию, на молитвы Божией Матери, святых Ангелов и угодников Божиих, которых я призываю на помощь. Аминь».

Исповедь

Одно из главных действий покаяния есть исповедь. После того, как грешник придет в себя, подобно евангельскому блудному сыну, испытает слово и совесть, познает свои грехи, обратится к Богу с сокрушенным и смиренным сердцем, укорит, осудит и оплачет себя перед Ним, он должен чистосердечно исповедать грехи свои перед священником, обнаружить свое греховное состояние.

Приступая к исповеди, надо выполнить три условия:

– надо примириться со всеми, кто тебе в тягость и кому ты в тягость. Если не успел лично примириться, значит, мысленно от всего сердца прости, оправдай их, а себя обвини. При встрече с ними проси прощения и веди себя соответственно своему покаянному чувству;

– надо иметь сокрушение сердца и смирение. Кающийся должен и наружно показать свое смирение, встать на колени;

– нерассеянно помолиться.

Итак, прежде всего ты должен примириться со всеми, кто тебе в тягость и кому ты в тягость. Возможно, ты скажешь: «Что ходить и примиряться, я ни на кого не сержусь. Кто на меня сердится, тот пускай просит прощения». А почему на тебя сердятся? Значит, чем-то ты огорчил их. Проверь-ка совесть свою! А если совесть окажется действительно чистой, если ты никого ничем не обидел, то ради любви к ближнему ты все же подойди и попроси прощения у всех, кто гневается на тебя по зависти, по ревности или по другой причине. Ведь они в большой опасности. В Евангелии говорится: «Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» (Мф 5, 22), осуждению Божию. И если ты не приложишь усилия, чтобы они помирились с тобой, значит, ты сам окажешься нарушителем заповеди Божией о любви. Как ты будешь подходить к Чаше жизни?

Некоторые говорят: стыдно, унизительно просить прощения. Стыдно в чужой карман залезать, а доброе дело сделать никогда не стыдно. Этим человек показывает свое смирение, а смирение и любовь — это самые высшие добродетели. Кому стыдно в том, значит, не изжита страсть гордости, от нее-то и надо избавляться, надо силой воли принуждать себя просить прощения. Иногда задают вопрос: «Батюшка, что делать, когда не хотят мириться?»

Не хотят мириться только с теми, кто просит прощения и в то же время оправдывает себя.

Души человеческие понимают друг друга, как говорится, с полуслова, сердце сердцу весть подает, так что, если мы искренне прощаем, не обижаемся и во всем обвиняем только себя, а других оправдываем, то непременно примирятся с нами даже самые непримиримые враги.

Ну, а если даже при таких условиях не захотят примиряться, тогда «добро творите ненавидящим вы» (Мф 5, 44). Если мы будем делать добро обижающим нас, то эта милость более всех других добродетелей защитит нас на мытарствах и Страшном Суде.

Не будем, друг мой, никого унижать, ни перед кем не будем возноситься, будем помнить, что мы хуже всех, и потому на каждое укоризненное слово будем искренно говорить: прости. Это слово отгоняет смущение от души, подавляет гнев, истребляет несогласие, водворяет мир, так что злая сила не имеет возможности вредить тому, кто от сердца говорит: *«Виноват я, прости меня»*.

На исповеди не надо ждать вопросов духовника, а надо самому исповедывать свои грехи, не стыдясь, не скрывая и не умаляя их важности. Если исповедь общая, то надо все грехи, которые перечисляет священник, довести до сознания и чувства и признать себя виновным во всем, ибо если какие грехи мы не совершали делом, то могли совершить словом или помыслом. Слово «грешен» надо произносить с чувством глубокого раскаяния, а не машинально.

Исповедь есть подвиг самопринуждения. Многие не могут избежать соблазна самооправдания и на исповеди часто говорят духовнику, что, дескать, согрешить-то я согрешил, но тот-то вынудил меня на грех... Особенно, когда каются в ссоре, гневе, раздражительности, обязательно осудят других. Тех обвинят, а себя выгораживают. Такое покаяние фальшивое, ложное, лукавое, лицемерное, противное Богу. В этом признак самолюбия и отсутствия личного глубокого покаяния. Иногда говорят:

— Батюшка, у меня слабая память, я не могу вспомнить грех.

Смотришь, молодой здоровый человек и жалуется на плохую память.

— Нет, — говорю, — дело не в памяти.

— Правда, батюшка, я ничего не помню.

— Верю, верю! Но это не потому, что память плохая, а потому, что живешь невнимательно и рассеянно и не придаешь грехам серьезного значения. Ты не останавливаешь своего внимания на грехах серьезного значения. Ты не останавливаешь своего внимания на грехах, не фиксируешь их в памяти, поэтому и забываешь.

Вот и тебе, Д., надо обратить на это серьезное внимание, у тебя тоже есть пробел в этом.

За трапезу сесть мы не забываем, потому что есть хотим... Вот если бы мы с такой же силой *алкали и жаждали* небесной пищи, то грехи свои мы тоже не забыли бы. За стол не садятся с мешком на плечах, в тулупе и рукавицах. Прежде сбрасывают груз, освобождаются от него, ибо он помешает трапезе. Так и Небесной Трапезой мы не сможем насладиться, если не сбросим греховную тяжесть покаянием. Ежедневно душа обременяется грузом греховным, ежедневно надо и сбрасывать его покаянием.

Исповедывайся Богу перед крестиком своим. Кто по условиям жизни не может часто исповедываться и причащаться, для тех это крайне необходимо. Господь принимает и такое покаяние. Так ты привыкнешь и запомнишь свои грехи и будешь пребывать в постоянном спасительном покаянии. Пример — преподобная Мария Египетская.

Привычка (навык) — вторая натура человека. Она, как говорится, входит в плоть и кровь его и становится неотделимой от человека, у него вырабатывается так называемый рефлекс. Много действий человек делает по привычке, не задумываясь: моргает, совершает ритмичное движение руками при ходьбе и пр.

Привычка моргать сохраняет роговицу глаз от высыхания, привычка махать руками при ходьбе помогает человеку сохранить равновесие; так и в духовной жизни, например, у преподобного Макария Египетского выработалась благочестивая привычка на все вещи и перед началом каждого дела полагать крестное знамение, то есть ничего не начинать без благословения. Однажды бес думал искусить его. «Залезу, — думает, — в рукомойник и наведу на него забвение, он забудет перекрестить рукомойник, а я тогда... ох, и подшучу же над ним!» Так он и сделал. Преподобный Макарий подходит к рукомойнику, по привычке перекрестил его и крестным знаменем запечатал беса в рукомойнике.

Беса ожгло крестное знамение, и он стал умолять преподобного Макария, чтобы тот выпустил его.

Видишь, Д., как дорог для нас благочестивый навык, а вообще-то говоря, надо так настроить себя, чтобы согласиться лучше не грешить, чем согрешив исповедовать грехи.

Какая бы ни была полная и искренняя исповедь, но на одежде души все еще будут заметны следы от пятен греховных. Окончательно изгладятся они только тогда, когда *с радостью* примем от Бога и епитимию (наказание) за грехи свои. Но кто из нас радуется скорбям и болезням? Единицы! Итак, изо дня в день, из года в год грехи наслаиваются в душе, и от такого груза бывает тяжело не только самому человеку, но и духовному отцу. Бесы обычно внушают нам или совсем не исповедывать согрешений отцу духовному, или исповедывать как бы от лица другого, или складывать вину своего греха на других. Я, дескать, выругался и наговорил много лишнего потому, что М. и П. вывели меня из себя, натолкнули меня на это.

Исповедь с самооправданием — мерзость перед Богом! Где сокрушение о грехах, где самоуничижение? Вместо них — осуждение! К прежним грехам приложили новый грех... смешали кашу с разбитым стеклом (Таинство очищения с грехом осуждения) и вместо оздоровления получили новые язвы и болезни душевные: омрачение совести, стыд и укор, тяжесть в душе.

Нет! Это не исповедь. Это извращение святого Таинства. Оправдываться в любом случае не полезно: если совесть чиста, то о чем и беспокоиться, рано или поздно Господь выведет правду наружу, оправдает, а если совесть обличает, тогда тем более нельзя оправдываться, потому что к тому греху прикладывается новый грех — ложь. Если обличает совесть или духовный отец, то надо прислушаться и исправиться. Надо проявить интерес к делу спасения, тогда и без дополнительных приемов будешь помнить грехи свои. Чем человек интересуется, про то он не забывает.

Если ты едешь в поезде и с интересом смотришь в окно, то ничего не пропустишь незамеченным. Каждая мелочь, каждый штрих останется в твоей памяти, и ты сможешь подробно рассказать все другим. А если смотришь в окно безучастными, ничего не видящими глазами, если ты поглощен своими мыслями, то рассказ твой о поездке будет сухим, кратким, в общих чертах, без подробностей. А то и вовсе вынужден будешь сказать: «Да я ничего не помню! Все забыл!» Вот так и бывает на исповеди.

Два исповедника

Стоит один исповедник на исповеди, и перед его мысленным взором проходит вся его жизнь. Он вспоминает и кается: сегодня проспал лишние полчаса и не успел прочитать утренние молитвы, даже крестик забыл поцеловать... Каюсь, Господи, помилуй и прости! Вчера на дороге, второпях, чуть не опрокинул коляску с младенцем и сильно толкнул старушку — каюсь. Господи! За день обидел и огорчил тех-то и тех-то словами и делами, волею и неволею, ведением и неведением — каюсь, Господи! Ванютку наказал несправедливо, а Оля провинилась и заслужила наказание, но я даже замечания не сделал — каюсь. Господи, помилуй и прости, и т.д. И чем больше он углубляется в свою жизнь, чем полнее его самопознание, тем больше он сокрушается сердцем. Кажется ему, что он хуже разбойника, хуже блудницы. «Разбойник, — думает он, — кровью поплатился за свой грех, я же живу в полном благополучии, а дела не лучше его дел. То одного словом резану хуже кинжала, то другого уколю, как мечом. Разбойник губил только тела людей, а души их спасал: они как мученики умирали, а я... бедные люди! Сколько я им приношу огорчений! То от меня терпят, то от пятого-десятого, такого же неразумного, как я...

И не хочешь делать плохого, а оно само по себе получается, когда забудешь молитву и развлечешься. Вот

хотя бы вчерашний случай... Купил цветы для жены, собирался поздравить с днем Ангела, утешить ее. Вдруг навстречу идет Танюша с незнакомым молодым человеком. Я расшаркался перед ней, как мальчишка, наговорил ей много любезностей и сунул в руку букет... Бедная, как она смутилась... Ну хорошо, перед собой я могу оправдаться тем, что она много доброго сделала нашей семье и достойна еще большего внимания, а жене я купил другой букет. Но дело не в этом! Почему я не проявил чуткость, осторожность, бдительность?... Пришла, бедная, вся в слезах. Говорит, жених устроил сцену. Спрашивал: кто это? Да что это? Я не знала, что говорить...

И всегда я такой, что ни шагну без молитвы, то соблазн для людей, какое бы слово ни сказал, получается смущение... Горе мне! О Господи! Вся надежда на Тебя! Помоги мне всегда хранить молитву в уме. Соделай ее неразвлекаемой, чтобы диавол не делал меня своей игрушкой и не строил свои козни людям через меня окаянного.

Блудницу Господь не осудил, но другие все осудили ее и хотели побить камнями. Какой позор она пережила! Какой стыд, какое унижение!

А я?... О-о! Несчастнейшее создание! Почитают меня благочестивым человеком, ставят меня в пример для подражания, а я хуже скота несмысленного побеждаюсь похотью. Где мое воздержание? Где соблюдение закона, уставных дней? Все попрано грехом сладострастия. Бедная супруга! Своим невежеством я тебя увлекаю в ад... Молись за меня, родная, я слаб... О, Господи, спаси нас — ими же веси судьбами!

Тяжелые, приглушенные вздохи вырываются из груди его... Сплошные ошибки, сплошные грехи... Пощади, Создатель милосердный, и помоги исправиться, ибо без Тебя я не в силах и помыслить доброго.

Стоит он так и искренно сокрушается сердцем. Не замечает, как его жмут, толкают, на ноги наступают... Он весь ушел в себя, вовнутрь телесной оболочки, как го-

ворится, залез под кожу свою для внутренней работы над своей душой, над своим сердцем, чтобы очистить их как можно полнее. Из глубины сердца он вопиет: «Спаситель! Я прихожу к Тебе не потому, что могу принести Тебе веру твердую, непоколебимую; сердце, полное упования и покорности. Нет! Я прихожу потому, что я ничего не имею, что я обнищал и хотел бы облечься вновь в одежду светлую, одежду чистоты. Я терплю холод и жажду, и Ты один можешь насытить меня хлебом жизни и напоить источником воды живой. Господи, не удаляйся от меня. Сила моя! Поспеши на помощь мне!»

Стоит он, как свеча перед Богом, кается, сокрушается, усердно молится, сожалея, что быстро прошла служба. Ему хотелось бы продлить богослужение. Не хочется расставаться с храмом. Здесь так хорошо, легко, радостно! Он ощущает здесь близость Бога, Божией Матери и святых, которые живыми глазами смотрят на него с икон ласковым и ободряющим взглядом.

Такое покаяние всегда бывает плодотворным. Оно приносит много-много добрых плодов и исправление жизни. Человек от силы в силу восходит по лестнице добродетелей, и такие миряне достигают чистоты и святости жизни, как преподобные Иона и Васса Псково-Печерские и подобные им.

А другой исповедник стоит на исповеди и мучается душой и телом. Не знает он, что такое внутренняя работа над собой. А почему не знает? Да потому, что не хочет знать! Зачем, дескать, обременять себя лишней заботой? Веселей жить, когда не думаешь о грехах (это по его рассуждению). И вот вся его забота на исповеди проявляется в том, чтобы оттолкнуть от себя всех и самому стоять просторно, услаждаться пустыми, греховными помыслами, мечтами, или в помыслах отягощен житейскими делами, но только не молитвой. Богослужение ему в тягость. Он пришел в храм, чтобы исповедаться и причаститься Святых Христовых Таин, внешне выполняя долг православного христианина, но не по внутреннему влечению сердца. Ему непривычно

и тяжело стоять в церкви, и вот он ропщет: «Почему батюшка медлит, не начинает исповедь? А ты чего первая встала? Пришла последняя! Малыш, чего здесь стоишь? У тебя грехов нет!»

Что же этот бедный человек получит от исповеди? Если он так и не придет в сокрушение сердца о грехах своих, то он исполнит только обряд, но по-прежнему будет далек от покаяния и уйдет он из храма с таким же тяжелым смутным чувством, с каким пришел в храм: не обновленный, не исцеленный.

Искренно говорю, Д., жалко таких, как жалко бывает совсем слепых. Но слепота телесная временна, как временна наша жизнь на земле, поэтому она не так страшна и опасна, как слепота духовная, которая губит душу навеки.

Внутренняя жизнь

Жизнь внутренняя — это основа основ православной веры и неотъемлемая принадлежность православного христианина. Если мы не будем бодрствовать над собою, над своим сердцем, над своим разумом и помышлениями, то мы не спасемся. Мы должны следить, чтобы все наклонности нашего сердца были направлены к прославлению Господа и чтобы мысли наши были устремлены только к Нему Единому.

Через самопознание и самободрствование мы получаем благодать и силу к приобретению жизни бессмертной.

Иногда смотришь на человека — по наружности он ничем не отличается от других, а по внутренней жизни он высок перед Богом и часто творит великие дела добродетели.

Без внутренней жизни, без самободрствования человек легко впадает в погрешности и беззакония, поэтому надо стараться, чтобы наше внешнее, наружное поведение управлялось внутренним, сердечным расположением. Если у человека внешняя жизнь преобладает над внутренней, если он занят только земными предметами

и нерадит о предметах духовных, т. е. о своем спасении, то рано или поздно он почувствует неудовлетворенность жизнью, пустоту, мрак, и это неизбежно приведет его в уныние и даже в отчаяние.

Да, страшно жить без Бога, иными словами, без внутренней жизни никогда не насладится такой человек миром и радостью духовной, радостью о Боге в здешней земной жизни, а в жизни будущего века тем более.

Старайся, друг мой, жизни внутренней придать первостепенное значение. Не думай, что она возможна только отдельным лицам. Она приемлема для всех людей любого звания, любого состояния, живущих в любом времени, занятых на любой должности, на любой работе, даже на самой труднейшей. Нет такой причины, из-за которой человек не смог бы войти внутрь себя и наблюдать за каждым движением сердца, за каждым помыслом. Не может только тот, *кто не хочет* заниматься упражнениями жизни внутренней, кто желает заниматься более собою, нежели Господом. Но в душе, занятой только собой, только внешней жизнью, не может пребывать благодать.

Проси, друг мой, у Господа нашего Иисуса Христа того чистого *света самопознания,* который научил бы тебя внутренней жизни, научил бы всегда неразлучно пребывать с Господом. Когда ты вкусишь сладость внутренней жизни, тогда уже никто и ничто не сможет помешать тебе в благочестивых упражнениях. Кто занимается самосозерцанием, тому Господь дарует такую способность, что он может одновременно и молитву творить, и выполнять самую сложную и трудоемкую работу. Вот, например, художник, музыкант, скульптор и даже писатель могут одновременно и молиться внутренне, и своим трудом заниматься, да еще и в беседе участвовать.

Для многих это кажется непостижимым, невозможным, а в действительности это так и есть. Люди эти постоянно вкушают сладость беседы с Господом, насыщены и пересыщены радостью духовной. Вот и ты тоже стремись к этому.

Подражание Иисусу Христу

Во всех случаях жизни старайся подражать Господу Иисусу Христу. Войди внутрь себя и сообразуйся с Божественным примером, поступай так, как в этом случае поступал бы Христос. Во всех словах и действиях подражай Ему. А чтобы знать слова и действия Иисуса Христа, старательно изучай Священное Писание и чаще ходи в церковь. Нет ни одного действия жизни Его, которое не представляло бы нам пример для подражания.

Иисус Христос есть образец совершенный, и люди никогда не смогут достигнуть такого совершенства, но наша задача подражать Ему по мере сил и возможностей и быть истинными Его последователями. Без благодати Божией, своими силами мы не можем этого делать, поэтому усердно проси у Господа благодати Святого Духа.

Советую тебе, чадо мое, все делать осмотрительно, без поспешности, потому что поспешность очень вредит духу внутреннему. Не стремись отличиться духовно-нравственными подвигами ради того, чтобы о тебе знали и восхищались делами твоими, иными словами, ради прославления имени своего.

Причащение Святых Таин

В Таинстве причащения мы вкушаем под видом хлеба (просфоры) и вина истинное Тело и Кровь Христа и через это соединяемся с Ним. К Таинству причащения надо готовиться молитвою, постом и покаянием. Это Таинство совершается в храме во время литургии. Больные могут причащаться и на дому. Священник приносит Святые Дары в дароносице. Во время причащения Святых Таин надо питать благочестивые чувствования: благоговение и страх Божий. Но иногда мы бываем холодны и рассеянны, и от этого многие унывают. Унывать не надо. Надо смириться и признать себя заслужившими такого состояния. Говори себе: «По Сеньке

шапка! По моим грехам Господь не дает мне радость; слава Господу за все!» Перенеси это терпеливо и не отчаивайся, но старайся исправиться.

Некоторых благочестивых и ревностных в духовной жизни людей Господь испытывает: не дает радости — и за это благодари Бога. Господь лучше нас знает, что нам более полезно: одним Он посылает сладости и утешения для подкрепления и ободрения, другим Он этого не делает, потому что они в любом состоянии должны любить Его с одинаковой силой, и проверяет: таковы ли они? Третьих лишает утешения по грехам. В любом случае унывать нельзя.

Не считай себя отверженным от Господа, если даже не чувствуешь себя расположенным служить Ему, но всегда старайся угождать Ему с одинаковой силой. Не занимайся сам собою более, чем делами Божиими, отдайся Ему, и в этом ты найдешь радость и блаженство.

Когда человек нерадиво относится к делу своего спасения, в себе оставляет местечко для себя, тогда он от причащения Святых Таин больше получает слабости, нежели оздоровления. Если после причащения ты будешь бодрствовать над самим собою, над своими склонностями и будешь употреблять их к благоугождению Божию, то сохранишь себя в благочестии и радостном чувстве, которое получил приобщаясь.

Для служения Господу нужно иметь сердце чистое, совершенное и покорное всем Его проявлениям, поэтому не удивляйся, когда Он испытывает, наставляет, учит тебя быть более совершенным.

Некоторые брезгуют причащаться после больных и престарелых, боятся заболеть. Смотри, Д., берегись этого чувства брезгливости: это очень большой грех. Священники на приходах, где нет диакона, и диаконы на других приходах и в монастырях употребляют оставшиеся Святые Дары и живут в добром здравии до глубокой старости. Брезгливость показывает, что у человека слабая вера. Надо молиться Богу, чтобы Господь умножил и укрепил веру.

Тяжело бывает смотреть, как некоторые немощные старушки и душевнобольные прикладывают усилие, чтобы наравне с детьми подойти к Чаше жизни первыми. Они толкают друг друга и без благоговения, без страха Божия причащаются...

Душевнобольные часто бывают соблазном для других. Они наводят страх на некоторых, и бывают случаи, когда человек готовился к причащению, но из-за них не подходил к Чаше. Это относится и к другим больным, особенно к престарелым. Благоразумный и благочестивый старец и старица, если чувствует себя плохо, то где-нибудь в сторонке сидит и спокойно, благоговейно молится, а к Чаше подходит в последнюю очередь, когда в церкви бывает свободный проход. Вот это благочестие. И сам получает большую пользу для души и тела, и других не смущает. Так вот и ты, чадо мое, делай, этим приобретается смирение, страх Божий и благочестие.

Плоды покаяния

Однажды подходит ко мне духовное чадо и говорит:

— Батюшка, можно ли просить у Бога смерти?

— А что такое? — спрашиваю.

— Мне страшно жить... За все придется отвечать: за каждый шаг, за каждый взгляд, за каждое слово. Лучше сейчас умереть, а то к старости накопится много грехов.

— А ты не складывай их в чемодан. Шаг, взгляд, праздное слово — это не смертные грехи. Они страшны только для тех, кто не обращает на них внимания, кто не признает их за грехи, не кается и не исправляется, так сразу же проси у Бога прощения перед своим крестиком, как делала прп. Мария Египетская, а потом покаешься отцу духовному и будешь нудить себя к исправлению, то от этих грехов и следа не останется. Для тебя сейчас страшнее умереть, чем жить, потому что к покаянию-то ты пришла, а вот плодов-то покаяния у тебя пока еще нет. А чтобы страшно не было умирать, надо запастись плодами покаяния.

Умереть легко. Малодушные даже кончают самоубийством. Это те, кто не желает бороться с трудностями, но такие достойны сожаления и даже презрения. За таких Святая Церковь не молится. Кто нам дал право распоряжаться своей судьбой? Не по своей воле мы родились, не по своей воле должны и умереть! У Бога просить смерти — это дерзость! Это явное доказательство того, что мы не желаем жить по воле Божией. Понятно?

— Понятно, батюшка. А что такое плоды, достойные покаяния?

— Плоды, достойные покаяния, — это христианские добродетели и добрые дела. В Евангелии много пишется о плодах покаяния. Вот, например, апостол и евангелист Лука пишет: «Сотворите же достойные плоды покаяния» (Лк 3, 8), а потом поясняет: «У кого две одежды, тот дай неимущему, и у кого есть пища, делай то же» (Лк 3, 11).

А вот еще плоды духовные: облекаемся, как избранные Божии, в милосердие, долготерпение, благость, смиренномудрие, кротость и любовь (см: Кол. 3, 12–14). Основной плод покаяния — любовь (см: Ин 15, 2–16).

Апостол Павел говорит: «Если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1 Кор 12, 3–8). «Так поступайте (то есть творите достойные плоды покаяния), зная время, что *наступил уже час пробудиться нам от сна*» (Рим 13, 11).

Плоды покаяния проистекают от истинного покаяния. А истинное покаяние — это значит искреннее, нелицемерное сокрушение о грехах. В Священном Писании приводятся конкретные примеры истинного покаяния, приносящего достойные плоды. Вот, например, Закхей, неправедный сборщик податей, какой принес плод покаяния? Он раздал половину имения и с избытком вознаградил всех, у кого взял лишнее.

Преподобная Мария Египетская в юности вела порочную жизнь. Какой плод покаяния она принесла? Ушла в пустыню и стала жить целомудренно.

Так вот и мы должны делать. Например, берет нас гордость и тщеславие. Мы молим Бога, чтобы Он послал нам смирение. А как практически переделать нашу греховную природу? Надо переплавить нас: в огне клеветы, напраслины, насмешек, всякого рода унижений и оскорблений от всех людей и даже от самых близких родственников — вот Господь и присылает нам просимое, потому что когда мы просим у Бога смирения, то это значит просим послать нам людей, которые бы смирили нас. И если мы благодушно, без ропота, без озлобления и раздражения принимаем и с радостью благодарим Бога за все это, молимся за обидчиков и не изменяем к ним своего доброго расположения, то это значит, мы приносим плоды истинного покаяния.

Благое намерение

Чтобы покаяние было не формальным, не внешним, не бесплодным, надо молиться за врагов, всем и всегда делать только добро, даже если и в ущерб себе; подавать милостыню, когда будет возможно. Хорошо подавать милостыню от избытка, а от скудности подать еще лучше, выше.

Господь смотрит не столько на дела людей, сколько на их *намерения*. Есть такой рассказ. Когда Иисус Христос был отроком, он сделал птичек и стал их раскрашивать. Одна птичка думает:

— Ой, желтый цвет... не хочу желтый, хочу красный! — Видишь? Это своеволие! А Господь ничего ей не дал за своеволие, никаких красок, так она и осталась серенькая. И в нескольких поколениях эти птички были серенькие. А когда Господа Иисуса Христа распяли, то такая же птичка села на Крест и думает: мои прародители были своевольники, и я своевольница, и все мы огорчили Господа, а теперь он страдает. Помогу Ему! Вытащу гвозди, и Он простит нас. И вот стала она гвозди клевать... тюк-тюк, тюк-тюк, тюк-тюк, клю-

ет... Ну где уж там! Разве она могла вытащить гвоздь? Эта птичка очень маленькая, меньше воробья. Ну вот, клевала она так клевала гвоздь, потом вспомнила про своих деток, что они голодные, есть хотят, и скорей полетела к ним. Прилетела, а они как закричат все в один голос: «Мамочка, мамочка, какая ты красивая!» «В чем дело? — спрашивает». — «У тебя грудка красненькая». — «А! Это кровь Господня». — «И мы хотим быть такими же!»

Она приложилась к грудке каждого птенчика, и так все поколения стали красногрудыми. С тех пор эту птичку называют малиновкой.

Вот видишь, Господь намерения благие принимает и за них грехи прощает. Своеволие — ух, какой большой грех! У иноков это самый тяжелый грех. Это значит, послушания нет, нарушается обет иноческий, и мирские должны повиноваться Господу, и даже птицы и животные повинуются Богу.

Господь простил птичку ради ее доброго намерения. Она не вытащила гвозди, но очень хотела этого, и Господь принял ее желание как самое дело.

Так вот и нам, друг мой Д., надо стремиться к добру, к добрым желаниям, намерениям, делам, словам, помышлениям и чтобы все чувства наши были направлены на угождение Богу и ближним. Если ты будешь упражняться в незлобии и нудить себя на всякое добро, то Господь и Божия Матерь со всеми святыми не замедлят помочь тебе в этом благом намерении.

Мир тебе и Божие благословение!

Душеполезные наставления ищущим спасения. Размышление

Мы, христиане, должны соблюдать святую непорочность во всем: делах, словах, помыслах — и тело свое должны сохранять в чистоте и непорочности. Душа наша предназначена быть невестою Христовою

и жилищем Божиим, поэтому ее нам нужно содержать в чистоте. Надо как можно скорее очистить ее от страстей, от грехов, чтобы достичь цели и назначения христианина — стяжания Духа Святого.

Пока душа наша грязная, она не может быть невестой Христовой и храмом Духа Святого. Это ясно, как солнечный день. Какое может быть общение у тьмы со светом? А чтобы просветиться и встать на путь добродетели, нужен резкий толчок... Нужен как бы взрыв атомной бомбы в душе! Ты ведь знаешь, какое действие производит атомная бомба? Она все вокруг испепеляет, ничего не остается, никаких следов даже от камней и металла... Вот такое же действие в душе должно произвести и наше покаяние. Оно должно быть настолько искренним, настолько горячим, должно приноситься с таким сокрушением сердечным, с таким страхом Божиим и воплем к Богу о помиловании, что в душе не должно остаться ничего грязного, недостойного, греховного, чтобы появилось только единственно горячее стремление к Богу.

Надо *крепко-крепко задуматься над собой*... Враг души нашей ничего так не опасается, как нашего размышления о себе, потому что это приводит к исправлению жизни. Надо с особой отчетливостью представить себе, что всякий день мы подходим все ближе и ближе к смерти, к суду и вечности. Никто не знает дня своей кончины. Смерть может сразить нас внезапно, сегодня же, вот сейчас же, сию минуту... Что тогда? Ах, друг мой Д., страшно бывает, когда подумаешь, когда хорошо размыслишь об этом...

Жизнь ведь не игрушка! Игрушку можно заменить, а жизнь дается нам один раз. Каждое мгновение день за днем уносится в вечность, и прошлое для нас невозвратно. С какой же осторожностью надо прожить век свой, чтобы потом не пришлось сожалеть о прожитом, чтобы не пришлось раскаиваться в своих делах за гробом... Такое позднее раскаяние только увеличивает страдание и муку.

Одеяние души

Все православные христиане при крещении облекаются в новую, чистую, светлую, святую и непорочную Божественную ризу. Но беда в том, что своими страстями и пороками мы загрязняем, оскверняем одежду души своей и тем самым лишаем себя права не вечное блаженство. Мы много согрешаем пред Господом. Каких только нет у нас скверн греховных! И внешне грешим, и внутренне грешим: ленивы; сластолюбивы; капризны; кокетливы; любим негу и роскошь — вино, греховное увеселение; празднословим; злословим; осуждаем; лжем, клевещем, а иногда и ругаемся нецензурными словами.

Душа и сердце наше заражены самолюбием, честолюбием, корыстолюбием, завистью, ненавистью, злорадством и другими бесчисленными грехами и пороками.

Как же мы явимся к Господу в Царство Небесное в такой грязной, зловонной, отвратительной одежде? Как же мы, такие грязные, явимся туда, где только святыня, свет, слава, красота, веселие и вечное торжество празднующих? Никто нас таких не пустит туда, пока мы не очистимся Таинством покаяния и не оденемся в самые наилучшие одежды христианских добродетелей — в одежды святости, чистоты и невинности.

Долготерпение Божие

Если бы Господь был только правосудным, то он казнил бы грешника немедленно, во время самого греха, но Господь любвеобильный, по Своему человеколюбию и милосердию Он милует грешника, долго терпит и ждет его обращения, ждет покаяния, ждет исправления. Долго-долго терпит Господь, но если закоренелый грешник упорно не хочет раскаяться и исправиться, то его ожидает страшная казнь Божия. Есть много таких грешников, которых Он навек отвергает.

Живут эти люди часто в полном благополучии, радуются, веселятся и не подозревают, а чаще и не хотят

знать, что их благополучие — это знак вечного отвержения. Нет ничего страшнее, как благополучие грешных. Самый несчастный человек, кто не чувствует, как опасно ходит он над пропастью, и кто отвергает или откладывает свое покаяние. Многие думают, а некоторые и открыто говорят: «Когда состаримся, тогда и покаемся, а пока молодые, до того ли нам?» Но кто может быть уверен, что он доживет до старости? К тому же кто может утвердить, что в старости он будет более мудрым, чем теперь? Не будет ли он и тогда по привычке отвергать покаяние? Опыт показывает нам, что преклонный возраст делает нас только более опытными в жизни, а не мудрыми. Приятно ли будет Господу такое покаяние, когда грешник своими делами и всею жизнью как бы говорит: «На́ Тебе, Боже, что мне негоже. Теперь я стар и слаб и поневоле обращаюсь к Тебе».

Но примет ли Господь такую жертву, если человек сознательно всю свою жизнь отдалялся от Него и пришел к покаянию только тогда, когда уже не имеет ни сил, ни способов служить Богу, когда не может уже принести Ему плоды покаяния? Господь милосерд, но Он и правосуден. Кто пребывает неисправным, того Он наказывает внезапной смертью, так что в вечную жизнь грешник переходит неподготовленным и неочищенным. Загробная участь такого нераскаянного грешника неизобразима, страшна и безотрадна. Он вечно будет мучиться с прочими грешниками, и дым мучения их будет восходить до небес.

Терпит Господь... долго терпит и ожидает, когда грешник обратится к покаянию или же наполнит меру беззаконий и грехов своих, как святой Ангел сказал апостолу Иоанну Богослову: «Время близ есть. Обидяй да обидит еще, и скверный да осквернится еще...» (Откр 22, 10–11), и тогда уже отраднее будет язычникам, «отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день судный» (Мф 10, 15), нежели нераскаянным грешникам.

Святому апостолу Павлу было видение, как на грешных людей жаловались Господу и небесные светила,

и океан, и земля, готовая заживо поглотить грешников: он слышал их стоны и просьбу, чтобы Господь повелел им уничтожить грешников, но Господь им отвечал: *покаяния жду!*

Видение апостола Павла

Солнце склонилось к поверхности вод,
День угасает, и ночь настает.
Дух мой тревогою тяжкой смущен:
В общей гармонии слышится стон...

Солнце, катистым багрянцем горя,
Молит с тоскою, Творцу говоря:
«Зреть не могу человеческих дел,
Дай положить беззаконьям предел;

О, повели, и зажгу я эфир,
Сгинет в нем тварь, осквернившая мир».
Был к нему глас: «Покаяния жду!
Кто нераскаян — повинен суду!»

Звезды с царицей луной вопиют:
«Боже, яви Твой всеправедный суд:
Люди Тебя оскверняют грехом...
О! Повели нам, и тьму наведем!»

Глас отвечал: «Покаяния жду!
Кто нераскаян — повинен суду».
Трепетным светом зари осиян,
Ропщет суровый гигант океан:

«Люди унизили славу Твою,
Боже Превечный, и землю сию,
Казни достойны они — повели —
Смою презренных навеки с земли!»

Был к нему глас: «Покаяния жду!
Кто нераскаян — повинен суду».
Горько рыдая и в гневе дрожа,
Так восклицала Земля: «От ножа

Праведник гибнет, ликует злодей,
Матери губят невинных детей,
Сын не страшится убить мать, отца —
Нет преступленьям числа и конца!

Злоба, измена, насилие, блуд —
Соблазны мира повсюду растут.
О, повели! Я отверзу уста...
Всех поглощу и останусь чиста,

Или дозволь мне не дать им плодов,
Смерть унесет их, не будет следов».
Глас отвечал: «Покаяния жду!
Кто нераскаян — повинен суду».

Жалобы смолкли в ночной тишине,
Гимн мироздания слышится мне.
В бледном сиянье мильона светил
Вижу я реянье ангельских крыл.

Ангелы Богу приносят дела:
Все проявленья добра или зла;
Все, что в минувший свершили мы день.
Вот растворилась лазурная сень...

Вышел вдруг в сретенье Ангелов — Дух...
Гласу Его сладко внемлет мой слух,
Милости в Нем и любви глубина...
«Где вы нашли столь благие дела?»

Мы принесли их из грозных пустынь,
Мрачных пещер, каменистых твердынь —
Это деянья покинувших свет,
Тех, кто отринувши сладость сует,

Алчут и жаждут, скорбя о грехах...»
«Мир им! Блаженство их ждет в небесах!»
Скрылось виденье в мерцанье светил,
Снова мелькание призрачных крыл.

Ангелы плачут с поникшей главой,
Тяжесть приносят неправды людской.
Вышел вдруг в сретенье Ангелов — Дух,
Гласу Его робко внемлет мой слух,

Милости в Нем и любви глубина...
«Ангелы, где вы нашли бремена?» —
«Мы обрели их, Владыка, у тех,
Кто позабыл Тебя ради потех,

Сердце и ум их лукавства полны,
Боже, ужель мы служить им должны?» —
«Вы их наставьте на истинный путь,
Чтобы смогли и они отдохнуть,

Радостно будет в раю у Меня,
В славе немеркнущей вечного дня,
Я и от них покаяния жду —
Кто нераскаян — повинен суду».

Вмиг все исчезло, лишь волны порой
Плещут несмело о берег морской...
В блеске алмазном, в ночной тишине
Гимн мироздания слышится мне.

Какой же Ты, Господи!

Друг мой Д., читаю эти строки, и сердце трепещет от умиления, слезы невольно навертываются на глаза... Какой же наш Господь!.. Какой же Он милостивый! Какой же Он любвеобильный! Человеческому уму немыслимо постичь глубину Его совершенства! Он непостижим! Вот грешник пришел в сознание своей греховности, плачет, рыдает в глубокой скорби и вопиет:

«Господи! До чего я гадок пред Тобою! До чего я беден, нищ, грешен, немощен, отвратителен, мерзок!.. Невыносимо! Падаю!.. Гибну!.. Господи, спаси меня!.. Владычице!..»

Бедный грешник в отчаянии ломает руки, терзает грудь... А Господь уже протягивает к нему руки,

с нежной отеческой любовью обнимает грешника и утешает его. В сердце грешника водворяются мир, тишина и покой и радость неизъяснимая. Он чувствует, что Господь простил его, и в изнеможении падает у ног своего Спасителя и в благоговейном чувстве предает всего себя Его святой воле. Спаситель, по милосердию Своему, всепрощению и любви, всегда стучит в сердце грешника и призывает его к покаянию, чтобы спасти душу и дать ей жизнь и радость в общении с Собой. Наитие Духа Божия охватывает нас чаще всего, когда мы сокрушаемся о грехах своих, но бывает это и в другое время, когда мы и не ожидаем и не готовимся к тому.

Когда познаешь, сколь благ, сколь милосерден Господь, тогда становится ясным, почему отчаяние считается смертным, т. е. очень тяжким грехом. Как бы ни были многочисленны грехи человека и как бы ни были тяжки преступления его, но безграничное милосердие Божие покрывает их все, если человек кается, сокрушается и искренне хочет исправления. Грехи, как бы они ни были тяжки и многочисленны, но они имеют границы, имеют предел, а милосердие Божие не имеет границ и предела, оно беспредельно, безгранично. И когда человек думает, что Бог не простит ему грехи и отчаивается в своем спасении, тогда помышляет он как бы хулу на Бога, умаляет Его достоинство, принижает Его в своем понятии, отталкивает от себя милосердие Божие, отталкивает от себя спасение и, таким образом, сам себя губит.

Слава Господу Богу, что Он дал нам покаяние! Покаянием мы все без исключения спасемся. Не спасутся только те, которые не хотят каяться и не хотят исправиться.

Покаяние

О сколь милосерден и любвеобилен Господь! Он готов все и всем простить и терпеливо ждет нашего обращения, нашего искреннего покаяния. Не количество

грехов и тяжесть их губит нас, а нераскаянное житие наше. Губит нас то, что мы откладываем свое покаяние, как говорится, в дальний ящик. Вот за это-то и гневается на нас Господь. Св. апостол Павел пишет: «Но, по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога, Который воздаст каждому по делам его» (Рим 2, 5–6).

Господу хочется всех спасти и даровать всем вечное блаженство, а мы упорствуем, коснеем в своих грехах и на покаяние смотрим сквозь пальцы. Злая сила разными способами отвлекает от покаяния, но чаще всего покаяние откладывают по нерадению и ложному стыду. А ведь откровенно говоря, надо стыдиться и страшиться грешить, а когда уже грех совершен, тогда надо открыть его и сознаться в нем, потому что рано или поздно грех выявится, если не в этой жизни, то в будущей, и тогда будет страшно и стыдно не только по причине греха, сколько от неразумной скрытности.

Быть грешником — это общее несчастие. Нет ни одного человека без греха. Один только Бог безгрешен. Если человек не делом грешит, то словом, если не словом, то помыслом. Мы зачинаемся в беззакониях и рождаемся во грехах, так что в самой природе своей мы растленны, поэтому слабы, немощны, страстны, поползновенны на все злое, на всякий грех, так что не надо стыдиться каяться.

Есть такие христиане, которые не каются и не причащаются по другой причине. Они забыли о милосердии Божием и о покаянии и рассуждают по человеческому суждению: дескать, я такой великий грешник, что Господь ни за что мне не простит. Это уже отчаяние — смертный грех. Никогда не надо забывать, что нет греха непростительного, кроме греха нераскаянного, т. е. нет такого греха, который бы Господь не простил, если человек в нем кается.

Самое же страшное — это когда не имеют нужды в покаянии, возомнив о себе, что они праведные и что

спасутся без покаяния. Как бы мы ни жили праведно и свято, мы не можем совсем не грешить, пока живем в теле, и потому нас никогда не должно покидать покаянное чувство. Умом своим мы всегда должны держать себя в аде, т. е. искренне должны считать себя хуже всех и достойными ада, но только не отчаиваться.

Господь не входит в сердце человеческое, пока оно полностью не очистится покаянием. И только когда человек сознается в своих беззакониях, хоть и в малых грехах, когда судит себя и с глубочайшим сокрушением сердца навсегда оставит грехи свои и в то же время будет считать себя великим грешником, только тогда Господь посетит сердце и исполнит его миром, радостью и любовью.

Обычно человек старается умалить грех свой и представить его менее достойным осуждения, чем он есть на самом деле, и тем вредит душе своей. Ведь грех — это единственная причина, которая отдаляет нас от Бога и заграждает от нас Его любовь. Значит, чтобы приблизиться к Богу, надо в своем воображении не умалять грех и губительное действие его, а наоборот, надо представить его в самых черных красках. Надо представить, что любой грех, как большой, так и малый, ведет к вечной гибели. По сути дела так оно и есть.

Грех перед лицом Бога есть мерзость, и Господь отворачивается от всякого, кто делает грех. Господь требует и от нас, христиан, чтобы мы были святыми, чтобы мы жили свято, подражая Ему во всем. А мы довольствуемся такой жизнью, которая свободна от грубых преступлений, от самых больших смертных грехов, а на другие и внимания не обращаем. Господь ждет от нас покаяния. Пойдем же, друг мой, на зов Его.

Покаяние — это основа нашего спасения, поэтому пренебрегать им нельзя. Святое Таинство покаяния есть купель, в которой грешник очищается для неба. При крещении мы рождаемся водою и Духом Святым, при покаянии мы возрождаемся слезами и Духом Святым.

Покаяние — это обращение к лучшему, это начало святой и непорочной жизни. В ком есть вера и истинное, искреннее покаяние, в том, значит, есть и решимость оставить грех, на том пребывает благодать Господа нашего Иисуса Христа, очищающая грехи чрез духовных пастырей.

Преподобный Ефрем Сириянин так говорит: «Раскаяние есть великое горнило, которое принимает в себя медь и претворяет ее в злато, берет свинец и отдает серебро».

Для поддержания и усиления этого чувства Церковь дает руку помощи, направляет человека на путь Таинства очищения в грехах своих. Таинство это отсекает от человека греховную часть его души. Таинством этим истребляется прошлое, и поэтому им же истребляется то, что для человека бедственнее, чем самый грех, — им истребляется отчаяние.

Итак, милосердный Господь прощает всякий грех, поэтому не надо отчаиваться, не надо стыдиться высказывать грехи свои и не надо умалять их, а надо со слезами раскаяться, и Господь простит их.

Желающий приступить к Таинству покаяния и к Таинству причащения приготовляется говением, то есть молитвою и постом. Раскаяние в грехах он выражает со страхом пред священником словесной исповедью или пишет на бумаге, если исповедник глухонемой, и по другим причинам. Через священника исповедник получает прощение грехов. Иногда священник налагает на него епитимию, т. е. наказание за большой грех.

Самым важным моментом Таинства является чтение священником разрешительной молитвы, когда он конец епитрахили возлагает на голову кающегося.

Всем нам хочется спастись, но мало кто думает и по-настоящему заботится о своем спасении. В раю всем хочется быть, а трудиться и принести добрые плоды для своего спасения всем в тягость. Вот поэтому-то дело спасения и не подвигается вперед. Мало кто быстро возрастает духовно, желание спастись у многих так

и остается желанием, на словах... А Господу не слова нужны, а дела!

Каждый знает, что только узкий, тернистый и прискорбный путь ведет ко спасению, а широкий и пространный путь угождения своим греховным желаниям ведет к погибели. Но по своей беспечности люди забывают об этом. Грех сладок и увлекателен, и почти все отдаются ему охотно без размышления, без рассуждения, не хотят подумать о последствиях греха, а ведь каждый из нас знает, какие ужасные последствия бывают за грехи в этой жизни: болезни, скорби, всевозможного рода напасти. В будущей же, загробной, жизни за нераскаянный грех душа содержится во аде.

Воздушные мытарства

У преподобного Василия Нового была келейница Феодора. И вот, когда она умерла, его ученик Григорий захотел узнать загробную участь Феодоры. Помолился он усердно Богу и лег спать. Во сне явилась ему преподобная Феодора и подробно рассказала, как она проходила воздушные мытарства. Может быть, ты тоже читал, но еще раз кратко напомню, мне и самому полезно вспомнить об этом.

Из писания святых отцов тебе известно, что воздушное пространство наполняют злые духи, бесы. И вот, когда по смерти человека душа поднимается к Богу, она на своем пути встречает множество бесов, которые истязают ее за грехи. Они показывают хартии, на которых написаны все большие и малые грехи человека, не исповеданные отцу духовному. Бывает, что человек согрешил по неведению, т. е. не знал, что это грех, а бесы все равно требуют ответа, как бы выкупа за грех. А чем может откупиться душа? Добрыми делами! Бесам, конечно, не нужны добрые дела, и они от злости зубами скрежещут, когда душа откупается от них. Они с радостью низвергли бы душу в ад, но Ангелы охраняют ее, и только если душе нечем откупиться, нет у нее добрых

дел, тогда только Ангелы отходят и душа остается во власти демонов.

Преподобная Феодора жила благочестиво, но по ложному стыду утаила от отца своего духовного, преподобного Василия, грех юности — блудный грех. И если бы преподобный Василий не помог (для выкупа от бесов он дал святым Ангелам свои добрые дела в виде мешочка с золотом) ей откупиться от бесов, то даже такая благочестивая душа низверглась бы во ад за нераскаянный грех.

Вот какие мытарства проходила преподобная Феодора и какие грехи истязуются на них:

1) На первом мытарстве истязуются грехи человеческие СЛОВОМ, как-то: празднословие, насмешки, кощунство, пение непристойных песен, бесчисленные восклицания, смех и тому подобное. По большей части человек вменяет эти согрешения ни во что, не кается в них пред Богом и не исповедует их отцу духовному, поэтому они очень опасны.

2) На втором мытарстве ЛЖИ истязуются всякая ложь, клятвопреступления, призывание имени Божия всуе (напрасно), неисполнение обетов, данных Богу, утаение грехов перед духовником на исповеди.

3) На третьем мытарстве КЛЕВЕТЫ истязуются клевета на ближнего, осуждение, уничижение других.

4) На четвертом мытарстве ЧРЕВОУГОДИЯ истязуются: объедение, пьянство, безвременное и тайное ядение без молитвы, несоблюдение постов, сластолюбие, пресыщение, гортанобесие (хоть мало съесть, но вкусно), чревобесие (хоть невкусно съесть, но побольше, до перенасыщения), т. е. все виды угождения чреву.

5) На пятом мытарстве ЛЕНОСТИ истязуются все дни и часы, проведенные в лености, нерадении о служении Богу, унынии; истязуются тунеядцы, не хотящие сами трудиться, а также наемники, получающие плату, но исполняющие свою работу с небрежностью.

6) На шестом мытарстве ВОРОВСТВА истязуются всякого рода похищения и воровство: грубые и благовидные, явные и тайные.

7) На седьмом мытарстве СРЕБРОЛЮБИЯ истязуются пристрастие к деньгам и скупость.

8) На восьмом мытарстве ЛИХВЫ истязуются ростовщики, лихоимцы и присвоители чужого.

9) На девятом мытарстве НЕПРАВДЫ истязуются неправедные судьи, увлекающиеся на судах пристрастием или мздою, оправдывающие виновных и осуждающие невиновных; здесь рассматриваются ложные весы и меры продавцов и прочие неправды.

10) На десятом мытарстве ЗАВИСТИ истязуются все, кто предается этой пагубной страсти и ее последствиям.

11) На одиннадцатом мытарстве ГОРДОСТИ истязуются гордость, тщеславие, самомнение, презорство (презрение), величание, невоздаяние должной чести родителям, духовным и гражданским властям, неповиновение им и ослушание их.

12) На двенадцатом мытарстве истязуются ГНЕВ и ЯРОСТЬ.

13) На тринадцатом мытарстве истязуется ПАМЯТОЗЛОБИЕ.

14) На четырнадцатом мытарстве УБИЙСТВА истязуются не только разбойничество и убийство, но и всякое ударение, и заушение, и толкание.

15) На пятнадцатом мытарстве ВОЛХВОВАНИЯ истязуются чародейство, обаяние, составление отравлений, наговоры, шепты (шептание) и чародейное призывание бесов.

16) На шестнадцатом мытарстве БЛУДНОМ истязуются всякого рода любодеяния, т. е. блудный грех лиц, не обязанных супружеством. Также истязуются: мечтания греха блудного, соизволение на грех, услаждение грехом, сладострастные воззрения, скверные осязания и прикосновения.

17) На семнадцатом мытарстве ПРЕЛЮБОДЕЙНОМ истязуются блудные грехи лиц, живущих в супружестве, но не сохранивших супружеской верности и брачного ложа; здесь грозно истязуются похищения и насилия

блудные, а также блудные падения лиц, посвященных Богу и нарушивших обет целомудрия и девства.

18) На восемнадцатом, СОДОМСКОМ мытарстве истязуются противоестественные грехи, кровосмешения и другие скверные дела, совершаемые тайно, о коих даже вспомнить стыдно и страшно.

19) На девятнадцатом мытарстве ЕРЕСЕЙ истязуются неправильное мудрование о вере, отступничество от православной веры, богохульство и тому подобные согрешения.

20) На двадцатом мытарстве НЕМИЛОСЕРДИЯ истязуются немилосердие, ненависть и жестокость.

Если кто и совершил многие подвиги, сохранил чистоту девства, изнурил воздержанием тело, но был немилосерден, тот с этого мытарства низвергается в адскую бездну.

Празднословие

Так вот, друг мой Д., попросим у всех прощения и покаемся. Горячо, искренне покаемся, чтобы сбросить с себя греховный груз, а то иногда страшно становится...

Ты никогда не задумывался: а вдруг Христос сегодня придет судить нас? А вдруг я сегодня умру? Что тогда? Как оправдаюсь на Страшном Суде? Как пройду мытарства?... Я часто думаю об этом. Ведь по сути дела нет такого греха, за который не пришлось бы нам отвечать на мытарствах, каким бы маловажным ни казался нам грех. Вот, например, празднословие! Кто всерьез принимает праздный разговор за грех! Мы так привыкли много говорить без нужды и пользы, что даже не отдаем себе отчета в своих словах и думаем: «А — ничего! Не велик грех!» А некоторые вовсе никак не могут согласиться, что грешно даже говорить простые, незлые слова. Но Господь Иисус Христос прямо сказал: «За всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда» (Мф 12, 36).

Видишь? Не за какое-нибудь злое, худое, вредное слово, а за простое, обыкновенное, но праздное слово дадим ответ.

Какие же это праздные слова? А это такие слова, которые мы произносим, как говорится, от нечего делать; слова пустые, без всякого внутреннего достоинства и смысла; слова ничего не значащие и бесцельные, которые не вызывают никакой необходимости, не имеют никакого полезного употребления. Так... говорим, лишь бы что-нибудь сказать. Вся наша жизнь проходит в празднословии и пустословии: и в личной, семейной жизни, и в общественных местах, — везде и всюду, где бы мы ни находились. В разговорах наших и беседах едва ли встретится разумное, полезное, душеспасительное слово, а, как правило, весь разговор наш состоит из набора праздных слов.

Как страшно, Д.! Давай оглянемся на свою жизнь и ясно представим себе, к чему мы идем и что ожидает нас в будущей вечной жизни хотя бы за один только грех *празднословия.*

Чтобы яснее представить себе всю тяжесть этого, как всем кажется, «маловажного» греха, попробуем произвести небольшой математический подсчет: для того чтобы трижды прочитать молитву «Отче наш», причем не спеша, требуется всего-навсего одна минута, то есть за одну минуту мы произносим полторы сотни слов. Значит, за один час мы произносим девять тысяч слов. Но кто из нас такой подвижник, разговор которого за двадцать четыре часа в сутки исчислялся бы одним часом? Конечно, в жизни каждого человека бывают дни, которые он проводит в молчании по нужде, когда не с кем разговаривать, но... не в этом подвиг! Хорошо один поэт сказал:

И как ни подвиг немота,
Все ж лучше вольное молчанье!

В самом деле, если человек вынужденно молчит, а мыслями везде блуждает и празднословит умом и сердцем

сам с собой и с тем, о ком думает, то какая ему польза от его молчания? Лучше бы он вслух наедине славил Бога!

В этом и заключается цель воздержания от праздных слов, чтобы легче усвоить непрестанную молитву.

Вот у меня есть такие духовные чада, которые любят поговорить. А ты ведь знаешь, как трудно в разговоре удержаться от осуждения. С такими приходится строго поступать, накладываю епитимию: читать молитву Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми (поклон земной)», «Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любве даруй ми, рабу Твоему (поклон земной)», «Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь (поклон земной)». Затем двенадцать малых поклонов. На каждый поклон говорить: «Боже, очисти мя грешнаго». После этого повторить всю молитву: «Господи и Владыко живота моего...» (поклон земной) и иметь лишь душеспасительные беседы, а на бытовое употребление разговор должен быть в тридцать три слова за сутки. Выполняют — молодцы! Конечно, бывают иногда срывы, не без этого, но в основном придерживаются благословения. А некоторые даже сами просят: «Батюшка, дайте епитимию на тридцать три слова, а то я много празднословлю».

Так вот, друг мой, продолжим наш подсчет. Значит, за один час мы можем произнести девять тысяч слов, полезных или праздных. А если мы в сутки разговариваем в общей сложности по десять часов, то значит, что за день мы произносим девяносто тысяч слов; за неделю — шестьсот тридцать тысяч; за месяц — два миллиона семьсот тысяч, а за год — тридцать два миллиона с лишним.

Если каждое слово сравним с песчинкой, то за один год нашей жизни на чашу весов будет положено более тридцати миллионов песчинок. Представляешь себе?

Это целый мешок! И, конечно, чаша весов сразу опустит нас на дно ада за один только грех празднословия.

Тяжелые грехи мы не забываем, сокрушаемся, нудим себя к исправлению, а вот такие мелкие словесные грехи, на которые мы не обращаем внимания, могут без всяких греховных дел незаметно свести нас в преисподнюю.

Говорят так: «Неосуждение — без труда спасение». Можно добавить: «Празднословие — неприметная пагуба».

Всякое слово, как бы оно ни было мало или ничтожно, в день Страшного Суда предстанет с нами на Суд и будет свидетельствовать или за нас, или против нас.

Видишь, друг мой, как не полезен и даже вреден пустой, праздный разговор. Думаю, теперь ты будешь осторожнее в словах, особенно когда разберем грех осуждения.

Осуждение

Господь сказал: «Не судите, да не судимы будете». Вот самый легкий способ, как мы можем избавиться от вечного осуждения, от погибели. А мы забываем слова Христовы и как только соберемся двое-трое, так и начинаем разбирать чужие дела: тот пьяница, тот злодей, а тот вор и развратник, муж не любит жену, мачеха бьет падчерицу и т. п. И так увлекаемся беседой, что не хочется расставаться. Мы видим, как собеседнику нравится наш разговор, стараемся, в угоду ему, припомнить самые мелкие детали, которые, как нам кажется, доказывают виновность тех, кого мы осуждаем. Собеседники нам кажутся рассудительными, приятными людьми, с которыми можно «душу отвести». Есть такое выражение: «душу отвести». А куда? В ад, конечно.

Про духовную беседу говорят иначе. Говорят, разговор с этим человеком услаждает душу. А если разговор не услаждает душу, а отводит... от благочестия, значит, собеседники толкают друг друга в ад кромешный. Че-

ловек сам грешит и другого наводит на грех. Вот ведь как страшно!

Почему Господь так строго спрашивает за осуждение? Да потому, что этим мы противимся Его святой воле. Иисус Христос пришел в мир для того, чтобы грешного спасти, а мы без всякого сострадания бьем их словом и делом и тем губим их. Сами того не замечая, мы подражаем богопротивным бесам и помогаем им губить себя и ближних, когда выставляем грехи их и доводим друг друга до осуждения.

Ведь по сути дела что такое грех? Это тяжелая, опасная, мучительная болезнь души, а душевная болезнь тяжелее, хуже телесной болезни. Тело как бы тяжело ни болело, болезнь эта временная, со смертью она исчезает, а болезнь души, т. е. нераскаянный грех, переходит с нами в вечность.

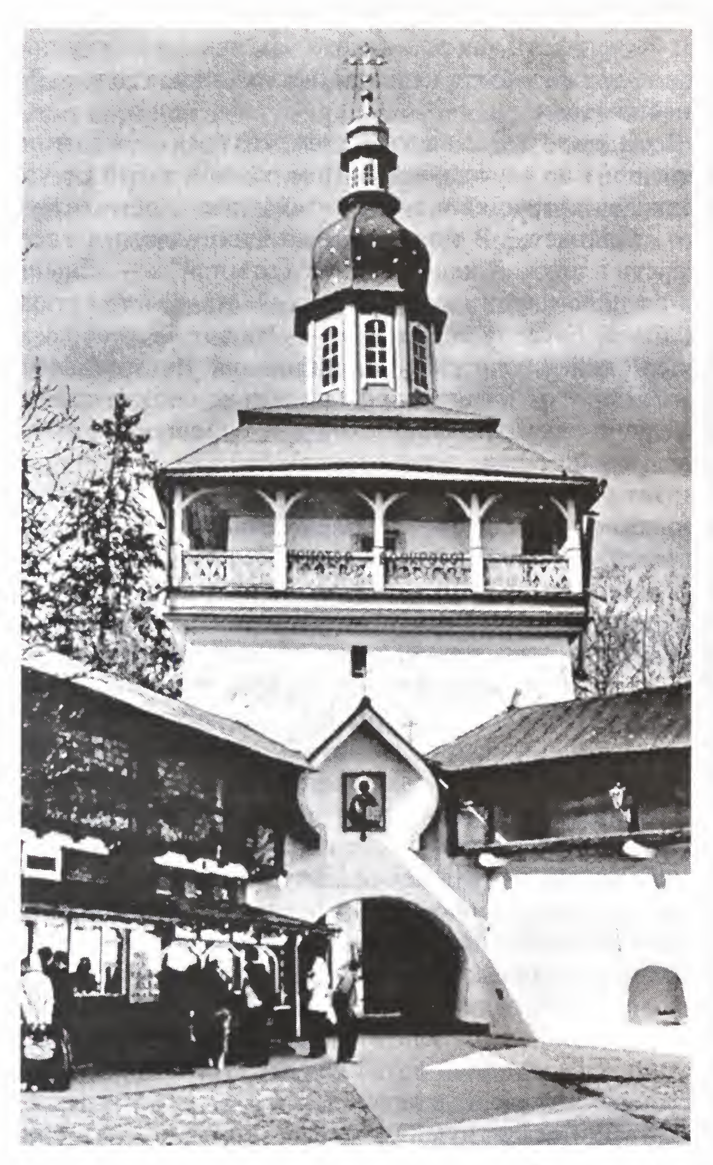
Грех — это грязь, мрак, зловоние, мерзость... Суди сам, может ли душа войти в Царство Небесное, если она больна? Не только мы с тобой, но и каждый скажет, что, пока душа не выздоровеет, пока не очистится, она не может насладиться вечной радостью. А Господу жалко нас, жалко грешников — душевных страдальцев. Ему хочется, чтобы все христиане спаслись, поэтому Он призывает к покаянию, которое как универсальное лекарство лечит всякую болезнь души, всякий грех.

Мы же противимся воле Божией и вместо того, чтобы посочувствовать душевно болящим грешникам и со слезами умолять Господа о помиловании их, чтобы Господь призвал их к покаянию и очистил души их, мы своим осуждением усиливаем их болезнь, делаем их худшими, еще более раздражительными, ожесточенными, закоренелыми, и нередки случаи, когда повторяют грех как бы только назло тем, кто их осуждает. Вот и получается, что одним ударом мы убиваем сразу двух зайцев. Зайцев ведь грех убивать ради забавы; всякое дыхание да хвалит Господа! Ну разве только шкурки ради... А бывают случаи, когда убивают их, как говорится, от нечего делать. Избави Господи!

И вот одним словом осуждения мы сами себя и их, если они раздражаются, готовим вечному огню; убиваем в себе добродетель, благодать отходит, и усиливаем душевную болезнь и морально убиваем тех, кого осуждаем. Каждый из нас на себе испытал, как тяжело бывает переносить осуждение и клевету, но кто вразумляется этим опытом? Сами страдаем от других, осуждающих нас, и сами же заставляем страдать ближних по той же причине. Вот за такое неразумие и наказывает нас Господь, за нашу жестокость и черствость Он отнимает благодать. Мы сами себя черним грехами, отталкиваем от себя спасение, делаемся непотребными в очах Божиих.

Господь говорит: «Милости хочу, а не жертвы». Иной много молится Богу и мало ест хлеба, ночи проводит в бдении и вериги носит, а сам такой злой, что ни единого слова противного терпеть не может. Кичится, величается внешними своими делами, а Господь ждет от нас прежде всего внутреннего исправления. Господу нужно сердце чистое, сердце, милующее всех, не осуждающее, любвеобильное. Если б человек сердце свое смог хранить чистым, на нем бы исполнились пророческие слова Господа: «Говорю же вам истинно: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие» (Лк 9, 27). А когда подвиги совершаются для своей славы, а не во славу Божию, то это не угодно Богу и во вред самому себе. Человек начинает тщеславиться своими подвигами и добрыми делами, как фарисей, поэтому и осуждает других. Между прочим, египетские старцы так боялись тщеславия, что ради него избегали добрых дел. Конечно, происходило это на определенном этапе мудрой работы над собой, а тот, кто смотрит только на свои грехи и не видит добрых дел, тот не станет осуждать других, а когда увидит согрешающего, скажет: «Я хуже его, помоги нам, Господи, спастись!»

Чтобы не впасть в фарисейство, полезно делать добрые дела втайне от других и даже от самого себя,

Псково-Печерский монастырь. Святые врата с церковью преподобномученика Корнилия

то есть так, чтобы левая рука твоя не знала, что делает правая; сделать как бы мимоходом, как бы между прочим, и тут же забыть навсегда, пускай знают только Бог и небожители.

Осуждение очень опасно и тем, что грех осуждаемого переходит на осуждающего. Помню, был такой случай. Подходит старушка и говорит: «Батюшка, помолитесь! Что за напасть? В молодости не чувствовала я такой страсти плотской, как сейчас. Что со мной?!» — «Значит, ты осудила блудника. Было такое?» — «Было, батюшка, было! Соседку осудила...» — «Ну вот, — говорю, — теперь кайся и проси у нее прощения. Не отчаивайся, пройдет». И действительно, как только она сказала это соседке и искренно попросила у нее прощения, так все и утихло. Вот даже такие случаи бывают. Грех не разбирает возраста. Осудила — получай то же. Жестокость проявила к болящей — поболей сама, чтобы потом стала милосерднее. Это тоже милость Божия, ведущая нас ко спасению. Старушка рассказала потом, что этот случай сразу отрезвил ее. «Как рукой сняло! Как топором отрубило... Вижу, кто грешит, а сама себе говорю: я ничего не вижу. Хватит мне своих грехов, чужих не надо».

Попробуй, мой друг, воспользоваться ее опытом. Как придет помысл осуждающий, так говори себе: «Зачем мне чужой грех? От своих не знаю, как избавиться!»

Существует такой закон в духовной жизни: как осудишь кого, так непременно впадешь в такой же грех. Многие познали этот закон опытом жизни, а некоторые впадают в новые неизведанные грехи и удивляются, не хуже этой старушки: откуда такая напасть? В таких случаях надо скорее припомнить, кого осудил, найти этого человека, исповедать перед ним свой грех и попросить прощения, а потом исповедать грех духовному отцу, и тогда Господь простит, снимет этот грех.

Как заманчиво, как легко подметить чужой грех, недостаток и осудить человека. Это потому что мы ублажаем свою страсть — тщеславие. В это время на фоне чужого греха мы кажемся себе лучше, чем другие, чуть

ли не великими. Это лишь эффект, мы с негодованием обрушиваемся на бедного, несчастного грешника и за глаза, и в глаза: «Как тебя земля держит, не поглотила до сих пор? Как жена не прогонит пьяницу такого?»

«Муж изменил? У-у! С таким бы я в два счета расправилась! Ну и глупая, что терпит!» — «Как крольчиха плодовита! Сама нищая... какого по счету принесла! Ну вот... Надо прежде научиться жить, а потом и замуж выходить!»

В порыве своего мнимого величия и всезнайства человек теряет границу допустимого, ум его помрачается, и он перестает распознавать грех и благочестие. Никого уже не щадит: ни грешника, ни праведника. Всех подряд судит и рядит, широким жестом чужую беду одной рукой разводит... а вот к своей-то страшной беде (опасность гибели за осуждение) ума не приложит.

Тяжелый грех — осуждение грешника, а осуждение праведника — еще более тяжелый. За этот грех Господь сразу наказывает.

Мелхола, жена пророка и царя Давида, посмеялась над мужем — лишилась благословения родить детей! Мариам, сестра пророка Моисея, осудила брата — покрылась проказою, а Ханаан даже проклят был за то, что осудил своего дедушку, праведного Ноя, и посмеялся над ним.

Вот как страшно! А многие думают: «А! Пустяки! Подумаешь — слово сказал!»

Нет, это не пустяки! Расплата будет суровая для тех, кто так живет. Нельзя не только осуждать, но даже мыслить худое о человеке. Унизительная мысль противна Богу, и Он наказывает за нее, особенно когда осуждают и уничтожают праведников, а их часто бывает трудно распознать, потому что свое бесстрастие они утаивают под покровом противной страсти. Поэтому надо быть очень осторожным во всем. Не надо забывать и то, что раскаяние уничтожает как злые, так и добрые дела, поэтому никогда не сожалей о содеянном тобою добре.

Да, страшно осуждать! По сути дела мы судим самих себя, потому что каким судом судим других, таким и сами судимы будем, и даже более строго. Вот представь себе: мы с тобой в разговоре унижаем, осуждаем грешника, а Господь в это время принимает его покаяние и прощает, а может, давно уже простил его грех. Бог оправдывает, а мы обвиняем... значит, мы делаемся богопротивниками, антихристами, присваивающими себе власть Христову. Вот как страшно!

У Бога милости много. Сегодня грешник — друг сатаны, а завтра покается и сделается другом Божиим. Неизвестно, какой конец жизни будет его и наш. Разбойник людей убивал и взошел с Господом в рай, а Иуда считался три года учеником Христа и попал в ад.

Итак, всеми силами избегай греха осуждения.

Последствия этого греха ужасны: им разрывается союз друзей, между родственниками проскальзывает ненависть и ссоры; укореняется ненависть в людях, ничего плохого друг другу не сделавших. Бери пример с Иисуса Христа. Ни единого человека Он не осудил из тех, кто грешил по немощи своей, одних только фарисеев-лицемеров строго обличал, ибо они сами не шли ко спасению и другим препятствовали. Со всеми Христос был ласков, обходителен, внимателен, чуток; всех утешал, всем помогал.

Когда приходит помысел осуждения, вспоминай распятого Христа и Его слова: «Отче! отпусти им, ибо не знают, что делают». Такими словами и ты молись за осуждающих, потому что те, кто судит и рядит, тоже часто не знают, что часто осуждают не за грех, а за добродетель.

Ну, например, осуждают за гордость смиренного человека только потому, что он не хочет с ними разговаривать (празднословить и осуждать), или осуждают благочестивых супругов за многодетность и т.п. Такие примеры бесчисленны, особенно когда праведники юродствуют. Мы очень часто ошибаемся в своих суждениях: кто не заслуживает похвалы, того мы хвалим,

а кто достоин похвалы и чести, того мы порицаем и осуждаем. Как это ужасно! Имей сострадательную душу, будь ко всем снисходителен, и ты не будешь осуждать.

Познание себя

Чем других осуждать, лучше себя познать. Что же мы из себя представляем? Говорят, чтобы чужую душу познать, надо три пуда соли вместе съесть. А себя познать еще труднее. Можно десять пудов соли съесть и остаться в неведении о себе, если не заниматься внутренним самопознанием. Все будем казаться себе хорошими, лучше других, и тогда будет трудно избавиться от греха осуждения. А если по-настоящему задуматься о себе и заглянуть в свое сердце, испросив у Бога света Христовой благодати, то ужаснемся... как опасно мы ходим! Каждый из нас увидит в себе такое, что волосы зашевелятся на голове от страха... Каждый увидит, что воистину хуже всех он, и, как бы в доказательство самому себе, он станет так размышлять: другие хотя и грешат по немощи, но зато ближних не осуждают, а я... не пройдет месяца, недели, дня, чтоб я кого-то не осудил, не унизил, не оскорбил, не оклеветал. Другие хотя и грешат по немощи, но они покаянием очищаются, а я... даже покаяться-то как следует не могу: если не словом оправдываю себя, то в помыслах себя правым считаю и в глубине души продолжаю обижаться на других или просто считаю их плохими, недостойными людьми и поэтому не очищаюсь, а еще более омрачаюсь, делаюсь пред Богом еще более непотребным.

Другие хотя и грешат по немощи, но это приводит их к сокрушению и смирению. Они не стараются утаивать грехи свои. Их презирают и унижают, но они не обижаются за это, ибо считают себя грешными и достойными всякого унижения, а я... всякий грех свой малый и большой старательно скрываю от всех, чтобы казаться хорошим, благочестивым... увы! увы!.. Как далек я от настоящего благочестия! Будто порох, взрываюсь

я от малейшего повода или без повода, от одной только мнительности, и в душе затаиваю злобу и месть...

Такое размышление очень полезно. Надо дальше и дальше развивать это сокрушение — познание себя, познание своего ничтожества — и помышлять об этом не один раз в месяц или неделю, а ежедневно, ежечасно, пока такое *покаянное чувство* не сроднится с нашим существом, не войдет в плоть и кровь, не станет неотъемлемой частью нашего душевного сердца; и когда мы приобретаем это нетленное сокровище, тогда надо хранить его как зеницу ока *до последних дней своей жизни.*

Кроткое вразумление

Ты просишь объяснить, какое сходство и различие между осуждением и обличением. Да, этот вопрос существенный.

Недавно тоже одно чадо спрашивает: «Батюшка, что это вы в одних книгах пишете: надо обличать согрешающего и помочь ему исправиться, а в других книгах пишете: нельзя осуждать. Разве обличать и осуждать по существу не одно и то же?»

Далеко не одно и то же! И именно по сути дела не одно и то же, хотя, на первый взгляд, они сходны между собой. Обличение имеет цель исправить человека, сделать его лучшим и спасти душу, а осуждение имеет цель унизить человека, омрачить, разбить жизнь его и погубить душу. Ты можешь возразить на это и сказать: «Ничего подобного! Когда я осуждаю кого, я никогда не преследую цели погубить его. Просто выскажу свое мнение, и всё».

Ой ли! Так ли это, друг мой? Если я спрошу тебя, а какую же тогда ты цель преследуешь, когда осуждаешь? Может быть, в глазах собеседника ты хочешь возвысить осуждаемого? Может быть, хочешь, чтобы у того появились добрые чувства и расположение к нему? Может быть, своим осуждением ты хочешь помирить их?..

Конечно, нет, осуждение приводит как раз к обратным результатам.

Назначение христианина, последователя Иисуса Христа, — делать добро и спасать души. Спасать себя, спасать ближних, поэтому, когда видишь кого согрешающим, обличи его кротко, с любовью, но старайся не осудить. Господь повелел: «Если согрешит пред тобою брат, то иди и обличи его». Не сказал Господь: «Осуди», а сказал: «Обличи», чтобы исправить согрешающего. Можно даже и другому сказать о его пороках, чтобы и тот принял участие в спасении грешного, если одного тебя не послушает. Только говорить о пороках других можно надежному, благочестивому, проверенному человеку, в ком уверен, что он не осудит и не повредит делу спасения.

Вразумляй заблудшего не сомневаясь, хотя бы тебе за это пришлось потерпеть. Потерпи, вразуми, помоги, чем можешь, и ты получишь от Бога великую награду. Только не будь суров и груб в выговоре, храни себя от раздражения, от гнева... Избави Бог, если почувствуешь, что начинаешь раздражаться, сразу переходи на другую тему разговора, не касайся обличения или даже скорей попроси прощения и удались, потому что обличение, сказанное с раздражением, в грубой форме, это и есть осуждение. В этом случае грешника не спасешь и себя погубишь. Кто обличает с ожесточением и унижением, тот берет грех его на себя так же, как при осуждении. Старайся отвратить его от беззакония не своим судом, но страхом Божиим. Кротко разъясни ему, как опасно для души делать такой грех, как это противно Богу и какое наказание ожидает его за этот грех.

Бывают случаи, когда такое кроткое и любвеобильное вразумление имеет столь великую силу, что перед мысленным взором грешника сразу как бы отверзается пропасть. Он явно начинает ощущать свою гибель и отчаивается в своем спасении. В этом случае утешь его такими словами: «Господь милостив, все простит, только кайся и не делай этого после. А если принесешь

обильные плоды покаяния и очистишь сердце, то счастью не будет конца...» И дальше развивай мысль, объясни ему, какое блаженство предвкушают помилованные праведники еще живя на земле, как достигается такое состояние... и прочее, что сам знаешь и можешь передать другому. А если он упорно будет оправдываться, тогда тотчас же переведи разговор на другую тему, иначе еще больше ожесточишь его сердце и уничтожишь в нем всякую наклонность к добру.

Кротко обличать и вразумлять очень полезно и душеспасительно для обеих сторон, но с кротостью, смирением и любовью может обличать только тот, кто сам свободен от страстей и пороков, особенно гордости, тщеславия и гнева, кто вразумляет не только словами, но и добрыми делами, а более всего примером доброй, благочестивой жизни. Иначе можно начать, как говорится, о здравии, а кончить за упокой, т. е. благое намерение помочь исправиться грешнику может обратиться в причину окончательной гибели его, если мы действительно будем по своим страстям действовать. Поэтому самое лучшее для всех — это молиться Богу за согрешающего и по пять раз целовать свой крестик за него утром и вечером ежедневно.

Ты еще не испытал, друг мой, какое благотворное действие оказывает такое простое дело: поцеловать крестик? Вот попробуй! Сам убедишься, без лишних слов.

В отношении же обличений не смущайся, приступай к этому смело: на то воля Божия для тебя лично, но только не тщеславься, не кичись перед собой и другими, что, дескать, отец духовный благословил. Будь смиреннее. Вспоминай слова Священного Писания: «Не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большему осуждению» (Иак 3, 1), если будем больше осуждать, чем вразумлять, или будем тщеславиться своими знаниями и добрыми делами.

Уста свои отверзай только для молитвенного славословия, прославления Бога, для кроткого вразумления

согрешающих и для краткого ответа вопрошающим, в остальное время храни уста, т. е. молчи, и твори непрестанную, неразвлекаемую молитву.

Анализ разговора

Трудно спасти душу тому, кто не хранит молчание, кто во всякое время занимается пустыми разговорами о земном и суетном, особенно кто осуждает других. Недаром говорят: «Кто многоречив, тот и многогрешен». Какая глубокая истина в этих словах!

Попробуй, Д., обычный разговор свой проанализировать, как говорится, разобрать по косточкам, и ты убедишься, что чуть ли не каждое слово — грех: то жалоба, то упрек, то ропот, то спор, а то и вовсе брань или осуждение и клевета. Вот возьми и даже тот случай, когда мы друг друга спрашиваем: «Как здоровье?» — ну, как по-твоему: хорошо это или плохо? На пользу души такой вопрос или во вред?

Чтобы правильно ответить на эти вопросы, надо знать намерение вопрошающего. Если человек спрашивает с намерением помочь болящему: принести лекарство, купить необходимые продукты и вещи, сделать уборку в помещении и т.д., то это хорошо; а если спрашивают только с тем намерением, чтобы показать свою любовь и заботу о ближнем, но кроме ахов, охов и покачивания головой ничем не помогает болящему, то это очень плохо. Такое лицемерие противно и Богу, и людям. Сам грешит празднословием и других наводит на грех. А самое главное то, что он, как разбойник, обкрадывает болящего, похищает ту награду, которую Господь приготовил болящему за его терпение. Пороптал на свою болезнь — лишился награды. А кто навел на это горе, тот и в ус не дует. Он весел, радуется: «Вот какой я внимательный! Про меня не скажут, как говорят про Т. и А., что я бессердечный, что мне только до себя, я и о других забочусь!» Кто ко всем прочим грехам приложил свою

мнимую праведность и, как фарисей, кичится и превозносится над другими.

Если человек спрашивает о здоровье с намерением начать на эту тему разговор, чтобы потом самому пожаловаться на свою болезнь, то это тоже очень плохо по тем же причинам, только в данном случае он становится разбойником сам для себя и сам себя окрадывает.

Очень часто этот вопрос задают в церкви. Если принять во внимание то, что в церкви разговаривать тяжкий грех и великий, то можешь себе представить, какому осуждению подвергают себя те, кто бесцельно задает такой вопрос.

Возьми себе за правило ежедневно разбирать вот так же, по косточкам, свой разговор, какой случится за день. И ты как огня будешь избегать сообществ и бесед, научишься молчать и привыкнешь не осуждать даже в помыслах своих.

Молчание

Мудрый христианин всегда молчит, потому что знает, что язык хоть и мал и мягок, но больно ранит и пронзает сердце, а самое главное — губит душу.

Священное Писание говорит нам: «Кто скажет "безумный", подлежит геенне огненной» (Мф 5, 22).

Как часто бывает, что в разговоре если и не употребляют слово «безумный», то другими словами высказывают ту же мысль. На здорового человека говорят: «Что с него взять!? Что он понимает!?»; или: «У него с головой не все в порядке!» — и другие реплики.

Может быть, и в твоем разговоре, Д., проскальзывает такое унижение человека? Избави Бог! Это очень большой грех.

Если встретится тебе что-нибудь непонятное в вере, то не досаждай прекословием тому, кто объясняет тебе, но молчи и молись и терпеливо жди, когда Господь сподобит тебе уразуметь это. Придет время, когда познаешь это не только от слова, но и опытом жизни. Если

какое-нибудь твое дело веры и любви подвергнется превратным суждениям и нареканию со стороны ближних — *молчи,* не выявляй свою добродетель, не оправдывайся перед людьми, чтобы не потерять награды, но помолись Богу, и Он оправдает тебя и вознаградит.

Если тебя постигнет бедствие и скорбь — *молчи,* никому не жалуйся, не ропщи, не плачь, но спокойно, благодушно перенеси напасть и этим докажи, что в тебе нет упорства и непокорности судьбам Всевышнего, но что ты с готовностью покоряешься Промыслу Божию.

Если временная жизнь твоя бывает столь благополучна, что сердцу трудно вместить свою радость и блаженство, если ты летаешь на крыльях от счастья... хочешь любовью своею обнять весь мир и рассказать всем о своей радости — *молчи* и только возноси благодарственные мольбы ко Господу. Тебя могут не понять и соблазниться, наведешь на грех осуждения или незаметно для себя впадешь в тщеславие и потеряешь благодать, потеряешь радость. *Молчи!*

Молчание есть корень безгрешности, потому старайся как можно больше молчать. Если спросят тебя — скажи кратко, а если никто не спрашивает — *молчи,* ибо молчание приводит к тихой, мирной и малогрешной жизни. Если даже случится тебе быть в обществе благочестивых и богомудрых христиан, то все равно любо более слушать, нежели говорить. Ну а если тебе крайне необходимо говорить, то говори о всем правду открыто, без всякой двусмысленности, потому что двусмысленность — это почти то же самое, что ложь, а ложь приводит к геенне. Лучше потерпеть скорбь за правду, чем говорить ложь. Кто лжет и обманывает, тот Бога презирает, а людей боится; но таких и люди презирают и не верят им, когда они даже говорят правду.

Не давай обещаний, когда не уверен, что выполнишь их, но если пообещаешь что-либо, то приложи все старание, чтобы выполнить обещанное. Лучше дела без слов, чем слова без дел, ибо благодать дается не тому, кто говорит, а тому, кто хорошо живет и добрые дела творит.

Ни перед кем не выказывай себя, что ты умнее и лучше других, ни с кем не спорь, никому не объясняй своих нужд, кроме крайней необходимости; ни с кем не говори о своих делах, которые могли бы показать тебя или великим, или презренным, и никого не осуждай, но себя только считай во всем виноватым и безответным. Если все это будешь выполнять, то незаметно для себя будешь восходить по лестнице добродетелей, а если не будешь воздерживаться от слов и не будешь нудить себя к молчанию, то много-много придется тебе поскорбеть в жизни и длинным, окольным путем будешь идти к духовно-нравственному совершенству. И Священное Писание говорит об этом: «Если кто думает, что он благочестив, и не обуздывает своего языка, у того пустое благочестие» (Иак 1, 26). Еще Христос сказал: «От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» (Мф 12, 37), так что если ты не можешь или не хочешь хранить молчание, то говори только то, что служит для назидания в вере, чтобы слова твои доставляли благодать слушающим.

Если бы мы говорили только доброе, святое, божественное, если бы мы научили неведающих, вразумляли блуждающих, увещевали коснеющих во грехах, утешали печальных, учили детей всему доброму, то мы были бы благочестивыми учителями и утешителями. Здравые, разумные, полезные и богоугодные слова бывают нам не в осуждение, а в оправдание, и даже награда за них посылается от Господа, ибо это главная добродетель христианская (см: Мф, зач. 11, ст. 19).

С плачущим плачь

Ты пишешь, что у тебя нет ясного понятия евангельского изречения «с плачущим плачь и с радующимся радуйся» и не знаешь, как поступать в жизни.

Здесь нужна мудрость. Разумеется, неразумно поступают те, которые плачут с плачущими или радуются с радующимися по страстям своим. Они только

соблазняют друг друга и вредят делу спасения. Ну, например, плачет человек от обиды: кто-то огорчил его или жалко потерянной вещи или денег — опять плачет; плачет от ненависти и злости, что сорвался план его мести; плачет от ревности, зависти и т.д. Сердобольный «друг» терпеливо выслушивает его жалобы, полные злобы, осуждения, желчи, малодушия, а иногда и проклятия... Успокаивает и утешает его своим поддакиванием и согласием с ним на злое, а иногда и недобрым советом, вместо того чтобы напомнить ему заповеди Божии и пользу скорбей и страданий в здешней жизни для жизни вечной. Такой плач нечестивый, гибельный, и кто плачет с таким плачущим, тот сам грешит и своим участием утверждает в нечестии друга своего, как говорится, окончательно губит его, не дает ему возможности опомниться и придти к покаянию.

Если же человек плачет, страдая за своих близких, оттого, что те грехами своими омрачают жизнь и губят душу, то присоединись к нему, утешь, как можешь, и со слезами умоляй Бога, чтобы Он любыми путями привел их к покаянию и помог им исправиться.

Также и радоваться можно только о хорошем, благочестивом, что не растворено грехом, а если девица радуется потому, что ей удалось у подруги жениха отбить, или соседка радуется, что муж обновил квартиру богатой, модной мебелью, или знакомая радуется, что она узнала, от кого пошли слухи, как говорится, кто вынес сор из избы, и уж теперь-то она даст в кости тому человеку, и т. д., и т. п., — с таким радоваться — значит прилагать грех ко греху. Избави Господи! Если не сможешь кротко урезонить их, молча сотвори в душе молитву за них, молча... и эта тайная милостыня твоя будет угодна Богу.

Кто сочувствует тем плачущим, которые плачут по страстям, тот, как я уже сказал, усугубляет в них эту страсть и разжигает ненависть, а ненависть — это самый тяжелый порок.

Ненависть

Как любовь в законе Божием является наивысшей добродетелью и спасает душу, так и ненависть, один из самых тяжелых грехов, губит душу. Апостол говорит, что, кто ненавидит брата своего, тот человекоубийца есть, тот пребывает в смерти, тот ненавидит Самого Бога. Загробная участь их ужасна: они будут мучиться вместе с чародеями и разбойниками, которые губят людей.

Грех ненависти очень распространен, и мало людей, свободных от этого греха, как и от осуждения. Ты удивлен? Не удивляйся, друг мой! Кто не стяжал истинную христианскую любовь к ближнему, тот не свободен от ненависти, только грех этот настолько мерзок, что люди сами себя стыдятся, когда он проявляется, поэтому ненависть — один из тех грехов, который тщательно скрывается от постороннего взгляда и, к сожалению, даже от самого себя. Обманывают себя, будто ненависти нет, не каются в этом грехе, поэтому грех, притаившись, живет и здравствует до времен, пока не выявится в болезненном приступе психоза. И тогда и окружающие не узнают человека, и человек сам себя не узнает:

— Откуда это?.. Что со мной?

— Помилуйте, неужели это та тихая, кроткая женщина, какой мы знали ее? Невозможно! Что с ней?

Как с цепи срывается человек, подверженный страсти ненависти. Он подобен пьяному человеку, потерявшему здравый рассудок. Он становится невменяем. Самые грубые и жестокие слова вылетают из его уст, он готов в клочья разорвать человека, который вывел его из равновесия... В таком состоянии родители проклинают детей, дети — родителей, даже до убийства доходят.

Ты думаешь, Д., что таких людей можно излечить пилюлями и микстурой? Нет, друг мой! Только любовь к ближним и смирение излечивают эту болезнь, этот тяжелый душевный недуг — ненависть.

Если нервнобольной человек пожелает излечиться от недуга своего, он должен каждый день ущемлять себя во

всем и вместо того, чтобы глотать пилюли из химикатов или растений, должен проглотить пилюли насмешек, напраслины, всякого рода огорчений от каждого человека. Это тяжело... Да, тяжело! Но разве болеть легче? А самое главное: какие страшные последствия этого греха. Я взял крайность, когда грех ненависти выявляется в виде приступа, а другие виды описывать, думаю, нет необходимости. Стоит только каждому повнимательнее рассмотреть все свои действия и поступки по отношению к другим, как непременно почти каждый найдет в себе признаки этого греха в той или иной степени.

Ты можешь возразить на это такими словами: «Никогда ни к кому я не питал ненависти, хотя и любовью не пылаю к каждому встречному».

Вот-вот, друг мой! Кто не пылает, иными словами, в ком нет любви к каждому встречному, в том живет грех ненависти, но он или ослаблен, или дремлет до случая, завуалирован, так что ни сам человек этого не замечает, если он не живет внутренней жизнью, ни окружающие не замечают этого, потому что понятие о грехе ненависти искажено почти у всех.

Мы привыкли считать, что ненависть выявляется только в тех случаях, когда, положим, разъяренный муж в припадке ревности убивает свою жену и соперника, или отвергнутый жених, затаив злобу, тайно поджигает дом новобрачных, или обесславленный клеветой человек взаимно изрыгает хулу или клевету, тайно или явно, и т. д. И если у нас нет таких проявлений, то мы считаем себя чистыми от этого греха. Но так ли это? Всем известно, что грехи: злоба, ненависть и месть — неразрывны между собой, они составляют как бы единое целое, и в ком есть злоба, то есть раздражительность, в том, значит, есть и ненависть. В доказательство приведу тебе несколько коротеньких примеров.

Чтобы не утомлять тебя бесчисленными фактами из мирской семейной жизни, возьму несколько примеров из благочестивой обстановки, когда мы находимся в церкви, когда у нас не должно быть и тени греха

ненависти. А что мы видим? Подслеживание, подслушивание, доносы, упреки, разные язвительные слова, насмешки; иной крестится толкая соседа; иной идет напролом и жмет так, что у бедных старушек кости трещат, не смотрит, что детей давит...

В церковь вошли туристы — в сердце появляется раздражение, многие думают, а иные и говорят: «Что ходят без толку... Сами не молятся и людям мешают молиться». А ведь, откровенно говоря, кто усердно, со вниманием молится внутренне, тому никто и ничто не может помешать. На святых отцов целые полки демонов устремлялись видимым образом, криками, страшными звуками и шумом устрашали, даже келью колебали, казалось, обрушится и насмерть задавит, и то они оставались непреклонными в молитве, им ничто не мешало. Если кому-то что-то мешает или кто раздражается, злобствует — в том есть грех ненависти.

Внутренне мы должны работать над собой в том направлении, чтобы в помыслах у нас не было разбора: каковы он, она, они. А во всех случаях надо взор свой обращать только на себя, если появилось раздражение.

Вот например: вошли туристы во время чтения святого Евангелия, шаркают ногами, заглушают слова Священного Писания... Ну кому это понравится? Невольно в душе появляется недовольство... Сразу лови себя на этом. Ах, дескать, злобная душа! Тебе не нравится?.. Тебе одной надо спасаться, со всеми удобствами, а другие пускай погибают? Да? А может, именно сегодня благодать коснется души их, может быть, сегодня на сердце их падет то зернышко благочестия, которое даст плоды обильнее, чем твои. Чем ты сама-то можешь похвалиться? Что пришла в церковь? Отдохнуть! Ведь ты пришла не на подвиг, если тебе кругом все мешают, если за всеми ты все замечаешь... Ты пришла развлечься? Признайся! С ножом к горлу приступай к душе своей и не давай ей опомниться, пока не смирится; не давай ей возможности оправдаться, устрашай ее гневом Божиим, чтобы она обрела страх Божий, это неоцененное сокровище

в деле спасения. Скажи ей: молчи, не укоряй вошедших, потому что твое слово может оказаться соблазном для них и ты можешь оказаться причиной их погибели... Не избежишь и ты этой участи, если это случится.

Действительно, сколько, оказывается, мы душ губим своим соблазнительным поведением, соблазнительным словом! Хоть бы в том только, что наводим на грех осуждения, не говоря о прочем. А кто по-настоящему, осознанно, со всею искренностью кается в этом грехе?

И вот когда ты станешь столь тщательно разбирать каждый свой шаг, каждое слово, тогда тебе не понадобятся доказательства того, что почти каждая душа, за исключением смиренных, одержима страстью ненависти в той или иной степени.

Как все добродетели в виде лучей исходят от одного центра — любви, так множество грехов исходят от одного центра — ненависти.

Молитва за врагов

Сущность покаяния заключается в том, чтобы исправиться и творить добрые дела. Без добрых дел вера мертва. А добрые дела — это не только милостыню подавать, но и молиться за врагов, т. е. за тех, кто обижает нас, кто нам в тягость. Такая молитва тоже вменяется нам в милостыню.

А почему? Да потому, что когда ближние делают нам пакости, тогда они одежду души своей загрязняют грехами, а ради наших молитв Господь вновь очищает их души, прощает им грехи.

Вот, например, подумали они плохо о нас — это равносильно тому, как если бы они в своем подвенечном наряде вытрясли половики или вычистили печную трубу. Они обязательно покроются пылью, сажей. А пыль от грехов — это не простая пыль: от нее не так-то просто избавиться. Если они забудут покаяться, что думали о нас плохо, то эта греховная пыль так и останется на них или на нас, если мы плохо думали о других. На общей

исповеди втайне кайся Богу в таких грехах (грех помыслов) и сокрушайся о них, а еще лучше: не дожидаться исповеди, а как только согрешил, так скорей целуй свой крестик, который носишь на груди, и перед ним исповедуй грехи свои.

Так вот злые помыслы и то оставляют следы на одежде души, а злые слова приравниваются к злым делам. Например, оклеветали тебя — это будто пузырек чернил клеветники вылили на тебя. Очернили твое имя, подорвали твой авторитет... трудно восстановить доброе имя и авторитет, но клеветникам еще труднее принести такое покаяние, которое полностью очистило бы их душу от греха клеветы и осуждения, поэтому клеветники нуждаются в молитве и за них надо усердно молиться, как за благодетелей нашего спасения. Для очищения им надо много-много слез пролить, а главное — принести плоды покаяния, чтобы совсем сгладить грех клеветы. Надо перед всеми покаяться и сказать: «Это я оклеветал того-то или тех-то... Я соблазнил всех: из-за меня вы согрешили осуждением. Простите».

Нет ничего легче, как осудить и оклеветать человека, и нет ничего труднее, как сгладить последствия его греха. Клевета как горящий уголь в костре или соломе. Бросил уголь, а через некоторое время его уже не возьмешь. Пламя не допускает!

Есть хорошая народная поговорка: «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь!» Как часто мы сожалеем о сказанном!..

О вреде празднословия, особенно осуждения и клеветы, я говорил уже, а теперь вскользь упоминаю для того, чтобы тебе легче было понять, почему молитва за врагов считается самой большой милостыней для них.

Вот представь себе: враги наши по зависти ли, по ревности ли или просто по привычке, по наущению злой силы оскорбляют нас, притесняют, ущемляют во всем, делают нам большие убытки, даже иногда наносят побои... Кому же они больше вредят? Нам или себе? Конечно, себе! Это ясно, как Божий день! Они воистину враги

только для себя, а для нас они благодетели. И вот почему.

Земная жизнь наш как сон. Перед человеком десятилетия мелькают, как календарные листки. Спроси человека самого преклонного возраста, жизнь которого была наполнена сплошными скорбями и болезнями, устал ли он от жизни? Хочет ли он умереть? Если скорби и болезни его позади, то он даже удивится. «А как это можно устать от жизни? Жизнь так хороша! На каждом шагу видишь Творца и Его творения. Ощущать присутствие Его внутри себя — это такое счастье!» — «Да как же! Разве ты забыл, сколько горя перенес в жизни?» — «Э, соколик! Все прошло, как сон. Многое забыто, а что всплывает на память — как будто это не жизнь, а из прочитанной книги».

Только те, кто в этот момент переживает тягчайшие скорби и болезни, только они, да и то не все, могут сказать: «Лучше умереть, чем так мучиться».

Сильные духом говорят иначе. Однажды, когда я служил на приходе, позвали меня причастить больную, сорок лет прикованную к одру болезни. Поисповедовал ее, причастил, а потом стал утешать... А она мне и говорит: «Дорогой батюшка, хотите верьте, хотите не верьте, но я говорю истину: я так рада и довольна своей жизнью! Мне тяжело бывает слышать, когда называют меня скорбящей, а то и несчастной. Простите меня».

Захотелось мне испытать болящую, и я спросил: «Но радость твоя увеличилась бы, если бы Господь даровал тебе исцеление?!» — «О, нет! Осталось мне жить не так уж много: по два века люди не живут. Но если бы Господь мне повелел и три века лежать на этом одре и терпеть мою болезнь, я бы с радостью и благодарностью это повеление с Божией помощью исполнила бы». — «Но почему же? Все люди хотят быть здоровыми. Ведь говорят же: в здоровом теле — здоровый дух. Святая Церковь постоянно молится о здравии и спасении пасомых. Разве это плохо и неспасительно?» — «Батюшка, не испытывайте меня. Все это хорошо,

спасительно, но Христос сказал: могий вместить, да вместит... Вот мой прямой ответ на ваши вопросы. А что касается «в здоровом теле — здоровый дух», так это выражение мирских людей, привязанных ко всему земному. Они плотно поели, хорошо выспались — у них голова не кружится, бодрое настроение. Только и всего! Правильное понятие «здоровый дух» — это постоянное памятование о Боге, благочестивая жизнь. А там, где применяют это выражение, очень мало думают о Боге или совсем не знают Его. Правильнее было бы сказать: «В немощном теле — здоровая душа» и «в немощах познается сила Божия». А в неблагочестивом здоровом теле живет, чаще всего, всякая нечисть: скверные помыслы, срамные желания... Кровь, как раскаленная вавилонская пещь, развивает плотские страсти...» — «Согласен. Ну, а все же, почему ты избрала лучше триста лет болеть, чем исцелиться от болезни? Разве в нашей Православной Церкви нет примеров? Труднее борьба, это да. Но Господь помогает всем, кто обращается к Нему за помощью. Так почему же ты так упорно хочешь болеть?» — «Я не упорствую, а только покоряюсь воле Божией. Я не просила у Бога болезни, а когда заболела, не прошу исцеления. Он лучше знает, что для меня полезнее: здоровье или болезнь. Если бы Господь исцелил меня, я благодарила бы Его так же, как благодарю сейчас за болезнь, но душа моя более располагается нести болезни и скорби, чем жить без них в полном благополучии. Чрез болезни и скорби душа быстро приобретает добродетели и благодать и становится такой богатой, что можно поделиться с другим, как преподобный Василий Новый поделился со своей келейницей Феодорой. А у меня так много родственников духовно нуждающихся!»

Веришь ли, друг мой, я насладился беседой с этой рабой Божией. Одно дело читать поучения святых отцов, а другое дело в самой жизни встретить живое воплощение их учения. Давно это было, беседа наша отчетливо сохранилась в моей памяти.

Я передал тебе наш разговор для того, чтобы ты легче уяснил себе, почему врагов называют благодетелями. Они помогают нам приобрести на небеси сокровища нетленные, когда мы скорби от них переносим с такой же радостью, как та болящая переносила свою болезнь.

Нас огорчили, а мы простили да еще помолились о их спасении — это значит: через них мы приобрели доброе дело для вечной жизни, умножили свои сокровища на небе.

Злые люди не знают об этом или забывают, иначе не стали бы вредить другим. Бесы тоже так делают: искушают человека и вредят ему до тех пор, пока надеются соблазнить и погубить душу, а когда увидят, что человек решился лучше умереть, чем согрешить, тогда они убегают от него, потому что чем дольше они будут искушать его, тем он большую награду получит от Бога.

Злой человек прежде всего губит свою душу, готовит ее для вечных мучений. Откровенно говоря, мало кто искренно, с любовью молится за врагов своих... На что же рассчитывают те, кто приносит вред, хоть самый малый, своим ближним?

В том и заключается сущность покаяния, в том и плоды его: немедленно принять меры к исправлению, а тех, кто нам в тягость, покрыть своею любовью, делать им добро.

Больное самолюбие

Вот ты пишешь: «Батюшка, ну обидно же! За что она меня так обозвала? Что плохого я сделал ей?» Это значит, не понимаешь сути дела. Ничего плохого ты ей не сделал, но когда ты обратился не к ней, а к другой, то этим ты задел ее страсть *мнения* (человек мнит, то есть думает о себе высоко). Страсть ее столкнулась с твоей страстью самолюбия, и вот у нас пожар: ты обиделся. А если бы в тебе не было этой страсти, то посочувствовал бы ты ей и помолился бы за нее как за душевно болящую.

По сути дела тот, в ком не изжиты страсти, — самый больной и самый несчастный человек. Но вот она без причины как спичка вспыхнула. Разве ей легко? Она трое суток плакала от обиды, что, дескать, самый близкий знакомый, на кого можно было положиться, и тот сумел уязвить ее... Пошел к какой-то... И чего только не представит ее больное воображение, страстное сердце, мнительность, подозрительность...

Если кто-то с кем-то не разговаривает, если обижаются и огорчают друг друга, это значит, что оба поступают по своим страстям и оба идут к погибели.

Кто готовится к исповеди, тот должен испытать себя по заповедям Христовым. Вот и ты испытай. Христос сказал: «Блажени нищии духом», то есть блаженны те христиане, которые духом смиренны, которые не превозносятся над другими и считают себя хуже всех людей и даже тварей. Ну и как? Выполняешь ли ты эту заповедь Божию? Нет, конечно. Хуже всех ты себя не считаешь. Ты кичишься своим человеческим достоинством и возмущаешься от каждого укорительного или унизительного слова. Дескать, как, я же человек! Я образ Божий! Разве можно меня унизить?

Разумеется, нельзя унижать никого, но унижающий тебя сам ответит перед Богом за свой грех, а ты только на себя смотри, себя разбирай, себя спасай.

Какая польза от твоего возмущения? К ее греху приложил свой грех и тем увеличил пожар, а огонь этого пожара может перейти в геенский, вечный... Забудете покаяться, вот и пожалуйста! Тогда никто не спасет: ни мать, ни отец, ни друг, ни враг... Сейчас нас больше всего спасают враги наши. Они, сами того не замечая, ведут нас ко спасению, а после смерти нам уже никто не поможет и покаяться там не сможем: после смерти грехи не разрешаются. Там будет только страшно мучительное, позднее и никогда не скончаемое раскаяние, от которого грешники скрежещут зубами.

Образ Божий

Вот ты пишешь: «Я — образ Божий». Припоминается мне, как одна девица тоже так, возмущаясь на подругу, говорила: «Батюшка, я бы не огорчилась на нее, но ведь в моем лице поруган образ Божий».

Одна и та же болезнь, одни и те же симптомы... Пришлось тогда ее строго обличить. Говорю: «У тебя просто больное самолюбие, кайся». Она начала оправдываться, стала доказывать свою правоту. Тогда я вынужден был сказать: «Ну что же, давай глубже разберемся, так ли это? Хорошо, предположим, ты права, но отнесись и к себе строже, как посторонний судья. Посмотри на себя со стороны, чем ты-то можешь похвалиться?»

Внешний образ Божий дан тебе Богом. Не по своей воле ты родилась человеком, а не животным... Господь почтил тебя Своим образом и подобием. Благодаришь ли ты Его — Своего создателя и Благодетеля? При крещении ты получила всеосвящающую благодать Святого Духа и приобрела право быть наследницей Богу. Царство Небесное было предопределено тебе, если бы ты была истинной христианкой, если бы жила по закону Божию и не искажала Его святой образ. Но ты, как фарисейка, кичишься своей мнимой праведностью, а на деле... Посмотри, как ты искажаешь образ Божий в самой себе: ходишь с непокрытой головой, когда по закону и по благочестию не положено ходить без платка. Одежду и обувь покупаешь дорогие — нет скромности. Следишь за модой, а это грех. Видишь, сколько у тебя отклонений? Это только по внешности. Если же заглянуть внутрь, в сердце?»

Даже не хочется тратить время на перечисление всех добродетелей, которые мы, христиане, обязаны иметь и не имеем, и на перечисление всех страстей и пороков, которых не должно быть в нас, но они в нас процветают. Уж против этого, думаю, ты не будешь возражать?

Так вот, видишь, как образ Божий поруган в тебе тобою! Почему же ты не кричишь: караул, погибаю!

Почему со слезами не умоляешь Бога и Матерь Божию о помощи, о своем спасении? Почему не возмущаешься против себя так же, как возмущаешься против нее? А ведь тобою образ Божий поруган больше, чем ею, и внешне, и внутренне. Ты не подражаешь христианским добродетелям и ежедневно распинаешь Христа. У тебя нет ни смирения, ни терпения, без конца ропщешь: тот косо посмотрел, тот не сделал по-твоему, тот обидное слово сказал, тот не поздравил с днем Ангела, а тот даже на поклон не ответил...

Итак, все дни у тебя уходят на пустые разговоры, размышления и огорчения.

Господь повелел непрестанно молиться, но ты ведь не можешь эту заповедь выполнять: тебе некогда!..

Довел девицу до слез. Вижу, слезы не от огорчения, а покаянные. Думаю: ну и хорошо. Пускай привыкнет сокрушаться о грехах, это полезно.

Тебе, Д., тоже следует сокрушаться о том же: одинаковое лекарство от одной болезни.

Мы с тобой остановились на одной заповеди Божией: «Блажени нищие духом». По остальным заповедям ты сам себя испытай. Проверь, соответствуешь ли ты званию христианина?

Христос сказал: «Блаженны плачущие (о своих грехах); блаженны кроткие, смиренные, праведные, любвеобильные, милостивые, чистые душой и телом, живущие со всеми мирно».

А ты тоже видишь, как фарисей! Что плохого я сделал ей? Это значит: я, батюшка, хороший, а она плохая. А Господь возьмет и оправдает ее ради покаяния или ради молитвенного ходатайства за нее, а тебя осудит за горделивые помыслы и за осуждение... Вот останешься ты такой «хороший» в кавычках при своих, как говорится, интересах — без благодати. А кто виноват? Только сам, винить некого. Свои грехи ты прикрываешь благовидным предлогом: пишешь, я — образ Божий. Вот Христос — образ Божий по плоти, а по Духу — Сам Бог! Но Он не возмущался, когда Его унижали, оскорбляли, пле-

вали в Его пречистый лик, били и даже приговаривали ко Кресту. Он никого не упрекал, а с любовью молился Богу Отцу за Своих распинателей.

Вот когда мы поработаем над своим внутренним человеком, когда и внешне, и внутренне будем подобны Иисусу Христу и Божией Матери, тогда мы вправе будем сказать: я образ Божий, а пока мы только прах и чернь, а не люди. Понятно? Не смущайся и не обижайся за резкость тона — такое лекарство эффективнее.

Отец духовный не должен быть только ласкателем. Обличай, увещай, но спасай!

Молитвенники за мир

У нас есть ходатаи перед Богом — это праведные наши близкие или дальние родственники или просто знакомые. Они молятся за нас, и по их святым молитвам Господь изливает на нас сугубую милость, сугубую благодать. Иной грешник удивляется: «Что за чудо, мгновение назад я с пеной у рта доказывал, что Бога нет, а теперь... пускай меня бичуют, пускай делают все что угодно, но я знаю... да, да! Не только верую, но знаю, что Бог есть. Я чувствую Его в себе так же ясно, как свое дыхание, как то, что я не мертвый, а живой».

Трудно понять грешнику, что с ним произошло, не может знать причину своего перерождения, а причина проста: ходатайство и предстательство Божией Матери, молитва святых, молитва живущих праведных и благочестивых людей и их подвиги — искупительные жертвы за нас, творят такие чудеса, вернее, Господь творит чудеса по их молитвам.

Счастливы живые и усопшие, в роду которых есть такие молитвенники, но счастливы и все мы, православные христиане, потому что за всех нас непрестанно молятся день и ночь святые отцы в обителях, которые произносят молитвы свои как бы от лица всей земли, то есть от лица живущих во всей Вселенной. Они молятся за весь мир и особенно за нас, единоверцев.

Миряне спят, а они бдят, не спят по ночам, молятся; миряне по нескольку раз в день едят что вкуснее, а они довольствуются самой грубой пищей в малом количестве, а у некоторых воздержание доходит до сухоядения. Остальные подвиги совершаются тайно, о них не будем и говорить. Эти иноки подражают Иисусу Христу своею жизнью. Как Христос принес себя в искупительную жертву, чтобы освободить человечество от проклятия, греха и смерти, так и иноки приносят себя в искупительную жертву за грехи своих единоверцев, и прежде всего родственников и близких людей.

Вот, например, Мария Египетская семнадцать лет приносила очистительные жертвы за свои грехи, а остальные семнадцать лет, когда сама уже очистилась от грехов, приносила искупительные жертвы за грех своих близких и за всех православных христиан.

Своими подвигами и молитвами праведники выкупают грешных у правосудия Божия и избавляют их от наказания, которое они заслуживают по грехам своим. По молитвам святых и праведных людей Господь посылает на землю благодать Свою: благорастворение воздухов, живительный дождь земле жаждущей, изобилие плодов земных и все нужное, все потребное для всей земли, для живущих во всей Вселенной. Пока на земле есть такие праведники, ей не грозит никакая опасность!

Земля и моря и все небесные светила ради молитв иноков прощают грешников, смиряются, умиляются и вместе с иноками возносят Творцу свое моление, хвалу и поклонение.

Молитва Земли

Когда зажигаются звезд вереницы
На своде небесном, а люди, и птицы,
И звери лесные покоятся сном, —
Тогда все в природе полно умиленья
И небо с землею возносят моленья
К Творцу мирозданья в безмолвье ночном.

Лишь праведник ту молитву услышит,
Которая верой глубокою дышит;
Она не грешна, как молитва людей,
Сердца у которых жестоки, как камень, —
Она горяча и чиста, словно пламень,
Она непорочна, как души детей.

Блажен, кто услышит моление это,
Чье пылкое сердце возжаждало света,
Чьи ноги тропою тернистою шли,
И нет прегрешений, которых Предвечный
Ему не простил бы в любви бесконечной
В часы вдохновенной молитвы земли!

Туман, что клубится в ночи над ручьями,
И воздух, колеблющий розы листами, —
все это ведь звуки молитвы святой,
Мольбы же которых к Властителю мира
Не в силах отнесть ни дыханье эфира,
Ни легкий туман, что клубится грядой.

Творцу передаст их от всей он Вселенной,
Любимец Господень, мольбой вдохновенной,
Смиренный слуга — инок в келье своей.
И уши Создателя стольких творений
Отверсты всегда для его песнопений:
Канонов, стихир, псалмов, тропарей.

Когда все объято ночной тишиною,
Когда звезды яркие светят с луною,
На землю с любовью Спаситель взирает
И свет благодати Своей посылает,
И милость Он щедро Свою изливает
На грешный мир ради молитвы святых.

Весь мир осыпая Своими дарами,
Он шлет их: и с чудными солнца лучами,
И с тучкой, что быстро несется вдали,
С светилами ночи, с росой благовонной,
С дождями, шумящими в чаще зеленой, —
В ответ на святую молитву земли.

Жестокие бури и свет омраченный,
И это — молитва земли, отягченной
Нуждою и тьмой прегрешений своих.
Она, пораженная страхом и скорбью,
Рыдает пред Господом с жаркой мольбою
И просит пощады: «Помилуй, спаси!»

Когда же минуют жестокие бури,
И молнии гаснут в небесной лазури,
И грома раскаты стихают вдали —
Смягчается гнев Судии Всеблагого
И ветер душистый несет к Нему снова
Хвалу всех созданий — молитву земли!

Наставления

Теперь, друг мой, хочу дать тебе небольшое конкретное наставление. Может быть, тебе не понравится, что местами я повторяюсь, но у меня многолетней практикой выработалось такое правило: повторение — мать учения. А все, что здесь написано, тебе следует не только заучить, но и в жизнь воплотить, как говорится, пройти практику, так что повторение не помешает.

Наставление такое: храни язык, ибо он часто произносит то, чего ты не хочешь, имей в памяти непрестанно молитву Иисусову, она искореняет злые помыслы. Тщательно наблюдай за всеми своими мыслями, словами и делами. Вечером рассматривай грехи, которые сделал за день, и вообрази, как много нераскаянных грешников в этот день сошли в ад. Благодари Бога, что Он дает тебе еще время на покаяние. Не откладывай покаяния до завтра, до другого дня: неизвестно, доживешь ли ты до того дня. Нет ничего противнее благочестию, как откладывать свое покаяние. Исповедуйся как можно чаще, каждый раз, когда бываешь в церкви. Ежедневно мы грешим, ежедневно надо и каяться, когда, где и как позволяют условия. Если в церковь не можешь пойти, значит, кайся дома перед крестиком. Грехи же за определенный период напиши отцу духовному. Если не

будешь каяться ежедневно, то грехи забудутся и останутся нераскаянными.

Так будем же, друг мой, искать случая принести как можно больше добрых плодов покаяния, ибо «всякое дерево, еже не творит плода добра, посекаемо бывает и в огнь вметаемо» (Мф 3, 10). Подобно бесплодному дереву, в вечный огонь ввержены будут те люди, которые не приносят никакого плода духовного. Поэтому со страхом Божиим и любовию будем служить ближним, будем очищать сердце свое искренним покаянием и, как мытарь, из глубины сердца сокрушенно будем ко Господу всегда взывать: «Боже, милостив буди мне грешному», «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!»

Молитвенный вопль покаяния

Порою, в минуту души просветленья,
Заглянем глубоко-глубоко в себя...
И вырвется вопль из груди, как моленье:
«Помилуй мя, Боже, помилуй меня!»

И леность, и немощь, и нету усердья...
Вся жизнь в суете исчезает моя,
Одна лишь надежда — Твое милосердье:
Помилуй мя, Боже, помилуй меня!

Рассеянье мысли, ума ослепленье,
Забвенье о цели сего бытия,
Какая-то хладность ко делу спасенья...
Помилуй мя, Боже, помилуй меня!

Как слабо, бесплодно бывает раскаянье;
Лишь только пробьется живая струя,
Как снова доводят грехи до отчаянья...
Помилуй мя, Боже, помилуй меня!

Помыслю ль о часе души разлученья:
Какая загробная участь моя?..
Увы мне! Страшусь я суда и мученья —
Помилуй мя, Боже, помилуй меня!

«Ни тепел, ни хладен...» — и нет оправданья;
Заветы Спасителя ведаю я!
О, вера, велики твои милованья!
Помилуй мя, Боже, помилуй меня!

Болезнует сердце, а дух разгорается...
И с каждой святой благодати огня —
Молитвенный вопль из груди вырывается:
О, Боже, помилуй, помилуй меня!

* * *

Итак, возлюбленный друг мой Д., убегай решительно от всякого встречающегося случая ко греху. Благотвори всем людям без разбора, замкни на замок уста, глаза, уши, чтобы через эти отверстия в твою храмину не входили соблазны. Трудись для неба беспрерывно, чтобы стать свободным от искушений и грехов, чтобы стать угодным Богу. Но только не забывай, что своими силами, без помощи Божией, ты ничего не сможешь сделать доброго. Христос сказал: «Кто пребывает во мне, и Я в нем, тот приносит много плода, ибо без Меня не можете делать ничего» (Ин 15, 5).

Живи так, чтобы, имея таинство веры в чистой совести, в мире сердца и в безмолвии всего существа своего, ты мог сохранить вверенную тебе благодать с такою твердостью, которую никакие удары бед, никакая страсть, никакие искушения не смогли бы разрушить.

Как можно чаще очищай себя покаянием, освящай себя общением с Господом нашим Иисусом Христом в Пречистых Тайнах Его и одежду души своей украшай достойными плодами покаяния.

Внимательно молитвою обрати взор ума своего на себя, чтобы открыть свою греховность. Чаще читай отдельную небольшую книжицу «Покаяние и воздыхания», которую к сему прилагаю. Книжица эта глубока по содержанию и проста по изложению. Она малого формата, имеет всего тридцать страниц, но приносит большую пользу для души. Она очистит сердце и совесть

от страстей и пороков. Изучай все, что в ней написано, для спасения души и тела.

Вот все, что с Божией помощью я смог написать тебе, друг мой, в ответ на твои вопросы.

Прошу прощения и святых молитв. Мир тебе и Божие благословение.

Богу Отцу и Сыну и Святому Духу слава! И слава Приснодеве Марии, Матери Христа Бога нашего, во веки веков! Аминь.

Молитвенно с тобой пребывающий
твой доброжелатель, духовный отец схиигумен Савва

О ГЛАВНЫХ ХРИСТИАНСКИХ ДОБРОДЕТЕЛЯХ И ГОРДОСТИ

Ответ другу Д. на его письмо

Боголюбивейший друг мой Д.!

Ты очень доволен, что получил ответ на все свои вопросы о покаянии, и теперь ты просишь ради Христа ответить на вопросы о смирении, любви и милосердии, о мире Христовом и благодати, иными словами, о духовно-нравственном совершенстве.

Радуюсь твоей мудрости и росту духовному. Твои предыдущие вопросы о покаянии можно было сравнить с понятиями ученика, только еще готовящегося к получению аттестата зрелости, а эти вопросы по своей сложности можно сравнить с понятием человека, имеющего уже аттестат зрелости. С Божией помощью постараюсь ответить тебе и на эти вопросы, потому что на мне, как на пастыре Церкви Христовой, лежит святая обязанность окормлять духовно чад своих. Хотя у меня, как схимника, мало свободного времени, к тому же и немощи телесные чувствуются, но сила Божия в немощи познается, и пока глаза открыты и дыхание в груди не прекратилось, надо сеять семена слова Божия, ибо в этом назначение истинного пастыря. Христос сказал: «Кто сотворит (заповедь) и научит (людей), тот великим наречется в Царстве Небесном» (Мф 5, 19).

О гордости и смирении, о любви и милосердии я уже много раз говорил на исповедях и на молебнах, даже написал в книге «Семена Слова для нивы Божией», часть 2. Собирался на общей исповеди осветить эти вопросы более подробно и для этой цели стал собирать изречения святых отцов последнего времени. Не без Промысла Божия встретился мне именно такой материал, какой я искал, и вот теперь во славу Божию я отвечаю тебе на вопросы.

Предисловие

Человек создан по образу и по подобию Божию (см.: Быт 1, 26), предопределен для вечного блаженства и в земной жизни призван к живому, непосредственному богообщению. Все люди без исключения, как иноки, так и мирские, должны были бы идти этим путем, но, к сожалению, этот путь, оказывается, доступен не для всех. Какая же причина мешает людям иметь живое общение с Господом и наслаждаться утешениями неизреченными?

Основная причина тому — похоть очес и гордость житейская. Гордым Господь противится и только смиренным дает благодать, только смиренным являет Себя и пребывает с ними неразлучно. Но истинно смиренных людей, которые живут по воле Божией, а не по своей воле, теперь мало. Большинство людей не прислушиваются к голосу Божию в сердце своем, а из тех, кто пытается прислушиваться, многие не понимают его и живут по своей воле, следуя голосу страсти. Поэтому спасение людей теперь совершается в основном болезнями и скорбями. Если человек добровольно не хочет смириться и жить по воле Божией, то он как бы принудительно смиряется через страдания. В этом проявляется милосердие и человеколюбие Божие.

Для достижения духовно-нравственного совершенства надо всем, в том числе и тебе, друг мой, учиться познавать волю Божию, прислушиваясь к голосу Божию, а чтобы вернее услышать в себе голос Божий, надо отложить свою маленькую индивидуальную волю и надо быть готовым на всякую жертву, подобно Самому Христу, Который был послушным Отцу даже до смерти (см.: Флп 2, 8).

Цель жизни христианина — стяжание Духа Святого, постоянное богообщение, познание и исполнение воли Божией. Если нет стремления к этому, то жизнь, с христианской точки зрения, бесцельна, бессмысленна и пуста. Но чтобы стяжать Духа Святого, надо очистить сердце от страстей, и прежде всего от гордыни — матери всех пороков и грехов.

Недопустима даже малейшая тень красования своим «Я», самый тонкий вид самолюбия является преградой для вселения Духа Божия в сердце человека. Малейшее попрание чужой личности рассматривается как грех против любви, против образа Божия в человеке. Грех этот особенно противен Духу Святому и отгоняет его.

От нас требуется постоянная мучительно-страдальческая борьба с грехом, который живет и в нас, и вне нас. Требуется постоянное воздержание и ограничение себя во всем, чтобы легче было искоренить из сердца страсти и пороки и насадить в нем семена христианских добродетелей.

Мы должны быть совершенными в духовной жизни, поэтому для достижения совершенства должны нести разные подвиги, зависящие от наших индивидуальных качеств. Самый высший подвиг — это принести себя в жертву Христу и отречься от своего хотения, своей воли. И вот если мы полностью предадим себя в волю Божию, если свое обновление, просвещение и исцеление будем ожидать только от Господа, если перестанем надеяться на свои силы, но всю надежду свою возложим на Бога, то непременно получим просимое. Дух Святой вселится в сердце наше, и мы ощутим в себе Царствие Божие. Мысли наши приобретут твердость, постоянство и покой. Они не будут рассеиваться и волноваться всякими суетными помыслами, но будут пребывать в мире и любви Христовой.

Именно к тем людям, которые смиряются и покоряются воле Божией, относятся слова Христовы: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф 11, 28).

Блаженны мы будем с тобой, дорогой друг, если одержим над собой победу, то есть если смиримся и по-настоящему возлюбим всех, вот тогда-то мы и войдем в сей покой.

Прежде чем раскрыть перед тобой основные добродетели, которые приводят душу к духовно-нравственному

совершенству, остановлюсь на главном препятствии, которое особенно мешает успешно продвигаться вперед, по пути спасения, а именно — гордости.

Гордость

СУЩНОСТЬ ГОРДОСТИ

Гордость — это страшная душевная болезнь, которая очень трудно излечивается. Нет более мерзкого греха пред Богом, чем гордость. Святые отцы называют ее «семенем сатаны». Гордость — это крайняя самоуверенность с отвержением всего, что не мое; источник гнева, жестокости, раздражения и злобы; отказ от Божией помощи. Но именно гордый имеет особую нужду в Боге, потому что люди спасти его не могут, когда болезнь достигает последней стадии.

Изобретатель греха, падший ангел тьмы, сам согрешил сопротивлением Богу, то есть гордостью, и весь род человеческий вводит в эту пагубную страсть.

Всякий грешник, который угождает страсти своей, ведет войну против Бога, как некогда сатана воздвиг бунт и войну на небе против Бога ради того, чтобы выйти из повиновения Ему и жить по своей воле.

Когда гордый, тщеславный, самолюбивый, славолюбивый, властолюбивый, жестокий, гневливый, завистливый, высокомерный, надменный, непослушный и другие удовлетворяют своей страсти и ради своего «Я» унижают других, то этим они как бы меч поднимают на Бога и как бы говорят Христу: «Не хотим мы следовать Твоему примеру, не хотим быть кроткими и незлобивыми! Не нравится нам Твой закон! Пускай они нам покоряются и служат, а не мы им!»

Избави Господи от такого помрачения! О, как страшно, Д.! Не думай, что в этих словах преувеличение. С гордыми обычно так и бывает. Если вовремя они не остановятся, не покаются, то становятся богопротивниками.

Через всякий грех, даже малый, в душе ослабевает благодать Божия, а через смертный грех люди теряют ее совершенно и делаются достойными вечного наказания.

Гордые выходят из-под власти закона Божия, поэтому сами себя лишают защиты и покровительства Божия. Они терпят поражение на всех путях своих. Живя в теле, они уже мертвы душой и еще при жизни испытывают геенские муки: одиночество, мрачное уныние, тоску, злобу, ненависть, бесплодие, мрак и отчаяние.

СИМПТОМЫ И РАЗВИТИЕ БОЛЕЗНИ

Грех гордости по своему развитию имеет несколько стадий, и начинается он с тщеславия. Симптомы тщеславия: жажда похвал; нетерпение обличений, вразумлений и упреков; мнительность, подозрительность, злопамятство, осуждение других, трудности просить прощения, искание легких путей; постоянная игра, как на сцене, в присутствии посторонних, с целью показать себя с благочестивой стороны, тщательно скрывая свои страсти и пороки.

Человек перестает видеть свои грехи, не замечает своих недостатков, начинает умалять (уменьшать) свою вину или вовсе отрицать ее, а иногда даже слагает ее на других. Знания же свои, опыт, способности и добродетели начинает преувеличивать и переоценивать. По мере развития болезни в своем мнении о себе он возрастает до великого, достойного славы. Поэтому болезнь эта так и называется: манией величия. В таком состоянии человек не только осуждает других, но начинает даже презирать и гнушаться ими и даже делает им зло. Избави нас, Господи, от этого!

А когда больному кажется, что его никто не понимает, никто не любит, но все преследуют его и хотят сделать ему зло, тогда болезнь эта именуется манией преследования.

Мания величия и мания преследования — самые распространенные формы душевной болезни. Эти болезни

связаны с повышенным самоощущением, самоценом, когда преувеличенное чувство собственного достоинства вызывает презрение и враждебное отношение к людям.

Гордец всегда недоволен окружающими людьми и условиями своей жизни, поэтому он и доходит иногда до отчаяния, богохульства, прелести (всецелое подчинение человека внушениям злой силы. — *Примеч. ред.*), а иногда и самоубийства.

В начальной стадии гордость трудно бывает распознать. Только опытный духовник или психолог могут безошибочно определить зарождение этой страсти. Человек ведет себя как будто нормально, но опытный глаз усматривает в нем начало болезни. Человек доволен собой. У него хорошее настроение: он напевает, улыбается, даже часто смеется и порой без причины громко хохочет; оригинальничает, острит; делает разные приемы, чтобы обратить на себя внимание присутствующих; любит много говорить, и в его разговоре слышится бесконечное «Я», но от одного неодобрительного слова настроение его быстро меняется, и он делается вялым, а от похвалы снова расцветает, как «майская роза», и начинает порхать, как мотылек. Но, в общем, в этой стадии настроение у него остается светлым.

Далее, если человек не приходит в сознание своей греховности, не кается и не исправляется, то болезнь развивается и обостряется.

У человека появляется искренняя уверенность в своем превосходстве над другими. Эта уверенность быстро переходит в страсть командования, и он начинает распоряжаться чужим вниманием, чужим временем и чужими силами по своему усмотрению. Он становится нагл и нахален: за все берется, даже если портит дело, во все вмешивается, даже в чужие семьи. В этой стадии настроение гордого человека портится, потому что он часто встречает отпор окружающих. Постепенно он становится все более и более раздражительным, упрямым, сварливым, несносным для всех. Естественно, его

начинают избегать, но он убежден в своей правоте и считает, что его просто никто не хочет понять, поэтому порывает со всеми. Злоба и ненависть, презрение и надменность поселяются и утверждаются в его сердце. Душа становится темной и холодной, ум помрачается, и человек выходит из всякого повиновения. Его цель — вести свою линию, посрамить, поразить других и доказать свою «правоту». Вот такие-то гордецы и создают расколы и ереси.

В следующей стадии развития болезни человек разрывает и с Богом... Все, что он имеет, в том числе способности и некоторые добродетели, все это он приписывает себе. Он уверен, что жизнь свою может устроить без посторонней помощи и может сам приобрести все нужное для жизни. Он чувствует себя богатырем даже при слабом здоровье. Превозносится своею «мудростью», своими познаниями и гордится всем, что имеет. Молитва же его становится неискренней, холодной, без сокрушения сердечного, а потом он и вовсе перестает молиться. Состояние души его становится невыразимо мрачным и беспросветным, но вместе с тем он искренне убежден в правоте своего пути и с поспешностью продолжает идти к своей погибели.

КАК РАСПОЗНАТЬ В СЕБЕ ГОРДОСТЬ?

На вопрос: «Как распознать в себе гордость?» — Иаков, архиепископ Нижегородский, пишет следующее: «Чтобы понять, ощутить ее, замечай, как ты будешь себя чувствовать, когда окружающие тебя сделают что-либо не по-твоему, вопреки твоей воле. Если в тебе рождается прежде всего не мысль кротко исправить ошибку, другими допущенную, а неудовольствие и гневливость, то знай, что ты горд, и горд глубоко. Если и малейшие неуспехи в твоих делах тебя опечаливают и наводят скуку и тягость, так что и мысль о Промысле Божием, участвующем в делах наших, тебя не веселит, то знай, что ты горд, и горд глубоко. Если ты горяч к собственным

нуждам и холоден к нуждам других, то знай, что ты горд, и горд глубоко. Если при виде неблагополучия других, хотя бы то врагов твоих, тебе весело, а при виде неожиданного счастья ближних твоих грустно, то знай, что ты горд, и горд глубоко. Если для тебя оскорбительны и скромные замечания о твоих недостатках, а похвалы о небывалых в тебе достоинствах для тебя приятны, восхитительны, то знай, что ты горд, и горд глубоко».

Что еще можно добавить к этим признакам для распознания в себе гордости? Разве только то, что если на человека нападает страх, то это тоже признак гордости. Святой Иоанн Лествичник пишет об этом так: «Гордая душа есть раба страха; уповая на себя, она боится слабого звука тварей и самих теней. Страшливые часто лишаются ума, и по справедливости. Ибо праведно Господь оставляет гордых, чтобы и прочих научить не возноситься». И еще он же пишет: «Образ крайней гордости состоит в том, что человек ради славы лицемерно показывает добродетели, каких в нем нет».

ДИАВОЛЬСКИЕ ИСКУШЕНИЯ

Человеческая природа склонна как к хорошему, так и к худому. Она удобоприемлема и для добра, и для зла; и для Божией благодати, и для злой силы. Господь не насилует свободу человека, не приневоливает ее к добру, а только кротко возвещает душе о Себе и призывает ее на путь спасения. Душа же по своему произволению и по своей наклонности делает выбор: или — или... Жить с Богом по Его святой воле — или жить по своей воле, не задумываясь о последствиях.

О тех людях, которые живут только по своей воле и удовлетворяют своим страстям, говорить много не приходится, потому что своя воля — адское семя, она низводит душу во ад. А вот о тех людях, которые стараются познать волю Божию и следовать ей, о них можно и нужно говорить много, чтобы помочь им в этом благом деле.

Не думай, друг мой, что гордость — это такая страсть, такая душевная болезнь, которая приводит к физиологическим и патологическим изменениям в организме человека и потому присуща только некоторым. Этим недугом заражено, можно сказать, все человечество, за исключением немногих истинно смиренных. Но болезнь эта бывает в разных стадиях, к тому же часто скрывается под покровом напускного, лицемерного смирения, поэтому проявляется она не в полной мере и часто недооценивается.

Враг рода человеческого всегда побуждает нас к разным грехам и преступлениям. Он хитер, коварен и жесток. Хорошо знает он склонности каждого из нас и искусно нападает на слабую сторону, особенно того, в ком нет твердой воли.

Нет ничего удивительного в том, что диавол с легкостью повергает человека в гордость. Ведь душа наша создана по образу и по подобию Божию чистой, светлой, благоухающей добродетелями. И по природе своей душа стремится ко всему хорошему, благородному, возвышенному. Ей хочется всегда быть в ряду первых. Хочется как можно скорее достичь совершенства, блаженства! Ну скажи, друг мой, разве не похвальны эти порывы души? Разумеется, похвальны!

Но... Бедная неопытная душа не успеет опомниться, как с первых же шагов попадает в коварные сети лукавого. И чем более она будет стремиться к первенству, к совершенству (по ее понятиям мирским), чем более будет преуспевать... увы! — даже в добродетели, — тем более и более будет запутываться в сетях вражиих по своей неопытности, без духовного руководителя, без духовного отца.

Дело в том, что злая сила обманывает человека, внушая ему извращенное понятие о блаженстве. Она предлагает ему «блаженство» временное, земное, помогает ему преуспевать в достижении такого блаженства и коварно скрывает от человека, что спасение его и настоящее, истинное блаженство,

Отец Савва в пещерном храме Воскресения Христова
Псково-Печерского монастыря

вечное — обратно пропорционально «блаженству» земному, быстро преходящему. Если бы все это знали и со всей серьезностью хорошо уяснили бы себе это, то злая сила оказалась бы бессильной в своем коварстве и не смогла бы внушить людям горделивый помысл даже за их бесчисленные добрые дела. Каждый искренно сказал бы сам себе:

— Чем могу хвалиться? Разве только немощами да пороками. А что хорошее имею, так это все от Бога! — и своим смирением отогнал бы злую силу.

Но беда в том, что человек охотнее и с большим вниманием прислушивается к голосу врага своего, нежели к голосу своего Спасителя.

Тесный, тернистый и тяжелый путь смиренного христианина, он требует жертвы... требует самоотречения во имя любви к Богу и к ближнему, и на этом пути его встречают постоянные искушения от диавола. Нужна большая сила воли, чтобы не поддаться соблазну, не устрашиться искушений, борьбы со злою силой.

Широкий, гладкий и легкий путь человека (я не называю его христианином), который живет по воле диавола, идет на зов своих страстей и исполняет их прихоти. Внешне этот путь усеян розами, но... надолго ли?

Вот перед нами характерный пример — гордец. Злой дух был невидимым спутником его и помогал ему брать от жизни все, что смертный человек может взять, чем может насытиться и пресытиться, гоняясь за призрачным счастьем. Молодость, здоровье, красота, богатство, честь и слава, головокружительные успехи, дарования, таланты — все предоставил ему лукавый невидимый спутник, лишь бы укоренить в нем самую пагубную страсть — гордость. Беспечный человек с легкостью катился по наклонной широкой дороге, наслаждался мишурой счастья и незаметно для себя оказался на краю пропасти... Он стал невыносим для окружающих, и его стали избегать. Перестали проявлять интерес к его личности, перестали восхищаться его способностями, талантом, и он возненавидел всех. Тьма кро-

мешная охватывает все его существо, ум помрачается, и он доходит до сумасшествия. Цель жизни потеряна, остается единственная отрада — прекращение мук, забвение всего... Диавол радуется! Еще одна жертва — несчастный самоубийца, который становится вечным его достоянием.

Вот к какому печальному концу приводит гордость. Для примера я взял крайнюю степень, но в любой степени развития этой страшной болезни может ли быть по-настоящему истинно счастливым человек, которого не любят ни Бог, ни люди? Ответ напрашивается сам собой.

А смиренный человек приходит к блаженному концу: к вечной радости, к вечному блаженству. Да, откровенно говоря, так ли уж тяжел и труден путь простого смертного христианина, не связанного обетами общественного служения народу? Только самое начало пути бывает болезненным для смиренного, а потом от упражнений добродетель входит в привычку и смиренный человек уже перестает ощущать тяжесть от искушений диавольских, наоборот, он более ощущает радости от каждой победы над собой. А когда он окончательно утвердится в этой добродетели, тогда злая сила уже не смеет приблизиться к нему, потому что смирение опаляет бесов и изгоняет их.

Тогда диавол старается искушать его во сне, через людей, но и в этом он мало преуспевает, потому что истинно смиренный человек приятен каждому и все его любят. Козни диавола распознаются людьми, и благочестивые христиане не идут на грех, не восстают на праведника.

А какая неземная радость преисполняет душу смиренного человека! Сколько духовных утешений! Какая реальная близость и общение с Господом! Думаю, и ты согласишься, друг мой, ради такого реального неземного счастья всем поклониться, всех утешить, всем послужить, быть последним рабом у всех без разбора.

Искушения нам бывают на пользу. Они испытывают, очищают и просвещают душу и показывают, насколько сильна наша вера, поэтому не надо отчаиваться, когда приходят искушения, а надо мужественно бороться с ними и, самое главное, не допускать помысла: «Я лучше других». Наоборот, надо до кровавого пота нудить себя к мысли: «Я хуже всех» — и стараться находить в себе то, что подтверждало бы эти мысли. Только никогда не забывай, мой друг, что, сколько бы ни встретилось на пути твоем неприятностей и искушений, их надо всегда принимать за знак испытания, а не за знак отвержения. На этом претыкаются многие христиане, оттого и впадают в отчаяние, почитая себя отверженными.

Искушение есть путь, ведущий к познанию Бога. Всякие бедствия, скорби и искушения сокрушают нашу душу. Но в утешение скорбящим Христос говорит: «С ним Я в скорби; избавлю его и прославлю его... и явлю ему спасение Мое» (Пс 90, 15, 16).

В искушениях мы лучше и яснее познаем, что не кто-либо другой, а именно Господь (и Его Пречистая Матерь) печали наши утоляет, болезни врачует, в бедности помогает и обогащает, от смерти избавляет; познаем также, что Он — единственный источник нашей жизни, нашего спасения, нашего счастья, поэтому мы должны радоваться всяким скорбям, всяким искушениям, а не унывать и не отчаиваться.

Когда душу твою будет обуревать уныние или отчаяние, читай такие молитвы:

1. Всуе ты трудишься во мне, падший архистратиг. Я раб Господа Иисуса Христа. Ты, превознесенная гордыня, унижаешь себя, так усиленно борясь со мною, слабым.

2. Что тебе, отчужденный от Бога, беглец с неба и раб лукавый? Ты не смеешь сделать нам ничего. Христос, Сын Божий, власть имеет над нами и над всем. Ему согрешили мы. Ему и оправдаемся. А ты, пагубный, удались от нас. Укрепляемые честным Его Крестом, мы попираем твою змеиную главу. Аминь.

ПРИМЕРЫ ИСКУШЕНИЙ ИЗ ЖИЗНИ ЧАД

Иногда приходится удивляться хитрости и тонкости вражиих искушений. Помнишь ли, друг мой, как ты вызвал однажды на соревнование по послушанию своего друга А.? Ух, с каким восторгом ты тогда приехал! Ведь ты же опередил его!.. Но я сразу почувствовал, что это не к добру ведет. Наводящий вопрос подтвердил мои опасения: ты радовался тогда не как сеятель добрых дел, а как победитель своего соперника.

Помнишь, как ты обиделся на меня, когда я совсем отстранил тебя от послушания? Гром и молния! Давно это было... Теперь ты совсем другой, а тогда этот метод духовного воспитания для тебя был крайне необходим.

Очень важно не упустить момента зарождения гордости. Вот я тогда подумал: если сейчас не схватить гордишку за голову, то потом уж не удастся — руку отгрызет! Теперь-то ты благодарен, разумеется, а тогда у-ух, как воевал...

Ни на одну страсть так болезненно не реагируют чада, как на гордость и тщеславие. Обличение в этом грехе принимают за личное оскорбление и обижаются, поэтому приходится умудряться и опытом жизни проводить свою линию, то есть без объяснения причин приводить к смирению. Приходится отстранять от человека то, что питает страсть гордости. Со временем человек понимает, что к чему и отчего.

Один из моих духовных чад К. Н. рассказал о себе печальную повесть, как злая сила повергла его в гордость и как Ангел Хранитель первоначально помогал ему распознавать козни вражии.

На работе он занимал ответственную должность и по долгу службы общался с большими учеными. Однажды профессор говорит:

— Вот если бы наука открыла, какие процессы происходят в том-то и том-то, то можно было бы сделать то-то и то-то... Была бы колоссальная экономия электроэнергии!

К. Н. отвечает ему:

— Происходит там вот что... — и бессознательно, как во сне, говорит, говорит ему, а сам с ужасом думает: «Так я, оказывается, одержимый! Кто во мне говорит? И что говорит? Теперь все узнают, что я душевнобольной... Как отнесется к этому начальство? Уволят!»

Стыдно ему стало за себя и страшно, хочет остановиться и не может. Даже такое сказал:

— Все это вы можете проверить такими опытами... Сами убедитесь!

А через месяц, когда слова его подтвердились, тогда прославили и вознесли его так, что пять лет он жил в постоянном страхе за себя.

С самыми сложными вопросами обращались к К. Н. Он имел такую ясность ума, что вначале сам удивлялся и страшился, а потом привык и через пять лет незаметно для себя согласился с горделивым помыслом, приписал себе славу, и с этого времени началось его падение.

Он стал возноситься над другими, удивлялся «тупости» ученых мужей и администраторов, а иногда проскальзывало и чувство презрения, отвращения, брезгливости. В человеке он перестал видеть образ Божий, появилось обостренное чувство несправедливости, стал остро подмечать недостатки окружающих и возмущаться их «недостойным» поведением. На фоне «порочных» людей ясно видел свое превосходство и «исправность» жизни и, как фарисей, постоянно возносился над ними.

В его представлении люди разделялись на две категории: хорошие и плохие. «Плохих» людей он избегал и отворачивался от них. С хорошими же он был ласков, вежлив, обходителен, внимателен и как родной отец или брат заботился о них. Он их любил, они его любили, и среди них, как говорится, была тишь, и гладь, и Божия благодать. Настроение у него было всегда приподнятое, ему было весело и хорошо.

Притаившийся враг хитро вел его все дальше и дальше, предвкушая победу. Гордость развивалась

в нем с головокружительной быстротой. Он почувствовал в себе способность наставлять других, вести ко спасению. И вот тут-то случилось с ним нечто такое, отчего он впал в страшное, мрачное, безысходное отчаяние.

Внезапно диавол обрушился на него с двух сторон: открыл ему глубину его гордости и разжег его плотскою страстью. Другие пять лет враг томил его хульными и блудными помыслами.

— Как знать, — закончил свой рассказ К. Н., — чем бы все это кончилось, если бы на своем пути я не встретил духовного отца. Думаю, не избежать бы мне адских мучений. Но Милосердный Господь, не хотя смерти грешника, сжалился надо мной, указав мне духовный путь, как якорь спасения. Помогите же мне избавиться от гордости! О, как я боюсь этой страсти! Ведь можно возгордиться, подумав: «Я смиренный».

Видишь, друг мой, какой Господь Любвеобильный! Он попустил ему впасть в тяжкие грехи, но это послужило ему средством к приобретению смирения. Говорят: «Не познавший горькое — не оценит сладкое». И еще так говорят: «Не было бы счастья — несчастье помогло». К нему очень подходят эти поговорки. Теперь-то уж, конечно, он будет осторожнее в оценке себя.

Искренно тебе скажу, друг мой, радостно бывает на душе, когда видишь, что Господь ведет таким путем, то есть когда грешник приходит к покаянию через скорби. Пережитые искушения, как крепкая стена, ограждают христианина от новых вражьих искушений, особенно самоцена. А это главное.

Некоторые, наверное, думают: — У-у, какой батюшка жестокий!

Вот, например, приехали однажды чада-молодожены. Муж жалуется в присутствии жены, говорит:

— Отец, никак ей не угодить! Гордая, капризная, сварливая, все ей не так, все нехорошо. Заставляет все делать по-своему, со мной не считается, ни в чем не соглашается, наводит на грех... Что делать?

— Жену люби как душу, — говорю ему, — но тряси ее как грушу, когда она отводит от благочестия. Делай вот так и так... Обиделась на меня она и, наверное, подумала: «Ну и батюшка!.. Какой!»

А вот и приходится быть таким, чтобы потом была всем радость и земная и небесная.

Для назидания расскажу тебе еще случай из жизни чад, как враг разжег двух девиц ненавистью друг к другу и как они победили врага тем, что стали целовать свой крестик.

Вначале эти девицы, Е. и М., были большими друзьями и жили, как говорится, душа в душу. Но хитрый и лукавый враг позавидовал такой дружбе и стал в душе их производить смуту. Одна говорит другой:

— Ты гордая!

А другая в ответ говорит:

— А ты вовсе превознесенная гордыня!

Ну и, разумеется, вражда. Все пошло колесом. Краски поблекли, все стало представляться в ином свете. Слова друг друга стали пониматься в превратном смысле. Каждая из них думала: «Вот как можно ошибиться в человеке! Считала, что лучше ее нет никого на свете». Стали усиленно избегать друг друга, насколько это было возможно при совместном послушании. И вот пишут, одна и другая: «Батюшка, что делать? Погибаем! Разъедините нас».

Спрашиваю у М.:

— Ты крестик целуешь за Е.?

— Нет.

— А почему? Разве ты не знаешь, что надо целовать крестик свой за того, кто нам в тягость?

— Простите, батюшка, забываю.

— Вот, — говорю, — злая сила и воспользовалась вашим нерадением и крутит вами. Целуй крестик за Е. по пять раз утром и вечером, молись и искренно желай ей спасения. Е. тоже так будет делать. Тогда врага победите, и у вас опять будет мир и любовь.

Стали они приневоливать себя крестик целовать и молиться друг за друга, а потом М. рассказывает:

— Вижу, как Е. плачет, и мне делается ее так жалко! Думаю: «Ведь это я ее мучаю. Я хуже зверя», — и сама заливаюсь слезами. Смотрю только на нее и плачу, а сказать не смею — стыжусь. Думаю, что не поверит, скажет: «Лицемерка!» Молчу. Проходит неделя, другая... Молчим, иногда плачем, особенно в храме, и украдкой посматриваем друг на друга. Однажды я уловила ее взгляд. В нем было столько сострадания, такая любовь, что я не удержалась и бросилась ей на шею с рыданием:

— Сестричка, милая, прости меня ради Христа! Я люблю тебя искренно, глубоко... Что было со мной, я и сама не знаю. Верь мне, я говорю искренно!

Она душит меня в своих объятиях, целует-целует без конца и потом с сияющим взглядом говорит:

— Верю, верю, сестричка! Я потому и плакала, что видела, как ты мучаешься из-за меня... Какие же мы, взрослые, глупые — хуже детей!

После этого случая они стали любить друг друга еще сильней. Приятно смотреть на них. Всегда спокойные, энергичные, заботливые. И труд у них стал спориться.

Вот видишь, Д., что делает животворящий Крест Господень! Гордость, как говорится, только на свет народилась, а они тут же ее приглушили. Понудили себя, помучились, зато теперь обеим хорошо. А если бы разошлись, то грех в них так бы и продолжал скрытно жить и развиваться и время от времени мучил бы их. Они остались бы с плохим мнением друг о друге и новый грех приложили бы к своим прежним грехам. А теперь они на факте убедились, что если человек не борется со злой силой, то он сам становится злым. Избави Господи!

Вот как полезны искушения, как полезна борьба с ними! Через искушения человек себя познает, а когда крестик целует — тогда козни врага видит, поэтому от каждого искушения становится все опытнее и опытнее. Только не надо забывать крестик целовать и молиться за тех, кто нам в тягость, и тогда все будет хорошо, враг ничего не сможет сделать.

УНЫНИЕ И ОТЧАЯНИЕ

Гордость — это самый лютый, самый жестокий враг из всех наших врагов невидимых. Помимо всех несчастий, она рождает хулу на Бога и повергает душу в уныние и отчаяние. Хульные помыслы обычно стыдятся исповедать духовному отцу, утаивают их и носят в сердце своем целыми десятилетиями. Это многих повергает в отчаяние и безнадежность. Но именно в этом и заключается ошибка христианина. Уныние, и тем более отчаяние, есть признак малодушия, признак того, что душа неопытна в духовной жизни, в духовной брани; признак того, что человек не знает или забывает о том, сколь милосерд и любвеобилен Господь. Не дай Бог поддаться духу уныния! От уныния до отчаяния один шаг. Избави Господи!

Никогда не забывай, что злая сила, когда приводит душу ко греху, тогда показывает ей Божеское милосердие и снисхождение, а когда человек впадает в грех, тогда запугивает его строгостью и правосудием Божиим, чтобы ввергнуть в отчаяние и беспрерывную печаль. А ты знай его хитрость и делай наоборот: когда представится случай ко греху, сразу вспомни о правосудии Божием и о строгости наказания, а когда согрешишь, тогда скорее кайся, помышляя о милосердии Божием, но только не отчаивайся.

Мужественные и твердые духом не отчаиваются в искушениях, каковы бы они ни были, но мужественно борются с ними или терпеливо ожидают конца их и только усиливают молитвы, чаще читают книги житий и поучений святых отцов, чаще ходят в церковь, исповедуют свои грехи и причащаются Святых Христовых Таин. В этом случае диавол скоро оставляет подвижника, и искушение проходит. Так и ты делай. И будь уверен, что Господь простит тебе всякий грех, только не унывай, а чистосердечно раскаивайся в нем. Нам ли, христианам, отчаиваться? Каждый из нас должен хорошо-хорошо уяснить себе такую истину, что если бы Правосудию

Божию потребовалась вторая Крестная Жертва для спасения единого грешника, то Христос с радостью и любовью восшел бы опять на Крест, чтобы избавить этого грешника от мук, и перенес бы за него лютейшие страдания и муки.

Ты думаешь, это преувеличение? Нет, мой друг! Размысли сам... Представь, как нам бывает тяжело в присутствии человека, который и одет в зловонную, отвратительную одежду, и сам такой грязный, что прикоснуться к нему страшно. Даже когда он на расстоянии от нас — и то вызывает в нас неприятное ощущение брезгливости. И даже когда близкий, любимый родственник (ну, например, супруга, родители, дети) обнимает, целует, а изо рта у него исходит ужасный запах... Ух, как неприятно! Затаиваешь дыхание, чтобы не обонять зловоние. Так и хочется скорее оттолкнуть такого человека, скорее освободиться от его присутствия, чтобы он не портил настроение, чтобы легче можно было вздохнуть без него.

А ведь перед Святейшим и Чистейшим Господом мы еще более грязны и зловонны, но Он нас не отталкивает, а наоборот. Сам призывает нас к самому близкому и тесному общению с Собою, предлагая Себя в снедь в Пречистых Тайнах. Грехи наши прощает, которые мы исповедуем; очищает и убеляет душу, а те грехи, которые остаются на душе нераскаянными по забвению и смердят своим зловонием, Господь терпит... Да, да! Мучается, задыхается, но терпит.

Всякий грех, как гвоздь, как удар молота, вторично пригвождает Его ко Кресту, увеличивает страдания, но Он терпит, Он любит... Он ждет, когда Его подвиг наконец поразит наше сердце ответной любовью... хотя бы только состраданием, чтобы мы уж если не ради любви, то хоть ради жалости к Нему перестали мучить Его своими грехами для своего же блага, для своего же спасения.

Мы его огорчаем, распинаем, а Он терпеливо ждет, когда же мы опомнимся наконец! Мы всю жизнь мучаем

Его, а Он готовит нам райскую обитель в Царстве Своем, ожидая нашего исправления хотя бы при конце жизни...

Что можно еще сказать? Чем можно дополнить эту яркую, животрепещущую картину?..

Радуйся, что для смирения твоего Господь попустил тебе познать горечь греха и не припомнит тебе его, если после покаяния не возвратишься к нему опять. Теперь ты, умудренный опытом жизни, с большим чувством, с большей любовью будешь благодарить Бога за избавление от греха, а память греха и смерти будет держать тебя в постоянном спасительном чувстве смирения и кротости.

ПОДРАЖАНИЕ ИИСУСУ ХРИСТУ В ПЕРЕНЕСЕНИИ ИСКУШЕНИЙ

Нам очень полезно подвергаться искушениям, чтобы в добродетели стать совершенными. Спаситель наш Иисус Христос тоже перенес в пустыне искушения от диавола, чтобы показать нам пример, как мужественно мы должны встречать и побеждать всякие искушения. Спаситель сначала во ад сошел, а потом уже на небо, так и благочестивая душа прежде низводится во ад искушений, а потом уже возводится в небесную славу. Не может душа достигнуть Царства Небесного, пока не одержит победу над миром, плотью и диаволом.

Пока страсть (грех) живет в человеке, он не может быть свободным от искушений. Сердце его — как котел с кипящей зловонной жидкостью. То зависть кипит в нем, то ревность, то ненависть, то гордость обуревает и мучает человека. Легко живется бесам с такими послушными им грешниками! Работы мало... Зато с бесстрастными им тяжело. Распознают все их козни, не идут на их удочку, на их приманку, да еще и других учат так бороться со злой силой. Ох, и мстят же им бесы!.. Все зло свое выливают на праведников.

Сами боятся приблизиться к праведнику, поэтому всякими кознями, хитростью и обманом пытаются подвигнуть на брань против него знакомых и даже род-

ственников. И если человек не бдительный, рассеянный, нерадивый, если он не прислушивается к голосу Божию и к голосу своей совести, то он легко попадает в сети лукавого и начинает восставать на праведника. Гонимый праведник мог бы молитвой своей низвести огонь с неба и умертвить нечестивца, который оказался во власти сатаны, но... как истинный последователь и ученик Христов, он любит гонителя своего, молится о его спасении, терпит и ждет, когда же несчастный грешник распознает наконец козни диавола и обратится к Богу с покаянием, а у него попросит прощения. В этом сила праведника, что он любит... терпит... ждет. Поэтому он и праведник, поэтому Господь ему во всем помогает, посылает ему сугубую благодать, особые дары Святого Духа, что он идет по стопам Христа Спасителя.

Так и ты, друг мой, подражай Господу нашему Иисусу Христу. Люби всех, терпи от всех, твори добро всем и жди конца искушений, а самое главное — живи не по своей воле, а по воле Божией, и скоро узришь милость Его.

КРАТКОЕ ВРАЗУМЛЕНИЕ

Признаюсь, дорогой друг, что некоторые места твоего письма меня настораживают. Ты, надеюсь, догадываешься, что я имею в виду. Хочу предупредить тебя, чтобы ты подавлял в себе сознание, будто ты преуспел. Такие помыслы крайне опасны. Не забывай, что когда у смиренного человека умножаются добродетели, то этому радуются святые Ангелы, потому что добродетели ведут ко спасению, а когда у тщеславного человека умножаются добродетели, то этому радуются бесы, потому что тщеславие быстрее перейдет в гордость и погубит душу. А для тебя, обладающего таким талантом, эта опасность, как говорится, возводится в квадрат. Сам не заметишь, как начнет развиваться гордость. А талантливому, одаренному гордецу бороться со своей страстью труднее, чем кому бы то ни было.

Он допускает мысль, что по зависти обличают его в гордости, и не исправляется.

А ведь по сути дела всем талантливым и способным, умным и одаренным, так же, как богатым и сильным мира сего, надо не гордиться, а страшиться предстать пред Богом без преумножения своих талантов. Ведь «кому дано много, (от того) много и потребуется» (Лк 12, 48).

Советую, друг мой, затаив дыхание, забыв весь мир и себя, внимательно прислушиваться к кроткому, нежному, ласковому голосу Спасителя нашего, Который с любовью всем говорит: «Смирись, как Я смирился; возлюби всех, даже врагов, как Я возлюбил; твори добро, будь милосерд, как Я. Бери с Меня пример, следуй за Мной». Да, друг мой, при желании можно услышать голос Божий, втайне говорящий душе, если постоянно упражняться в этом. У тебя уже есть некоторый опыт и даже успехи, чему я искренно радуюсь. Помогай Бог!

Конечно, жить от старца на таком расстоянии и в таких условиях труднее, но видишь, как Сам Господь помогает тебе! Этим и вера укрепляется. А своим помыслам ты не придавай такого серьезного значения (имею в виду хульные). Ведь ты же говоришь им: «Не соизволяю!» — и не останавливаешься на них, не разбираешь их, значит, и греха нет. Тебя смущает их назойливость, а ты не смущайся и не отчаивайся. Знай, что они могут тревожить душу до последней минуты жизни, но душе не повредят, если не ослабишь бдительность. Воспринимай их как лай собак: побрешут и отбегут. А вообще-то говоря, будь всегда на страже... Видишь, сколько лет приступал лукавый к К. Н. с тщеславными помыслами? И все-таки достиг того, что внушил и укрепил в нем помыслы самоцена, а потом поверг в отчаяние.

Не зевай! Злая сила не дремлет, следи за собой строго. Когда помыслы начнут ублажать тебя, советую упражняться в таких словах: — «я хорошо знаю только одно, что ничего не знаю, ничего не имею, ни к чему не способен, кроме зла. Хорошее во мне от Бога, Ему и слава подобает!» И этим победишь себя, смиришься. <...>

Смирение

СУЩНОСТЬ СМИРЕНИЯ И ЕГО ПЛОДЫ

Дорогой друг мой Д.! Ты спрашиваешь: «Что такое смирение?» На этот вопрос святые отцы не дали единого и точного определения, но сущность его заключается в искреннем признании себя из всех самым последним и самым грешным, в забвении своих добрых дел и в познании своих грехов, своей немощи и бессилия.

Святой Иоанн Лествичник смирению дает такое определение: «Смирение есть не имеющая имени благодать в душе, теми только именуемая, которые изведали ее опытом. Это — неизреченное богатство, Божие именование и подаяние». Эти слова означают, что смирению нельзя дать твердого, конкретного определения, потому что оно Божие именование.

Святые отцы дают разное определение смирению. Так, например, преподобный Исаак Сириянин пишет: «Смирение есть одеяние Божества: в него облеклось вочеловечившееся Слово и через него приобщилось нам в теле нашем. И всякий, облеченный в смирение, уподобляется Нисшедшему с высоты Своей... Смирение есть некая таинственная сила, которую по совершении всего Божественного жития воспринимают совершенно святые. И не иначе, как только одним совершенным в добродетели сила эта дается силою благодати, поскольку они естеством могут принять ее по определению Божию, потому что добродетель эта заключает в себе все. Как тень следует за телом, так и милость Божия за смирением».

Старец Силуан, при жизни видевший Господа, пишет: «Когда душа увидит Господа, как Он кроток и смирен, тогда она сама смиряется до конца...»

В смирении Христовом заключены все добродетели. Чем больше человек смиряет себя, тем больший дар получает от Бога. За один смиренный помысл возвращается благодать.

Святые отцы пишут: «Не великое дело — творить чудеса; не великое дело — видеть Ангелов; великое дело — видеть собственные грехи свои. Восчувствовавший свой грех выше того, кто молитвою своею воскрешает мертвых».

Глубокая нищета духа заменяет собой все телесные подвиги (пост, поклоны, длительные молитвословия), если христианин по немощи тела не может их выполнять.

Епископ Феофан Затворник пишет: «Преуспеяние в духовной жизни означается все большим и большим сознанием своей негодности». Но от сознания своего негожества человек не должен падать духом, тяготиться и унывать.

Христос говорит: «Приидите... и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф 11, 28–29). Смиренный человек легко приобретает все другие добродетели, а без смирения святость переходит в прелесть и все подвиги совершаются ради тщеславия. Избави Господи!

Сущность гордости — замкнуться для Бога, а сущность смирения — дать Богу жить в себе. Это значит — прислушиваться к голосу Божию и исполнять Его святую волю.

Что соль для пищи, то смирение для добродетели. Смирение и одно может ввести нас в Царство Небесное, хотя и медленно, а добрые дела без смирения не спасают душу, а дарования без смирения могут даже погубить ее. Преподобный Исаак Сириянин пишет: «Дарование без искушения — погибель для приемлющих его. Если делаешь доброе пред Богом и Он дает тебе дарование, умоли Его дать тебе познание, сколько подобает для тебя смириться, или взять у тебя дарование, чтобы оно не было для тебя причиной погибели. Ибо не для всех безвредно хранить богатство». Святые отцы прямо говорили, что если в человеке не будет крайнего смирения, то есть смирения всем сердцем, всем умом, всем духом, всею душою и телом, то Царствия Божия он не наследует.

Злую силу смирение опаляет, как огнем. Оно так же ненавистно лукавому, как и Крест Господень, поэтому

смиренный человек совершенно свободен от власти злой силы и в сердце его всегда царят мир, радость и покой. Молится он чистой духовной молитвой без мечтательности и развлечения. Душа получает свое совершенство во Христе, а не в самой себе, поэтому смиренный человек радуется своей немощи и не хочет перед людьми казаться великим, наоборот, он хочет, чтобы все видели его убожество и ничтожество.

Архиепископ Арсений так пишет о смирении: «Возлюби смирение, ибо посмотри, как оно велико. Смирение привлекает благодать Божию. Смирение убивает гнев и раздражительность. Смирение избавляет душу от всякой страсти и всякого искушения. Смирение дает возможность спокойно переносить скорби и несчастья. Смирение облегчает самые тяжелые труды. Смирение возгревает молитвенный дар. Смирение предохраняет от нравственного падения и воздвигает от падения тех, кои имели несчастье пасть. Смирение ведет к покаянию. Смирение — это корень для духовного преуспеяния: оно воодушевляет к добродетели и умножает ее. Смирение располагает к тебе людей. Смирение разрушает самомнение, тщеславие и бесовскую прелесть. Смирение порождает все дары Святаго Духа: духовную опытность, мудрость, воздержание, терпение, любовь, благоразумие, обходительность, искренность, чистосердечие, милосердие. Смирение наполняет душу радостью и покоем о Господе».

Вот как дорого и ценно смирение. Будем же, друг мой, прилагать все усилия, чтобы приобрести это сокровище, а самое главное, будем просить у Господа, чтобы Он даровал нам эту добродетель.

ПРИЗНАКИ СМИРЕНИЯ

Как гордый человек не видит в себе гордости, так и смиренный человек не замечает своего смирения, и даже более того: чем больше добродетелей приобретает смиренный человек, тем больше он смиряется,

тем худшим и ничтожнейшим видит себя в собственном мнении. Святые отцы это объясняют тем, что чем больше добродетелей приобретает душа, тем она чище становится и тем больше света в ней, поэтому духовными очами душа видит в себе при Божественном свете самые малые и ничтожные грехи, как телесными очами в ярких лучах солнца замечают мельчайшие соринки и пыль. Но поскольку чем чище и светлее душа, тем она ближе к Богу, то ей страшно становится за себя, за свое недостоинство. Она жаждет еще большей близости и общения с Богом и потому скорбит, что грехи ее (эта пыль и соринки) отдаляют от Бога, и душа казнит себя постоянным, непрерывным покаянием, пока наконец не приобретет мира и успокоения в Боге.

Смирение имеет несколько ступеней, которые легко определяются по осуждению других. На первой ступени смирения человек уже не судит других, как это делал он прежде, но не осуждает и себя, а на высшей ступени сам себя всегда осуждает, хотя и не заслуживает осуждения.

Признак смирения — это когда человек не только не хочет видеть чужих грехов, но и не может видеть их, потому что свои собственные грехи заслоняют чужие грехи и потому что при свете благодати он слишком ярко зрит Бога.

Признаки смирения — это когда человек постоянно укоряет себя за все свои даже самые малые грехи и погрешности, за леность и нерадение, за малодушие, маловерие и за все неблагочестивые и даже просто неблагоговейные чувства, слова и помыслы, за малейшее проявление раздражительности и неодобрения.

Признаки смирения — обильные слезы умиления и терпеливое, безропотное несение своего креста, укоризн, насмешек, поношений и прочее. Смиренный человек радуется поношениям и скорбит, когда его хвалят.

Ряд признаков совершенного смирения указывает епископ Вениамин (Милов): «На лице смиренного отблеск радости, незлобия и кротости. Он приветлив и ласков ко всем, неподражаемо прост и готов оказы-

вать всякие услуги и уважение окружающим. Кротость смиренного часто похожа на детскую нежную наивность... Кроткая любовь невинного привлекает к смиренному сердца окружающих. Все его взаимно любят, как Ангела, услаждаются его смиренномудрой беседой и радостно отвечают на его приветствия. К нему расположены даже своевольные люди за редкостное совмещение им в себе преизобильной любви, тихости, простоты и общедоступности.

Смиренный назидает окружающих с любовью, запрещает с тихостью и без конца долго терпит согрешающих в надежде на их исправление.

Благодаря обильному сиянию в душе смиренного невещественного света благодати, он ясно видит всегда свои недостатки и грехи. Самоукорению его и снисходительности к другим нет меры.

Он оправдывает, извиняет немощи окружающих безгранично, а о себе он говорит: «Грешником я засыпаю, грешником и пробуждаюсь»; как авва Сисой говорит: «Не знаю, начал ли я еще покаяние»; как преподобный Памва говорит: «Чувствую, что я и не начинал еще служить Богу»; как преподобный Силуан, ученик Пахомия Великого, говорит: «Я вижу неизменность моих грехов и готов отдать жизнь, только бы получить прощение...»

Смиренные не терпят никакого отличия себя от других, во власти своей над другими видят только знак «обязанности служить их спасению, ставят себя ниже подвластных во мнении о себе и обращении».

Преподобный Исаак Сириянин о признаках полноты смирения пишет так: «В смиренном никогда не бывает поспешности, торопливости, смущения, горячих и легких мыслей, но во всякое время пребывает он в покое. Ничего нет, что могло бы его изумить, привести в ужас, потому что ни в печалях не ужасается он и не изменяется, ни в веселии не приходит в удивление. Но все его веселие и радование о том, что угодно Владыке его.

Смиренный не смеет и Богу помолиться или просить чего-либо и не знает — о чем молиться, но только

молчит всеми своими чувствами, ожидая одной милости и того изволения, какое изыдет о нем от лица достопоклоняемого Величия... и осмеливается только так говорить и молиться: «По воле Твоей, Господи, да будет со мною».

«Где глубокое смирение, там и слезы обильные, — говорит преподобный Симеон Новый Богослов, — а где слезы, там и посещение Святого Духа. А в том, кто начинает быть под действием Его, появляется всякая чистота и святость, и он видит Бога, и Бог призирает на него...

Ведай, чадо, что Бог не благоволит так ни к посту, ни ко бдению, ни к другому какому телесному труду, ни к какому другому доброму делу и не являет Себя никому другому, как смиренной, непытливой и благой душе и сердцу».

П. Иванов о признаках смирения пишет так: «Никто не должен делать свыше своих сил, это не полезно. Но всегда должно быть недовольство своими делами. Постоянное сознание: мало, мало я делаю. Плох я, несовершенен. Это сознание и есть наша непрерывность в стремлении к Богу. Беспредельное совершенствование. Не видения и чудеса служат мерилом праведности, ибо видения и чудеса доступны также и демонам, — но смирение и послушание. Самая основа праведности заключается именно в сознании себя ничем: все Бог, без Него я ничто. Где же предел этому правдивому смирению? Его нет. Нет такого состояния праведности, когда бы мог человек остановиться в приятом сознании достигнутых результатов. Сколько бы ни сделал, все-таки должно считать себя грешнее всех людей. Всегда — как мытарь, а не как фарисей, никогда не обращать внимания на чужие грехи, а только на себя, на свои. Смирение говорит: все, что имеешь, это от Бога. Чем меньше будешь полагаться на свои силы (прося у Бога помощи), тем лучше. Христианский идеал — совершенный отказ от самого себя. Вручить себя, свою жизнь, всякое свое дело, каждую свою минуту Богу. Не мы делаем, а Бог через нас делает — вот христианское сознание, выше какого нет».

КАК ПРИОБРЕСТИ СМИРЕНИЕ

Иисус Христос сказал: «Приидите... и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф 11, 28–29). Вот основной путь к приобретению смирения — подражание Иисусу Христу. Значит, надо много и внимательно читать Евангелие, чтобы хорошо изучить каждый шаг земной жизни Иисуса Христа, чтобы легче было следовать за Ним.

Надо читать и жития святых. Они были подобные нам люди, но были кроткие и смиренные, подражали во всем Иисусу Христу и строго исполняли Его святой закон. За это Господь возвеличил их и сподобил в Царствии Небесном вечной радости, вечного блаженства. Вот и мы должны с них пример брать, чтобы и нам вместе с ними сподобиться славить Господа вовеки. Полезно читать житие любого святого, потому что каждый из них был смирен сердцем, но особенно полезно читать жития Христа ради юродивых. Такие книги надо не только читать, но и прорабатывать, чтобы ничего не пропустить незамеченным.

Для того чтобы приобрести смирение, надо постоянно иметь память смертную и память своих грехов, надо понуждать себя к постоянному и искреннему самоуничижению. Надо чаще говорить себе с болезненным сокрушением сердца: «Вот какой я грешный! Все спасутся, один я не спасусь по грехам моим». Так надо думать о себе, но не унывать и не отчаиваться, а полагаться на милость Божию, на крестные заслуги Иисуса Христа.

Без смирения нет спасения, ибо гордым Бог противится, поэтому для приобретения этой добродетели новоначальный инок или мирянин обязательно должен пройти суровую школу практических уроков: безропотное несение напраслин, насмешек, клеветы, укоризн, незаслуженных обличений, презорства (презрения. — *Примеч. ред.*) со стороны братии и ближних.

В монастырях новоначальным инокам вначале дают непочетное послушание, черную работу, чтобы

уязвлялось их самолюбие и чтобы им представилась возможность внутренней работы над собой. Затем их приучают безропотно переносить публичные обличения, упреки и оскорбления, даже когда они ни в чем не виноваты.

И так, постепенно, изо дня в день иноки и миряне выкорчевывают из сердца своего все страсти и пороки, а самое главное — самолюбие, самомнение, тщеславие, гордость — и тем приобретают смирение.

Вот какой путь ко смирению указывает нам Господь наш Иисус Христос: «когда ты будешь позван кем на брак, не садись на первое место, чтобы не случился кто из званых им почетнее тебя, и звавший тебя и его, подойдя, не сказал бы тебе: уступи ему место; и тогда со стыдом должен будешь занять последнее место. Но когда зван будешь, придя, садись на последнее место, чтобы звавший тебя, подойдя, сказал: друг! пересядь выше; тогда будет тебе честь пред сидящими с тобою, ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк 14, 8–11).

Господь повелевает нам быть слугою для всех и для подражания дает нам такой пример: «Встал с вечери, снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался. Потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем...» (Ин 13, 4–5).

Чтобы приобрести смирение, надо всячески избегать похвал, надо бояться и отвращаться от тех людей, которые хвалят, почитают нас и льстят нам. Об этом довольно подробно написано в книге «О наградах». А тех людей, которые поносят и злословят нас, надо искренно любить как своих благодетелей, потому что они помогают нам приобрести смирение, помогают нам в деле нашего спасения.

Только не дай Бог иметь такое неправильное понятие об этих благодетелях, какое было у одной из моих духовных чад. Однажды она мне такое говорит:

— Батюшка, а разве плохо быть благодетелем комунибудь? Огорчу человека, доведу до слез — пускай смиряется, исправляется, а если огорчу напраслиной, тем

лучше для него: больше венцов от Бога получит. Ведь это ж доброе дело, а за добро Господь и меня вознаградит.

— Ой-ой-ой! Какие у тебя мысли...

Избави Бог такое думать! Евангелие ты часто читаешь? Чему Господь учит? Смирению, терпению, кротости, любви, милосердию... Все это исключает даже тень всякого зла и огорчения. Искушаемый ради своего смирения и пользы душевной должен врагов своих почитать как благодетелей своих, но тот, через кого приходят искушения, должен почитать себя за изверга, хуже всякой твари. По сути дела оно так и есть. Кто делает ближнему зло, кто огорчает человека, тот не может уже с полным правом называться христианином, то есть последователем и подражателем Иисуса Христа, Который заповедал нам любить всех, даже врагов своих, и делать им добро, но не зло.

Видишь, друг мой, какие бывают иногда заскоки. Береги себя от подобных мыслей. Бывают такие мудрые христиане, которые не доверяют себе. Ну, например, им кажется, что у них нет гордости, но они не верят себе и стараются проверить это практикой жизни. Ведь по сути дела мы все смиренные, все хорошие, все любвеобильные, пока не коснулся до нас чей-то палец или язык. И только в момент прикосновения открывается нам, кто из нас какая птица, какого полета.

И вот, чтобы проверить себя и очистить сердце от раздражения, тщеславия, гордости, лености и других страстей, мудрые берут в свой дом человека, как говорится, с характером, через которого могли бы открыться притаившиеся страсти. Ведь борьба с врагом может быть успешной только в том случае, если мы видим его, если есть на кого замахнуться, в кого прицелиться, а если мы не видим врага, то о какой борьбе и тем более победе может быть речь?

Многие не исправляются только потому, что не знают, в чем надо исправиться, не видят своих грехов, а как увидят грехи, так с Божией помощью исправляются.

Был такой случай. Внешне М. была тихая, как будто кроткая и смиренная, так что многие были о ней именно такого мнения. Многие хвалили и превозносили ее. Внешне она сердилась за похвалу, а сердцем услаждалась. Я заметил в ней эту склонность и стал испытывать ее. И что же оказалось? Выяснилось такое, чего и сам не ожидал. Все добродетели, которые проявлялись у нее в той или иной степени, были как бы средством для насыщения алчной, но скрытной гордости. Меня встревожило такое открытие, и в мягкой форме с улыбкой я сказал ей:

— М., тебе нужна истинная подвижница, которая научила бы тебя смирению.

— Благословите, отче, — сказала она, а у самой, конечно, желания не было взять ее в дом.

Видел я, что творилось у нее на душе (глаза и лицо — зеркало души), но вида не подал. И вот стали они жить вместе. Живут месяц, другой, третий... Все тихо, спокойно как будто.

— Ну как С.? — спрашиваю у М.

— А мы не касаемся друг друга!

— А-а-а! — думаю себе. — Вот в чем дело! Вот, оказывается, почему такая тишина! Ну, хорошо!

На следующий день увидел С. и говорю ей:

— Испытай-ка М. в духе христианской любви.

— Благословите, батюшка.

— Бог благословит!

Проходит день, другой. С. кротко говорит о смирении. М. молчит. Проходит неделя. С. повторяет, М. молчит. Проходит еще несколько дней. С. еще раз сказала о кротости, терпении и о тщеславии. М. внимательно слушает.

— Ну как М., — спрашиваю у С., — как она там?

— Терпит, батюшка, но плачет, переживает... Мне жалко ее!

— Ничего, ничего! — говорю ей. — Душу надо больше жалеть! Слезы сокрушения о грехах перейдут в покаянные. Осталось ждать немного.

— Батюшка, а не возненавидит она меня?

— О, нет! Вначале подуется... Не велика беда! Зато потом возлюбит искренно, когда увидит грехи свои.

И действительно, вскоре она увидела в себе страсть, которую прежде не замечала. Состарившаяся, многолетняя гордость показала наконец свои рога, а потом и сама предстала во всем безобразии. М. стала гневаться на С. и укорять ее. Наконец стыдно ей стало за себя, и она подумала:

— Что я наделала? Теперь все будут говорить, что я гордая... Представляешь, друг мой, вместо того чтобы устыдиться своей страсти и попросить прощения у С., у нее вся забота и весь стыд: «Теперь будут говорить обо мне, что я гордая». Как хитро и лукаво ведет человека к погибели злая сила!

Проходит несколько дней, и вот приходит ко мне М. и говорит со слезами на глазах:

— Отче, я познала всю глубину своей греховности и очень сожалею, что С. ушла от меня. Спаси ее Господи! Она — единственный человек, через которого я увидела свою душевную болезнь, за что ей очень благодарна. Я думала о себе, что я смиренная, а когда стала гневаться на С., то ужаснулась и тому, что увидела в себе гордость, и тому, что ее увидели другие. Каждый день я размышляла о своем недостойном поступке, и с каждым днем все больше и больше мне открывалась глубина моего падения. Теперь мне многое стало понятным из того, чего раньше не понимала. Отче, что делать мне? Помолитесь.

— О-о-о! Ты уже и в смущении. А, спрашивается, что особенного произошло? Что за причина такого смущения? Разве ты хуже стала оттого, что увидела себя? И разве прежде ты лучше была? Нет! Великое несчастие для грешника — не видеть грехов своих.

Не дай Бог кому пребывать в таком гибельном состоянии! Вот это воистину страшно! А страшилась ли ты? Нет! Была весела, спокойна, как будто в душе твоей был полный порядок. Сколько раз обличал тебя

в этом! Все время говорил: кайся, кайся! А ты на обличение и внимания не обращала, думала, что испытывают тебя, а лукавому это на руку... А вот теперь, когда ты увидела в себе то, что видят другие, теперь ты должна радоваться больше, чем если бы ты обрела драгоценнейший клад.

Познать себя, увидеть свои грехи и искренно считать себя хуже всех — это самое высокое состояние духа; по сути дела это и есть совершенство. Теперь суди сама: можно ли в опасности веселиться, а в благополучии унывать? Радуйся! Благодари Бога, что увидела грехи свои, кайся и исправляйся.

Долго пришлось разъяснять ей суть дела. Ну еще бы! Лукавый так тонко сработал, так хитро укоренил в ней ложное понятие о смирении, что ей придется теперь, как говорится, до пота внутренне работать над собой.

У кого гордость проявляется внешне, тому легче работать над собой, тому и благодетели помогают своими насмешками, укоризнами, обличениями, и сам он кается и молится за себя, чтобы Господь даровал ему смирение. А у кого гордость скрытая, тот лишен помощи от благодетелей, и поэтому состояние души мнимо смиренных опаснее состояния гордых.

Это милость Божия, что на своем пути М. встретила С. и что С. добросовестно потрудилась. В других обстоятельствах лукавый мог бы легко ввести М. даже в прелесть. Избави Господи! Вот почему таким, как она, крайне необходимо иметь духовного благодетеля, каким была С. для М. Впрочем, при желании смирение можно приобрести каждому не имея для того особого человека. Надо только использовать каждый случай, который помог бы нам вытравить у себя нашу гордость.

Наше больное самолюбие уязвляется на каждом шагу: и дома, и на работе, и на транспорте, и в разных общественных местах. Случаев сверхдостаточно для работы над собой. Остается только вступить в брань с самим собой: смолчать, стерпеть, на грубость ответить лаской, насмешку пропустить мимо ушей незамечен-

ной, укор и обличение принять с благодарностью и сказать «спасибо», обращаться со всеми вежливо, ласково, предупредительно, чаще говорить: «сотвори любовь...» Эти магические слова смягчают сердце человека и из врага делают друга. При встрече с кем-либо надо первому сделать поклон, при обидах первому попросить прощения, не стыдиться уничижать себя перед другими, молча терпеть всякого рода оскорбления; делать добро всем, особенно тому, к кому чувствуешь неприязнь. Надо безропотно нести скорби и болезни и благодарить Бога за них, надо считать себя самым худшим и самым последним из всех. Все это краткое наставление можно выразить в трех словах: смиряй себя беспредельно до конца своей жизни.

Мудрые, чтобы быстрее смирить себя, пользуются каждым случаем, когда Господь посылает испытание, искушение и сверх того — ищут людей, которые помогли бы им искоренить свою гордость.

В жизнеописании святителя Афанасия Великого приводится такой случай. Богатая и знатная жена увидела в себе гордость и пожелала поскорее избавиться от нее. Попросила у святителя Афанасия благословение взять к себе в дом старицу из богадельни. Прислали ей смиренную старицу. Жена и думает: не спасусь я с ней, потому что она делает все по-моему и гордость моя здравствует. Прислали ей сварливую старицу, которая временами даже сильно оскорбляла ее. Жена обрадовалась: о! теперь-то я спасусь! Эта выбьет из меня гордость!

Этот рассказ очень назидательный. Есть чему поучиться! Вот ты спрашиваешь: как приобрести смирение. Бери пример с этой жены, и ты станешь смиренным. Не думай, что ей с первых дней было легко и радостно со сварливой старицей. Пока она переломила себя, у нее были всякие срывы: и раздражалась, и унывала, и плакала, а может быть, первоначально и сдачи давала... Для всех ясно только одно, что у нее была тяжелая внутренняя борьба с собой, со своей самостью, со своим «Я». Но кто захочет одержать победу над собой, тот не

устрашится трудностей. Поэтому и говорят: «В деле спасения — прежде всего рассуждение!»

Вот есть у меня чада духовные, которые живут на большом расстоянии и смущаются этим. Говорят: «Трудно спасаться, когда отец духовный далеко». Но, думаю, и ты согласишься, и каждый согласится, что если трудно, когда отец на расстоянии, то без отца духовного еще труднее спасаться. И в этом надо иметь рассуждение.

Пример той жены, которая взяла старицу, чтобы от гордости избавиться, показывает нам, что при большом желании спастись каждый христианин может самостоятельно, без особого надзора и контроля спасаться по молитвам отца своего духовного и достигнуть высших ступеней духовно-нравственного совершенства.

Истинное смирение по сути дела и есть высшая степень совершенства, потому что смиренный приобретает все другие добродетели. И недаром Христос в Своих заповедях «Блаженны» на первом месте поставил нищету духа, то есть смирение, сказав: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф 5, 3).

Как из причины вытекают следствия, так и от смирения происходят все добродетели, вот почему от гордых Господь отвращается, а смиренным дает благодать.

Кто много имеет талантов (добродетелей), тому еще больше дается и приумножается (благодать), а кто мало имеет (по лености и нерадению), у того отнимается и последнее, что имеет, и дается тому, кто много имеет. Таков Божественный закон: за горячность, рвение и усердие Господь награждает сугубой благодатью, посылает особые дары Святого Духа. Такое понятие ты хорошо уясни себе, друг мой, и когда приобретешь истинное смирение, тогда у тебя не будет возникать неясных жизненных вопросов. Они, как воск свечи, будут таять от Божественного света благодати, ибо при этом свете ты ясно увидишь, как поступать тебе в том или ином случае.

Как бы в заключение напомню тебе еще несколько моментов, помогающих человеку приобрести смирение.

Прежде всего, надо помнить о грехах своих в течение всей своей жизни, как помнил святой апостол Петр свой грех отречения. Затем, надо помнить, что смерть наша не за горами, а за плечами и что сегодняшний день может быть последним днем нашей жизни. Память смерти очень способствует приобретению смирения.

Бранные и оскорбительные слова надо немедленно забывать, не воспроизводить их в памяти.

Жилище, пища и одежда наша должны быть скромными. Скромность должна быть во всем, чтобы не выделяться из среды окружающих и чтобы легче было скрывать свои подвиги. Подвиги же свои, даже самые малые, надо непременно скрывать от постороннего взгляда или слуха. Обвинения от всех, особенно от отца духовного, принимать как заслуженное и не оправдываться. Быть послушным отцу духовному, родителям и друзьям. Не доверять своим мыслям, но испытывать волю Божию. Прислушиваться, в чем обвиняют люди, и самому себя уничижать в том. Не допускать тщеславных помыслов, а если будут обуревать, то сказать себе: все, что сделал я хорошего и доброго с Божией помощью, возможно, погубил уже страстями моими: дела милосердия — тщеславием и гордостью; молитву — рассеянностью и небрежностью; служение ближним — их осуждением; пост — самодовольством. Никогда не надо забывать слова Господа: «Когда исполните всё повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать» (Лк 17, 10).

МНИМОЕ СМИРЕНИЕ

Мнимое смирение — это ложное, поддельное, напускное смирение. Оно выявляется в словах самоуничижения и смиреннообразием, то есть смиренным видом. Страдающие мнимым смирением обычно говорят и очень часто повторяют, что они грешны, и даже выявляют некоторые свои погрешности как бы в доказательство своих слов о своей греховности, но внимательный

собеседник, опытный в духовной жизни, сразу определяет, что перед ним человек, страдающий манией смиренности.

Мания смиренности — это одна из разновидностей скрытой гордости. Человеку, неопытному в духовной жизни, трудно отличить мнимое смирение от истинного смирения. Иногда притворство обуреваемых этой страстью бывает так искусно, что действительно нужен очень опытный глаз и испытание, чтобы, как говорится, раскусить человека. А иногда притворство и обман их сразу обнаруживаются, особенно теми, кто близко и хорошо их знает.

Вот, например, мнимо смиренный в присутствии многих скорбит о своем ничтожестве, называет себя и грешным, и окаянным, и ненормальным... дурачком и другими нелестными именами. Присутствующие думают:

«Спаси его Господи! Какой он смиренный!.. Даже не стыдится при всех обзывать себя так». Но стоит только согласиться с ним и сказать: «Да, да! В тебе есть это!» — как он тут же изменится и даже может возразить: «А ты откуда знаешь?» Но чаще он умолкает, затаив злобу и вражду на своего обличителя. Отныне он считает благодетеля своего врагом. Перестает здороваться, отворачивается, косится, при случае не прочь отомстить.

Есть такой рассказ, как мнимо смиренный инок пожелал вериги носить. Без благословения духовного отца стал просить кузнеца отковать ему вериги. Кузнец отказался, но инок в другой раз пришел. Тогда кузнец спрашивает у наместника обители: «Что делать?»

— А ты испытай его, — сказал наместник, — ударь по щеке. Если он смолчит, исполни просьбу, а если возмутится, обличи его.

Приходит инок в третий раз со своей просьбой. Кузнец сделал вид, что разгневался на него, и ударил по щеке. Оскорбленный инок ответил ему тем же... Тогда кузнец сказал:

— Прости меня, брат. Наместник так повелел испытать тебя.

Стыдно стало иноку, и он ушел.

Очень полезно испытывать тех, кто часто уничижает себя. Сразу выявляется — истинное в нем смирение или напускное. Такое испытание часто отрезвляет больного, и постепенно он становится здоровым.

Вот, например, человек уничижает себя и, как говорится, распинает себя за малый грех. Невольно напрашивается мысль: «Какое смирение! За такой ничтожный грех он, бедный, так казнит себя... Вот в ком высота! Вот где спасение! У такого не может быть больших грехов».

А кто близко знает его, может сказать: «Что же ты так сильно сокрушаешься в этом грехе, будто больших у тебя и нет. Следовало бы тебе сокрушаться более о том-то и том».

Большие тайные грехи выявлять в присутствии других не надо (наедине можно сказать о них), а надо напомнить ему только те грехи, о которых он сам говорил в другое время, или такие грехи, которые всем известны из жизни. Не надо бояться, что испортятся отношения. Это только на время его болезни, до выздоровления, а может быть, и на более короткий срок, зато потом возлюбит обличителя и благодетеля своего больше других.

Мнимое смирение происходит от нерадения, лености и тщеславия. Человеку хочется быть смиренным, а трудиться над собой лень. Вот он и вступает на путь ложного смирения, кичится и превозносится им и в своих собственных глазах, и перед другими. Обладающие мнимым смирением не выносят обличений и указаний на их недостатки. Они обиженно умолкают или начинают спорить, оправдываться, раздражаться и сердиться на своих обличителей, а потом и вовсе охладевают к ним.

Мнимое смирение, выражающееся в словах самоуничижения перед людьми, является только рисовкой, маскирующей тщеславие и гордость, поэтому надо строго следить за собой, за своими словами.

Некоторые, чтобы показать себя с благочестивой стороны и чтобы вызвать похвалу в свой адрес, очень часто крестятся и часто произносят слово «Бог». Однажды слышу:

— Какой хороший человек! Глубоко верующий!

— А как вы определили? — спрашиваю.

— Он всегда с Богом. На каждом слове вспоминает Бога!

— А вот такой-то, — говорю, — более верующий.

— Ой, что вы, батюшка! Он и крестится редко, и про Бога не вспоминает.

Вот такое неправильное понятие у людей об истинном смирении, об истинном благочестии. Внешнее и показное принимают за истину, а если благочестивый скрывается от постороннего взгляда, то он, по их понятию, неисправный христианин.

Как нечестивец свой разговор пересыпает бранными словами, так некоторые христиане в своем праздном разговоре употребляют священнейшее слово «Бог» без благоговения, без страха Божия, а иногда — избави Господи! — даже в шутливой форме, со смехом. А считаются благочестивыми! Великий грех — имя Божие произносить всуе, то есть в простых разговорах, и тем более в шутках. В этом надо каяться.

Мнимое смирение бывает двух видов. Одно, как говорится, злоумышленное, когда человек не думает о спасении, но сознательно лицемерит и притворяется смиренным для достижения определенной корыстной цели, а другое неосознанное, когда человек не понимает сути дела. Оно, в свою очередь, тоже делится на два вида. К первому виду относятся люди, которые искренно ищут пути спасения и хотят быть истинно смиренными, но не знают закона духовной жизни, что спасение — внутри человека и что надо скрывать свои подвиги и добродетели, поэтому они все свое внутреннее проявляют и внешне, не скрывая ничего, и тем опустошают себя. Эти люди быстро воспринимают замечания, не обижаются и сравнительно быстро исправляются.

Но если они долгое время пребывают в таком состоянии, то может родиться и развиться тщеславие. В данном случае от мнимого смирения рождается тщеславие и гордость.

Ко второму виду относятся люди, которые уже заражены тщеславием в разной степени. Для них смирение, как я уже говорил, — ширма. У этого вида есть бесчисленное множество вариантов проявления мнимого смирения. Как гордый человек гордится своей красотой, талантами, способностями и прочим, так мнимо смиренный тщеславится и услаждается своим показным смирением. Эти люди не воспринимают замечания, обижаются и медленно, с большим трудом исправляются. Бывают случаи, когда совсем не исправляются, но это как исключение, когда человек в прелести. В данном случае мнимое смирение рождается от гордости и тщеславия.

Показное смирение в словах, или, как называют его, смиреннословие, вредит делу спасения по трем причинам:

1) порождает и утверждает тщеславие и гордость;

2) опустошает душу празднословием;

3) наводит слушателя на соблазн, то есть на грех осуждения, зависти, празднословия.

Преподобный Варсонофий Великий пишет: «Смиренномудрый не должен выказывать свое смирение на словах; смирение на словах есть порождение гордости и беспорядочно рождает через них матерь свою — тщеславие».

А Игнатий (Брянчанинов) пишет так: «Господь заповедал совершать все добродетели втайне (см: Мф 6, 1–6), а смиреннословие есть обнаружение смирения напоказ человекам. Оно — притворство, обман, во-первых, себя, потом других, потому что утаение своих добродетелей составляет одно из свойств смирения, а смиреннословием это-то утаение и уничтожается».

Как видишь, друг мой, лучше быть на вид гордым со смиренным сердцем, чем видом и словами казаться

смиренным, а сердцем тщеславиться... Всем нам надо стараться быть серенькими, незаметными, скромными, молчаливыми и не выставлять напоказ свое мнимое смирение.

КРОТОСТЬ

«Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю», — сказал Христос (Мф 5, 5). Что же такое кротость? Как для смирения, так и для кротости нет единого и точного определения. Святые отцы дают каждый свое определение кротости. Так, например, преподобный Исаак Сириянин дает такое определение: «За смирением следует кротость и собранность себя, то есть целомудрие чувств, соразмерность голоса, немногословие, бедная одежда, скромная походка, наклонение очей вниз, сердце сокрушенное, неспособность к раздражению, бедность, скромные потребности, перенесение лишений, безбоязненность, бесстрашие перед смертью, терпение в искушениях, серьезность в мыслях, хранение тайн, стыдливость, благоговение и всегдашнее почитание себя ничтожеством».

А преподобный Иоанн Лествичник кротость определяет так: «Кротость есть такое состояние ума, когда он непоколебимым пребывает и в чести и в бесчестии. Кротость есть недвижимая скала, возвышающаяся над морем раздражительности... вместилище Духа Святаго, утверждение терпения, дверь и даже матерь любви, дерзновение в молитве, узда неистовству, подательница радости, подражание Христу... Кротость есть спокойная решимость на всякую скорбь и даже на смерть».

Как видишь, друг мой, определения кротости и смирения во многом совпадают, однако для кротости особенно характерна покорность воле Божией. «Кроток тот, — пишет Оптинский старец отец Макарий, — кто в смирении укоротил свою волю, то есть отказался от нее, заменив ее волей Божией и волей ближних».

Истинно смиренным и кротким легко жить на свете. Нет ничего в жизни, что могло бы вывести их из равновесия и нарушить мир душевный. Они все переносят с одинаковым спокойствием духа и принимают все как от руки Божией. Они глубоко веруют, что без воли Божией с ними ничего не может произойти, поэтому одинаково радуются, когда Господь посылает им радость и скорбь. Такие люди никогда ни с кем не спорят и во всем охотно уступают всем. Они знают, что только кротостью и незлобием можно победить злую силу, а злом не победишь зло, поэтому они исполняют всякую просьбу окружающих, если она не идет вразрез с их совестью.

Кротостью человек украшается паче всякого наряда. Апостол Петр говорит девицам и женам: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» (1 Пет 3, 3–4).

Достигшим высоты и глубины кротости и смирения легко жить, но труден путь к достижению этих добродетелей. Кто еще на пути, для тех тяжела борьба с собой. Трудно, очень трудно терпеть чужие грехи, но зато это верный и надежный путь в Царствие Небесное. <...>

ПРИМЕРЫ КРОТОСТИ И СМИРЕНИЯ СВЯТЫХ

Иисус Христос, Царь и Бог вселенной, является символом кротости и смирения. Он повелевает нам учиться у Него этим добродетелям (см.: Мф 11, 28–29). Как Христос, так и Пречистая Его Матерь и все святые кротко обращались с людьми и не проявляли своей властности даже тогда, когда это было на пользу человеку. Они ждали, когда человек без принуждения, по доброй воле обратится к добру, потому что именно это ценно и дорого для Господа. Христос сказал: «Милости хочу, а не жертвы» (Мф 9, 13).

Господь наделил человека свободной волей и не хочет ущемлять этой свободы ни в чем. Он терпеливо ждет, когда человек сам откликнется ответной любовью на Его любовь и когда добровольно подчинит свою волю Его Божественной воле.

Спаситель мой! Твои веленья
Так легки для меня,
Когда пример смиренья
В Тебе вдруг вспомню я!

С любовию священной
Своим ученикам
Ты, Царь и Бог вселенной,
Омыл стопы их Сам,

Не ноги мне водою —
Всего меня омыл
Ты Кровию святою
И вечность подарил.

И впредь с меня, как прежде,
Смывай всю грязь любя,
Чтоб я в Твоей одежде
Достоин был Тебя.

Дух кротости, смиренья
Мне в сердце обнови,
Чтоб я в уничиженье
Мог всем служить в любви.

Пресвятая Богородица — воплощение всех добродетелей и совершенств человеческих — украшалась высочайшим смирением и кротостью, особенно в том состоянии, которое крайне угрожало впадением в тщеславие и превозношение.

В неизвестности смиренно
В Назарете Ты цвела,
Средь молитв уединенно
Мирно жизнь Твоя текла.

Но святой Своей десницей
Бог Тебя приосенил
И Небесною Царицей
Кроткой Деве быть судил.

Безызвестную обитель
Свет небесный осиял,
Пред Тобою небожитель
С вестью радостной предстал.

Благовестнику внимала
Ты смущенною душой,
Но с покорностью сказала:
«Воля Бога будь со Мной!»

Всё сбылось — Твоя порфира
Краше всех земных порфир!
Сын Твой — Бог, Спаситель мира!
Пред Тобой склонился мир.

Но и тяжких испытаний
Много Ты перенесла,
Крестных Господа страданий
Соучастницей была.

Ты томилась, изнывала,
Но к виновникам скорбей
Ты враждою не пылала,
Ты молилась за людей.

И теперь, воспоминая
Твоего Успенья час,
Мы взываем: Пресвятая,
Заступи, помилуй нас!

Все святые, подражая Иисусу Христу и Божией Матери, порабощают себя ближним. Они первые с глубоким смирением и кротостью открывают объятия святой любви врагу и другу, всем без исключения, и через то приобретают такую любовь, которая не умирает вовеки.

Кротость и смирение являются отличительной чертой каждого святого, но наиболее они проявляются

у юродивых и блаженных. Изучение их жизни наглядно показывает нам высоту их подвига и нашу собственную немощь духовную. Они воистину велики были в своих подвигах! Свою духовную красоту и свое стремление стать ниже всех они умело скрывали под покровом юродства и с радостью принимали поношения и бесчестия, презрение мира и даже побои.

Вот у кого нам поучиться, друг мой! Над ними издевались, били их, а они радовались... А чему они радовались? Тому, что это вело их к кротости и смирению, а значит, и ко спасению. Через свое глубочайшее смирение они сделались святыми, близкими и, как говорится, родными Богу.

На фоне их величия и святости нам легче представить и осознать свое ничтожество, легче воспламенить в себе жажду спасения, понудить себя на подражание им, хотя бы только в той мере, чтобы переносить с радостью все скорби и болезни, какие посылает нам Господь для очищения души.

Преподобный Макарий Великий пишет: «Душа истинно боголюбивая и христолюбивая, хотя бы совершила тысячи праведных дел, по ненасытному стремлению своему ко Господу думает о себе, будто бы она еще ничего не сделала; хотя бы изнурила себя постами и бдениями, при таких остается чувствованиях, будто бы и не начинала еще трудиться для добродетелей; хотя бы сподобилась достигнуть различных духовных дарований или откровений и небесных тайн, по безмерной и ненасытимой любви ко Господу сама в себе находит, будто бы ничего еще не приобрела, а, напротив того, ежедневно алкая и жаждая, с верою и любовию пребывая в молитве, не может насытиться благодатными тайнами и благоустроением себя ко всякой добродетели. Она уязвлена любовию Небесного Духа, при помощи благодати непрестанно возбуждает в себе пламенное стремление к Небесному Жениху, вожделевает совершенно сподобиться таинственного и неизреченного общения с Ним в святыне Духа. ...И, будучи драгоценными перед

Богом, не таковы они сами для себя: при своем преуспеянии и ведении Бога — признают себя как бы ничего не знающими, и богатые перед Богом — сами для себя кажутся бедными».

Если же увидишь, что кто-нибудь превозносится и надмевается тем, что он причастник благодати, то хотя бы и знамения он творил, и мертвых воскрешал, но если не признает души своей бесчестною и униженною и себя нищим по духу и мерзким, скрадывается он злобою, и сам не знает того.

Если и знамения творит он, не должно ему верить, потому что признак христианства и того, кто благоискусен перед Богом, — стараться таить сие от людей, и если имеет в себе все сокровища Царя, — скрывать их и говорить всегда: не мое это сокровище, другой положил его у меня, а я — нищий; когда Положивший захочет, возьмет у меня.

Если же кто говорит: богат я, довольно с меня и того, что приобрел, больше не нужно! — то таковой не христианин, а сосуд прелести и диавола. Ибо наслаждение Богом ненасытимо, и в какой мере вкушает и причащается кто, в такой делается более алчущим.

Такие люди имеют горячность и неудержимую любовь к Богу. Чем более стараются они преуспевать и приобретать, тем более признают себя нищими, во всем скудными и ничего не приобретшими. Они говорят: «Недостоин я, чтобы солнце озаряло меня» — это признак христианства, это смирение.

В Православной Церкви имеется бесчисленное множество примеров истинного смирения и кротости святых. Вот некоторые из них.

Преподобный Арсений Великий был испытан преподобным Иоанном Коловом, когда он впервые пришел на трапезу. Все вкушали пищу, а Арсения не пригласили за стол. Долго он так стоял, а потом преподобный Иоанн бросил ему сухарь и сказал: «Ешь, если хочешь». Преподобный Арсений на четвереньках подошел к сухарю, взял его ртом и съел в углу лежа на земле, как

четвероногое животное, помышляя о себе: «Я хуже пса». Тогда Иоанн сказал про Арсения: «Он будет великим подвижником».

Господь послал преподобного Антония Великого учиться смирению у александрийского сапожника. От него он научился помышлять: «Все спасутся, один я погибну».

Преподобный Серафим по своему смирению называл себя «землею и пеплом», целовал руки посетителям и многим кланялся в ноги. Преподобные Ефрем Перекопский, Тихон Луховской и Герасим Болдинский, не считаясь со своим здоровьем, выполняли за других самую тяжелую работу в часы отдыха братии. Римский папа Григорий Двоеслов Великий по смирению кланялся в ноги встречным епископам и пресвитерам. Святой Иоанн Милостивый, патриарх Александрийский, на коленях испрашивал себе прощение у обиженных клириков. Египетский подвижник Сисой Великий перед смертью сказал старцам: «Поистине не знаю о себе, положил ли я и начало покаяния».

Все святые ни во что вменяли все совершенные ими подвиги. Чем более очищалось их сердце, тем более они возрастали в смирении и кротости и тем более проявлялись в них эти добродетели. Но многим непонятно это правило: «Чем святее, тем смиреннее».

Один знаменитый гражданин города Газы спросил у аввы Дорофея:

— Как могут святые считать себя грешными, когда они видят себя преуспевающими в добродетели?

Чтобы открыть ему истину, авва Дорофей спросил его:

— За кого ты считаешь себя в своем городе?

— За первого в городе, — ответил гражданин.

— А если ты пойдешь в Кесарию, за кого будешь считать себя там?

— За последнего из тамошних вельмож.

— А если ты придешь в Антиохию, за кого ты будешь там считать себя?

— Там буду считать себя за одного из простолюдинов.

— Если же ты придешь в Константинополь и явишься в царский дворец, за кого ты тогда станешь считать себя?

— Почти за нищего, — отвечал озадаченный провинциал.

— Вот так и святые, — пояснил ему авва Дорофей, — чем больше они приближаются к Богу, тем более видят себя грешными.

Чем чище сердце, тем яснее внутреннее око человека, тем лучше видит он свою склонность к греху, свое бессилие и ничтожность. Малейшая соринка на одеянии души его кажется ему чудовищных размеров и самое малое небрежение — преступлением. Вот почему святые, обливаясь слезами, называли себя великими грешниками, землею и пеплом и чадом преступления Адамова и говорили: «Я же червь, а не человек, поношение у людей» (Пс 21, 7).

Некоторые из святых удивлялись, как земля не разверзлась и не поглотила их до сих пор. А когда они слышали похвалу себе, они отвергали ее и говорили: «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей» (Пс 113, 9).

Следует и нам, друг мой, воспринять от них добрый пример, то есть когда ближние будут потворствовать нашим слабостям, будут хвалить, почитать и ублажать нас, будем не радоваться этому, а говорить: «Не нам, Господи, не нам, но Тебе подобает всякая слава и честь! Ибо что доброго имеем в себе, от Тебя несомненно то есть».

А радоваться будем тогда, когда нас будут учить, вразумлять, обличать, даже если будут делать это со строгостью и бранью, с укором и насмешкой, а может быть... избави Господи! — и с побоями... Во всех случаях будем радоваться и благодарить Господа, потому что истина из истин такая: «Кого Господь наиболее любит, тому попускает нести самые тяжелые испытания». Яркий пример тому — Христа ради юродивые и блаженные.

Да и вообще путь на небо проходит через скорби и страдания. Так что запасемся, друг мой, терпением... бесконечным терпением, которое вводит человека в святое смирение. Будем по мере своих сил подражать Господу Иисусу Христу, Его Пречистой Матери и всем святым. Аминь.

Бесконечной вереницей
Улетают день за днем,
Время мчится быстрой птицей...
Грусть-тоска в сердце моем.

Вот уж юность пролетела,
Вот... и зрелые года
Пролетают торопливо,
Словно вешняя вода.

Там и старость недалеко!
А потом... всему конец!
С чем же там, в стране далекой,
Я явлюсь к Тебе, Творец?

Что скажу? Слова какие?
Как Тебе отвечу я?
Где мои дела благие?..
Вся в пороках жизнь моя.

С детских дней я, окаянный,
Познакомился с грехом,
Он мой спутник постоянный,
Он покрыл меня стыдом.

Грешной жизни злую повесть
Со стыдом читаю я...
Душу жжет, как пламя, совесть,
Боже мой, спаси меня!

Дай возможность мне и силы
Грех души скорее смыть
И владыкой до могилы
Над страстями тела быть.
Милосердие, смиренье,

Кротость, мир... о, Боже мой!
Безграничное терпенье
Дай душе моей больной.

Помоги мне укрепиться
В вере, в истине, в добре
И с надеждою стремиться
Сердцем пламенным к Тебе!

ПРИМЕРЫ СМИРЕНИЯ ДУХОВНЫХ ЧАД

Расскажу тебе, друг мой, как радуют меня даже самые незначительные и, на первый взгляд, даже самые незаметные проявления в духовных чадах одной из основных добродетелей — смирения. Вот однажды приходят ко мне две сестры и сообщают, что послушание не выполнено.

— В чем же дело? — спрашиваю.

— У нас, батюшка, случилось несчастье, — говорит Е., — произошло то-то и то-то, но в этом я не виновата.

Выслушал одну, потом другую... Выходит, по их словам, обе не виноваты. А дело стоит! Спрашиваю:

— Ну, а кто же виноват, если не вы?

— Лукашка!.. — говорит Л. (Находчивая девица! Не правда ли?)

— Лукавый, — говорю, — может напроказничать через человека. Не поднимется же чернильница сама в воздух, чтобы на другом столе опрокинуться и залить послушание! Ты, Е., помогла лукавому.

— Простите, батюшка, виновата...

И так возрадовалось сердце от ее слов! Видел я, что она не виновата, но захотел испытать ее смирение.

Молодец! Не стала оправдываться, доказывать свою правоту. Скрыла грех сестры своей и обвинение приняла на себя. Вот и начало смирения! С каким усердием я молюсь за таких чад, которые вступают на путь этой добродетели! Молюсь, чтобы Господь укрепил их, утвердил на этом пути и чтобы возвеселил сердца их неизреченной радостью. И Господь слышит! Кто

внимательно следит за собой и с большой силой воли сокрушает, ломает рога своей гордости или кто в самом зародыше попирает, душит свою гордишку — тщеславие, тот сердцем своим ликует от полноты счастья. Такой человек, как свободный могучий орел, подымается высоко-высоко!.. Смотришь на лицо такого человека, и самому становится радостно и хорошо.

Глубочайший, невозмутимый мир на серьезно-сосредоточенном лице. Глаза опущены вниз, чтобы скрыть ото всех счастье и чтобы не рассеяться. Если ему нужно посмотреть на кого-либо, то он маскирует свое чувство, прячет его глубоко-глубоко, и взгляд его становится простым, обыкновенным. Но если кто-нибудь врасплох поймает этот взгляд... оторваться от него бывает нелегко. Такой он обладает магической силой! Невольно отдаешься во власть ему и думаешь: «Почему этот человек так необыкновенно счастлив? Как невеста под венцом!» Очень удачное сравнение. По сути дела, дорогой друг, так оно и есть. Ведь душа наша — невеста Христова. И когда душа с горячностью предается Богу, то есть с радостью принимает всякие злострадания, живет по воле Божией, верит в Промысл Божий и тем самым на деле, а не на словах доказывает свою любовь к Богу, тогда она становится способной воспринять Божественную любовь во всей ее полноте. И, конечно, человеку нелегко скрыть эту радость и любовь к Богу, переполняющую все его существо, от которой рождается любовь к ближним и даже к врагам.

Вспомнился мне случай, как ты однажды спросил у меня:

— Отец, есть ли у меня смирение?

Ну, что тут скажешь! Наивность и простота вопроса подкупала и ответить с такой же простотой: «есть» или «нет», но... мне нельзя было забываться. Одно неосторожное слово могло повредить душе. Сказать «есть» — поверг бы тебя в тщеславие и самомнение; а сказать «нет», чтобы ты был невысокого мнения о себе, тогда еще нельзя было. Характер не позволял! Сразу скис бы, как лимон. Солнце померкло бы для тебя, птицы

«Отец Савва сострадал каждому человеку»

умолкли бы, краски поблекли бы, и ты перестал бы замечать красоту природы и все прекрасное и возвышенное.

Вот и пришлось тогда ответить тебе притчей, как злой Гордей Гордеич убил смиренного Иванушку. Притча наводит человека на размышление, а размышление приводит душу к познанию грехов и к покаянию, но не доводит до отчаяния, ибо человек не теряет надежду.

Итак, Д., привел я пример начальной степени смирения, рассказав тебе о двух сестрах, а теперь приведу пример совершенного смирения, во всей его полноте. Был у меня духовный друг А. С. (Царство ему Небесное!) Он был очень высокой жизни, но всячески старался скрыть это от всех. А Господь открыл его людям, и многие приходили к нему за советом. Когда обращались с ним просто, без особых знаков уважения, тогда он принимал охотно, а когда обращались с ярко выраженным подобострастием и, тем более, когда начинали хвалить и прославлять его, тогда он с горячностью начинал кричать на них; делал вид, что гневается, раздражается... Брови нахмурит, да еще и кулаком по столу стукнет.

— Лицемеры! — закричит. — Вы что хотите, в гроб меня вогнать? Кто я вам? Что я вам? Я грешнее вас в десять раз!

А потом умягчится и скажет тихо:

— Ну, ладно... Простите меня. Давайте помолимся, только прислушивайтесь... какое вам будет внушение.

После совместной молитвы открывают ему свои помыслы и чувства, какие были во время молитвы, а он, бывало, разъясняет что к чему. Так он учил распознавать голос Божий и Его святую волю. Наедине я однажды спросил его:

— Разве грубость такая на пользу тебе и им?

— Не смущайся, прошу тебя... Иначе нельзя... Очень трудно бороться с самоценом, когда вокруг все ублажают. Один тщеславный помысл — и все пропало. Благо-

дать уйдет! Я уж собирался скрыться, да некуда... Вот и решил испытать этот метод. Слава Богу! Стали редко хвалить, а то ведь было невыносимо... А мой крик Господь не вменит во грех, потому что в душе я не теряю мира и любви к ним, а если они осудят меня, то Господь простит им этот грех за мои молитвы: они ведь грешат по неведению. Ну, подумай сам: зачем мне знать те случаи, когда Господь сотворит чудо милосердия Своего с кем из них? Ведь приписывают-то все мне! Как хитро враг подходит! Господь исцелил Петра, а Петр, вместо того чтобы в благодарность Господу заказать литургию, отслужить молебен, поставить свечи, щедрой рукой помочь нуждающимся и болящим, помириться с врагами... да разве все перечислишь, чем бы он мог по мере своих сил и возможностей возблагодарить Господа Бога, — и вот, вместо благодарности Богу он старается меня отблагодарить. Распускает слух, будто я его исцелил. Это я-то! — прах и пепел... А люди верят: почитают, ублажают, превозносят. Какое неразумие! — Бога подобает превозносить, а они благодарят меня, Бога подобает благодарить, а они благодарят меня. Ну, как тут не горячиться? И все это козни лукавого, чтобы направить на ложный путь и их и меня. Ох! Чего только ни придумает лукавый, чтобы внушить мне тщеславный помысл. Помолись за меня.

Я решил рассказать тебе о нем, друг мой, потому что А. С. — это воплощенное смирение. Он действительно имел дар исцеления, и по его молитвам Господь исцелял болезни людей, но сам о себе искренно был самого низкого мнения. В благодарность за исцеление люди привозили и приносили ему подарки, гостинцы и деньги, а он все это немедленно раздавал другим.

Делал он это так, будто не свое раздавал, а только лишь помогал добродетельным людям творить добро. Себя же считал проводником только и рабом в служении Богу и ближним.

Он был незлобив, как дитя. Один из соседей сильно восставал на него по зависти, сильно досаждал ему, а он радовался и говорил:

— Вот настоящий друг! Настоящий благодетель! С таким в геенну не попадешь!

Радоваться уничижению, любить врагов, не осуждать, не верить своим достоинствам, не знать и забывать о них — это признаки смиренных людей. Кто становится на этот путь, тот на первой же ступени духовно-нравственного совершенства испытывает блаженство святых.

Терпи, терпящим есть награда
и здесь, и там, где Бог живет:
Здесь — в чистой совести отрада,
А там — прекрасный рай их ждет.

Как звезды в небесах сияют,
Так слезы страждущих блестят
Цветами радуги в венцах...
О чем же ты грустишь-то так?

Тебя зовет Кто воскрешает,
От ада всех освобождает,
Кто жизнь блаженную дает,
К небесным радостям ведет!

Утешься! В конце письма ты сообщаешь, что враг мстит тебе за добрые дела. Так это ж хорошо! Значит, твои дела угодны Богу. Только думай лучше так: «За грехи мои Господь попустил злой силе издеваться надо мной». Так думать спасительнее.

Любовь Христова

РАЗНОВИДНОСТИ ЛЮБВИ

Господь наш Иисус Христос оставил нам две основные заповеди, на которых основан весь закон Божий, а именно — заповеди о любви:

1) Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим.

2) Возлюби ближнего твоего, как самого себя (Мф 22, 37, 39).

Что же есть любовь? Святые отцы дают такое определение: Бог есть любовь. Значит, вся любовь всего мира есть Бог.

Наш человеческий язык крайне ограничен и беден. Мы не в состоянии выразить достаточно четко и определенно всю бесконечную гамму личных и взаимных чувств между людьми, начиная с природной, естественной любви и кончая совершенной любовью Христовой, которые обычно заключаем в одном слове «любовь». Это слово вмещает в себя множество различных понятий и чувств, которые выразить словами невозможно, и только некоторые эпитеты помогают нам уточнить это слово, например: любовь Христова, брачная, к врагам — однако и они не дают достаточной четкости определения чувств. Перечислю некоторые виды любви.

1) Любовь к Богу.
2) Любовь к ближним.
3) Любовь к врагам.
4) Любовь юношеская.
5) Любовь брачная.
6) Любовь семейная.
7) Любовь родственная.
8) Любовь к друзьям и знакомым.
9) Любовь к самому себе.

Слово «любовь» иногда употребляют там, где следовало бы употребить слово «пристрастие», то есть чрезмерная греховная привязанность к чему-либо, как, например, к искусству, развлечениям, вещам, птицам, животным и т. д. О всех этих разновидностях любви, кроме первых трех, ты найдешь в книге «Семья и брак», а сейчас остановлюсь прежде всего на любви к Богу, а затем на любви к ближним и врагам.

ЛЮБОВЬ К БОГУ

Господь есть любовь! —
Любовь вы познайте.
Господь есть добро! —
В добре пребывайте.
Господь милосерд! —
Его призывайте.
Господь совершен! —
Его величайте!

Любовь к Богу — это непостижимое, необъяснимое, невыразимое чувство, которое не может быть передано никакими человеческими и ангельскими языками. Оно может быть понятно только тому, кто опытом жизни испытал ее, кто приобрел или хотя бы только вкусил это самое величайшее счастье и блаженство души.

Святой Иоанн Златоуст пишет: «Свойство любви таково, что любящий и любимый составляют уже как бы не двух отдельных лиц, а одного человека». По отношению к Богу эти слова приобретают еще более острый смысл. Душа, любящая Бога, растворяется с Божеством и становится богоподобной.

Апостол Павел пишет: «Любовь Христова объемлет нас...» (2 Кор 5, 14), «и уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал 2, 20). И еще пишет: «Мы же все... взирая на славу Господню, преображаемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» (2 Кор 3, 18).

«Соединяющийся с Господом есть один дух с Господом (1 Кор 6, 17), ибо Господь говорит: Любящих Меня Я люблю, и ищущие Меня найдут Меня» (Притч 8, 17).

Человек, душа которого не освободилась еще от привязанности к чему- или кому-либо в мире сем, не может познать любовь Божию во всей ее полноте и не может любить Бога искренно, потому что эта привязанность или любовь к другому является серьезным препятствием для души. Особенно далек от любви к Богу тот человек, который любит только себя.

Митрополит Антоний об этом так пишет: «Заповедь Господня о любви требует совершенной от нас жертвы, совершенного отречения от всякой самости, от всякого себялюбия. Когда мы находим в себе чувство осторожности: как бы нас правда Божия не уязвила до смерти и не потребовала у нас последнего, что у нас есть, — отречения от самих себя; когда мы находим в себе это чувство, тогда можем измерить, как далеки мы от Господнего духа, от Господней воли, и можем над собой произнести укоризненный суд».

Стяжавший же истинную, совершенную любовь к Богу существует в жизни земной как бы не существующий. Он считает себя странником и пришельцем на земле, чуждым для всего видимого, и смиренно с большим терпением ожидает невидимого. Он весь изменился в любви к Богу и оставил все другие привязанности и обязанности. Душой и умом своим он постоянно созерцает своего возлюбленного Творца и Жениха и наслаждается неизреченным счастьем в объятиях Божественной любви.

Господь жаждет общения и обручения с душой человеческой и часто напоминает о Себе человеку, стучась в сердце его. Но горе наше в том, что мы не очень-то внимательно прислушиваемся к голосу Божию...

Господь всячески старается привлечь нас к Себе, чтобы даровать нам счастье вечное, которое начинается уже здесь, на земле. Он возбуждает в нас любовь к Себе красотою природы и всего видимого создания и творения Своего. Невозможно не видеть Творца в Его творении и нельзя не полюбить Того, Который есть истинное добро, красота, свет, любовь. Только в Нем Едином истинное благо. Всякое добро в создании есть только образ, слабое отображение того совершенного добра, которое находится в Боге. Никакое создание не может удовлетворить желания нашего так, как Сам Господь Бог. Поэтому, друг мой, не надейся ни на какую взаимную любовь от создания, ищи любовь Божию. Господь не откажет в любви Своей тому, кто ее ищет. Да и как нам не любить Его?

Господь возлюбил нас прежде бытия нашего. По любви Своей Бог послал нам Искупителя, Который без особых подвигов и заслуг наших («получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе» (Рим 3, 24)) вводит нас в Царство Небесное.

Святой Григорий Богослов говорит: «Кто возлюбил, тот будет возлюблен, а кто возлюблен, в том обитает Бог. А в ком Бог, тому невозможно не сподобиться света; первое же преимущество света — познавать самый свет. Так любовь доставляет ведение».

Без любви к Богу мы никогда не достигнем спасительного Его познания, и какие бы дары мы ни имели, но без любви Божией мы — ничто.

Апостол Павел пишет: «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто» (1 Кор 13, 2).

Старец Силуан пишет: «Сколько бы мы ни учились, все равно невозможно познать Господа, если не будем жить по Его заповедям, ибо Господь познается не наукой, а Духом Святым. Многие философы и ученые дошли до веры, что Бог есть, но Бога не познали». Но кто любит Бога, тот просвещен совершенной мудростью, ибо «кто любит Бога, тому дано знание от Него» (1 Кор 8, 3).

Наша любовь к Богу в сей жизни несовершенна, потому что мало кто из нас истинно духовный. Мало таких людей, которые любовь к Богу предпочитают всему земному и которые чрез Божественную любовь видят духовными очами и чувствуют в себе Бога. Обыкновенно же любят столько, сколько знают. А так как, повторяю, духовно просвещенных или, как говорят, прозорливых — мало, то все мы спасаемся верою и любим Бога отчасти лишь.

Апостол Павел пишет к Коринфянам: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу (узрим); теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан. А теперь пребывают сии

три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор 13, 12–13).

Почему любовь выше веры и надежды? Потому что вера не есть истинная, если она не открылась любовью (см.: Гал 5, 6). Не может быть истинной вера, если с нею нет и твердой надежды, а надежда не бывает, когда нет любви к Богу.

Любовь к Богу — это наша жизнь, наше счастье, мир и покой души и совести нашей. В будущей жизни наша любовь к Богу дополнится и станет совершенной, если теперь будем искать ее и возгревать в сердцах своих, если будем полагать в Боге сыновнюю надежду, стараясь всячески приблизиться к Богу. А чтобы приблизиться к Нему, надо нудить себя к стяжанию непрестанной молитвы Иисусовой и как можно чаще обращаться к Богу в молитвах, беседовать с Ним и поучаться от Него чрез чтение Евангелия, а главное, чаще соединяться с Ним в Пречистых Тайнах, вкушая Божественное Тело и Кровь Христовы. Чем чаще мы будем с Господом, тем все более и более будет возгораться в нас любовь к Нему.

Апостол Иаков говорит: «Приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам» (Иак 4, 8); а Христос сказал: «Кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам» (Ин 14, 21).

А когда Господь возлюбит нас, тогда наша любовь к Нему станет еще совершеннее. Тогда мы охотно предадим Богу и душу и тело на всякие испытания и искушения. Тогда уже никакая болезнь, никакой труд, никакие искушения, самые страшные и ужасные, не смогут отторгнуть нас от любви Божией, как сказал апостол Павел: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?» Ничто «не может отлучить нас от любви Божией» (Рим 8, 35, 39). Тогда мы охотно свою волю предадим в волю Божию и с великою радостью примем от руки Его все, что только Ему угодно будет послать нам, как приятное, так и неприятное.

Святитель Амвросий Медиоланский говорил: «Люби и делай что хочешь». Поэтому тот, кто любит, не может уже грешить — так как в душе его живет Сам Бог, Который есть любовь (см.: 1 Ин 4, 8).

Человек, преисполненный любви к Богу, не боится смерти. Душа его с Ангелами возлетит на небо, как бы от чужой страны на родину, миновав воздушные мытарства.

Старец Силуан пишет: «Если бы каждая душа знала Господа, знала, как много Он нас любит, то никто не только не отчаивался бы, но и не роптал бы никогда. Не смущайся, если не чувствуешь в себе любви Божией, но помышляй о Господе, что Он — милостивый, и воздерживайся от грехов, и благодать Божия научит тебя».

Приведу несколько выдержек из дневника инока «В объятиях Отчих».

1) «Оскорбе же Петр, яко рече ему (Иисус) третие: любиши ли Мя?» (Ин 21, 17).

«Вот до чего довел Господь бедного Петра Своими испытаниями его любви к Себе. Оскорбе Петр. Не так ли надлежит быть испытанной и нашей любви? До скорби, до слез, до рыданий уверь Господа в своей нелицемерной любви, до претерпения ради Него всех испытаний житейских! О, Господи! Как Ты милосерд к Петру, доведя его до такой святой скорби! Мы грешные даже недостойны столь сильнейшего воспламенения любви, столь сердечно нежного испытания ее, предполагающего само собою то, что для испытуемого Ты — все, что может быть дорогого на свете».

2) «Для чего Господь требует для чудотворяще очевидного исполнения наших нужд всей глубины, пламенности и, так сказать, исчезновения в молитве, — свойств, доступных особенно святым и угодившим Богу избранникам и подвижникам? Для того, чтобы заманить нас во всю сладость и неизреченное утешение молитвы и погружения в нее всем существом и силами души до забвения всего окружающего. О, премудрая и преблагостнейшая любовь Божия! Все наше благополучие

и нужды земные, которых мы иногда столь незаслуженно ищем и требуем от Тебя со слезами, не стоят того, что дает нам самое состояние и один миг настоящей молитвы — этого блаженного упокоения на лоне сердечно-нежной и бесконечно сладкой Отеческой любви».

3) «Любящие Господа, ненавидите злая!» — зовет Давид, как бы ревнуя об образовании особого общества ненавидетелей злого, во имя любви ко Господу. И прежде всего, конечно, любящий Господа должен возненавидеть всякое зло в себе самом, ибо эта злая ехидна может таиться под самым роскошным расцветом любви Христовой...»

4) «Господи! Что может быть выше счастья — быть особо ясно возлюбленным Тобою? Что может быть блаженнее и вожделеннее наслаждения — особо живо чувствовать Твою любовь и благоволение сердцем, иметь от Тебя убедительно очевидные и неложные убеждения, что око Твое благостное с любовью и милостью покоится на нас! О, если бы сподобиться счастья сего, познать это наслаждение особой любви Твоей и благоволения, в чувстве которых исчезала душа Твоих святых угодников».

5) «Боже сердца моего! Даруй мне сердце, Тебя любящее и жаждущее! Боже души моей! Даруй мне душу, для Тебя живущую и Тобою дышащую! Боже любви моей! Даруй мне любовь к Тебе неугасимую, неизмеримую, неудержимую! Боже всей жизни моей! Даруй мне жизнь всю Тебе преданную, всю Тебе посвященную, всю Тебе угодную!» Будем же, друг мой, всегда просить Господа, чтобы ни испытания, ни соблазны мира, ни что-либо другое, особенно малодушие, не осилило нашей веры в Промысл Божий, живой надежды на Его любовь к нам и нашу любовь к Нему, ибо «любящим Бога все содействует ко благу» (Рим 8, 28). <...>

Духовным оком созерцая
Тебя, о Боже, пред собой,
Я в умиленье прибегаю
К Тебе с смиренною мольбой.

Велик Ты, Боже наш, в творенье!
И на земле и в небесах
Велик и дивен в промышленье,
Могуч и славен в чудесах!
И мы, смиренное созданье,
Мы носим образ Твой в себе,
Питаем в сердце упованье
За гробом перейти к Тебе,
Дабы навек соединиться,
С Тобою неразлучно быть,
Но чтоб достойно нам явиться,
Даждь нам всегда Тебе служить!
Даждь сердцем чистым незазорно
Святую веру сохранить,
Душою теплой непритворно
Тебя и ближних всех любить!

СУЩНОСТЬ ХРИСТОВОЙ ЛЮБВИ

Начало и конец всех добродетелей — в любви.
Святитель Иоанн Златоуст

Господь наш Иисус Христос назвал учеников Своих солью земли, но предупредил их, что соль может потерять силу, и тогда она уже ни к чему не годна (см.: Мф 5, 13). Ее выбрасывают вон. Святые отцы говорят: как соль необходима для пищи, так любовь для добродетели. Поэтому те христиане, которые не имеют Христовой любви и дел милосердия, очевидно не пригодны для Царствия Божия. Об этом говорит и апостол Павел:

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви,— то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется

неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор 13, 1–8).

Из слов апостола Павла видно, что если мы будем иметь даже горячую ревность о своем спасении, будем много поститься, много молиться, будем нести тяжелые подвиги, хотя вериги носить, но если не будем иметь любви Христовой к людям и будем безучастны к их страданиям, то мы будем очень далеки от спасения.

Если мы мнительны, подозрительны, осуждаем ближних и раздражаемся на них, если не можем спокойно перенести от них укор и обличение, не способны снисходить к их слабостям и погрешностям, то это говорит о том, что нет в нас любви Христовой. Душа наша, значит, сухая и черствая, и мы при видимом благочестии остаемся мертвые духом. Митрополит Антоний пишет: «Надо переменить жизнь, надо переменить внутреннее содержание своего сердца, надо стать достойными тех молитвенных слов, которые мы произносим. Тогда мы сможем говорить правдиво (в молитве) и тогда молитва будет радостью живой встречи с Богом. Он создал нас, чтобы мы имели радость бытия, радость знать Его, радость знать и любить друг друга».

Георгий, затворник Задонского монастыря, о сущности любви пишет так: «Хочу сказать несколько слов о сущности любви. Это самый тончайший огонь, превосходящий всякий ум и легчайший всякого ума. Действия этого огня быстры и чудны; они священны и изливаются на душу от Святого Вездесущего Духа. Этот огонь лишь коснется сердца — всякое помышление и чувства беспокойные мгновенно перелагаются в тишину, в смирение, в радость, в сладость, превосходящую все».

Любовь — не только наслажденье...
Любовь — тепло, забота, свет!
Любовь — страданье и терпенье,
Великий подвиг отреченья...
Любовь — Божественный завет!

ПРИЗНАКИ ИСТИННОЙ ЛЮБВИ

Есть любовь — терпение, и есть любовь — радость.
И. Ф.

О признаках Христовой любви епископ Вениамин (Милов) пишет так: «Любовь имеет потребность предаваться другим безгранично и до самозабвения.

Любовь воспринимает любимых не как людей, а как детей Божиих, дорожит ими христоподражательно, ревнует об очищении в них образа Божия, содействует возвышению их богоподобия и беспредельного единения с Богом.

Любящие Бога, по закону контраста, ненавидят путь греха, лжи и человеческие вымыслы и одновременно всем сердцем обращены ко всему сопредельному в сослужении Богу. Например, они любят Божии храмы, даже камни и прах их, благоговеют перед святынями, богослужением и церковно-богослужебным языком, усиливающим наши теплые чувства к Богу».

Преподобный Исаак Сириянин о признаках любви пишет так: «Любви обычно воспоминанием о любимых возбуждать слезы. А пребывающий в любви Божией никогда не лишается слез, потому что никогда не имеет недостатка в том, что питает в нем памятование о Боге; почему и во сне своем беседует с Богом. Ибо любви обычно производить что-либо подобное, и она есть совершенство людей в этой жизни».

Епископ Игнатий (Брянчанинов) говорит: «Любовь к Богу есть дар Божий в человеке, который приготовил себя чистотою сердца, ума и тела. Чем больше приготовил себя, тем больше и степень дара, потому что Господь в милости Своей правосуден».

Священник Павел Флоренский пишет: «Любить — значит наслаждаться счастьем другого и счастье чужое признавать за свое... Любовь — вот тот талант, отданный в рост (см.: Мф 25, 16), посредством которого каждый обогащает и растит себя, впитывая в себя другого. Каким же образом? — Через отдачу себя.

Человек получает по мере того, как отдает себя; и когда в любви всецело отдает себя, тогда получает себя же, но утвержденным, углубленным в другом, то есть удваивает свое бытие.

Так, получивший пять талантов прибавил к полученному еще столько же, а получивший два прибавил к полученному не более и не менее два таланта (Мф 25, 16–17).

В любви происходит взаимное восполнение. «Когда я ненавижу — я нечто отнимаю от себя; когда я люблю, я обогащаюсь тем, кого я люблю». Любовь обогащает. Бог, имеющий совершенную любовь, — Он богатый; Он богат Сыном Своим, Которого любит. Он — Полнота».

Как видишь, друг мой, святые отцы пишут в один голос, что если мы будем заботиться только о себе, а не о других, если в нас не будет проявляться любовь к Богу и ближним, то мы окажемся на положении бесплодной смоковницы (см.: Мф 21, 12).

Г. Друммонд пишет: «Зачем вам нужно жить завтра? Потому что есть люди, которых вы хотите видеть завтра, с которыми хотите быть, которые вас любят и которых вы тоже хотите любить. Другой причины у нас и быть не может для желания жить, как то, что нас любят и мы любим. Когда человека никто не любит и он никого не любит, он решается на самоубийство. Пока у него есть друзья, люди любимые и любящие, он будет жить, потому что жить — значит любить. Будь то привязанность твари — и то он не умрет; но прекратись эта привязанность, эта связь с жизнью — и жить не для чего...

Жизнь не перестает, пока есть любовь... Погибнуть — значит жить не возрожденным, не любящим, не любимым; спастись — значит любить... На Страшном Суде ни в чем, кроме недостатка любви, нас не будут обвинять... Всякое добро вне любви — только призрак. Но дела любви, о которых никто не знает и знать не может, — они одни остаются навсегда... Основа религии — в любви».

Вот как пишет отец Александр Ельчанинов: «Всегда в жизни прав тот, кто опирается не на логику, не на

здравый смысл, а тот, кто исходит из одного верховного закона — закона любви. Все остальные законы — ничто перед любовью, которая не только руководит сердцами, но движет солнце и другие звезды. В ком есть этот закон, тот живет; кто же руководствуется только философией, разумом — тот умирает. Наша любовь к Богу уже есть для нас лично, в нашем опыте — Его утверждение. Наша любовь к Богу — есть Сам Бог в нас. И субъективно ощутив эту любовь в себе, — мы уже этим самым признали Бога. Этот опыт любви — единственный путь — верный и самоочевидный. До этого движения сердца человек глух и слеп ко всему, даже чуду. После же ощущения Бога в себе ему не нужны и чудеса — чудо уже совершилось в нем самом. Если бы у нас было больше любви к Богу — с какой легкостью мы доверили бы Ему себя и весь мир со всеми его непонятностями. Все трудности — от недостатка любви к Богу, и все трудности среди людей — от недостатка любви между ними. Если есть любовь — трудностей быть не может».

От человека, озаренного Христовой любовью, льется как бы тихий свет, как бы волны тепла льются в ваши души. Он только войдет, он только взглянет — и вы уже почувствовали влияние его любви... Душа потянулась к нему доверчиво и беспомощно, как дитя — жалкая душа, иззябшая в вечном одиночестве и озлоблениях жизни. Слезы просятся на глаза, сердце раскрывает свои раны... Мы чувствуем: он не оттолкнет, он не осудит. И любовь его, как божественная, всеисцеляющая сила, освежит и исцелит измученную душу.

Архиепископ Иоанн (Шаховской) пишет: «Для существа доброго творить добро всем — это радость, а не творить добро — это мучение; смысл всей жизни — в бесконечной, переливающейся через край любви».

А вот как о любви пишет отец Иоанн С.: «Боже мой, как Христова любовь и искреннее сочувствие к нам ближнего услаждает наше сердце. Кто опишет это блаженство сердца, проникнутого чувством любви ко мне других и моей любви к другим? Это неописуемо.

Если здесь, на земле, взаимная любовь так услаждает нас, то какою сладостью любви будем мы преисполнены на небесах, в сожительстве с Богом, с Богоматерью, с Небесными Силами, со святыми Божиими человеками? Кто может вообразить и описать это блаженство и чем временным, земным мы ни должны пожертвовать для получения такого неизреченного блаженства небесной любви?

Боже, имя Тебе — Любовь, научи Ты меня истинной любви, как смерть крепкой. Вот я преизобильно вкусил сладости ее от общения в духе веры в Тебя, с верными рабами и рабынями Твоими, и преизобильно умиротворен и оживотворен ею.

Утверди, Боже, это, что соделал со мной, во мне. О, если бы это так было во все дни! Даруй мне чаще иметь общения веры и любви с верными рабами Твоими, с храмами Твоими, с церковью Твоею, с членами Твоими».

Преподобный Макарий Великий пишет: «Кто достигает совершенной любви, тот делается уже узником и пленником благодати. А кто приближается постепенно к совершенной мере любви, но не дошел еще до того, чтобы стать узником любви, тот находится еще под страхом, ему угрожают брань и падения».

У Христовой любви есть свои степени развития. Старец схимонах Силуан пишет: «Кто боится Бога, чтобы Его чем-нибудь не оскорбить, — это первая любовь. Кто имеет ум, чистый от помыслов, — это вторая любовь, больше первой. Кто ощутимо имеет благодать в душе своей — это третья любовь, еще большая.

Четвертая, совершенная любовь к Богу — это когда кто имеет благодать Святого Духа и в душе и в теле. У того освящается тело и будут мощи. Так бывает у великих святых, мучеников, пророков, у преподобных. Кто в этой мере, тот неприкосновенен для плотской любви...

Любовь Божия сильней, чем любовь девицы, к которой влечется весь мир, кроме тех, кто имеет благодать Божию в полноте, ибо сладость Духа Святого перерождает всего человека...

При полноте любви Божией душа не прикасается миру... хотя и живет человек на земле среди других, но от любви Божией забывает все в мире. И горе наше в том, что по гордости ума своего мы не стоим в этой благодати».

Кто любит, тот свободен от всех заповедей и законов, кроме одного — закона любви, которая есть «исполнение закона» (Рим 12, 10) и «совокупность совершенства» (Кол 2, 14).

Он счастлив истинным счастьем. Его Отец — Бог, его близкие и друзья — святые торжествующей Церкви. Он как фонтан изливает на всех свою безграничную любовь... на всех, даже на врагов, ибо Отец его «повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф 5, 45).

КАК СТЯЖАТЬ ЛЮБОВЬ ХРИСТОВУ

Старец Амвросий Оптинский говорил: «Если хочешь иметь любовь, то делай дела любви, хотя сначала и без любви».

Не мсти врагу за оскорбленья,
Вражду любовью погаси
И в Божий храм, до примиренья,
Своих даров не приноси.
Любя лишь тех, кто вас лелеет,
Вы мните Богу угодить?
Но и язычники умеют
Взаимно любящих любить.
А ты, — ты братские объятья
Тебя клянущим простирай
И не проклятьем за проклятье —
Благословеньем воздавай!
Творец ваш солнце зажигает
И множество светил ночных
И с неба дождь ниспосылает
Равно для добрых и для злых.
Так ты и доброму и злому
Учись, как Он, благотворить;
И будешь сыном Всеблагому,
И жизнью вечной будешь жить!

Вот основной путь к прибыванию Христовой любви. Но бывают случаи, как исключение, когда Господь посещает душу внезапно и дарует ей благодать Свою. Душа загорается великой любовью к своему Спасителю, но по неопытности своей без духовного руководителя постепенно теряет силу этой любви от искушений диавольских. Редкий человек удерживает эту любовь во всей полноте до конца жизни, и только когда он начинает жить под руководством духовного отца, тогда постепенно опять приобретает потерянное.

Святые отцы учат, что духовную жизнь нельзя начинать сверху, то есть с исполнения наивысших заповедей. Надо начинать ее снизу, то есть прежде всего надо очистить душу от страстей и пороков, приобрести терпение и другие добродетели, а тогда уже усовершенствуется любовь к ближним и к Богу.

Преподобный Исаак Сириянин пишет: «Любовь есть плод молитвы, когда ум пребывает в молитве без уныния и человек молится пламенно и с горячностью, стремясь получить дар любви. Терпеливо пребывать в молитве — значит отречься человеку от себя самого: при самоотвержении же достигается любовь Божия».

А старец отец Алексей М. пишет: «Любовь приобретается путем работы над собой, путем насилия над собой и путем молитвы... Посылает Господь какого-нибудь человека, надо отнестись к нему внимательно, подойти к нему, войти в его положение, посвятить ему уголок своего сердца. Так постепенно все новые и новые люди будут входить в наше сердце, и наше сердце будет все расширяться и расширяться. Мы должны подражать любви Божией.

Случай сделать добро кому-нибудь есть милость Божия к нам. Поэтому мы должны бежать — стремиться всей душой послужить другим. А после всякого дела любви так радостно, так спокойно на душе, чувствуешь, что так и нужно делать; хочется еще и еще делать добро. После этого будешь искать — как бы кого еще обласкать, утешить, ободрить. А потом в сердце такого

человека вселится Сам Господь: «Мы придем и обитель у него сотворим» (Ин 14, 23).

Епископ Вениамин (Милов) пишет: «Даже безотносительно к людям смирение в одежде, утаение добрых дел своих, выполнение самых черных работ, отказ от блистания в обществе какими-либо преимуществами — чудно и неизъяснимо умножает в душе любовь к Богу и людям.

Путь стяжания любви к Богу — это приобщение себя к жертве. Бог возлюбляется постольку, поскольку человек начинает жертвовать всем ради Бога. Для этого надо научиться жертвовать своим временем, отдавая его молитве; жертвовать силами, не жалея их при молитвенном бодрствовании, стоянии и поклонах; жертвовать привычкой есть сладко, вкусно и досыта — при упражнении себя в посте и воздержании; жертвовать склонностью развлекаться; жертвовать комфортом, приучая себя к скудости; жертвовать нарядами — стремясь одеваться по возможности скромнее и т.д. Пусть каждый день приносятся жертвы Богу: от этого будет вложен новый камешек в наше сердечное здание любви».

Отец Александр Ельчанинов пишет: «Вся наша внутренняя жизнь движется любовью к Богу. Но откуда взять эту любовь? Всякая наша любовь питается впечатлениями от любимого объекта (мира, родных). Как может удержаться и не завянуть наша любовь, а с нею и наша вера, если она не питается никакими впечатлениями? Но какие же впечатления от Бога, Которого никто никогда не видел (см.: 1 Ин 4, 12)? — Мы имеем Христа. Размышление о Нем, молитва, чтение Евангелия — вот пища, питающая нашу к Нему любовь. Но бывает, и очень часто, что для этого сердце наше оказывается слишком грубым, невосприимчивым. Тогда надо попытаться обратиться к житиям святых, к писаниям святых отцов — у них тот же свет Христов, но в смягченном, ослабленном виде, уже прошедший сквозь призму хотя и святой, но человеческой души».

Во всякой добродетели необходима рассудительность, а в любви она особенно нужна, потому что «все доброе в нас, — как пишет отец Валентин Свенцицкий, — имеет некую черту, перейдя которую незаметно обращается в зло». Так и любовь к кому-либо без рассуждения может перейти в гибельную привязанность — страсть или в греховное пристрастие к чему-либо. Избави Господи!

Кстати, ты спрашиваешь: «Что выше и важнее — дела любви или молитва?» На такой же вопрос преподобный Иоанн Лествичник отвечает так: «Бывает, что когда стоим на молитве, встречается дело благотворения, не допускающее промедления. В таком случае надо предпочесть дело любви. Ибо любовь больше молитвы, так как молитва есть добродетель частная, а любовь объемлет все добродетели». Но, разумеется, будет еще выше и лучше, если совместишь дела любви с непрестанной молитвой.

Мы привыкли считать, что дары Святого Духа, как, например, любовь Христова и дерзновенная молитва, даются только старцам и старицам, поэтому в юном возрасте (с детства) подавляем в себе самое драгоценное — дерзновение в молитве, то есть веру в то, что Господь непременно исполнит наше благое прошение. Вот и выходит: сначала подавляем в себе эту веру, не даем ей возможности расти, а потом вопием к Богу: «Верую, Господи! Помоги моему неверию!» Получается фальшь... Из-за своего мудрования допускаем мысль: «Господи, не могу я молиться с дерзновением, не могу верить, что Ты исполнишь просимое, и даже не могу просить, потому что знаю (какая дерзость!), что не исполнишь мою просьбу...»

Страшно читать, страшно произносить такие кощунственные слова... А в жизни так поступать нам не страшно? Слова такие оскорбительны для Бога, имя Которого — Любовь, а наше малодушие, наша трусливость исповедать и самым делом признать Его любовью — разве это не оскорбительно для Бога? Или мы забыли, что означает слово «любовь».

Вот как пишет инок в своем дневнике «В объятиях Отчих»: «Сильнейшим союзником в молитвах твоих ко Господу ты имеешь то Его свойство, что Он не просто делает нам добро или оказывает нам помощь, но именно любит делать это, любит все сделать для нас, лишь бы это было нам в пользу и спасение. Призывай это Божественное свойство в помощь своей недостойной молитве, и Господь, любящий благотворить нам, подвигается сугубою любовью благотворить тебе».

Нам надо с детей брать пример, учиться у них простоте, доверчивости, любви и незлобию. Когда малыш провинится и мамаша его накажет, он может сказать только, в худшем случае: «У-у-у... Какая мама нехорошая! Дерется! Тетя Валя лучше: Саньку не бьет!» — и все. А через несколько минут мамочка становится для него опять самой хорошей. Лучше всех на свете! У него никогда не возникает мысли: «Ну, все, пропал! Теперь мама не накормит, а может, и... убьет!» Ребенок подуется-подуется на мать и отца, поплачет, покапризничает, да на том дело кончится. Исполнит свое послушание — родительское желание — и опять как ни в чем не бывало занимается своими делами, играми, уроками. Вот так и нам надо верить в любовь Божию, как ребенок верит в любовь матери и отца. Нельзя допускать даже и тени сомнения в том, что Господь любит нас больше, чем родная мать, и что Он готов исполнить каждое наше благое прошение, лишь бы мы не теряли веру в это.

Мы говорим: «Детская молитва доходчива. Бог слышит детей». Да. А почему, спрашивается? Да потому, что благочестивые: дитя, отрок или юноша, также и отроковица с девицей молятся Богу и просят его в простоте сердца с любовью без мудрования. Понятие о Боге и грехе у них не искажено еще. Они знают, что Господь добрый, хороший, что Он любит всех, особенно детей, которые Его любят и слушаются Его в лице родителей и старших... Так как же Он не услышит их?! Такого быть не может! И действительно. Вспомни, как по молитве юного Пантелеимона (великомученика) воскрес умер-

ший отрок и распалась змея (житие святого великомученика Пантелеимона). И таких примеров можно было бы привести очень много.

Возможно, ты возразишь, Д., и скажешь, что для совершения чуда одной веры недостаточно, нужна еще и чистота души. Это само собою разумеется. Но говорят: «Не бывает правил без исключений». Если бы грешник смог побороть в себе угрызения совести и, движимый пламенной любовью к ближним, смог бы помолиться с дерзновением, то смиренная молитва его была бы услышана.

Выпишу для тебя маленький рассказ из дневника инока. «Одна блудница встретила по дороге женщину, у которой только что умер на ее руках ребенок. Горе матери так тронуло блудницу, что она падает на колени и молится: «Господи! Я — окаянная, нечистая и скверная, недостойная ничего, что бы Ты мог сделать для меня. Но не ради меня, а ради самой этой несчастной матери, яви ей Твое милосердие и помощь!» И что же? Младенец воскрес... Вот как милосерд Господь!..» И вот что делает дерзновенная молитва!

Святые отцы учат, что духовную жизнь надо начинать снизу. Это значит, что надо с корнем выкорчевывать из сердца своего страсти, которые заставляют нас грешить не только ежедневно, но, можно сказать, и ежечасно.

Какая же основная причина отделяет нас от любви Божией? Какой грех? Самый глубокий корень зла, тяжелейший порок души — наша самость, наша обращенность на себя, наш эгоизм. Самое печальное обстоятельство то, что этот порок развивается, поощряется и, я бы сказал, чуть ли не силой насаждается родителями и всеми ближними с самого раннего возраста. А когда грех становится как бы неотъемлемой принадлежностью души, когда он уже вошел, как говорится, в плоть и кровь, тогда до изнеможения, до кровавого пота начинается мучительная борьба с этим внутренним врагом, которого сами взрастили и взлелеяли. Разумно ли это?

Если мы вспомним детские годы святых в любом возрасте, то невольно умилимся: какая чистота души! Простота, правдивость, безыскусственность в словах, делах и во всем облике; послушны и смирны, несмотря на то что по возрасту иные были быстры и подвижны; любвеобильны и жалостливы ко всем — не только людям, но и ко всякой твари; вежливы, ласковы; услужливы... Впрочем, излишне перечислять все их добродетели. Важно только уяснить себе, что детская душа из благочестивой семьи — чиста и свята.

Господь сказал: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Мф 19, 14). И еще сказал: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф 18, 3).

Поверь, друг мой, если бы родители наши брали пример с мученицы Софии, которая наставляла своих дочерей — отроковиц Веру, Надежду и Любовь — хранить веру в Бога, надежду на Него и любовь к Нему до смерти, то не пришлось бы нам начинать работать Богу снизу и борьба с грехом была бы для нас не столь жестока.

В юном возрасте христианин, не утвержденный в любви Божией, влечется плотскою страстью в страну далече от Бога и оскверняет душу и тело грехами молодости: словом, взглядом, скверным помыслом, лобзанием, осязанием, а иногда доходит и до падения. И вот, если бы с детства мы сохранили любовь к Богу и ближним, то юность наша не встала бы преградой между нами и Богом, мы остались бы нравственно чистыми и верными Ему навсегда, даже в супружестве.

Все несчастье в том, что мы сами себя разрываем на части: правой рукой пытаемся ухватиться за небо, а левой рукой крепко держимся за землю, никак не хотим расстаться с нею... Не успеем руки свои положить на плуг, как уже испугались необозримости пашни. Страшимся труда! А ведь по сути дела... какого труда-то?

Если пахарь малосильный и у него ограничено время, то большая площадь земли его может действительно

устрашить, но мы-то чего боимся? Нас-то что страшит? Ни мозолей не набьем, ни потом не изойдем, ни боль и усталость в теле нам не грозит... Видимо, только одно устрашает: привязанность ко греху, к своей страсти и боязнь потерять ее. Жалко расставаться со своим рогатым чудовищем — эгоизмом, которого сами в себе родили с помощью родных и знакомых, которого всю жизнь лелеяли, берегли и заботились о нем за то, что в виду беспечных зрителей он поднимает наше «Я» до небес... Бедные люди (от них же первый есмь аз)! Что же мы так упорно не хотим помнить и знать, в какую бездну низводит наше «Я» и какие страшные мучения в вечности оно готовит нам?.. Куда же девался страх Божий?..

Правда, есть из нас и такие, которые знают и даже со всей остротой сознают, что наше «Я» (эгоизм) — это опаснейший враг, хотя коварно выдает себя за друга. Они рады были бы избавиться от него, но как?.. В их понятии это равносильно самоуничтожению. Они так помышляют: «Что значит отречься от себя?.. Это значит не иметь личной жизни. Почему я должен жить для Петра и Дарьи, для пятого-десятого? А кто для меня будет жить?.. Я ведь могу дойти до крайней нищеты и умереть раньше времени!..» А где же ваша вера в Промысл Божий? — следовало бы их спросить. Неужели Господь о птицах и животных печется более, нежели о человеке? Неужели Он любит их больше, чем нас?.. Вот и получается... нет у нас ни веры, ни надежды, ни страха Божия, ни любви, поэтому и приходится нам начинать духовную жизнь снизу... А как бы хотелось никогда не спускаться вниз!.. Помоги нам, Господи!

К чему я завел речь о дерзновении в молитве, о надежде и страхе Божием? Во-первых, к тому, чтобы внушить тебе эти благие чувства, ибо чрез них приобретается любовь Христова, и, во-вторых, к тому, чтобы ты в ближних насаждал любовь к Богу и утверждал, укоренял бы ее так, чтобы потом не пришлось им начинать дело своего спасения «снизу». Эта дорога очень длинная и тернистая... Лучше с детства строго следить за

тем, чтобы не возросли и не укоренились в сердце плевелы, которые так плодовиты и с которыми приходится жестоко бороться, особенно с самоценом, приводящим нас к тщеславию и гордости, а следовательно и к погибели. Избави Господи!

Итак, друг мой, подводя итог написанному, еще раз напомню о том, как стяжать любовь Христову.

1) Прежде всего в молитве проси Господа о ниспослании свыше этого дара. А чтобы молитва была услышана, надо возбудить в себе горячность чувств к Богу частым размышлением о Нем (богомыслием), сосредоточенным чтением Евангелия, Псалтири и поучений святых отцов, а также чтением житий Иисуса Христа, Божией Матери и всех святых. Любовь Христова приобретается не сразу. Много времени приходится трудиться, чтобы приобрести это сокровище, поэтому советую употребить все возможные средства и приложить как можно больше усилий, чтобы скорее достичь цели.

2) Делай как можно больше добрых дел всем без разбора, с кем столкнет тебя Промысл Божий: родственникам, друзьям, врагам, знакомым, незнакомым, верующим и неверующим — всем без исключения. Главное — это стремиться, торопиться делать добро, пока мы еще живы, пока у нас есть время и возможность, не думай, что добро может делать только обладающий материальными средствами. Очень много людей нуждаются в нашей помощи: физической силе, в добром совете, в знаках внимания и сочувствия. И верь, друг мой, как бы ни было мало и незначительно твое доброе дело, оно во веки веков пребудет с тобой! Как знать!.. Может быть, твой сочувствующий взгляд на согрешающего и молитва о нем будут теми золотыми песчинками, которые выведут из равновесия весы и перетянут чашу твоих добрых дел, ради которых Господь дарует тебе вечное блаженство.

Никакие добродетели и подвиги так быстро не подвигают Господа на Его милосердие, как добрые дела. Любовь потому и возвышается над всеми другими до-

бродетелями, что она неразлучна с добрыми делами. Основное свойство любви — творить добро. Добрые дела могут быть без любви, но любовь без них быть не может. Обладающий Христовой любовью, даже прикованный к одру болезни, является благодетелем для всех, ибо его пламенная любовь и дерзновенная молитва отверзают небо для благодеяний Божиих человекам.

3) Наипаче ревнуй о смирении, ибо тщеславным и гордым Господь противится... не слышит, вернее не исполняет их прошений, чтобы они не возгордились еще больше и чтобы не погибли. Смиряй себя беспредельно. Будь скромен и воздержан во всем: в одежде, в домашней обстановке, во сне, в пище, питии, в словах, взглядах, походке; избегай славы и почестей; не гнушайся черной, грязной работы; храни в тайне свои добрые дела и откровения Божии; терпеливо и безропотно переноси всевозможные оскорбления, хулу, напраслины и прочее и благодари за них Бога. Каждый час будь готов к смерти.

4) Добросовестно и со страхом Божиим выполняй свое послушание и работу по службе. Избегай саможаления.

ЛЮБОВЬ ХРИСТОВА К БЛИЖНИМ И ЛЮБОВЬ ЕСТЕСТВЕННАЯ

Возлюби ближнего твоего, как самого себя.
Мф 12, 31

Господь повелевает нам любить ближних, к числу которых относятся и враги наши, как самих себя. И даже особо подчеркивает: «Любите врагов ваших» (Мф 5, 44). Вместе с тем, Он говорит: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником; и кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником» (Лк 14, 26–27).

Не правда ли, друг мой, какое странное противоречие, на первый взгляд? Ведь к числу ближних относятся

прежде всего отец и мать, муж и жена, дети, братья и сестры, а затем уже другие родственники, друзья, знакомые, недоброжелатели и даже враги наши. Как же совместить эти два противоположных понятия?

Дело в том, что в лексиконе человеческого языка иногда не хватает слов для выражения истинных чувств и понятий. Так и в данном случае. Понятие «возненавидит» нельзя представлять себе в прямом смысле этого слова. Господь есть любовь. Невозможно себе представить, чтобы любовь повелевала ненавидеть в том смысле, как мы привыкли понимать это слово, ибо слово это характеризует собой тяжелейший порок души и великий грех. Слово «возненавидит» в данном случае надо понимать как совокупность благих чувств ко Господу у христианина, вставшего на путь истинного покаяния, которые вызывают отпор со стороны ближних. Чувства эти столь сильны, тяготение к Богу так велико, что человек становится неузнаваем для окружающих... Он попрежнему нежно любит жену и детей, мать и отца и был бы счастлив, если бы они тоже загорелись любовью к Богу или хотя бы по страху Божию служили Ему, выполняя Его святые заповеди, но... они какими были, такими и остались в своем неведении Бога или в мертвящей беспечности.

И вот тут-то начинаются семейные драмы... Начинает появляться «ненависть» нежно любящего отца и супруга... или любого члена семьи, кто обратился к Богу.

Вот, представь, жена обращается к мужу с обычными вопросами и просьбами, как прежде, и вдруг она теперь получает отказ, отказ, отказ... Что случилось? Это — нельзя, это — подождем, это — выброси из головы... Да что же это такое?! Жена начинает раздражаться и, уже не сдерживая своих чувств возмущения и негодования, она в резкой форме заявляет мужу:

— Если ты возненавидел меня, то так и скажи... Зачем лицемерить? Любовь на словах мне не нужна... Какое издевательство!! В среду и пятницу подавай ему постное блюдо... Что, я должна для тебя отдельно готовить?

Котиковую шубу — не покупай... Может, в рогожу меня оденешь? А вчера... Даже вспомнить стыдно! Я кричу, ругаю соседского хулигана, чтобы ему неповадно было отнимать у Иринки велосипед, а ты... явился, «красное солнышко»: «Прими, Миша, от Иры подарок. Катайся на здоровье!» — Хорош! Нечего сказать... С таким мужем доживешь до того, что и рогожу не на что будет купить... «Они бедные, а ему хочется иметь. Мы Ирочке другой купим». Вот утешил! Мало ли кому чего хочется иметь!.. — И так далее, и так далее, и тому подобное. Оставим ее, друг мой, в покое. Эта живая пила будет пилить до кости, пока и кость не перепилит.

И вот на арене борьбы духовной сталкиваются два характера: один — твердо вольный, вдохновленный истиной, другой — твердо упрямый, основанный на ложном понятии и капризах. Исход борьбы для нас с тобой ясен... Обрати внимание на слова Спасителя: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца...» Не сказал: «пришел» или «придет», а «приходит» — признак начального, незавершенного действия. Именно в начале обращения бывают шероховатости, которые дают повод говорить о ненависти. Впоследствии они сглаживаются уступками друг другу или приводят к разрыву.

Так и отца с матерью и других родственников должен он ненавидеть в смысле неподчинения их воле, если она отводит его от Бога или приводит ко греху. Так что внешне получается, будто он действительно их не любит, не считается с ними, но в душе он должен и прямо-таки обязан искренно всех любить и горячо молиться Богу о их спасении, иначе не устоит в добре — благодать уйдет.

Те же соображения относятся и к самому себе. Архиепископ Иоанн (Шаховской) пишет: «Мера мудрости человека определяется и мерой его евангельской ненависти к себе», то есть к своей самости, к своим греховным наклонностям.

Следующими словами о кресте: «И кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим

учеником» — Христос утверждает подвижника на крестном пути и как бы предупреждает его, что он не должен страшиться этих шероховатостей и всевозможного рода неприятностей; чтобы он не смущался и не удивлялся, не малодушествовал, но мужественно все переносил и терпел, чтобы был твердым и стойким, зная, что все это в порядке вещей и что это так и должно быть. Сам Христос на землю меч принес для разделения родственников в этом смысле. Чему же нам удивляться?..

Процесс перерождения души и всего человека после зарождения веры в Бога или оживления ее схиархимандрит Софроний описывает так: «Христианин отходит от мира; в эгоистической заботе (как думают многие) о своем спасении он все оставляет, как "ненужное"; он "ненавидит" отца своего, и мать, и детей, если они есть; он отвергает всякую плотскую и душевную связь; в своем устремлении к Богу он "ненавидит" мир и всецело уходит в глубину своего сердца.

И когда действительно войдет туда, чтобы сотворить там брань с сатаною, чтобы очистить сердце свое от всякой греховной страсти, тогда в том же сердце своем, в глубине его, он встречается с Богом и в Боге начинает видеть себя неразрывно связанным со всем бытием мира, и нет тогда для него чуждого, постороннего. Порывая вначале с миром, он через Христа вновь обретает его, в себе, но уже совершенно иным образом и становится связанным с ним "союзом любви" на всю вечность. Тогда всякий человек, независимо от удаленности места или исторической эпохи, когда он жил, включается через молитву в его вечную жизнь... И нет тогда для него чужого человека, но каждого он любит, как заповедал Христос. Кончает христианин желанием душу свою положить за Христа и за друга и недруги своя...

Итак, все отвергая, со всем порывая, все "ненавидя", христианин получает от Бога дар вечной любви духовной ко всем и ко всему».

И вот, если возрожденный духом христианин устоит против естественной любви к жене, детям и к отцу

с матерью, то он оказывается достойным любви Божьей. Господь награждает его Своею любовью с избытком. Но если он не устоит в этом и будет сердцем склоняться в сторону естественной любви, то он не будет преуспевать в деле спасения, а будет так... ни то ни се... ни холоден ни горяч.

Наличие естественной любви не говорит о том, что душа человека высока по своим достоинствам. Такая любовь, как супружеская и материнская, общая у человека со многими высшими животными, возможна для самых больших грешников. Слепая любовь — пристрастие — видит в любимом человеке только душевную и плотскую его сторону. Она не проникает в его духовную сторону и не заботится о ней. Движимый такой любовью заботится лишь о внешних благах для любимого человека, о внешних успехах, не различая дурного и хорошего, одинаково принимая и поощряя все, что тот делает. Такая слепая душевная привязанность не думает об истинном благе для души любимого и потому часто приносит большой вред его душе. Такая любовь может быть очень страстной и сильной, но неглубокой по содержанию. В ней, как правило, скрывается эгоизм: любящий ставит выше всего свое собственное чувство и привязанность.

Об этом же говорит и епископ Игнатий (Брянчанинов): «В каких язвах наша любовь естественная. Какая тяжкая на ней язва — пристрастие. Обладаемое пристрастием сердце способно ко всякой несправедливости, ко всякому беззаконию, лишь бы удовлетворить болезненной любви своей».

Очень плохо и опасно, если к Христовой любви примешивается хотя бы малое пристрастие ко внешнему чувству. Вот как об этом пишет митрополит Московский Филарет: «Сердце чувствительное и любящее надобно возвысить от любви естественной к духовной... чтобы оно, погрузясь в связи семейные, не погрязло совсем в одной естественной любви».

Епископ Вениамин (Милов) пишет: «Если сравнить душевную, природную любовь со Христовой — благодатной

и сверхъестественной, то первая узка, эгоистична временами, часто изменчива, граничит иногда с жестокостью и забвением Бога и в конечных своих целях часто чувственна. Вторая — безгранично широка и самоотреченна, вечна, духовна, чиста и необъятно сильна».

Преподобный Исаак Сириянин пишет: «Прекрасна и похвальна любовь к ближнему, но лишь в том случае, когда попечения ее не отвлекают нас от любви Божией».

А преподобный Никодим Святогорец пишет: «Любовь к Богу не имеет меры, как любимый Бог — предела и ограничения. Любовь же к ближним должна иметь предел. Если ты не будешь держать ее в подобающих ограничениях, то она может удалить тебя от любви к Богу, причинить тебе большой вред, ввергнуть тебя в пагубу. Воистину ты должен любить ближнего, но так, чтобы чрез то не причинить вреда душе своей. Одна цель — благоугождение Богу — охранит тебя в делах любви к ближним от всяких неверных шагов».

Степень и проявление любви к ближним обычно зависят от того, насколько они близки к Богу или далеки от Него. Любовь Христова не слепа, в противоположность любви по плоти. Об этом архиепископ Иоанн Шаховской пишет так:

«Можно ли человека любить и ему не доверять?.. Можно. Истинная любовь к человеку совсем не означает обоготворения всех его качеств и преклонения пред всеми его действиями. Истинная любовь может замечать и недостатки человека столь же остро, как и злоба. Даже еще острее. Но любовь... бережет и спасает человеческую душу для вечности; злоба же топит и убивает. Любовь любит самого человека, не его грехи, не его безумие, не его слепоту...

Подвиг прозорливости духовной — видеть все грехи людей и судить все зло и при этом не осудить никого... Только свыше озаренный человек способен на такую любовь».

Ты можешь спросить: «А как же все остальные?..» Всем остальным надо много работать над собой, чтобы

Отец Савва возглавляет чин о Панагии

достигнуть озарения свыше и возлюбить Бога и ближнего. Надо силой воли и частым размышлением о Боге, вечности, о своей греховности и о Страшном Суде, о крестных страданиях Спасителя нашего и о многом другом возбуждать в себе эти благие чувства, то есть любовь к Богу и любовь к ближним. Надо всегда помнить, что Сам Христос положил живот Свой за спасение всех нас и что теперь мы, христиане, составляем одну духовную семью, как бы одно тело духовное, поэтому мы должны быть дружны и согласны между собою не только в делах и словах, но и в помыслах и в чувствах.

У всех у нас Отец единый — Господь Бог, поэтому все мы между собою братья и сестры о Христе и поэтому мы должны искренно любить друг друга чистой, святой любовью, наипаче же Отца своего Небесного, Который нежно любит всех нас больше, чем мы сами себя любим, и хочет сделать нас достойными вечной блаженной жизни. Неприлично нам враждовать друг с другом, страшно восставать на детей Отца своего... Не отринет ли Он нас за это?.. Апостол Павел наставляет нас: «Будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас» (Еф 4, 32). Поэтому самое надежное, друг мой, с искренним чувством протянуть руку помощи ко всем и сказать:

Пора прекратить нам вражду меж собою,
Пора нам составить одну лишь семью,
Чтоб каждый сказать мог друг другу с любовью:
Приди! Мы все братья — дай руку свою!
Богат ты и носишь нарядное платье...
Я беден и в грубой одежде худой,
Но жить для тебя — в этом цель моя! Счастье!
Так дай же мне руку — мы братья с тобой!

Люби каждого человека самоотверженно, забывая себя и не разбирая — достоин он любви твоей или не достоин. Не помни обид, причиненных тебе врагами, но усердно молись за них такими словами: «Господи, даждь милость ненавидящим мя, и враждующим мя, и поношающим мя: да никто же от них, мене ради не-

чистаго, нечто зло постраждет ни в нынешнем, ни в будущем веце! Но очисти их милостию Твоею и покрый их благодатию Твоею, Благий, озари и просвети их во веки веков. Аминь». Молитва за врагов есть самая большая милостыня, а чрез оказание милости всем людям, в том числе и врагам, ты приблизишься к Богу и сделаешься Его другом и сыном возлюбленным.

Епископ Иоанн пишет: «Для того чтобы любить жизнь, не будем искать в ней то, что она нам может дать, а то, что мы сами должны ей принести. Хочешь ли полюбить жизнь, рассмотри, какую пользу ты можешь в ней принести другим. Неужели на твоем пути не нашлось никого, кому нужна была твоя любовь, кого бы ты мог утешить, поддержать, привести ко Господу? Отдаваясь делам любви, вся жизнь наша преобразится и расцветет при свете этой любви».

Делать добро людям, служить им, помогать им по мере своих сил и возможностей — это величайшее счастье и наслаждение истинно любящего сердца. Добродетельный человек, стяжавший любовь Христову, творит добро и врагам своим по заповеди Божией: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф 5, 44).

Он знает, что враждует на него не человек-враг, а общий для всех враг — диавол, поэтому живет он согласно поучениям апостола Павла: «Никому не воздавайте злом за зло... если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его» (Рим 12, 17, 20), иными словами: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Такова воля Божия, и мы без рассуждения должны повиноваться ей, если хотим быть наследниками блаженной жизни вечной».

И действительно, по какому праву мы можем ставить себя выше других, тщеславиться и превозноситься над ближними. По земной природе нашей все мы друг для друга — ближние, а по надежде небесного наследия — братья. Прав никаких нет, а причина одна — наш

эгоизм. Наше больное самолюбие и извращенное себялюбие препятствуют стяжанию любви Христовой. Все нам кажется, что мы лучше других, умнее их и... даже красивее!.. Умеем со вкусом одеваться... Умеем стол накрыть так, что любой позавидует... Разбираемся во всех вопросах, в карман за словом не полезем. «А что другие?! Ходячие мумии!.. Даже перекреститься толком не умеют!.. Сколько бы я ни делал добра, все равно погибнут... Стоит ли напрасно трудиться?..»

Так рассуждает и осуждает больное, извращенное себялюбие, которому только до себя... Я подчеркиваю слово «извращенное», так как разумная любовь к себе не есть грех или порок души, и такая любовь к себе, как желание спасти душу свою для вечной радости, не препятствует любви Христовой, а, наоборот, усиливает ее. Но если человек увлечется спасением своей души до того, что совсем забудет о ближних, если в сердце его не будет гореть огонь Христовой любви к Богу и к ближним, то напрасным будет его труд: спасения он не достигнет...

Христос требует от нас, чтобы мы любили ближних, как самих себя — не меньше! Как себя любить, мы знаем, значит, знаем, как надо любить и ближних своих. Христос сказал: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лк 6, 31). Вот явное и определенное указание, как мы должны вести себя по отношению ко всем людям, не разбирая, враг он личный или друг любезный. О врагах же наших, которые по сути дела являются нашими благодетелями, будем с особым усердием молиться Господу, чтобы Он помиловал их и ими же веси судьбами привел ко спасению.

Советую, друг мой, молиться примерно такими словами: «О, Боже, возбуди во мне любовь к Тебе и к ближним моим! Пусть оказываю ее, не разбирая друзей, благодетелей и врагов. Ты не отказал в оной даже Своим мучителям, но за всех предал Себя на смерть; потому я должен быть привержен ко всему любовию христианскою — Христовою. Может ли быть какой-либо союз между

мною и Тобою, если я ненавидеть буду тех, которым Ты оказываешь милость?! На Тебя вся надежда моя, на Тебя все упование мое!» <...>

ЛЮБОВЬ ХРИСТОВА У СВЯТЫХ

Господь наш Иисус Христос сказал Своим ученикам и апостолам: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас» (Ин 13, 34). В лице святых апостолов Христос и нам сказал эти слова — всему человечеству! Еще сказал: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин 15, 13). Христос первый воплотил эти слова в жизнь, предав в искупительную жертву Себя за спасение людей всего мира, всех поколений. Вот наивысший предел любви, к которой призывает Господь каждого из нас.

Апостол Павел так наставляет Ефесян: «Итак, подражайте Богу, как чада возлюбленные, и живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное» (Еф 5, 1–2). Вот та красная черта, которая проходит через всю жизнь христианина-подвижника: любовь к Богу и ближним до смерти, не считаясь ни с какими жертвами.

Святые угодники Божии жили на той же земле, обложенные той же плотию, и были во всем, кроме грехов, подобны нам. Кроме грехов... Два слова отделяют нас, земных, от неба, а по существу одно — грехи.

Чтобы праведным быть, надо жить просто; не думать о зле, не желать делать зло, всячески избегать тех моментов и случаев, когда через нас невольно может быть сделано зло. Иными словами, надо жить так, чтобы, как говорится, и мухи не обидеть.

Апостол Павел учит: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (Рим 12, 21), а это уже нелегко. Это значит, что за зло врагам надо платить добром... Вот камень преткновения!

Кто вмещает эту заповедь: «Любите врагов ваших» (Лк 6, 35) и кто исполняет ее, тот и становится святым,

а кто не исполняет, тот остается земным, тленным, грешным... Кто научился любить врагов и благотворить им, тот, значит, приобрел все христианские добродетели: любовь к Богу и ближним, смирение, терпение, веру, надежду и др.

Кто любит врагов, тот с полным правом может назвать себя крестоносцем, потому что он отверг свой эгоизм, свою самость и покорно несет по стопам Христа свой жизненный крест. А крест — это наши трудности, лишения, обиды, горести, болезни и всевозможные несправедливости, которые мы должны претерпевать и беззлобно, с любовью всем прощать.

Не правда ли, друг мой, каким трудным, тернистым и прямо-таки непроходимым кажется путь христианина-крестоносца? Но это только так кажется. Трудность пути ощущается только в начале, в момент борьбы со страстями, до победы над собой. А как только человек отбросит свое «Я» и начнет жить для других; как только он, познав сладость любви Христовой, посвятит всего себя служению Богу и ближним, так знай — пришел конец его трудностям.

Когда душа ощутит благодать, хоть в малой степени, тогда она загорается любовью к Богу и ближним, а благодать приходит за дела любви. Тогда в душе водворяется мир и тишина, несмотря на все бури и невзгоды вокруг нее. Врагов она уже любит не по принуждению, а по горячему влечению сердца... За это душа получает великую благодать, и она, пребывая в блаженной любви ко всему миру, забывает весь мир...

Нет большего счастья и блаженства, как любить Господа всем умом и всем сердцем, всем существом своим, а также любить ближнего, как самого себя.

Старец Силуан говорит: «Чем больше любовь, тем больше страданий душе; чем полнее любовь, тем полнее познание; чем горячее любовь, тем пламеннее молитва; чем совершеннее любовь, тем святее жизнь».

Почему сказано: чем больше любовь, тем больше страданий? Не потому, что душе тяжело переносить

несправедливости, когда за ее любовь платят черной неблагодарностью и даже злодеянием. Такая тяжесть бывает, как я уже сказал, в начале пути, когда в душе еще страсти кипят. Страдания души, познавшей любовь Христову, совсем другого рода... Страждет душа потому, что она видит себя неисправной пред Господом и как бы неблагодарной за Его любовь, какую ощущает в себе. Каждая пылинка греха, каждый намек на грех и тень греха мучат и терзают ее. Но больше всего страждет душа, когда благодать на некоторое время скрывает себя. О... как тяжело бывает душе в такое время!.. Преподобный Варсонофий Великий говорит: «Бог есть огонь, согревающий и разжигающий сердца и утробы. И если мы ощущаем в сердцах своих холод, который от диавола, ибо диавол холоден, то призовем Господа, и Он, пришедши, согреет наше сердце совершенной любовью не только к Нему, но и к ближнему. И от лица теплоты изгонится холод доброненавистника».

Этот огонь есть любовь Христова — это солнце для душ человеческих: она согревает и разжигает души, ею душа живет, а без нее умирает.

Любовью ль сердце разгорится, —
О, не гаси ее огня!
Любовь есть Бог!
Им жизнь живится,
Как светом солнца яркость дня.
Люби безмерно, беззаветно,
Всей полнотой душевных сил,
Хотя б любовию ответной
Тебе никто не отплатил.

Старец Силуан пишет: «Любовь Христова горяча и не дает помнить зла. Она — великий благодатный дар душе человеческой. Она приобщает человека к райской жизни еще здесь, на земле».

Преподобный Исаак Сириянин так характеризует человека, загоревшегося Христовой любовью: «Лицо человека как бы горит и делается радостным: его тело также согревается. Его оставляет страх, и он делается

восторженным и изумленным. Страшная смерть делается для него желанною, и у него не бывает никакого отступления в размышлениях о небесном. Не замечает он окружающего материального мира и все житейские дела делает машинально; его разум всегда погружен в созерцание, и мысль его беседует с кем-то другим. Когда достигаем такой любви, тогда достигли мы Бога и путь наш совершен».

Георгий, затворник Задонского монастыря, так пишет: «О многом, относительно себя, я был откровенен перед вами: намереваюсь и еще быть откровенным. Я провел здесь, в моем уединении, кажется, уже шесть лет, когда Господу угодно было привести мое сердце в совершенное сокрушение. Тогда думал, что уже пропал и что гнев Божий сожжет мою законопреступную душу, унывающую и не радеющую... Я впал в великое изнеможение и едва дышал — но непрестанно повторял в сердце: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного».

Вдруг, в одно мгновение, вся немощь отпала, и огонь чистой любви коснулся моего сердца: я весь исполнился силы, чувств, приятности и радости неизъяснимой. Я до такой степени был восхищен, что уже желал, чтобы меня мучили, терзали, ругались надо мной. Желал этого, чтобы удержать в себе сладкий огонь любви ко всем. Он настолько силен и сладок, что нет ни горести, ни оскорбления, которого бы он не претворил в сладость. Чем более подкладывают дров в огонь, тем огонь сильнее: так действуют на нас скорби и горести, наносимые человеками. Чем более нападений, тем более сердце разгорается святой любовью. И какая свобода, какой свет! Нет слов к изъяснению: радовался бы, если бы кто лишил меня очей моих, чтобы не видеть суетного света; рад был бы, если бы кто взял меня, как преступника, и заклал в стену, чтобы мне не слышать голоса, не видеть тени человеческой».

Сила любви, то есть степень ее горячности, определяется той жертвой, которую она способна принести ради

любимого. Любовь святых была так велика, что они ради Господа жертвовали всем: раздавали имущество, оставляли родных, предавались тяжелым подвигам, а мученики даже жизнь свою отдавали за Бога.

Таково свойство всеобъемлющей любви Христовой, что она способна обнять весь мир, забыв себя, а за Бога и ближних готова предать себя на тяжкие муки. Вот примеры такой любви.

Апостол Павел очень скорбел за еврейский народ, который не принял Христа. Он так написал: «Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом, что великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть Израильтян...» (Рим 9, 1–5).

А пророк Моисей молился Господу за израильский народ, который вместо Бога сделал себе золотого тельца. Он умолял Господа такими словами: «Прости им грехи их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты меня вписал» (Исх 32, 32). Эти святые мужи готовы были пожертвовать вечным блаженством ради спасения ближних.

Святой Иоанн Златоуст пишет: «Любовь Христова так одушевляла апостола Павла, что если бы ему предложено было потерпеть для Христа и вечные наказания, то он не отказался бы и от этого. Ведь он служил Христу не так, как мы, наемники, по страху геенны и по желанию Царствия; нет, объятый какою-то другою, несравненно лучшею и блаженнейшею любовью, он и терпел и делал все не для чего иного, как для того, чтобы только удовлетворить этой любви, которую он питал ко Христу...

Христос составлял для апостолов все; ни неба, ни Царства Небесного не предпочитали они Возлюбленному. Но спросишь: как можно возлюбить так? Если представим себе, сколько раз оскорбляли мы Бога после бесчисленных благ, от Него полученных, и Он не переставал миловать нас, сколько раз удалялись мы

от Бога, и Он не покидает нас, но Сам прибегает к нам и зовет, и влечет нас к Себе, — если размыслим о всем этом и тому подобном, то можем возжечь и в себе такую любовь».

Вот, друг мой, какой горячей, огненной любовью к Богу и ближним пылали сердца святых. С Божией помощью будем и мы подражать им в деле благотворительности ближним, не исключая врагов, и тогда по молитвам святых торжествующей и воинствующей Церкви Господь и нас сподобит познать и приобрести эту великую добродетель — любовь Христову.

Душа с неизъяснимой силой рвется,
Как из оков, от всех земных услад
Туда, где мир струей целебной льется,
Где небом дышит жизни всей уклад;
Где, осененная святою благодатию,
Обитель дивная уж много лет стоит,
Где молятся за мир отцы и братия...
Душа их чистая за грешников скорбит.
Их жизнь течет в молитвах беспрерывных...
Хотя путь труден, жизнь их не легка,
Они не знают жалоб заунывных,
Их не томит бессильная тоска.
Не жжет их зной страстей и мук бесцельных...
Пусть немощна их плоть, но дух их жив!
Желаний их, как небо беспредельных,
Одна лишь цель: в жизнь вечную призыв!..
Их спутник — гроб, вблизи от них — могила,
Молитва их — в уме и на устах...
К Распятому любовь — души их сила,
А где любовь, там незнаком и страх.
<...>

ПРИМЕР ЛЮБВИ У ЧАД ДУХОВНЫХ

Приведу тебе, друг мой, пример, как чада духовные стараются приобрести любовь Христову и какие трудности встречаются им на пути. Одна из чад задумала своею благотворительностью добиться того, чтобы ее

все возлюбили и чтобы о ней говорили: «Ах, какая она добрая, какая хорошая! Как она любит всех».

— И тогда, — думала она, — я тоже искренно буду любить их, не буду замечать в них недостатков. Вот так я и достигну цели: Господь возлюбит меня и пошлет мне настоящую, святую любовь...

Стала она всем добро творить, но — только внешне, а сердце ее, оказывается, было закрыто от всех. Никого она не любила горячо и искренно, а так... только вид делала, что любит. Многим передавалось ее настроение... Ну и, конечно, начались шероховатости. И, как говорится, чем дальше в лес, тем больше дров... Стала она кичиться своей добродетелью, стала ублажать себя в помыслах, а других осуждать. Бывало, посадит за стол, угощает и приговаривает:

— Кушайте, кушайте, мои дорогие... кушайте, мои хорошие! — а сама думает: «А вы-то мне сделали когда-нибудь что-либо хорошее? Только вам да вам!..»

Стали замечать за ней такое... И вот с кротостью пытались вразумлять ее, кто как мог, чтобы она не грешила. Жалко ведь было человека!.. Своим ропотом и осуждением теряла награду за добро. Но она не поняла этого. Думает: «Что за чудо! Когда не делала им добро, они не восставали на меня, а теперь все восстают. Что же это такое? Как же сделать, чтобы любили меня?»

Поделилась она с одной близкой подругой, а та говорит:

— Все это естественно: злая сила мстит тебе через них. А вот теперь, если перестанешь им делать добро, они поймут, что были неправы, что за добро платили черной неблагодарностью, и тогда все опомнятся и полюбят тебя. Разве ты не знаешь поговорку: «Если хочешь иметь врага, сделай человеку добро»?

Обрадовалась она такому открытию и думает. «Правда... Как это я сама не сообразила? Они говорят, что меня тщеславие и гордость заставляют делать добро, а я им докажу, что в них больше гордости, если не могут потерпеть от меня даже малого... Собственно, их ли это

дело? Каждый за себя ответит! Вот так я им и скажу: не буду вам делать добро, живите как знаете!..»

Вдруг из-за угла показалась голова с рожками и говорит ей:

— Вот-вот! Правильно ты рассуждаешь!.. Никому не делай добро, тогда все тебя будут любить!

Будто ведро ледяной воды вылили на ее разгоряченную голову. Сразу отрезвилась и повзрослела... Упала она перед иконами и со слезами стала просить прощения у Господа и благодарить Его за великую милость, что не попустил ей погибнуть окончательно и открыл ей хитрость бесовскую. Больше прежнего стала она благотворить всем, но теперь уже с искренним чувством, с любовью. Увидели друзья благую перемену в ней и перестали ее обличать, стали любить ее. Обращаться с ней стали ласково, приветливо, любвеобильно.

Вот какой чудный Промысл Божий! Иногда злая сила косвенно способствует и помогает спасаться людям. Дивные дела Твои, Господи! Слава Тебе! Слава Тебе!

Преподобный Нил Синайский пишет: «Чем больше кто совершает добрых дел, тем большее число людей оскорбляют его, потому что восстают на него многие злые духи и неправедные люди». Итак, вооружимся терпением, узнав козни злой силы.

Милосердие

МИЛОСЕРДИЕ ВНЕШНЕЕ И СЕРДЕЧНОЕ

Преподобный Исаак Сириянин о милосердии так пишет: «Милосердие противоположно правосудию. Правосудие есть уравнивание точной меры: потому что каждому дает чего он достиг и при воздаянии не допускает склонения на одну сторону или лицеприятия. А милосердие есть печаль, возбуждаемая благодатью, и ко всем сострадательно преклоняется: кто достоин зла, тому не воздает (злом) и кто достоин добра, того преисполняет с избытком».

Милосердие следует отличать от внешней благотворительности, когда сердце не участвует в делах милосердия. Добро (благо) творить могут побуждать и самые низменные и греховные чувства, как-то: тщеславие, гордость (ради похвалы), брезгливость и отвращение (чтобы скорее избавиться от просителя), самолюбование, жажда славы и прочее. Так что один факт благотворительности еще ничего не говорит о пользе для души. Апостол Павел поучает: «Если я раздам все имение мое... а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1 Кор 13, 3). И преподобный Серафим Саровский говорил, что для стяжания Духа Святого служат только те дела, которые совершаются человеком ради Христа, ради исполнения Его воли и Его заповедей. Поэтому помощь ближним должна основываться на исполнении заповедей Господних о милосердии и должна непременно сопровождаться любовью.

Протоиерей Иоанн С. пишет: «Будьте внимательны к себе, когда бедный человек, нуждающийся в помощи, будет просить вас о ней: враг постарается в это время обдать сердце ваше холодом, равнодушием и даже небрежением к нуждающемуся. Преодолейте в себе эти нехристианские и нечеловеческие расположения, возбудите в сердце своем сострадательную любовь к подобному вам во всем человеку, к этому члену Христову, к этому храму Духа Святого, чтобы и Христос Бог возлюбил вас. И о чем попросит вас нуждающийся — по силе исполните его просьбу. «Просящему у тебя дай, и от хотящего у тебя занять не отвращайся» (Мф 5, 42).

Благотвори бедному доброхотно, без мнительности, сомнения и мелочной пытливости, памятуя, что ты в лице бедного благотворишь Самому Христу, по писанному: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф 25, 40). Знай, что милостыня твоя всегда ничтожна в сравнении с человеком, этим чадом Божиим. Знай, что милостыня есть земля и прах; знай, что с вещественной

милостью непременно должна об руку следовать духовная: ласковое, братское, с чистосердечной любовью обращение с ближним; не давай ему заметить, что ты одолжаешь его, не покажи гордого вида... Все жертвы и милостыни нищим не заменят любви к ближним, если нет ее в сердце; потому при подаянии милостыни всегда нужно заботиться о том, чтобы она подаваема была с любовью, от искреннего сердца, охотно, а не с досадою и огорчением на них.

Самое слово — милостыня — показывает, что она должна быть делом и жертвою сердца и подаваема с умилением или сожалением о бедственном состоянии материально или морально нуждающегося. Любви свойственно радоваться при оказании помощи ближнему, любимому. Те, которые подают алчущим хлеб или деньги с сожалением, с лукавым оком и черствым сердцем — все равно что кладут яд в свой хлеб или в свою милостыню, хотя этот яд духовный, невидимый. Господи! Научи меня подавать милостыню охотно, с ласкою, с радостью и верить, что, подавая ее, я не теряю, а приобретаю бесконечно больше того, что подаю».

Так же и преподобный Исаак Сириянин говорит: «Если даешь что нуждающемуся, то пусть веселость лица твоего предваряет даяние твое, и добрым словом утешь скорбь его. Когда сделаешь это, тогда твоя веселость в его сознании побеждает твое деяние, то есть она выше удовлетворения потребности тела».

Некоторые говорят: «Не мог я помочь... не мог иначе поступить...» Святитель Иоанн Златоуст говорит таким: «Никто не может оправдаться (извиниться) тем, что он будто бы хотел сделать доброе что-либо, но не мог; ибо, бесспорно, не мог потому, что не хотел. Пусть же хотящий, но будто бы не могший сделать добро накажется, как и желавший зла, а хотящий действительно добра и совершивший оное (да) получит воздаяние своему делу — награду в Царствии Небесном (которое есть внутри нас самих: «Царствие Божие внутри вас есть», — ответил Христос на вопрос: когда приидет Царствие Божие)».

Чтобы легче было работать над собой, чтобы мы добровольно, с радостью отдавали нуждающимся не только избытки материальных благ, но научились благотворить даже от скудости своей, как евангельская вдова, которая в церковную сокровищницу положила две лепты — все, что имела, для этого надо всегда помнить, что материальное богатство — это не истинное богатство. Такое богатство Христос называет неправедным и чужим.

Преподобный Варсонофий пишет: «Все, что имеет христианин, есть Божие и общее всех христиан, и никто не имеет собственного своего». Поэтому сильно согрешает тот человек, который имеет чем поделиться с другими, но не делится, не утешает их. Таким жестоким, нерадивым и сребролюбивым Господь говорит: «Если вы в неправедном богатстве не были верны, кто поверит вам истинное? И если в чужом не были верны, кто даст вам ваше?» (Лк 16, 11–12).

Наше истинное богатство — это христианские добродетели: любовь к Богу и ближним, вера, надежда, смирение, кротость, воздержание, мудрость, рассудительность, мир душевный и другие добродетели. Такое богатство делает нас наследниками Царствия Небесного, оно перейдет с нами в вечную жизнь. Значит, истинное богатство посылает нам Господь за дела милосердия, когда мы верно и правильно определяем (распределяем, употребляем) наше неправедное (материальное) богатство. Это относится к внешнему милосердию.

О сердечном милосердии преподобный Исаак Сириянин пишет так: «Что есть сердце милующее? Это возгорение сердца у человека о всем творении: о человеках, о птицах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи человека источают слезы. От великой и сильной жалости, объемлющей сердце, и от великого терпения умиляется сердце его, и не может он вынести и слышать или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемой тварью».

Поэтому, когда милосердный христианин видит согрешающего, тогда он проникается к нему жалостью, но не презрением и равнодушием и всячески старается помочь ему исправиться, избавиться от греха.

Самая высокая милостыня для ближнего — это утолить духовную жажду познания вечной Истины, насытить духовно алчущего.

Наилучшие плоды приносят дела сердечного милосердия в сочетании с делами внешнего милосердия. Кто мало жертвует, тот мало и приобретает духовно. Если мы действуем по пословице: «Охотно мы лишь то дарим, что нам ненадобно самим», то как же мы можем надеяться на великие дела милосердия Божия по отношению к нам? Ведь недаром говорят: «Что посеешь, то и пожнешь». В земной жизни мы сеем дела милосердия в ближних своих, а плоды дел своих пожинаем в жизни вечной. А с тощего, неполного зерна... какой урожай?

Когда мы проявляем немилосердие, жестокость и беспощадность к людям, тогда мы сознательно ставим непроходимое препятствие, как бы стену между нами и Богом, а потом сами же удивляемся: почему Господь не слышит нас? Почему не помогает нам? — Да потому, что закон жизни таков: «Как аукнется, так и откликнется».

Если будем много добра делать другим, то Господь нам дарует много даров и талантов, много добродетелей, которые введут нас в Царство Небесное, а если мы свое добро оставим для себя, затворив свое сердце от других, то Господь отвернется от нас и в свое время скажет: «Выбросьте этого немилосердного раба во тьму кромешную...» Каково будет нам?.. Не лучше ли сейчас нам крепко задуматься над этим?

Каждое мгновение приближает нас к вечности. Каждый день, в который мы не сделали доброго дела, потерян для нас в вечности, ибо он не оправдает нас на Страшном Суде, но осудит за грехи малые и большие, вольные и невольные. Вот почему великий праведник, доктор Феодор Петрович Гааз, торопился много делать

добра и всем говорил: «Торопитесь делать добро, пока не поздно, пока еще живы».

Инок пишет в своем дневнике: «Какую трогательную, бескорыстную любовь к ближнему показывает богатый во аде, когда ходатайствует пред Авраамом за своих братьев, боясь, как бы и они не пришли разделить его ужасной участи! И, однако, это бесспорно доброе движение его сердца обречено на полную неудачу и бесполезность: ни ему не помогла его усердная просьба, ни братьям: так делается понятным и подтверждается, что за гробом уже невозможно никакое доброе дело и что всякий пожнет там то, что сам посеял здесь...»

Христос повелевает нам быть милосердными. Он говорит: «Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» (Лк 6, 36). Блажен, кто исполняет повеление Его!

Одна из чад моих духовных рассказала мне такой случай — что произошло с ней:

«О-о-х... сотвори любовь, сестричка, —
На ухо шепчет мне одна, —
Достань хоть капельку водички,
Чтобы смочить мои уста...
Мне с сердцем плохо...
Я не в силах пробраться к выходу одна:
Как кипяток течет кровь в жилах...
Где в храме вашем есть вода?
Умилосердись, принеси мне...
Бутылка вот — налей сполна,
Ведь и с тобой случиться может...
Не откажи ради Христа!» —
«Мне надоело слушать басни:
Ты, видно, здоровей меня!
Пойди налей сама... Все? ясно?
Вон! В том углу стоит вода!..»
Вдруг чувствую, как с сердцем плохо...
В глазах темно, в висках стучит.
Упала я... вдруг слышу, кто-то
Мне тихо, строго говорит:
«Немилосердным нет пощады!..

Но жизнь готов тебе продлить,
Когда обет ты дашь Мне, чадо,
За ближних душу положить».
«Отец! — в слезах она сказала, —
Как тяжко согрешила я!..
Господь простил: я обещала
Любить всех больше, чем себя.
Но как теперь обет исполнить?
Всегда любила лишь себя!..
Я не могу всего припомнить,
Как многих огорчала я...» —
«Ну, успокойся... Скажи: Боже!
Ты Сам спаси, я вся Твоя! —
Господь явился — Он поможет!
Избрал в число Своих тебя.
И днем и ночью непрестанно
Хвалу Ему лишь воздавай,
Трудись для ближних явно, тайно
И никогда не унывай!»

МИЛОСЕРДИЕ БОЖИЕ

Вот как пишет инок в своем дневнике «В объятиях Отчих» о милосердии Божием: «Милосердие Божие к нам столь велико и превышает всякие заслуги наши, что предъявлять на него права не может никакая святость и достоинство. Отсюда же само собою ясно и то, что никакое истинно доброе дело не забудется у Бога, но непременно принесет творящему оное плод сторицею.

...Мы внимательнее отмечаем то, как Бог наказывает нас бедствиями, и совсем не хотим замечать того, как Он гораздо более милует нас Своим долготерпением и щедротами. А между тем это долготерпение и щедроты Божии таковы, что часто то самое, что мы склонны считать бедствием и наказанием Божиим, является по более глубоком проникновении сущим благодеянием Божиим, предотвращающим, по промышлению Божию, от нас не одно, а иногда целый ряд других бедствий и неприятностей. И о, если бы нам видеть все, что

делается для нас за пределами нашего наблюдения милосердием Божиим?..

...Господь прощает всякое наше падение и измену Ему. Но часто повторение этих падений расслабляет нашу душу, делает ее все более и более неосторожною, равнодушною к опасностям, соблазнам и новым изменам, а чрез это и менее достойною и способною укрепляться и преуспевать в верности Господу Богу и наслаждении Им. Не злоупотребляй же милосердием Божиим и легкостью помилования и обращения, бойся извинять хотя бы самые маловажные, по видимости, нарушения верности Господу и любви к Нему.

Если бы строго, серьезно рассмотрел Господь беззакония наши и вменил их («аще беззакония назриши...») — не оправдались бы все святые! Многие святые, с другой стороны, оправданы и очищены милосердием Господа при самых тяжких преступлениях, возмущавших в свое время не только Божественное, но и просто человеческое чувство. Господь если милосерд, то милосерд не к одному или нескольким, но ко всем. Ни от кого еще не закрывал Он дверей покаяния. Никого не судит строже других, но всех одинаково, соразмерно, с одинаково беспредельной мерой долготерпения, незлобия и милосердия к несчастным грешникам.

...Милосердный до конца Господи! Грех сильно искалечил меня: притупил мне ум, растлил сердце, испортил волю, расслабил память, развалил все телесные способности и, в довершение всего, наделил жгучим сознанием всего этого уродства, жаля им беспрестанно, беспощадно и беспрепятственно. Господи! Исцели душу мою, яко согреших к Тебе! Ты — один можешь помочь здесь! И помоги же, помоги. Милосердный Врач отчаянных, на примере милосердного самарянина показавший, что наипаче тот ближний Твой, кто несчастен и нуждается в быстрой и существенной помощи!

...Господи! Как я могу молиться Тебе сегодня? Как заикнусь о милосердии ко мне? Я так грубо отказал в помощи одному бедняку, хотя я имел чем помочь

ему! Нет оправданий моему немилосердию и неразумию. Сам постоянно докучаю Тебе своими бесчисленными нуждами и просьбами, а докучающего мне бедняка не терплю. Сам хнычу о нетленных благах, а с несчастным бедняком тягощусь и поделиться даже ничтожною монетою, в которой я не нуждаюсь, а он из-за нее, быть может, и голодает и бедствует. Сам я столько раз явленно и неявленно получал просимое, а другому дерзаю отказать в подаче насущного, имея возможность? Господи! Стыдно мне, больно — до слез стыдно... Исправь меня!.. «Дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои!» (Мф 9, 2). Сколько отеческой ласки, ободрения, утешения, предупредительного милосердия в этих простых словах! Расслабленный еще не успевает ничего высказать Спасителю, а Он уже спешит влить в него всю надежду на помощь и милосердие: «Дерзай, чадо!.. Ты болен, ты грешен, ты беспомощен, ты жалок, несчастен, ты так свыкся со своей горькой долей, что потерял последние надежды на лучшее, так отвык от счастья, что боишься верить даже в то, что и Я могу чем-нибудь помочь тебе?! Дерзай, чадо!.. Смелее требуй от Меня всего, что нужно! Смелее веруй, что могу дать все, чего не имеешь; могу дать гораздо большее, чем делаешь и смеешь ждать от Меня!!!»

Господи! Как часто и все мы нуждаемся в этом Твоем милосердном ободрении: «Дерзай, чадо!» Как часто мы сами виноваты в длительности своих страданий и безысходных тяжелых состояний тем, что не умеем дерзать, не стараемся дерзать. Не спешим за помощью и утешением к Отцу Небесному и так преувеличиваем тяжесть своего положения, что даже Господа оскорбляем маловерием и неверием в то, что Он может помочь нам... Да оглашает и нас в эти минуты, Господи, Твое милосердное, нежное отеческое: «Дерзай, чадо!»

Усомнюсь ли в Твоем милосердии и благопослушливости, о Всеблагий и Благоуветливый Господи! Как не возблагодарю Тебя за новое неизреченное благодеяние и дарование по усердной молитве к Тебе моей!..

Господи! Утверди мя в вере, уповании и устремлении к Тебе во всех моих нуждах и напастях.

Чтобы познать милосердие Божие и опытом жизни ощутить на себе милость Его, надо полностью предаться воле Божией в болезнях, скорбях и напастях. Когда душа чувствует, как благ и милосерд Господь, тогда она становится мужественной и крепкой. Она освобождается от страха бесовского — страха: «как бы чего не случилось...» Ей уже никакая беда не страшна на земле: ни пожар, ни разбойники, ни гроза, ни смерть близких, родных и любимых — ничто уже не может вывести ее из равновесия. Она всегда тиха, покорна, послушна воле Божией. Она боится только одного: как бы чем не прогневать Господа и не потерять Его любовь и милосердие. А поэтому всеми силами старается угождать Ему исполнением заповедей Божиих, старается как можно больше сеять добра вокруг себя, чтобы делами милосердия доказать свою любовь к Богу и ближним.

ЗНАЧЕНИЕ МИЛОСЕРДИЯ

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.
Мф 5, 7

Среди всех других добродетелей добродетель милосердия занимает особое место, потому что Страшный Суд будет происходить по признакам проявления душою дел милосердия (см.: Мф 25, 31–46) и любви. Любовь подвигает душу на милосердие, и только любовь придает истинную цену милосердию, как соль придает приятный вкус пище.

Милосердие и любовь, можно сказать, неразделимы. Как милосердие без любви, так и любовь без милосердия малоценны в очах Божиих. То же самое надо сказать и о вере: как вера без дел мертва, так и одни добрые дела без веры не спасают душу.

Враг рода человеческого — диавол — особенно ненавидит милосердие, потому что Господь любит добрых,

отзывчивых людей и неизменно являет им милость Свою. Злой силе трудно побороть тех людей, которые с любовью творят много добрых дел ради Христа, ради своего спасения и ради спасения ближних.

Епископ Вениамин (Милов) пишет: «Бог хранит каждое благодеяние, как зеницу ока, любит человека за доброту более, нежели мать сына... Долг угодников Божиих — не пропускать случаев делать добро и совершать их неистощимо, с полной любовью».

Господь наш Иисус Христос говорит: «Давайте, и дастся вам; мерою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплют вам в лоно ваше; ибо, какою мерою мерите, такою же отмерится и вам» (Лк 6, 38). И апостол Павел тоже говорит: «Кто сеет щедро, тот щедро и пожнет» (2 Кор 9, 6), а псалмопевец Давид ублажает милосердных, ибо к ним особо милосерд Господь. Он пишет: «Блажен, кто помышляет о бедном [и нищем]! В день бедствия избавит его Господь» (Пс 40, 2).

Надо глубоко верить, что слова Господни непременно исполнятся на нас, как в свое время исполнились они на святых, которые поучают нас примером своей жизни. Вот, например, преподобный Савва Освященный и преподобный Сергий Радонежский в неурожайный год раздали голодным последние запасы монастырского продовольствия. Насельники обители возроптали на них за излишнее щедролюбие, но преподобные отцы Савва и Сергий утешали их и велели ожидать помощи свыше. И действительно, Господь не замедлил помочь им. Промыслом Божиим в монастыре оказалось продуктов больше, чем было раньше.

Старец Силуан пишет: «Когда у тебя отнимают имущество, то ты отдай, ибо любовь Божия не может отказать; а кто не познал любви, тот не может быть милостивым, потому что нет у него в душе радости Святого Духа... Меня этому еще родной отец научил. Когда случалась в доме беда, он оставался спокоен. Однажды мы шли мимо нашего поля, и я сказал ему:

— Смотри, у нас воруют снопы. — А он говорит мне:

— Э, сынок. Господь уродил хлеба, нам хватит, а кто ворует, стало быть, у него нужда есть».

Вот еще пример милосердия, достойный подражания. Одна престарелая получала очень малый паек хлеба на целые сутки и все же уделяла из него часть больным и голодным. За ее доброту Господь даровал ей здоровье, бодрость духа и радость духовную.

Значение милосердия очень понятно объяснил преподобный Серафим, Саровский чудотворец, одному из своих посетителей, который дал деньги ему, а потом помыслил: «Зачем преподобному отцу деньги?» Преподобный Серафим так пояснил ему: «Во время войны с галлами надлежало одному военачальнику лишиться правой руки, но эта рука дала какому-то пустыннику три монеты на святой храм, и молитвами Святой Церкви Господь спас ее. Ты это пойми хорошенько и впредь не раскаивайся в добрых делах».

Делами милосердия можно достичь очень многого... Господь слышит молитвы милостивых и исполняет их благие прошения, а благодать, как нежная мать, хранит их на всех путях жизни от всякого зла.

Не забывай, друг мой, что к делам милосердия относятся и благодушное перенесение всех скорбей и напастей от врагов, любовь к ним и молитва за них.

Не забывай также, что если милосердие привлекает благодать Божию к проявляющим его, то жестокие и немилосердные поступки христианина отталкивают от него благодать. Преподобный Исаак Сириянин пишет: «Будем непрестанно понуждать себя — во всякое время внутренне быть милосердными ко всякому разумному естеству. Ибо так внушает нам учение Господне. И надобно не только сохранить это внутреннее наше милосердие, но, когда призывают самые обстоятельства дел и нужда, не вознерадеть и о том, чтобы доказать любовь свою к ближнему явно. Ибо мы знаем, что без любви к ближнему ум не может просветиться Божественною беседою и любовью».

Отец Иоанн С. советует: «Просто, без больших трудов приходят к тебе деньги — просто, не думая много,

и раздавай их щедро... Если нищие преследуют тебя, это значит, милость Божия непрестанно преследует тебя».

У истинно милостивых христиан милосердие изливается на всех окружающих, не отличая одного от другого. Только дела милосердия разнятся по своей значительности, но сердечная сострадательность у них ко всем одинакова. Советую, Д., и тебе так поступать, особенно когда милость твоя проявляется к нищим. Не разбирай, кто достоин, кто недостоин твоего внимания, — всем подавай, кто просит. Этим ты и себя духовно обогатишь, и ближнего от падения оградишь. Некоторые нищие озлобляются на тех, которые безучастно проходят мимо них. У них тогда рождается ненависть ко всем богатым, ко всем религиозным, сытым, нужды не знающим. Иногда эта ненависть доходит до того, что они начинают изрыгать хулу на Самого Бога.

Отец Александр Ельчанинов пишет: «Кто дает волю доброму движению своего сердца, тот обогащается прежде всего сам — в его душу входят светлая, целительная сила, радость, мир, врачующие все болезни и язвы нашей души. Жестокосердый, наоборот, сжимает свое сердце, он впускает в него холод, вражду, смерть.

Быть добрым — это не значит натаскать себя на добрые поступки, а накопить тепло благодати в своем сердце, и прежде всего — очищением и молитвой. Как не простудиться на морозе? — Быть внутренне согретым. Как не охладеть в мире? — Обложить сердце теплотой благодати Святого Духа. Наше немилосердие, неумолимость, беспощадность к людям есть непроходимая завеса между нами и Богом. Это как если бы мы закрыли растение черным колпаком, а затем стали бы сетовать на то, что оно гибнет без солнечных лучей».

Нам жизнь дана, чтобы любить,
Любить без меры, без предела
И всем страдальцам посвятить
Свой разум, кровь свою и тело.

Нам жизнь дана, чтоб утешать
Униженных и оскорбленных,
И согревать и насыщать
Нуждой и скорбью угнетенных.
Нам жизнь дана, чтоб до конца
Бороться со страстями, с ложью
И насаждать в свои сердца
Одну святую правду Божью.
А правда в том, чтобы любить,
Любить без меры, без предела
И всем страдальцам посвятить
Свой разум, кровь свою и тело.

ФОРМЫ МИЛОСЕРДИЯ И УПОВАНИЕ НА МИЛОСТЬ БОЖИЮ

Милосердие должно проявляться как в материальной помощи нуждающимся, так и в моральной поддержке, в молитве. На Страшном Суде будут помилованы не только те, кто напоит, накормит и оденет имеющих в этом нужду, но и те, кто посетит болящих или в темнице сидящих и добрым словом утешит их. Такая форма милосердия посильна всем.

Кому Господь даровал здоровье, тот легко может приумножить этот дар Божий (талант) делами милосердия: или постирать болящему, или в его помещении прибрать, или на его огороде поработать, или воды ему принести, или дрова заготовить, как это делал святитель Иоасаф Белгородский. Он не только все свои доходы тратил на бедных, но и своими руками колол дрова, которые покупал для вдов и сирот... А ведь был епископом!

Пример милосердия Господь показал нам в притче о раненном разбойниками и о самарянине. Совершенно чужой и незнакомый человек проявил заботу о попавшем в беду, как самый близкий и родной. Он перевязал ему раны, употребив на это все свои запасы вина и елея, на своем осле отвез его в гостиницу и хозяину гостиницы обещал уплатить за все издержки по уходу за больным вплоть до полного его выздоровления. Вот какую сердечную заботливость, внимательность и предусмо-

трительность проявил милосердный самарянин по отношению к незнакомому человеку, который, по всей вероятности, был еврей, а евреи презирали самарян и не хотели иметь с ними ничего общего. И несмотря на это, милосердный самарянин так усердно и милостиво помог этому человеку, попавшемуся в руки разбойников. Это и для нас хороший пример: помогать нашим врагам.

Преуспевший в своем милосердии праведник, доктор Гааз, пишет: «Не смущайтесь пустыми условиями и суетными правилами светской жизни. Пусть требование блага ближнего одно направляет ваши шаги. Если нет собственных средств для помощи, просите кротко, но настойчиво у тех, у кого они есть. Не бойтесь возможности уничижения, не пугайтесь отказа... Торопитесь делать добро. Умейте прощать, желайте примирения, побеждайте зло добром. Не стесняйтесь малым размером помощи, которую вы можете оказать в том или другом случае. Пусть она выразится подачею стакана свежей воды, дружеским приветом, словом утешения, сочувствия, сострадания — и то хорошо. Старайтесь поднять упавшего, смягчить озлобленного, исправить нравственно разрушенного».

Делая добро ближнему, каждый должен помнить, что Господь не оставит и его самого. Святой Августин сказал: «Думаешь ли, что тот, кто кормит Христа (то есть нищих), не будет сам накормлен Христом?»

Однажды двое путешествующих иноков, истомленных трудом и изморенных голодом, потеряли надежду где-либо подкрепить себя пищею. Они были очень печальны и тяжело вздыхали об этом. Вдруг явился им Ангел Господень и сказал им:

— Вы все оставили ради Бога с величайшим на Него упованием, теперь же печалитесь, как бы лишенные всякой надежды: Бог насыщает скотов, неужели Он оставит сынов, изнемогающих от голода?

И действительно, вскоре они вошли в город и сразу в три дома были приглашены на отдых и подкрепление сил.

Так ученики Христовы — апостолы, измученные безуспешной ловитвой рыбы в продолжение всей ночи, потеряли надежду поймать хоть сколько-нибудь рыбок. Но воскресший Христос явился им и повелел закинуть сети в море, а когда сети стали наполняться множеством рыб, тогда учеников объял страх от видимого чуда. Христос повелел им испечь рыбы... А потом стал угощать их, говоря: «Придите, обедайте». Взял хлеб и рыбу и дал им (см.: Ин 21, 12–13).

Сколько подобных примеров бывает в жизни каждого благочестивого христианина! Мы ужасаемся, удивляемся и восклицаем:

— Откуда это? Что за чудо!

Но продолжаем оставаться такими же маловерными и малодушными. Мучительные мысли сокрушают нас печалью: как, что, почему и отчего то-то и то-то? Что поесть? Во что одеться?..

Суетимся, мечемся в страхе отстать от других наружным блеском и в этой суете совсем забываем о нуждающихся в самом необходимом... Теряем надежду на Бога, веру в Промысл Божий, упование... Ужасаемся оскудения, боимся обнищать. О причине сего метко говорит святой Августин: «Надежда еще не достигла своего совершения: и яйцо есть зародыш, но еще оно не цыпленок». Вот когда зародыш нашей надежды на Бога созреет и оживет, как цыпленок, вылупленный из скорлупы, тогда не будет ужасать нас оскудение благ земных и тогда мы сами будем искать случая, кому в чем помочь, а в нищете своей будем уповать лишь на Господа.

Назидательны слова святого Иоанна, патриарха Александрийского, после потери 13 церковных кораблей с пшеницей. Он сказал: «Господь дал, Господь и взял; как угодно было Господу, так и сделалось; да будет имя Господне благословенно! (см.: Иов 1, 21). Потерпите, дети, и ничего не бойтесь!.. Бог предохранил меня от большого греха: не случись этого, и я превознесся бы умом, возгордился бы тем, что подаю многую милостыню бедным, и имел бы о себе высокое мнение, что я

щедролюбив; а потому справедливо любящий Отец тщеславного сына наказал, чтобы он не превозносился. Бог милостиво нас увещевает, нанесши нам несколько ран, чтобы мы пришли в чувство и скорее бы обратились к Нему. Но Он есть Тот же Самый Бог, Который был и во время Иова, столь же всемогущий и столь же милосердный — Он не оставит нас». В скором времени Господь сугубо вознаградил его потерю.

Истинное упование на Бога есть то, когда мы находимся в крайне тяжелых условиях, в большом притеснении, в большой нужде и бедности, но не падаем духом и своим терпением побеждаем все невзгоды. У Господа есть два неиссякаемых источника: один — провизии и всех других предметов, необходимых для жизни; другой — милосердия и духовных дарований. Из этих двух источников Господь посылает кому что полезнее для души и кто что может вместить.

Кто познал сладость любви Божией к ближним, тому не приходится нудить себя на милосердие, оно как следствие вытекает из причины — любви. И чем совершеннее любовь, тем полнее и совершеннее милосердие.

Доктор Гааз был прежде очень богатым. Он имел суконную фабрику и большое имение. Но по мере того как сердце его разгоралось великой любовью к бедным, больным, заключенным, ко всем несчастным, он постепенно употребил все свое богатство на них и дошел до того, что хоронить его пришлось на средства полиции. Вот пример совершенного милосердия. Но не каждый может вместить такое, поэтому и не каждому это полезно. Дойти до нищеты могут многие при понуждении себя на это, но немногие могут безропотно нести этот крест, поэтому в добродетели милосердия крайне необходима рассудительность.

Мы должны исполнять все заповеди Божии, и прежде всего заповедь о любви, должны уповать на Господа и совершенно предать себя Его всесвятой воле, тогда и Он не посрамит нашей надежды, не оставит нас в беде и крайней нищете.

В древние времена люди так говорили: «Аще бы мы творили, еже есмы должны. Бог бы нам сотворил, еже хощем». Святой Иероним, поучая об этом, сказал: «Да будет человек тем, чем он должен быть, и тот же час пошлет ему все Тот, Которым все совершилось».

Ты здесь не одинок, верь глубоко душою,
Что Тот, Кто обещал: Я с вами до конца,
Кому открыты все и тайны, и сердца,
Тот всюду и везде всегда с тобою!
Когда ты к ближнему любовию горишь
И с помощью идешь к страдающему брату
Не из корысти, не за плату...
Когда бестрепетно о правде говоришь,
Не помнишь зла, к врагу не дышишь местью
И не возносишься кичливо над толпой,
Когда в союз ты не вступаешь с лестью,
То знай и верь: Христос с тобой!
Когда глядишь на мир неомраченным оком,
Когда безгрешна мысль и речь твоя чиста,
Когда не миришься угодливо с пороком,
Не оскверняются хулой твои уста,
Когда твоей душе печаль других доступна
И не завидуешь ты радости чужой,
Далек всему, что злобно и преступно,
То знай и верь: Христос с тобой!
Когда, охваченный житейскими страстями,
Их голосу в безводье подчинясь,
Отдашься ты греху и делом и мечтами,
Не думай, что уже порвал ты с небом связь.
В сознании вины с раскаяньем к подножью
Креста склонись покорной головой,
И выйдешь на борьбу с греховной ложью...
Христос останется с тобой!
Когда отчаянье всего тебя объемлет
И воцарится в сердце вдруг глухая ночь,
Когда никто твоим рыданиям не внемлет,
Не хочет друг и брат тебе помочь...
Не оскорбляй небес сомненьем и укором,
Но обратись к Тому с горячею мольбой,
Кто на тебя глядит благим и кротким взором
И Кто всегда, везде с тобой!

РАССУДИТЕЛЬНОСТЬ В ДЕЛАХ МИЛОСЕРДИЯ

Преподобному Варсонофию задали такой вопрос:

— Если кто-либо богат и имеет более, чем ему надобно, не имеет ли он нужды в рассудительности?

Старец ответил:

— Да, он имеет нужду в рассудительности, чтобы не следовать сверх силы своему помыслу и после не раскаиваться в том, что сделал.

Апостол Павел пишет: «Не требуется, чтобы другим было облегчение, а вам тяжесть, но чтобы была равномерность» (2 Кор 8, 13).

В духовной и моральной поддержке, в добром слове утешения отказывать никому нельзя, если человек действительно в этом нуждается, а в материальной помощи отказывать иногда даже необходимо. Конкретных причин отказа бывает много, а в общих словах — это забота о духовной пользе нуждающегося (не в насущном хлебе, разумеется!) и знание своей меры, своего положения и своего духовного возраста.

Преподобный Варсонофий Великий пишет: «Бог не хочет, чтобы человек делал что-либо сверх силы своей. Если кто имеет необходимо нужное для него самого, то сего не должен издерживать на милостыню, чтобы после, при собственном недостатке, не стал скорбеть, не в силах будучи понести скудости. А когда просящий будет докучать ему и он скажет: прости меня, мне нечего дать тебе, то это не будет ложь, потому что тот, у кого есть только необходимое, нужное для него самого, не имеет что дать другому. Пусть скажет просящему: прости меня, я имею только то, что необходимо нужно мне самому».

Особенно так следует поступить с ленивыми, здоровье которых позволяет трудиться, но они не хотят. Отец Иоанн С. пишет: «Если мы знаем о некоторых, что они бедны от праздности и лени, таким мы не должны выделять из своих трудовых избытков. "Кто не хочет трудиться, тот и не ешь" (2 Фес 3, 10)». Но я дол-

жен предупредить тебя, друг мой, что такое поучение святых отцов относится к несовершенным в добродетели. Мера совершенных — отдать просящему последнее, уповая на милость Божию. Совершенные в духовной жизни не рассуждают, кто просит и для чего просит. Всех стараются утешить, чем только могут. Не следует только занимать в долг крупные суммы денег с целью помочь ближним, потому что может случиться, что условия жизни изменятся и долг останется безвозвратным. В таких случаях надо тоже отказывать в просимом.

Бывают даже такие случаи, когда свои деньги и вещи жалеют отдать просящим, а других вынуждают на помощь, не задумываясь над тем, что последнее отбирают у них для другого или для себя. Преподобный Исаак Сирианин об этом так пишет: «Если угодно сеять в нищих, то сей из собственного. А если вознамеришься сеять из чужого, то знай: это самые горькие плевелы».

Рассуждение нужно иметь и при посещении больных. Бывают такие заболевания, которые требуют абсолютной тишины и покоя, так что наше посещение для болящего может оказаться в тягость. Прежде чем посетить болящего, надо узнать у родственников, можно ли это сделать.

Часто задают вопрос:

— Что важнее — молитва или служение ближним? Что предпочесть?

На такой же вопрос архиепископ Варлаам отвечает так: «Ради дела послушания и заботы о ближних надо всегда сокращать время моления своего, так как послушание выше поста и молитвы, и не смущаться, а сознавать важность служения ближним».

Как молитву, так и дела милосердия надо совершать по возможности втайне. Христос предупреждает: «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного» (Мф 6, 1). Похвала людей отнимает у нас награду от Бога. Но не только по этой

причине добро надо делать втайне. Явное милосердие развивает гордость и тщеславие, самомнение и самодовольство, поэтому мудро поступает тот, кто скрывает свои добрые дела даже от близких людей, по словам Христа: «Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Мф 6, 3).

Хорошо делать добро как бы от второго лица, то есть говорить: «Меня просили Вам передать...» — и не смущаться мыслью: «Ведь я обманываю!» Это не обман: Христос и святые отцы учат и, можно сказать, просят нас об этом, то есть чтобы мы подавали бедным.

Хорошо также через кого-либо передать свою лепту нуждающимся. Об этом отец Иоанн С. так пишет: «С радостью расточай стяжания свои в жертву Господу и святым Его. Если через чьи-либо руки пересылаешь их, верь, что они дойдут по принадлежности».

Тайное милосердие полезно еще и по той причине, что поступающий так реже осуждает других или совсем никого не осуждает, потому что рассуждает: «Как я скрываю от других добродетель, так и другие скрывают от меня. Они хорошие и добрые, а показывают вид, будто грешат, чтобы их не превозносили...»

Как правило, мы судим о других по себе. Если мы ревнуем и завидуем, то думаем, что и все ревнивые и завистливые; если сами подозрительны и мнительны, то и в других «видим» то же самое; если осуждаем, то думаем, что за нашей спиной осуждают нас, злословят, поносят имя наше и т.д. И наоборот: если мы сами любим других, то думаем, что и к нам такие же добрые чувства у всех; если сами воздержанны во всем, то и о других так думаем, если дела милосердия мы творим тайно, то думаем, что и все так делают. Вот почему полезно творить добрые дела втайне. Советую, друг мой, обратить на это особое внимание, чтобы у нас не было обратного явления. А то иногда сделаем на грош, а оцениваем дела свои на рубль... Растрезвоним везде о себе!.. Вот какой я милосердный!.. Избави Господи!..

Мир души

Душа!.. Что такое душа? На этот вопрос преподобный Макарий Великий так отвечает: «Душа есть тварь умная, великая и чудная, исполненная красоты, подобие и образ Божий». Душа — это разум человеческий, это то, что апостол Павел называет помышлениями плотскими (см.: Рим 8, 6–7). Душой мы размышляем, рассуждаем. Душа находится в беспрерывном процессе изменчивости.

Все существо человека состоит из духа, души и тела. Дух — это разум божественный; сокровеннейшая, истинная сущность наша, неизменяемая часть нашего существа, частица Божества. Тело — видимая, внешняя, материальная часть нашего существа. Душа является как бы оболочкой для духа, а тело — наружным покровом души. Но по сути дела дух, душа и тело едины, как едина вода, бывающая в разных степенях уплотнения: пар, жидкость, лед.

Душа сама по себе не может отличить истину от лжи, добро от зла. Апостол Павел пишет: «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно» (1 Кор 2, 14).

Душа, не имеющая в себе Духа Божия, мертва так же, как мертво тело, не имеющее в себе души (по смерти). «Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные — жизнь и мир» (Рим 8, 6), то есть вера в то, о чем нашептывают нам греховные чувства и страсти, приводит к болезням душевным и телесным, к всевозможным заботам и скорбям и, в конечном итоге, к смерти души, то есть к вечным мучениям в загробной жизни. А помышления духовные, то есть вера в Бога, заставляющая плотский разум молчать, а духовный разум говорить, есть жизнь вечная и блаженство.

У несовершенных христиан плоть и дух постоянно враждуют. Апостол Павел говорит: «Плоть желает противного духу, а дух — противного плоти. Они друг другу

противятся, так что вы не то делаете (плотию), что хотели бы (духом)» (Гал 5, 17).

«Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти... Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, (соблазны), ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное... поступающие так Царствия Божия не наследуют. Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона» (Гал 5, 16, 19–23). «Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал 6, 8).

Кто живет по духу, а не по плоти, у того душа чистая, светлая, благодатная, благоухающая добродетелями... ароматная! У такого человека и тело благодатное. Когда этот святой (совершенный в добродетели) христианин умирает, то тело его не подвергается тлению, а у некоторых даже постоянно источает миро благовонное, то есть такую благоухающую жидкость, которая ароматнее всяких духов. Это свидетельствует о том, что Дух Святой неотлучно пребывал в душе сего христианина.

Кто живет по духу, исполняя заповеди Божии, тот наслаждается глубоким миром души. Пророк и псалмопевец Давид говорит: «Велик мир у любящих закон Твой (Господи), и нет им преткновения» (Пс 118, 165), потому что «соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (1 Кор 6, 17).

Епископ Игнатий (Брянчанинов) пишет: «Дверь в страну духа — мир Божий, превосходящий всякий разум, потопляющий все помышления человека в несказанной сладости своей. Этот мир Христов уничтожает все смущения и страхи, так сильно действующие на человека плотского...

Есть действие от крови, кажущееся для неопытных действием благим, духовным, а оно не благое и не ду-

ховное, оно из падшего естества нашего и познается нами, потому что порывисто, горячо и нарушает мир в себе и ближних. Действие духовное рождается из мира и рождает мир. Тот мир, о котором Христос сказал: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам» (Ин 14, 27).

Мир души — это один из важнейших показателей, по которому мы определяем: духовные мы или плотские. Если мир в душе нашей не нарушается ни при каких обстоятельствах, даже при самых сильных переживаниях, то, значит, мы в духе. Как бы нас ни огорчили, какое бы зло нам ни сделали, какую бы потерю мы ни понесли, — мы всегда должны быть духом мирны и спокойны. А это возможно только в том случае, если мы будем искренно любить Бога и ближних, если у нас будет глубочайшая вера и преданность Промыслу Божию, если мы благодушно будем переносить всякое зло, всякие скорби и болезни. Как после сильной бури бывает великая тишина, после темной ночи радостное утро, так и после великого огорчения и глубокой печали наступает в сердце призывающего Бога мир Божий, превосходящий всякий ум (см.: Флп 4, 7).

Старец Силуан пишет: «Если постигнет тебя какая неудача, то думай: Господь видит мое сердце, и, если Ему угодно, то будет хорошо и мне и другим. И так душа твоя всегда будет в мире. А если кто будет роптать: это не так, а это нехорошо, то никогда не будет мира в душе, хотя бы он и пост держал, и много молился.

Когда мир Христов придет в душу, тогда она рада сидеть, как Иов на гноище, а других видеть в славе; тогда душа рада, что она хуже всех. Тайна сия смирения Христова — велика и невозможно ее объяснить. От любви душа всякому человеку хочет добра больше, чем себе, и радуется, когда видит, что другим лучше, и скорбит, когда видит, что они мучаются. Святые апостолы и все святые желали народу спасения и, пребывая среди людей, пламенно молились за них. Дух Святый давал им силу любить народ, и мы, если не будем любить брата, то не сможем иметь мира. Пусть каждый подумает об

этом. Если брата укорил, или осудил, или опечалил, то значит, свой мир потерял.

Для мира душевного нужно душу свою приучить, чтобы она любила оскорбившего и сразу молилась за него. Если брата возненавидим или осудим, то ум наш омрачится и мы потеряем мир и дерзновение к Богу. Невозможно душе иметь мир, если не будем всеми силами просить у Господа — любить людей. Кто носит в себе мир Духа Святого, тот и на других изливает мир, а кто носит в себе злого духа, тот и на других изливает зло.

Невозможно сохранить мир душевный, если не будем следить за умом, то есть если не будем отгонять мысли, неугодные Богу, и, наоборот, держаться мыслей, угодных Богу. Надо умом смотреть в сердце, что там делается: мирно или нет. Для мира душевного нужно быть воздержанным, потому что и от нашего тела теряется мир. Мир теряется, если душа потщеславится и вознесется пред братом, или осудит кого-либо, или брата будет вразумлять, но не кротко и не с любовью, если будем много кушать или вяло молиться — за все сие теряется мир.

Не может душа иметь мира, если она не будет поучаться в законе Божием день и ночь, ибо закон сей написан Духом Божиим, а Дух Божий от Писания переходит на душу, и душа чувствует в этом услаждение и уже не хочет любить земное, потому что любовь к земному опустошает душу, и тогда она бывает унылая, и дичает, и не хочет молиться Богу».

Мир душевный — такое сокровище, ради которого надо жертвовать всем житейским. Неустроение душевное, то есть раздражение, говорит о болезни души и о том, что нет в ней Духа Святого. Святой Паисий Великий вопросил Господа: «Как победить раздражение?» Господь ответил ему: «Если хочешь не раздражаться, то ничего не пожелай, никого не осуди и не возненавидь, и не будешь раздражаться». Не пожелай — это значит: отсеки свою волю и живи по воле Божией, потому что мы часто желаем того, что нам во вред и в погибель души.

О причинах раздражительности и потери мира душевного архиепископ Арсений (Чудовский) так пишет: «Иногда вдруг у тебя появляются какая-то раздражительность, недовольство окружающими тебя людьми, а то и просто дурное, угнетенное состояние духа, тоска, разочарование. Малейший повод — и твое настроение испортилось. Отчего это? Очевидно, ранее душевная твоя почва была подготовлена к такому настроению. Раздражительность, недовольство людьми вызываются завистью, недоброжелательством к ним. Тоска, уныние, угнетенное состояние духа вызываются предшествующими греховными помыслами, чувствами, делами.

Благодать Божия, как утренняя роса, прогоняет все это, освежая сердце и все внутреннее существо человека. Счастлив тот, кто умеет, или, лучше сказать, способен быстро привлекать к себе эту благодать Божию: тот легко освобождается от тех душевных страданий, о которых мы говорим».

Мир душевный достигается разными путями. Преподобный Серафим Саровский поучает: «Ничто так не содействует стяжанию внутреннего мира, как молчание и, сколько возможно, непрестанная беседа с собой и редкая — с другими. Надобно чаще входить в себя и спрашивать: где я? (то есть анализировать свое душевное состояние в данный момент). Признак духовной жизни есть погружение человека внутрь себя и сокровенное делание в сердце своем».

Преподобный Никодим Святогорец говорит, что «смирение, мир сердечный и кротость так тесно соединены между собой, что где есть одно, там есть и другое».

А преподобный Варсонофий поучает так: «Считай себя самым грешным и последним из всех, и будешь иметь покой. Узнай, что служит к успокоению брата, делай это, и получишь и ты покой от Бога».

Апостол Павел учит: «Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа» (Евр 12, 14).

Архиепископ Арсений Ч. дает совет для сохранения мира. Он пишет: «В духовной жизни большое значение имеет самоукорение. Оно облегчает, прежде всего, нести скорби. Случилось со мной что-либо скорбное: если я не стану укорять никого, возлагать вину на другого, а сам себя обвиню, внутренне скажу, что я достоин всего скорбного, то этим самым обличу себя и без смущения, с некоторым спокойствием, перенесу для меня трудное, тяжелое, так что можно сказать: укорение себя доставляет успокоение, умиротворение нашего духа. Самоукорением подавляются, так сказать, притупляются наши страсти, наши грехи. Самоукорение для страсти то же, что вода для огня: водой заливается огонь, самоукорением — страсти. Самоукорение развивает тонкость различения нравственного: доброго от скверного и дурного, так что у кого нет самоукорения, у того притуплено познание доброго. Самоукорение развивает и укрепляет смирение, ибо кто укоряет себя, тот все, что ни случается с ним доброго, будет считать делом Божия Промысла, а злое — за грехи наши. Самоукорение ведет к взаимному миру. Если бы все укоряли себя, то водворился бы мир, все бы мирствовали друг с другом, и наоборот: укоряя друг друга, мы посеваем вражду и неприязнь. Самоукорение дает нам спокойно переносить оскорбления, не чувствовать их. Самоукорение есть узда, сдерживающая проявление, движение в нас всего дурного. Самоукорению противоположно самооправдание, которое развивает в нас тщеславие, самомнение и гордость».

Умиренный духом христианин всегда и везде неизменен. Он мирен со всеми людьми, со своей совестью, а главное — с Богом. В нем почивает Бог.

Благодарю Тебя, Христос,
За все отрадные мгновенья,
За мир души, за сладость слез,
За дар небесный вдохновенья.
Благодарю, что Ты открыл
Мне, Боже, внутренние очи

И вывел в свет из мрака ночи,
И благодатью освятил;
Что Ты помог постигнуть мне
Тщету и прах всего земного,
Чтоб тайно в сердца глубине
Искать сокровища иного.
Благодарю, что выносить
Мне помогаешь испытанья...
О, научи благодарить
Тебя за самые страданья!

Миротворчество

Блаженны миротворцы;
ибо они будут наречены сынами Божиими.
Мф 5, 9

Сынами Божиими Христос называет тех христиан, которые сами стяжали мир душевный и которые, как солнце, излучают эту добродетель на окружающих, везде и всюду вносят мир среди враждующих. Многие подвижники пытались исполнить подвиг миротворчества, и даже некоторые уходили из монастыря в мир, чтобы умиротворить ссорящихся и привить мирянам мир душевный. Однако немногим удавалось это...

Старец Силуан о своем опыте так пишет: «Господь говорит: блаженны миротворцы. И я подумал: частью буду безмолвствовать, а частью людей умиротворять. И поселился близ одного расстроенного брата, схимонаха... и стал, беседуя с ним, уговаривать его, чтобы он жил в мире со всеми и всех прощал. Он немного потерпел, а потом так восстал на меня, что я и келью бросил, и едва убежал от него, много я плакал перед Богом, что мир не сохранился. И понял я, что надо искать волю Божию и жить так, как хочет Господь, а не самому выдумывать себе подвиги».

Миротворчество под силу лишь совершенным христианам, у которых сердце очищено от страстей, а если христианин еще не достиг бесстрастия, то его попытки умиротворять других будут обречены на неуспех.

Преподобному Варсонофию задали вопрос: «Хорошо ли стараться о мире всех?» Он ответил: «Лучше умиротворить собственное сердце. Это каждому прилично, и блажен, кто это делает. А примирять ссорящихся не всем возможно, но только тем, которые могут это предпринимать без всякого вреда для самих себя».

А преподобный Серафим так поучал: «Стяжите дух мирен, и около вас спасутся тысячи».

Миротворчество заключается не только в том, чтобы помирить ссорящихся, но и в том, чтобы успокоить и умиротворить души окружающих, внушить им веру и надежду, примирить их с Богом, жизнью, миром и людьми. Обладая духовным здоровьем, миротворец и окружающим внушает бодрость, радость, мир. Если мы, не достигшие еще духовного совершенства, желаем жить со всеми в мире, любви и согласии, то ради этой высокой цели должны смирить себя до предела, до глубины души. Должны у восстающего на нас человека искренне просить прощения, во всем обвиняя себя, даже подарок хорошо бы преподнести ему ради мира, а главное — усиленно молиться за него.

Если же мы хотим примирить близких родственников или друзей, враждующих между собою, то прежде всего должны в молитве обратиться за помощью к Божией Матери и к тем святым, имена которых носят враждующие. Молитва — это надежное духовное средство и оружие в борьбе со злою силою. Молитвой погашаются гнев, раздражение, злоба, зависть, ненависть, ссоры — все страсти и пороки. Молитвой водворяется в душе мир, покой и тишина... святость!

Душа живет, когда молитвой дышит...
Тогда земное все так далеко!
Тогда она глас Божий ясно слышит,
И ей светло, отрадно и легко.
Тогда в уме и в помыслах все ясно,
А в сердце — мир, покой и теплота...
Тогда и жить так кажется прекрасно,
И умереть готов бы за Христа!

Огонь любви горит неугасимо,
Из глаз бегут потоки слез...
И верится: таинственно, незримо
С твоей душой беседует Христос.
Миру Твой мир ниспосли!
Тихая келья, молитва и пение...
Девственно чисто сердце горит
Жаждою с Богом Предвечным общения,
Дух созерцает небес откровения,
Плоть, побежденная подвигом, спит.
Господи, Боже наш, Боже любви,
Иноков скорбных молитву прими!
Тьма необъятная, море безбрежное,
Волны, кипящие злобой слепой...
Сердце разбитое, сердце мятежное,
Ужас сознанья, что смерть неизбежная
В недрах пучины морской...
Господи, Боже наш, Боже любви,
Воплям скорбящего сердца внемли!
Царственно властвует ночь звездноокая,
Славы Господней полны небеса,
Землю обвеяла дума высокая...
Тихо. Ни звука. Молчанье глубокое,
Только бесплотных слышны голоса:
Господи, Боже наш, Боже любви,
Грешному миру Твой мир ниспосли!

Духовный рост

Отрадно бывает взирать родителям на своего младенца, который впервые делает попытку шагать самостоятельно, без посторонней помощи. Младенец шатается, теряет равновесие, падает... но не сдается! Поднимут его, он опять рвется вперед... улыбкой и радостным криком выражает свой восторг. Родители счастливы! Они улыбаются, радуются, что дитя их начинает ходить, — это признак нормального развития ребенка, признак его роста.

Бывают иногда и у меня отрадные минуты, когда, наблюдая за своими духовными чадами, я усматриваю

в них нормальное развитие духовных сил, нормальный рост. Но есть у меня и другие чада, так называемые чада-карлики, которые много лет находятся в одном и том же положении... По духовному возрасту они уже не младенцы, давно уже вышли из этого возраста, но требования их остаются младенческими. Они хотят, чтобы духовный отец уделял им как можно больше внимания; чтобы он, как говорится, на руках носил их, напевал бы им колыбельные песни, гладил бы их по головке и чтобы никогда не наказывал, не обращался строго, не говорил бы им ничего против их воли и желания... Стоит только кого-нибудь из них поставить на твердую почву и сказать: «Ну, сам пойди... один, без меня... Сделай хоть один шаг! Тебе самому понравится!» — Не тут-то было! Поднимет такой крик!

— Я слабый, немощный... пошатнусь, разобьюсь... На руках безопасней! Молись за меня, отец, а добрых дел не спрашивай: я ведь маленький!.. Добродетелей нет — не взыщи... Когда мне было их приобрести? Ведь я младенец!

Ну, что ты скажешь! Нравится некоторым до седых волос быть «младенцами» в духовной жизни. Не хотят, ленятся работать над собой, а на что рассчитывают, трудно себе представить. Наверное, надеются, что и на том свете их будут на руках держать... Хотелось бы мне им сказать:

— Нет, чада духовные, ленивые и нерадивые! Не избежать вам правосудия Божия! Вам предоставлено все, что требуется для спасения. В купели крещения вы родились к духовной жизни. Святая Церковь, как нежная, заботливая мать, воспитывала вас для вечной радости; питала вас Пречистым Телом и Кровию Христа Спасителя, а также здоровой и крепкой пищей из поучений святых отцов; поила вас из неиссякаемого источника Божественных словес, текущего в жизнь вечную; омывала одежду души вашей Таинством покаяния; радовала и веселила души ваши, исцеляла болезни святыми Таинствами, миром и елеем; указала прямой путь в Царство

Небесное. Чего еще недостает вам, дети мои? Воспряньте же от лености и нерадения! Скажите злой силе: «Не соизволяем на твою хитрость... Не хотим неподвижно лежать, как улитка в ракушке. Хотим сами с Божией помощью двигаться по пути спасения, как бы ни было это тяжело!» От этих слов возрадуется все небо, и Господь с любовью поможет вам в благом намерении, поддержит и утешит и укрепит стопы ваши. Дух Святый откроет вам великую тайну общения с Богом и тайну духовного общения с душой благочестивой. Ведь в мире духовном есть свой беспроволочный телефон — это передача чувств на расстоянии. Иногда можно слышать такое выражение: «Сердце сердцу весть подает». В науке это именуется телепатией. А в духовной жизни Сам Дух Святой открывает душе эту тайну.

Впрочем, тебе об этом много говорить не приходится: ты уже имеешь в этом некоторый опыт и даже навык. Припоминается мне, какое восторженное письмо ты мне написал однажды о своих духовных успехах. А потом вслед за ним прислал другое письмо, в котором написал: «Батюшка, сердцем чувствую Ваше недовольство... Так ли это? И что за причина?» Ты не ошибся. Грустно, тяжело мне стало от твоего письма, и эта тяжесть передалась тебе. Все письмо было проникнуто сплошным тщеславием. Мне представилось, как ты сбросил с себя белоснежную одежду смирения и бросился в объятия зловонной гордости... Пришлось немедленно взять тебя на буксир. Помнишь, какое глубокое впечатление произвела на тебя книга «Явление Ангела Ставрофиле»? В ней описывается, как Ангел Божий тянул на «буксире» Ставрофилу в Царство Небесное. Кто теряет или не имеет способности двигаться самостоятельно, того берут на буксир. Да... не мешало бы нам с тобой вспомнить все шаги и извилины на этом пути. Это очень и очень полезно.

Когда мы вспоминаем о чудесах Божиих, которые были в нас или по благодати Божией через нас, тогда душа наша ободряется, умиляется и подвигается еще на

большие подвиги, особенно хвалу и благодарение и на дела милосердия.

В мире духовного есть много интересного и много таинственного! Вот, например, существует закон сохранения духовных сил, так же как закон сохранения материи. В мире материальном существует водный кругооборот, т. е. чем больше влаги испарится с земли и ее водохранилищ, с морей и океанов, тем в большей степени они пополняются осадками в виде дождя и снега. Нечто подобное бывает и с благочестивым человеком. Чем больше он смиряется и чем больше любовь свою проявляет в делах милосердия, чем больше он очищает свое сердце от страстей и пороков, тем большую благодать получает он от Бога, и чем больше он излучает ее на окружающих в виде любви и дел милосердия, тем все больше и больше обогащается дарами Святого Духа.

Вот перед нами христианин, который встал на путь истинного покаяния и который решил лучше умереть, чем согрешить. Душа его начинает очищаться от страстей и пороков, и по закону правосудия Божия он начинает претерпевать множество скорбей и напастей. Ему кажется, что весь мир восстал на него, будто все сговорились мучить его насмешками, клеветой, злыми словами и делами. Бедному человеку кажется, что каждый рад был бы уничтожить его, если бы это дозволялось законом и совестью. И вот он, бедный, мучается, страдает неизъяснимо... Ему не знакомы тайны духовной жизни, он ничего не знает о сохранении духовных сил и не может разобраться, что к чему и отчего, а только страдает, недоумевает и... смиряется. Часто говорит себе: «По Сеньке шапка!», и: «По грехам моим этого мне еще мало!»

Некоторые не выдерживают такого испытания, соблазняются и начинают роптать на людей, на судьбу и даже на Бога и тем самым теряют духовность, силу, свет, благодать — все теряют! Чтобы приобрести смирение, приобрести право наследовать Царство Небесное, им надо все начинать сначала.

А этот бедный страдалец день ото дня смиряется все больше и больше. Никого он не обвиняет в своем страдании, но во всем винит только себя. Ему искренно жаль тех людей, которых судьба столкнула с ним. Он думает: «Без меня им было бы хорошо, а из-за меня, окаянного, раздражаются, нервничают. Умягчи их сердца, Господи, даруй им радость!»

Наверное, ты подумаешь: «Так это же мысли и слова смиренного человека! Возможно ли, чтобы страстный, самолюбивый и тщеславный человек искренно, по сердечному влечению пожелал врагу своему радость?» А где же, спрошу тебя, резкая грань между смиренным и тем, который искренно стремится приобрести смирение? Вот тут-то и оно!..

Поверь, друг мой, с того момента, когда грешник встал на путь истинного покаяния, когда принял твердое намерение не грешить больше, с этого момента начинается его духовный рост: переделка, обновление, воскрешение внутреннего человека. Благодать неотступно пребывает с ним и во всем помогает ему, если только он действительно жаждет этого. Только рост этот не всегда и не для всех бывает виден, и даже сам человек вначале не замечает своего роста.

Как зарождение и оформление цыпленка в яичке определяют по времени, потому что скорлупа скрывает тайну роста зародыша, так рождение, обновление и оформление духовного человека можно, до некоторой степени, определить тоже по времени с момента вступления его на путь истинного покаяния. В данном случае я упускаю из вида совершенных, обладающих даром прозрения. От их взора не может укрыться духовный рост человека, но таких людей единицы, поэтому я имею в виду только обыкновенных людей, как говорится, простых смертных.

И вот когда человек, вступив на путь покаяния, полностью предастся воле Божией и когда врага своего спасения начинает видеть не в окружающих, а только лично в самом себе, и когда яростное сражение начинает

вести не с кем-то, а лично с собою, со своею самостью, со своим высоким «Я», тогда-то и начинается его бурный тайный духовный рост.

Вступивший на путь смирения должен относиться к себе враждебно, должен возненавидеть себя, вернее свою самость, и должен беспощадно в душе распинать и бичевать себя. Вот, например, тебе сделали пакость и на тебя же возвели ложное обвинение. Очень трудно перенести такое искушение. Иногда бывает достаточно нескольких слов, чтобы оправдаться, но ты не делай этого. Потерпи, не оправдывайся, и ты наглядно увидишь, как от терпения рождается смирение, а от смирения — любовь Христова.

Бичуй и укоряй себя беспощадно. Скажи душе: «Пожинай плоды от дел твоих. Как прежде ты явно и тайно поступала с другими, так теперь поступают с тобой. Теперь терпи и благодари Бога, что имеешь возможность принести плоды покаяния за грехи свои».

Разберем маленький пример. Вот человека оскорбили до слез. Он проглотил обиду, как целебную пилюлю, и помолился за врачей (врагов) своих, чтобы Господь не взыскал с них за клевету и грубость, но чтобы любыми путями спас их. Оскорбившие ушли раздраженные, без благодати, с тяжестью на сердце, а перенесший обиду тих и спокоен...

Ни он сам и никто другой не знает, что с ним происходит в этот момент. А происходит с ним нечто великое и таинственное. Благодать, как самая нежная и любящая мать, награждает человека за победу над самим собой и утешает его неизреченной радостью, миром и покоем. И как от действия теплоты формируется цыпленок тайно в своей скорлупе, так от действия теплоты Божественной благодати формируется новый, духовный человек тайно от всех, внутри телесного покрова.

Тайное действие благодати не прекращается ни днем, ни ночью. Как за ручку ведет она своего любимца по пути спасения. И не только за победу над собой, но даже за одну попытку (может быть, даже неудачную)

побороть себя, за малейшее желание стать лучшим она вразумляет человека видениями, сновидениями, откровениями... и, таким образом, в душе человека начинается духовный кругооборот. Чем больше усилий над собой делает человек, чем больше силы воли и энергии он проявляет и расходует для победы над собой, тем большую силу и энергию он сам приобретает, получает от Бога, так что в дальнейшем борьба становится для него все легче и легче. Сила, свет, теплота (любовь), энергия в человеке накапливаются, увеличиваются, возрастают до размеров, непостижимых человеческому уму. Внутренний человек возрастает до гигантских размеров, и в этот момент скорлупа (тайна) разрушается...

Не может укрыться от взоров тот город, который стоит на вершине горы. Сам человек получает извещение от Бога о своем спасении. Прежде он знал это предположительно, теперь знает утвердительно. По-прежнему он старается подвизаться втайне от посторонних взоров, но теперь это дается ему с трудом, потому что воля Божия о нем: поставить светильник на высоком месте, чтобы для всех он распространял тепло и свет.

Вот краткое понятие о духовном росте человека. Кто может вместить, да вместит!..

Духовное совершенство и заповеди блаженства

Каждый христианин начинает духовную жизнь с внешних подвигов: послушания, целомудрия, нестяжания, поста, дел милосердия, молитвословий и др. Цель этих подвигов — очистить сердце от страстей и пороков, чтобы душа способна была воспринять христианские добродетели и чтобы, в конечном итоге, она стала чистой, светлой, богоподобной. Много усилий приходится употребить над собой каждому христианину, пока происходит процесс очищения души и сердца от всевозможных грехов. Трудно, очень трудно бороться с собой, со своими

греховными склонностями и привычками. Но другого пути нет в Царствие Небесное.

По мере очищения души борьба усиливается... Злая сила яростно берет христианина, внушая ему недобрые помыслы и чувства и заставляя злых людей делать ему всякие пакости, борет его разными искушениями и болезнями. Но Господь помогает человеку Своею благодатью. Когда благодать Божия касается сердца человеческого, тогда человек способен понести любые трудности. Ощутив в сердце необыкновенную радость и сладость, человек с большим рвением тянется к благодати.

Свободная воля и разум, которыми Господь наделил человека, крепнут и освящаются, и тогда человек становится мудрым и волевым, с большой силой воли, так что усиленные нападения со стороны диавола и мира ему не страшны и борьба с плотью становится для него посильной. Благодать Божия творит чудеса! У человека приоткрываются духовные очи, и он начинает видеть внутреннее состояние своего сердца, начинает замечать свои не только явные грехи и порочные наклонности, но даже самые незначительные, едва заметные поползновения (намек) на грех в словах и мыслях.

Так начинается период восхождения по ступеням совершенства девяти заповедей блаженства. О блаженстве Христос так поучал народ:

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня.

Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах (Мф 5, 3–12).

Понятие «блаженство» надо отличать от понятия «радость». Радость бывает трех видов: духовная, естественная и диавольская. Диавольская радость — это услаждение грехом в момент совершения греха, или перед тем, или после того. Духовная радость, особенно у праведников, до некоторой степени напоминает блаженство вечное.

Блаженство — это особое состояние души праведника в Царстве Небесном, это сугубая радость, которую выразить на человеческом языке невозможно. Блаженства вечного удостоились и удостоятся души тех христиан, которые очистились и очистятся от всякой скверны, от всякого греха.

Апостолы учат: «Блажен человек, который переносит искушение» (Иак 1, 12); «Если и страдаете за правду, то вы блаженны»; и: «Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны» (1 Пет 3, 14; 4, 14).

Инок пишет в своем дневнике: «Блажен, кто возненавидел человеческую славу прежде наслаждения славою! Блажен, кто познал суету суетного прежде погружения в суетное! Блажен, кто презрел все тленное и чревоугодное прежде пресыщения тленным и чревоугодным! Блажен, кто познал ничтожество ничтожного и ненужность бесполезного — свежею, непресыщенною душою, и такою душою отдался весь Богу и прилепился к Нему!»

Воистину только в Боге наша истинная радость, наше счастье, наше блаженство! В Нем одном то истинное благо, которого так жадно ищет душа наша. Не находит Его только тот, кто счастье свое полагает во всем мирском и тленном.

Непонятна и странна для нас тайна обожения человека. Мы не можем представить себе, как Божество нисходит в природу человека и проникает все существо его,

сливается с ним Духом воедино и дает ему возможность ощущать и обнимать Его своим ограниченным человеческим чувством и сознанием. Но это так... Это бывает с каждым освященным христианином, который усиленной борьбой со страстями очистил сердце свое и стал сосудом Духа Святого, храмом Живого Бога.

Благодать животворит и обновляет сердце постоянно, и потому человек ощущает полноту духа, счастья и блаженства, насколько возможно ощутить это ограниченному чувству. Вот в чем кроется причина непостижимого спокойствия христиан во время гонений, всевозможных искушений и страданий. Они готовы все отдать, что требуют от них, даже самую жизнь, ибо благодать и блаженство вечное, которое они предвкушают еще живя на земле, для них выше и дороже всех сокровищ мира. Никто не разлучит их со Христом, никто не отнимет у них блаженство. Один только грех способен на это. Только грех может отнять блаженство и святость у святых, но греха они боятся, как огня, предпочитая лучше умереть, чем согрешить. Плод праведников есть святость, а конец — жизнь вечная и блаженство (см.: Рим 6, 22).

О том, что понятие «блаженство» относится в основном к будущему веку, пастырь-праведник отец Иоанн С. пишет так: «Жизнь человека, истинного христианина, впереди, в будущем веке; там откроются для него все радости, полное блаженство. А здесь он изгнанник и под наказанием, здесь иногда вся природа вооружается на него за грех, не говоря об исконном враге, который ходит "как рыкающий лев, ища, кого поглотить" (1 Пет 5, 8)».

Духовное совершенство представляет собой совокупность христианских добродетелей, которые Христос перечисляет в Своих девяти заповедях блаженства (см.: Мф 5, 3–12). Начинаются они с нищеты духовной, то есть с глубочайшего смирения (самоотречения от своей воли), которое является как бы фундаментом для всех остальных добродетелей. Поэтому стяжавшим нищету духа Христос обещает Царствие Небесное.

Поставив нищету духа впереди всех добродетелей, Христос тем самым показал, что без глубочайшего смирения нельзя восходить к другим добродетелям, как нельзя восходить на вторую ступень миновав первую. Так что тем, кто не достиг нищеты духовной, нельзя надеяться найти свое спасение ни в аскетических подвигах, ни в делах милосердия, ни в служении миротворчества, ни в каком-либо ином подвиге.

Вторая заповедь — плач о грехах — естественно вытекает из первой, то есть из нищеты духа. Это глубокое покаянное сокрушение и плач о своей греховности и о всех совершенных грехах. Здесь полнота сознания своей немощи, ничтожности, склонности ко греху и падениям. Человек начинает замечать на своей духовной одежде малейшие пятнышки грехов не только в делах, но и в мыслях, чувствах и намерениях; перестает осуждать других, ибо видит себя хуже всех. Таким плачущим Господь обещает утешение — прощение грехов и духовное совершенство.

От нищеты духа и сокрушения о грехах в человеке рождается кротость — добродетель христианская, делающая человека приятным для всех окружающих. Стяжавший кротость (третья заповедь) включается в число избранных, которые наследуют землю.

Четвертая заповедь: «Блаженны алчущие и жаждущие правды...» Каждый православный христианин, который искренно стремится ко спасению, жаждет правды Божией, но, к сожалению, вокруг себя видит зло: «Мир лежит во зле» (1 Ин 5, 19) — и потому тяжко страдает. А когда он обретает кротость, тогда за видимым злом ему открывается тайна домостроительства мироздания и благого Промысла Божия. Видимое зло он познает как истинное благо, так как зло венчает мученическими венцами претерпевших до конца и вводит их в вечное блаженство. В душе христианина начинают звучать слова Иисуса Христа: «Я победил мир» (Ин 16, 33); и: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф 28, 18). Здесь полнота того духовного насыщения, которое

Христос обещал алчущим и жаждущим правды, преодолевшим верою все сомнения и недоумения о недостатках и планах мироздания.

В пятой заповеди за любовь и сострадание к ближним Христос обещает милосердным полное прощение всех грехов и погрешностей.

В предыдущих четырех заповедях говорилось об очищении души от греха, а с пятой заповеди начинается служение ближним (см.: Мф 25, 40). Милосердные услышат призыв Христа Спасителя: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф 25, 34).

Полнота чистоты сердца от всех страстей и пристрастий достигается на шестой ступени: «Блаженны чистые сердцем...»

Преподобный Исаак Сириянин пишет: «Когда всех людей видит кто хорошими и никто не представляется ему нечистым и оскверненным, тогда, подлинно, чист он сердцем».

Вот предел для очищения сердца. Многие подвижники, стяжав совершенную любовь к ближним, уходили в пустыни и затвор, как, например, преподобные Антоний и Макарий Великие, Сергий Радонежский, Серафим Саровский и многие другие. В таких условиях жизни они достигли совершенной чистоты и святости и получили от Господа особые дары духовные для служения ближним. В полноте духовных сил они вышли на служение миру и пребывали в этом подвиге до конца своей жизни.

Мирянам значительно труднее, чем инокам, создать себе соответствующие условия для духовной, созерцательной жизни второго периода. Надо стремиться к уединенной, замкнутой, нерассеянной жизни и все внимание уделять непрестанной молитве, богомыслию при полном воздержании себя от мира — его суеты и связи с мирскими людьми. Так достигается ступень чистоты сердца. Преграда между человеком и Богом уничтожается, и человеку становится доступно созерцание Бога духовными очами.

Немногие избранные святые, достигшие чистоты сердечной и получившие от Господа множество духовных даров, переходят к новому периоду — миротворчеству в высоком звании сынов Божиих (седьмая заповедь). Обладая особыми дарами, они водворяют душевный мир путем просвещения человеческих душ верою, утешают сокрушенных сердцем и плачущих, исцеляют недужных и одержимых бесами.

На следующей ступени (восьмая заповедь) начинается соучастие христианина в Христовых страданиях за проповедь истины.

И блажен изгнанный за правду (подвиг исповедничества). Высок он будет в Царстве Небесном.

Самую высокую награду получат те, кто вкусит в полноте страдания за Христа, кто до конца радостно претерпит гонение, поношение, злословие за Господа, за Его исповедание и проповедь о Нем. Господь обещает им верх блаженства: «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» (девятая заповедь).

Таким образом, в зависимости от состояния души, от ее совершенствования будет зависеть и степень блаженства ее в потустороннем мире.

Инок пишет: «Не будет ли отравляться блаженство будущей жизни для многих тем, что там будут различные степени блаженства? Нет, потому что каждый будет пить свое собственное блаженство полною чашею, и оно будет сознаваться для каждого высшим возможным блаженством, сравнивать которое с другими не придет и на мысль. К тому же зависть возможна только там, где царят несправедливость и недостаток любви к ближнему, а там будет царство всех добродетелей и царство праведного воздаяния по достоинству и вместимости каждого».

Святые отцы пишут, что этот путь нельзя измерять количеством добрых дел и трудностью подвига. Так, преподобный Макарий Египетский пишет: «Человек будет наслаждаться обетованием в такой мере, в какой, уверовав, полюбил Бога, а не в такой мере, в какой

трудился. Поскольку дары велики безмерно, то невозможно найти достойных трудов».

Так же пишет и архиепископ Варлаам: «Подвизаться можно, но не для оправдания своими подвигами и делами, а для стяжания большего смирения и покаяния. Потому-то, если кто постится и молится не для стяжания смирения, а для богоугождения и своего оправдания, то ошибается... Многие подумают: как? Молиться, думая этим (или и другими подвигами) угодить Богу, — ошибка? Да, если думать о себе, что вот, я угождаю Богу. Да, если думать о себе, что я не как прочие; я особенно живу и о высоком думаю. Да, если иметь в виду только себя и хотя бы тайно любоваться собой, осуждая других, или хотя бы бессердечно относиться к чужим горестям и ошибкам».

О том же и патриарх Сергий пишет: «Господь Бог ищет не внешних поступков, не заслуг со стороны человека, но, чтобы не даром уступить ему блаженство в вечном общении с Собою, — ищет только способности к восприятию общения с Ним и дает его не столько, сколько Сам может или хочет дать, а сколько человек может вместить».

Это, разумеется, не говорит о том, что никаких подвигов не надо совершать ради Христа. Ведь «вера без дел мертва» (Иак 2, 20). Подвиги, безусловно, нужны, но только совершать их надо при наличии горячей любви ко Господу и в духе глубочайшего смирения, и тогда подвижник обретет блаженство.

О блаженстве несения креста

Путь к этому блаженству сопряжен с крестом, с борьбой против своего и окружающего зла... Некоторые понимают крест как что-то непонятное, тягостное, извне приходящее. Это неверно. Взятие Креста Христова есть готовность и окрыленность свободной воли самого человека на борьбу за Божию правду и в своей душе, и в мире. Крест есть свободное человеческое согласие на борьбу за любовь и правду в этом мире.

Нелегко человеку бороться за любовь, правду и чистоту на этой земле. Все словно осуждает, срывает, обессиливает наш порыв к добру и внутри нас, и вовне... Но человек верующий несет этот порыв через всю свою жизнь. Это и есть его крест. Не только его. Но и Христов. Крест в нем. И тот, кто отказывается нести светлый, спасающий Крест Христовой правды, чистоты и любви, принужден нести безнадежный разбойничий крест своих страстей, своих злых дел и их следствий. Это крест того ленивого разбойника, распятого со Христом на Голгофе, но не покаявшегося пред Христом, не осознавшего своей греховности и — отвергнувшего Христа.

Нелегка жизнь человека в этом земном преходящем мире. Частью своего существа ему надо быть в этом мире, творить честно свое земное дело для ближних, для своего народа, для человечества. Но последней — глубиною духа — ему надо дышать уже горним воздухом вечности. Туда, в эту чистую высь бытия, он уходит после своего земного испытания. Религиозным можно назвать человека, ценности которого не только на земле, но и на небе. Такой человек может быть и хирургом, как Пирогов, писателем, как Достоевский, ученым, как Ньютон, и исследователем земли, как Семенов-Тян-Шанский, и всюду, на всех путях мира он будет осуществлять высокую человечность, Христову правду. Среди всех условий земли мы можем сохраняться от зла и греха. В этом чудо жизни во Христе. Христос совершает это в нас по вере нашей. Не своей, а Божьей силой мы спасаемся... «Невозможное человеку — возможно Богу». И мы верим и знаем, что Господь не только около нас, но Он и в нас. И Его любовь к нам, и наша любовь к Нему есть самая великая сила мира*.

Встают и проходят своею чредой
Года за годами, весна за зимой,
И кружится цепь бесконечная дней
Рожденья и смерти, утех и скорбей...

* В этой главе о. Савва цитирует слова архиепископа Иоанна (Шаховского).

Родитель и Слово! Премудрость Твоя
Сокрыта от мира — ясна для меня!
Все гибнет, меняясь, рождаяся вновь,
Чтоб в вечности вечно жила в нас любовь.
Средь скорбного мира нет больших скорбей,
Как скорби беспомощных, смертных людей,
Чтоб жили они в мире лучшем, ином
И радостно шли к нему крестным путем.
Средь скорби надежда святая растет,
В слезах, воздыханьях блаженство живет,
Средь тьмы неразумия, горя и бед
Горит светозарнее Троицы свет.
Как сладко от праха юдоли земной
Душой возноситься в мир чудный, иной,
Для горнего мира мир дольний забыть,
Средь смерти небесною жизнию жить!

Размышление и наставление

Святость есть начало будущей жизни вечной. Все святые достигали святости не иначе, как путем долгой и трудной борьбы со всеми земными пристрастиями, путем обуздания своей плоти постом, трудами, молитвами и другими подвигами благочестия. Своими мыслями, желаниями, чувствами и стремлениями они прилеплялись к Богу и духом своим сливались с Ним воедино.

Сами ли они по своей воле, подвигам и стараниям достигли такой духовной высоты? Нет! Господь Сам избрал их и избирает во все времена на подкрепление и врачевство немощных и слабых в вере. Он Сам дает им силы для несения жизненного креста, дает им совершенство святости, дар исцелений, прозорливости и другие благодатные дарования, которые они употребляют на благо людей. Ни одним дарованием они не распоряжаются по своей воле, но сообразуются с волей Божией и Промыслом Его в делах спасения людей.

Возможно ли это и для нас грешных? Да... возможно.

Инок пишет: «Благодать Божия сама подготовляет и предочищает себе избранные сосуды и жилища. Сами мы бессильны сделать себя достойными ее

вместилищами, бессильны удержать греховные наклонности, погасить страсть, умертвить похоть и обезопасить себя от такого множества душерастлевающих влияний со стороны врага спасения...

Но если так, не ослабляет ли вину нас, грешников, то, что благодать Божия миновала нас своим избранием? — Нет, потому что и от нас зависит то, чтобы она нас не миновала! Иначе как возможно было бы, что в лике святых оказались бывшие самыми отъявленными, отчаянными грешниками и грешницами?»

Для одних спасение — подвиг целой жизни, для других — дело одной минуты. Один достигал его самоотверженно, всего лишенною жизнью в пустынях, горах, вертепах и пропастях земных, другие достигают того же среди городского шума, житейской суеты, мирской среды, иногда одним покаянно-слезным предсмертным вздохом. Не умаляется ли от такой несоразмерности значение пустынножительства с его лишениями и посвящение себя на продолжительную жизнь, достойную спасения? Не умаляется — уже потому, что жизнь, вся посвящаемая на служение Богу и достижение спасения, сама в себе есть величайшее благо, исполнена величайших утешений и наслаждений духовных, услаждающих самые суровые условия пустыни и помогающих эти самые условия обращать в благо и наслаждение духа, всецело объятого парением Богу. Вот почему укрепившиеся в своем подвиге пустынножители не променяли бы, конечно, свои суровые условия жизни ни на какое довольство и роскошь мирской жизни и отнюдь не считали бы их для себя малейшим соблазном, сожалея и оплакивая пребывающих в ней. Затем, необходимо принять здесь в объяснение то, что жизнь и спасение каждого есть устроение также и воли Божией, а не только нашего избрания. Наконец, в каждом из спасающихся Господь видит и смотрит не только дело, но «и намерение целует» и взвешивает в подвиге каждого не сумму внешнего, но силу внутреннего. Достигающие спасения одною минутою, без сомнения, были достойны его

ради такого настроения своей души, которое могло и их сделать подвижниками, если б на то воле Божией было угодно дать возможность.

Благоразумный разбойник, говорит один проповедник (святитель Иннокентий), если бы ему дано было сойти со креста, без сомнения, всю дальнейшую жизнь посвятил бы Богу. Благоразумный разбойник открыл человечеству то, что между бездной человеческого падения и вершиной Божественной благости нет непроходимого и долгого пути. Одно благодатное движение души в решительный момент, одно истинно покаянное слово — и спасение совершилось, разбойник стал первым наследником Царствия Божия.

Вот что делает благодать Божия с душой человека. Стоит только прийти в себя, открыться душе, и благодать не замедлит посетить душу.

Святитель Иоанн Златоуст пишет: «Благоразумный разбойник внезапно изменился от воздействия благодатной силы Креста Господня. Благодать Христова помогла ему увидеть в лице Христа невинного Страдальца... ему открылась неизреченная тайна Креста Господня».

Когда мы целуем свой крестик, то освящаемся благодатной силой креста, как благоразумный разбойник. От каждого креста, сделанного из любого материала, исходят лучи благодатного света, освещающие наши помраченные грехом души, и исходят волны благодати в виде теплоты, любовью согревающие наше хладное, ледяное сердце.

Многократно повторяю, друг мой, никогда не забывай целовать свой крестик утром и вечером с молитвой за себя, за сродников, за друзей и врагов.

Покаяние благоразумного разбойника сопровождалось глубокой верой в искупительную силу Христовых страданий, смиренной надеждой на милосердие, Божией любовью к Невинному Страдальцу. По словам священника В. В. Щукина, разбойник сделал три решительных шага ко спасению: первый — шаг безропотного терпения в тяжких обстоятельствах, второй — покорного

сознания своей виновности перед правосудным Богом и третий — шаг смиренной мольбы о помиловании и спасении.

В одно мгновение Господь может и нас простить, может и нам даровать жизнь вечную, если и мы сделаем эти три решительных шага и если последуем по стопам благоразумного разбойника в вере, надежде и любви к Богу и людям.

Но горе наше в том, что у нас все получается иначе... Один святой отец сказал: «Легко сделаться святым, но трудно остаться им!» — Почему? Да потому, что святыми нас делает уже один вздох истинно покаянного чувства, а удерживает за нами это приобретение лишь самая строгая выдержанность святости во всех наших чувствах, и действиях, и отношениях к другим, и во всех душевных движениях.

А что мы видим в своей жизни? Мы мечемся в постоянных противоречиях с самими собою: то сокрушаемся, плачем о грехах, то опять охотно отдаемся им. Только что с рыданием взывали к милосердию Божию, а через минуту опять делаем недостойное милосердия; только что заверяли Господа в своей любви и преданности Ему, и вот уже опять спешим войти в дружбу с врагом спасения нашего...

Вот основная причина нашего неуспеха — отсутствие истинного покаяния. У нас нет настоящего, покорного сознания своей виновности перед Богом и людьми. Нет у нас и безропотного терпения скорбей и болезней, нет и смиренной мольбы о помиловании и спасении, нет страха Божия и любви к ближним. Одной рукой мы созидаем, а другой рукой разоряем дело своего спасения. Хорошо говорит об этом народная поговорка: «И пятничает и понедельничает, а сплетничает». На вид мы будто бы благочестивы и идем ко спасению, а языком губим себя.

Один подвижник сказал: «Кто плюет против ветра, тот плюет себе в лицо», то есть кто осуждает брата, тот тянет себя в пропасть на вечные мучения. Милосердный

Господь всякую минуту готов сострадательно обнять нас и уврачевать наши раны. Но мы забываем об этом. Поэтому можем услышать слова укоризненные от Него: «Вы были немощны, бессильны в борьбе со грехом? Пусть так. Но почему же вы не просили и не хотели Моего милосердия, для всех открытого? Я готов был не требовать большего и умею миловать и за одно покаяние. Но вы и этого не хотели сделать... Где же место у вас Моему помилованию? Идите же туда и получите то, что себе избрали!..»

Митрополит Антоний пишет: «Спаситель предупреждает нас о трех основных опасностях, которые могут привести нас к суду неготовыми. Первая — беспечность; вторая — малодушие и третья — жизнь, недостойная человека по чуткости и человечности.

Беспечность веселая, будто и не злая; беспечность безответственная, злонамеренная, жадная, злая; беспечность страшно нам обычная: завтра все успеем.

Это первая группа предупреждений Господних. Далее — притча о талантах. Господь дает каждому дарование в меру его сил и призывает его принести плод, плод такой же богатый, как богаты сами дарования. И часто мы ничего из этих дарований не делаем.

Нам дается ум, но этот ум мы не обогащаем ничем. Нам дается чуткое сердце, но это сердце остается только как возможность чуткости, дремлет в себялюбии, коснеет. Дается нам воля, порой сильная, которая остается бесцельной. Почему? Не всегда по беспечности, порой потому, что нами овладело малодушие, трусость. Чтобы чего-то достичь — и это правда, — нам надо всем рискнуть: покоем, обеспеченностью, отношениями, жизнью — всем или хотя бы чем-нибудь.

Когда приходит суд, оказывается, что данное нам нашим никогда не было, а всегда оставалось Господним. И Господь вернет Себе это и отдаст тому, кто готов рисковать жизнью и покоем, обеспеченностью, телом и душой, чтобы принести плод, чтобы не быть заживо мертвым, но быть живым и животворящим.

И, наконец, притча о последнем суде. О чем этот суд? Не о том, что мы не имели великих откровений, а о том, что не могли сердцем человеческим, живым отозваться на нужды, горе, на боль, на опасность другого человека. Кто не может быть человеком на земле, не может быть святым на небе. Кто в малом не может быть человеком, тот никогда не вырастет в меру Человека Иисуса Христа.

Вот предупреждение Господне о суде: не о том, что Он придет и это страшно будет, а о том, что Он придет и так жалко, так больно будет, что мы прожили всю жизнь, так и не став человеком по трусости, сонливости, себялюбивой злобе или просто забывчивой беспечности. Суд о том, что мы проживем всю жизнь, иногда не заметив, что она глубока, просторна, что жизнь бьет ключом из глубин Божиих и уносит нас в эти глубины.

Вдумаемся, опомнимся и станем жить не узкой, бедной жизнью, которая вся заключена в себе самом, а просторной, глубокой, мощной жизнью, которая покоится в Боге, из Него получает источник сил и нас уносит в вечность, где все имеет свое место, где все получает величие, потому что человек может себя перерасти и стать богочеловеком по подобию Иисуса Христа, благодатию Святого Духа, любовью Господней».

Дай святость мне, Боже!
Дай кротость, Твой страх,
Дай твердость в страданьях,
Дай плач о грехах,
Умножь в Христа веру
И чувства к Нему,
Дай радость в молитвах
И в службе Ему,
Дай мне благодарность
В надежде всего,
Дай веровать в славу
И в слово Его.
С Ним в горе, в страданье...
Дай слезы, чтоб я,

Смирясь в испытанье,
Прославил Тебя.
Дай чистое сердце
И дух правый мне,
Чтоб, бросив земное,
Стремиться к Тебе.
Быть к Царству готовым:
Мир, святость стяжать,
Чтоб жизнью, делами
Тебе подражать.

На прощание, друг мой, даю тебе маленькое наставление. Всегда помни, что свят не тот, кто высок по жизни своей в смысле подвига, но тот, кто стяжал все добродетели и кто носит в себе Духа Святого, кто волю свою подчинил воле Божественной и всего себя принес в жертву на служение Богу и ближним.

Митрополит Антоний пишет: «Увидеть — это значит взять на себя ответственность, так войти в жизнь другого человека, как говорит апостол Павел: "Друг друга тяготы носите". И поэтому воспитывать в себе способность видеть и слышать начинается не тем, чтобы открыть глаза и уши, это начинается тогда, когда мы решаем доброй совестью относиться к ближнему и Богу».

Вот что должно красной чертой проходить через всю нашу жизнь. А все остальное надо понимать как средства для достижения этой цели.

Считай себя недостойным много поститься и много бодрствовать. В наш век атома и химии неприемлемы такие подвиги, которые были доступны для подвижников первых веков нашей эры. К тому же внешние, телесные подвиги развивают в человеке тщеславие и гордость — самые пагубные страсти. Только смирение недоступно злой силе, поэтому ешь на здоровье, сколько требуется для твоего организма (без пресыщения, разумеется!) и спи с воздержанием, тогда ты не будешь о себе мнить высоко, а будешь укорять себя за нерадение — вот и путь к смирению!

Архиепископ Варлаам пишет: «Легко при внешней исправности (вычитка правил, соблюдение постов и т.д.) и при свободе внешних падений перейти к духовному самоцену и гордыне, а отсюда к "святости и прозорливости" с левой стороны».

Самое необходимое для спасения — это истинное внутреннее убеждение, что мы хуже всех и грешнее всех на свете. Вот когда приобретешь истинное смирение, тогда не опасны будут для тебя никакие подвиги: пост, бдение, коленопреклонение... Хоть вериги носи тогда! — все будет во славу Божию. А пока сокрушайся и уничижай себя беспредельно.

Всегда и во всем предавайся воле Божией и веруй, что Он посылает тебе самое нужное и самое полезное. Своеволие — это величайшее зло для человека. Признак неверия — это когда человек надеется на самого себя и живет по своей воле, а когда он уповает на Бога — это великая добродетель, которая основана на сердечной вере в Бога, несомненной надежде на Него и неизменной любви к Богу и ближним.

Христос сказал: «Не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!", войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф 7, 21).

Очистившись от скверн греховных и всецело предав себя воле Божией, мы можем стать участниками вечного блаженства со всеми святыми. От нас самих многое зависит: получим или потеряем блаженство и Царство Небесное. Получим, если с Божией помощью мы будем нудить себя к святости, и потеряем, если в беспечности будем пренебрегать спасающим нас милосердием Божиим.

Очень полезно умом пребывать во аде, но не отчаиваться. Нельзя думать, что мы непременно будем осуждены, надо надеяться на великое милосердие Божие.

Инок пишет: «Смиренно считавший себя первым из грешников назвал себя также и меньшим всех святых. Это показывает, что с самоуничижением вполне совместимо и сознание своего христианского достоинства,

что чувство самого глубокого сознания своего недостоинства не должно заглушать в нас и изгонять другое, не менее полноправное священное чувство свободы от осуждения, чувство очищения и освящения наших душ благодатию Христовою».

Преподобному Симеону Новому Богослову было видение, в котором он услышал глас Божий, говорящий: «Чрезмерно мала душа твоя, когда ты довольствуешься только таким благом (имеется в виду земное благо), ибо оно в сравнении с будущим похоже на то, как если бы кто нарисовал небо на бумаге и держал ее в руках».

И апостол Павел восклицает по этому поводу: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор 2, 9).

Нам тоже придется жить в том мире не только душой, но и телом, поскольку в Господе обитает вся полнота Божества телесно. Следовательно, нам и телом надлежит потерпеть ради будущих радостей. Апостол Петр в Первом послании пишет: «Как Христос пострадал за нас плотию, то и вы вооружитесь тою же мыслью» (1 Пет 4, 1). Чтобы не к нам относились слова Иисуса Христа: «Вы все еще спите и почиваете? Кончено, пришел час» (Мк 14, 41). Но чтобы душа наша чувствовала слова Господа как благословение Его: «Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (Мф 28, 20).

С детской доверчивостью и с дерзновением веры в простоте сердца будем единодушно следовать за Христом по пути в Царство Небесное. Благодать Господа Иисуса Христа и Бог мира со духом твоим. Аминь.

Молитвенно с тобой пребывающий
твой духовный отец схиигумен Савва

ИЗ ПИСЕМ И НАСТАВЛЕНИЙ О МОНАШЕСТВЕ И ЖИЗНИ В МИРУ

О своем монашеском постриге

Дорогой мой друг, ты просишь, чтобы я поделился с тобой своими чувствами, которыми я жил до времени пострижения и в последующее время. С радостью исполняю твою просьбу, хотя и нелегко ее исполнить.

Как выражу я то, что переживала и чем теперь живет моя душа? Какими словами выскажу я то, что преисполняло и преисполняет мое сердце? Я так бесконечно богат небесными благодатными сокровищами, дарованными мне Господом, что не в состоянии сосчитать их. Монах я теперь, как это ни странно... непостижимо! Новая одежда, новое имя, новое, доселе неведомое, никогда не испытанное чувство, новый внутренний мир, новое настроение, все новое, — весь я новый и обновленный.

О, какое дивное и сверхъестественное действие благодати! Всего меня переплавила, всего меня преобразила. Пойми ты, родной, меня, — прежнего Николая. (Как не хочется повторять мирское имя!) Нет его больше, совсем нет, взяли и куда-то глубоко зарыли так, что самого маленького следа не осталось. Иногда является желание представить себя Николаем, нет, никак не выходит; воображение напряжено до предела, а прежнего Николая так и не вообразишь. Словно уснул я крепким сном... Потом, пробудившись от сна, гляжу кругом, хочу припомнить, что было до погружения в сон, и не могу припомнить прежнее состояние, словно вытравил его кто из моего сознания, а на место прежнего вложил новое, совершенно новое. Осталось только настоящее новое, доселе неведомое, да далекое будущее. Дитя, родившееся на свет, не помнит своей утробной жизни. Так вот и я. Благодаря пострижению я почувствовал себя младенцем и теперь не помню своей мирской жизни.

На свет-то словно сейчас родился, а прошлое все было как сон. Отдельные воспоминания прошлого, отрывки сохранились, но нет прежней сущности, душа стала совсем другая.

Расскажу тебе, как постепенно я подходил, или, лучше сказать, как постепенно благодать Божия вела меня к тому, что есть теперь. Это воспоминание полезно и мне самому, ибо подкрепит, ободрит и окрылит меня. Сознание того, что ты посвятил себя на служение Господу Богу, что ты никому не принадлежишь, кроме Господа Бога, — в минуты размышления о бренности всего земного — может давать приток новых сил на дальнейшие подвиги, может ободрить и сделать духовно счастливым.

Признаки счастья заключаются в любви к Богу и ближнему: усваивая смирение, не замечать того, что тебя обижают, огорчают, унижают. С восьмилетнего возраста, по неисповедимым путям Промысла Всевышнего, благодать Божия призывала меня к этой возвышенной цели — к иноческой жизни, но осуществить иноческий постриг мне пришлось значительно позже. Изобразить пути водительства Божия затруднялись многие святые отцы, опытно пережившие моменты призвания и обращения. Не меньшая опасность ожидает меня, пытающегося передать словами то, что не подлежит описанию, облечь в обыденные понятия то, что не исчерпывается ими. Пристально всматриваясь в прошлое, могу сказать тебе, мой друг, твердо, что время не стерло неизгладимо, наоборот, отшлифовало, выявило сокровенные действия Промысла Божия. Они проявились во всем: и в формировании моего характера (под воздействием особо сложившихся обстоятельств), и в развитии душевных качеств, и в появлении настойчивой мысли — найти истинный смысл жизни.

Процесс внутреннего созревания для новой жизни осуществлялся непостижимым образом в моей душе. Я чувствовал, как невидимая рука Великого Художника наносила благодатию Святаго Духа небесные образы

в моем сердце, которые влекли меня к новой жизни. Полем сокровенной деятельности благодати Божией было мое сердце. Именно отсюда услышал я чудные звуки небесной гармонии, отсюда же прозвучал и суровый голос обличения, указавший на мое недостоинство и греховность. Здесь, в сердце, началась жестокая борьба нового человека с ветхим. Неведомые, неиспытанные состояния охватили мою сущность. Разум мой недоумевал: «Что это со мною?» Часто под действием страстей он восставал против нового переживаемого сердцем, с молниеносной быстротой нанося удар за ударом сердцу. Бедное сердце, борясь и страдая, верило. В минуты изнеможения оно чувствовало, как неведомая благодатная сила, вливаясь в него, превращала горечь страданий в источник неземной радости. Сам Утешитель Дух Святый в немощи являл Свою силу. Тогда смирялся высокий ум, познавая величие открывающегося ему духовного мира.

Таковы, друг мой, истинные причины, приведшие меня к новой жизни. Убедительны ли они? Думаю, что не для всех, как не для всех открыты тайны духовной жизни. Не считая нужным утруждать твое внимание хронологией событий моей жизни, приступаю к самому основному — к изложению чувств, пережитых при постриге.

По зачислении в Троице-Сергиеву лавру мне предложили подать прошение на иноческий постриг. 25 октября (ст. ст.) 1948 года за всенощным бдением, накануне праздника святого великомученика Димитрия Солунского (Мироточивого), мне назначен постриг. Пошел я на исповедь. Исповедь самая подробная: вся жизнь с шестилетнего возраста.

После исповеди отстоял литургию, пришел к себе в келью и пережил то, что во всю жизнь не придется уже переживать, разве только накануне смерти. Лаврские часы пробили полдень. Еще несколько часов, и должен начаться иноческий постриг. О, если бы ты знал, как дорога мне была каждая минута, как старался я эти минуты

не потерять напрасно! Я заполнял их молитвой, или размышлением, или чтением святых отцов.

Читал, размышлял и вспоминал, особенно святых отцов: преподобного Сергия Радонежского, Серафима Саровского, иеросхимонаха Амвросия Оптинского, епископа Феофана Затворника.

Говорят, что человек перед смертью невольно вспоминает всю свою прошлую жизнь. Так и я: в одно мгновение в ясных картинах представилась вся моя жизнь. И что чувствовал! Что переживал! Одному Богу известно!... Никогда и ни за что, если не коснется благодать Божия, не поймет этих переживаний самонадеянный мир.

Перед рассветом началось томление души, и какое ужасное томление души, и какое ужасное томление, страшно вспоминать! Какая-то сплошная тоска, словно что-то сосало сердце, томило, грызло; что-то мрачное и безнадежное — и ниоткуда помощи, ниоткуда утешения. Так будет еще только перед смертью. То демон боролся последней и самой страшной борьбой. И, веришь ли, если бы не помощь Божия, я бы не вынес этой борьбы.

Но Господь всегда близ человека. Смотрит Он, как идет борьба, и едва увидит, что человек изнемогает, посылает сейчас же Свою благодатную помощь. Так и мне в самые решительные минуты попущено было пережить полную оставленность, но потом внезапно даровано было подкрепление.

Душа моя исполнилась необыкновенного умиления и благодатной теплоты: в изнеможении упал я ниц пред святым образом и заплакал сладкими слезами.

Обрадованный и восхищенный, я стал читать Евангелие. Ударил колокол, возвещая о начале вечернего богослужения. После краткой келейной молитвы Спасителю и Божией Матери душа умилилась. Если бы ты знал, что делалось с моею душою!.. Послышался тихий стук в дверь моей кельи. Вошел инок, говоря: «Пора, идем». Я встал, еще раз, вместе с иноком, помолился Спасителю, Божией Матери и поклонился Спасителю, Божией Матери и образу святителя Николая Чудотворца.

Вошли в церковь. В преддверии храма полумрак, тихо мерцают лампады. Я остался один в стороне, отделенный занавесью, где стоял аналой; на аналое находился образ Спасителя, перед образом горела свеча. На столике увидел власяницу, носки... Надо было переодеваться. Всю прежнюю одежду снял, совлек с себя ветхого человека, облекся в нового, надев власяницу. Во власянице и в носках стоял всенощную за занавесью перед образом Спасителя.

С упованием и верою взирал я на Божественный Лик; и Он, Иисус Христос, кроткий и смиренный сердцем, смотрел на меня. Хорошо мне было: мирно и отрадно. Взглянешь на себя — весь белый, власяница до пят, стоишь раздетый в сознании своего ничтожества перед своим Творцом.

Припадешь к иконе, охватишь голову руками... и утопаешь в созерцании Бога... «Святый Боже, — последний раз тихо и плавно, как при погребении, пропел хор, — Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас». Мерными торжественными шагами приближался ко мне сонм иноков в клобуках, в длинных мантиях, с возжженными свечами в руках; подошли ко мне и повели меня к солее. На амвоне у аналоя стоял с крестом и Евангелием отец архимандрит, наместник лавры. «Объятия Отча отверсти ми потщися», — тихо и грустно пел хор.

Войдя в притвор, закрытый мантиями, я пал ниц, касаясь лицом самого пола, крестообразно раскинул руки, не помню хорошо, что со мной было, все помутилось... Снова упал. Вдруг, когда я уже лежал у амвона, слышу особое чтение, положенное при совершении чина пострижения.

«Бог Милосердый, яко Отец чадолюбивый, зря твое смирение и истинное покаяние, чадо, яко блуднаго сына приемлет тя кающагося и к Нему от сердца припадающаго». Отец архимандрит, наместник лавры, подошел ко мне и поднял меня. Затем я давал всенародно, перед лицом Бога, великие и трудные иноческие обеты.

После этого облекли меня в иноческие одеяния, на рамена мои надели параман, черный с белым крестом, а вокруг него написаны были дивные слова: «Аз язвы Господа моего Иисуса Христа на теле моем ношу». Порою так сильно дают себя ощущать эти слова... Надели мне на грудь деревянный крест во всегдашнее воспоминание злострадания и уничижения, оплевания, поношения, заушения, распинания и смерти Господа Иисуса Христа.

Надели подрясник, опоясали кожаным поясом, облекли в мантию и клобук. Потом вручили горящую свечу и деревянный крест. Так погребли меня для мира! Я умер и перешел в духовный мир, хотя телом остаюсь еще на земле.

Что чувствовал и переживал я, когда в монашеском одеянии стоял пред образом Спасителя у иконостаса с крестом и свечой, — не поддается описанию. Моя душа почувствовала, что в Иисусе Христе сокрыт источник вечных благ. И цель иночества — чрез непрестанное призывание спасительного имени Господа нашего Иисуса Христа — быть причастником небесных благ. Пять суток безвыходно провел в храме, каждый день приобщаясь Святых Христовых Таин. Я пережил, передумал за это время столько, что не переживу, наверное, за всю последующую жизнь. Все тут было: и блаженство небесное, и мука адская, но больше блаженства.

Кратко скажу тебе, друг мой, о моей теперешней новой иноческой жизни. Скажу словами одного отца Церкви, инока: «Если бы мирские люди знали все те радости и душевные утешения, кои приходится переживать монаху, то в миру никого не осталось бы; но если бы мирские люди наперед ведали те скорби и муки, которые постигают монаха, тогда никакая плоть не дерзнула бы принять на себя иноческие обеты, никто из смертных не решился бы на это».

Глубокая правда, великая истина! В 1949 году, в день Благовещения Пресвятой Богородицы, Святейший Патриарх рукоположил меня в сан иеродиакона, а потом в иеромонаха.

В 1954 году Святейший Патриарх всея Руси Алексий направил меня в Псково-Печерский монастырь, где я и пребываю, выполняя священно-иноческое послушание.

На литургии держу с любовью и радостью, со страхом Божиим в своих недостойных руках «Содержащего вся». Вкушаю Безсмертную Трапезу. Каждый день — праздник для меня!

Священнодействуя у жертвенника, вынимая частицы из просфор, я вспоминаю тебя, друг мой, и всех ближних, как живых, так и умерших, испрашиваю при этом у Господа прощения всех их грехов и своих личных. Во время причащения Святых Христовых Таин, пребывая в благодатном настроении и небесном осенении, воздавая поклонение приближающемуся к нам Господу, сподобляясь неземной радости, я готов воскликнуть подобно апостолу Фоме: «Господь мой и Бог мой!»

О, какое счастье и какой, в то же время, великий и долгий подвиг!

Вот, друг мой, чувства и переживания, испытанные мною до пострига и после.

Когда я все это вспоминаю, мне становится страшно: если б не помогла мне благодать Божия, не вынес бы я того, что пережил в те никогда не забываемые мною дни.

«Смотри, брате, запасайся, — ласково приговаривал одному новопостриженному монаху некий старец, — на всю жизнь теперь запасайся. Того не будет уже больше, что теперь переживешь! Вот пойдут скорби, тогда вспоминай эти минуты, и тебе хватит на всю жизнь». Боже! Какая это глубокая, дивная правда! Слава Богу за все!

Исполняя твое желание, дорогой друг, я открыл тебе переживания моего сердца — чувства, пережитые при совершении надо мною пострига. В этом мне помог промыслительный случай — в мои руки попалась рукопись преосвященного Серафима Звездинского, в которой владыка поделился своими переживаниями при совершении над ним пострига.

Дивное совпадение описанного преосвященным Серафимом с моими личными переживаниями, к тому же — одно место пострига, одинаковое время стояния в алтаре, даже одно и то же имя до пострига — все это не только придало мне решимости изложить пережитое, но и с прежней силой воскресило былые чувства. Нахлынувшие впечатления переполнили мое сердце, и вот я поведал тебе, мой друг, о великих благодатных переживаниях.

Призываю благословение Божие на малый труд сей и прошу, да отверзутся благодатию Его ум и сердца читающих, стремящихся ко спасению и заботящихся об исполнении святой воли Его, по реченному: «Пути Твоя, Господи, скажи ми, и стезям Твоим научи мя».

О монашестве

Ответ на письмо друга

Дорогой мой, вседушевно воспоминаемый друг, ты благодаришь меня за услугу, то есть за то, что по твоей просьбе я написал тебе свои воспоминания об иноческом постриге, а теперь ты просишь сообщить тебе еще краткое описание Псково-Печерского монастыря.

С радостью исполняю твою просьбу, так как настоящая наша жизнь есть время сеяния для жизни будущей; будущая жизнь есть время жатвы: мы здесь сеем, а там будем жать. Господь ничего не оставляет без награды; и доброе слово, в пользу ближнего нами сказанное, Он вспомнит, и ласковый взгляд наш Он не забудет... Но прежде чем перейти к непосредственному описанию нашей святой обители, я хочу остановить твое благочестивое внимание на сущности монашества.

У нас в России имеется несколько мужских и женских монастырей, в которых неугасимо теплится лампада близкого для православного человека монашеского подвига. Из мужских обителей я назову тебе: Троице-Сергиеву лавру, Почаевскую Успенскую лавру, Псково-Печерский монастырь, Жировицкий Успенский

Схиигумен Савва

монастырь, Одесский Успенский монастырь. В духовной юрисдикции патриарха Константинопольского находится русский монастырь во имя Святаго великомученика Пантелеимона на Святой Горе Афон.

Из числа женских монастырей назову Покровский и Флоровский монастыри в Киеве, Пюхтицкий Успенский монастырь, Мукачевский Троицкий монастырь в Ровенской области. В Святой Земле находится русский женский Горненский монастырь.

Посвящая всю свою жизнь служению Богу, монашествующие служат в Русской Православной Церкви примером христианского доброделания. Уединенная, безмолвная, самоуглубленная, богомысленная жизнь инока ценна, обильна и отрадна многими минутами божественно-благодатного озарения, богопознания и самопознания, составляющими все его счастье на земле и залог спасения и будущего блаженства на небе.

Монах — это очнувшийся сын, для которого все прошедшее, настоящее и будущее слилось и замерло в один нескончаемо долгий момент сладчайшего самозабвения на груди Отеческой... Вопль покаянной мольбы еще на устах, но сердце — сердце уже давно услыхало ответ и само успело ответить своим воплем, воплем счастия от исчезновения в неисследимой бездне всепрощения и милосердия Божия!..

Как человек, несведущий в музыке, не может познать и сполна насладиться стройными нежными звуками, так и не познавший Бога, отрицающий религию не может понять истинного смысла монашества: ему недоступны возвышенные чувства аскета, обретшего в душе своей Царство Небесное и носящего в себе Бога Живаго. Музыка услаждает наш слух, вызывает благородное чувство — чувство радости и восторга, а религия, то есть Дух Божий, Своими благодатными лучами и любовью услаждает все наше существо, вызывая неописуемый восторг и умиление с большею силою, поэтому чувство это еще возвышеннее, благороднее, так что проявлять лишь любопытство и шутить над

религией нельзя. Наоборот, надо тянуться к этому благородному чувству. Когда мы молимся, то на нас нисходят благодатные лучи и не только слух освящается, но и все наши чувства: зрение, обоняние, вкус, осязание — все существо человека, и тогда человек делается благородным.

Когда слушаешь какое-нибудь трогательное пение или речь, затаиваешь дыхание, замираешь сердцем и стоишь как оцепенелый, боясь малейшего шороха. Вот так точно должно, с затаенным дыханием и сердцем, замершим для всего внешнего, внимать Господу, присутствие Свое в сердце заявляющему сладкозвучными глашениями духа и умиленными чувствами.

Сколько красок, поэзии, какая глубина чувства, какая сила умиления сокрыта в стихирах, канонах и других песнопениях Церкви! А обряды и священнодействия? Целое море всяких сокровищ, утешения и сладости. Как пуста, бездушна без них жизнь, со всеми ее заботами и стремлениями.

Чтобы познать Господа, не надо ни богатства, ни учености, но надо быть послушным и воздержанным, иметь смиренный дух и любить ближнего, и Господь возлюбит такую душу, и Сам явит Себя душе, и будет учить ее любви и смирению, и все полезное даст ей, чтобы обрела она покой в Боге.

Хотя самая цель монашества и есть обновление Святым Духом принявшего монашество, но святые отцы предлагают идти к этой цели покаянием и смирением, стяжать плач о себе и молитву мытаря, настолько раскрыть в себе греховность, чтоб совесть наша свидетельствовала нам, что мы — рабы непотребные и нуждаемся в милости.

Чем тяжело монашество? Не тем, что стали запретными все удовольствия и блага суетного мира! Не тем, что долг и сердце требуют борьбы, чтобы не вернуться к ним, не повторять, не искать их! Не тем, что отрицаемся своей воли и несем иногда действительно тяжелые послушания! Не тем, что иногда вынужденно обязаны

Псково-Печерский монастырь — Дом Пресвятой Богородицы.
Икона конца XVII — начала XVIII века из Никольского храма

соблюдать строжайшее целомудрие — эту нелегкую победу над природою! Не тем, что данные обеты — нищеты, послушания и целомудрия, поста, молитвы и строжайшего воздержания, — постоянно нами нарушаемые, — вопиют в совести нашей мучительными укорами!

Нет, не этим всем тяжело монашество! Это все результаты другой тяжелой стороны его!.. Тяжело оно своею постоянной неудовлетворенностью в достижении своего положительного результата — теснейшего сообщения с Господом и чувства этого сообщения, чувствования в себе Господа! Это удел совершенных (по достижении которого для них поэтому и исчезает всякая тяжесть монашества); чувство общения с Господом, уверенность в обладании Им, дерзновенное сознание Его покровительства, силы благоволения — вот что жизнь монаха, и между тем ему не дано полного ощущения этой жизни; ему дана постоянная жажда Его, искание Его, делающее его жизнь подвигом обретения Христа, не подвигом соблюдения целомудрия и прочих обетов

монашества — это лишь условие, а цель — сообщение, сообразование, слияние со Христом так, чтобы каждое слово, действие, мысль, поступок смело могли быть считаемы возможными во Христе, не исключающими Его, не оскорбляющими Его святыню. А разве это достижимо?.. И вот чем тяжела жизнь отрекшихся во имя Христа от всяких препятствий к Его усвоению!

Очень полезно и даже необходимо монаху, да и всякому христианину, приступать к Святым Тайнам как можно чаще — если можно, каждую неделю, и кто может, каждый день; если кто может по условиям жизни своей быть готовым приступать к чаше жизни. Если кто не сознает других благ этого, по крайней мере может сказать с апостолом: гоню, аще и постигну Господа моего!.. Ищу Его, и, если не нахожу пока всею очевидностью, то — вот Он вдруг воссияет при конце моей жизни и при расставании с миром, ради Него оставленным, воссияет как желанное избавление от всякой туги сердечной.

Истинный путь к Богу совершается в чувстве глубокой веры, сыновнего, смиреннейшего припадания ко Господу, полного сердечного сокрушения, покаяния и насильного творения всех заповедей, без всякой разглядки добрых дел и подвигов при постоянном славословии и благодарении Господа с жаждой блаженного общения с Ним — Единым. Случающиеся грехи, немощи будут только углублять спасительные покаяние и смирение. Человек тогда, вместе с псалмопевцем, будет в радостном плаче взывать к Богу: «Благо мне, яко смирил мя еси».

Великое и нелегкое (а необходимое!) дело — сохранять себя во всегдашнем благоговеинстве и строго-серьезном, благочестиво-тихом, молчаливом настроении! Великих трудов, самонаблюдения и самообладания требует это каждую минуту, на каждом шагу, особенно в обращении с другими. Но зато каким довольством, миром и радостью дышит всегда лицо праведника! До какой степени оно может усвоять в себе и отражать в своих чертах беспредельную любовь, кротость, милосердие

и прочие свойства божественные, разливая их обильно на все окружающее! И как он, этот праведник, удободвижен, легок, скор и рассудителен на все доброе и возвышенное! Какая неодолимая сила влечет его всюду, где славится имя Божие и призывается Его благодать! И как влекутся к нему сердца всех людей, верных и падающих в борьбе со грехом!

Какая же досада, поистине адски-злобная, мучительнейшая, постигнет тех, кто при самом конце жизни увидит, что его жизненная работа вся никуда не годна, ни к чему прочному, доброму не привела и ни на что сколько-нибудь полезное, доброе уже не может быть переделана. Вот довольный источник для вечных страшных, адских мучений, которых уже не исцелит время, ибо уже не будет времени, а одна мертвая неумолимая, молчаливо унылая вечность...

Есть над чем задуматься каждому христианину... И многие познают истину...

Есть у нас два течения жизни: жизнь по впечатлениям и законам мира внешнего и жизнь по дарованиям и способностям мира внутреннего. Эта двойственность распространяется на все дальнейшее в нашей жизни: есть в нас, например, два спасения — внешнее и внутреннее; два покаяния, две добродетели, две греховности, два помилования, два боговидения, два богоугождения. Да не преобладает над внутренним внешнее! Наша жизнь во Христе да будет сокровенна со Христом в Боге! Внешнее наше поведение пусть будет определяться внутренним преуспеянием в Боге и следовать за ним, вытекать из него естественно, а не предварять его...

Трудно найти слова, которые пояснили бы необходимость доведения внутреннего состояния до возможно последней степени, с тем чтобы раскрылись глубины души. Как покажешь в словах необходимость совмещения в нашей душе одновременно пребывания во аде и в Боге? Как объяснить, что только при этом условии достигается полнота человеческой жизни и вместе та устойчивость подлинно здорового духа, которая устра-

няет внутренние колебания? Кто из нас не знает болезненности смены духовных «восхождений» и «падений»? И вот, когда человек нисходит во ад внутренней борьбы, нося в себе Бога, тогда избегает он колебаний и бурь.

Слияние всех трех обетов (послушания, целомудрия и нестяжания) в единое целое создает условия, благоприятствующие достижению главной цели монаха — бесстрастия и чистой молитвы.

Святые отцы поучают: «Ни пастыри Церкви, ни монахи не должны заниматься мирскими делами, но подражать Божией Матери, Которая в храме во Святая Святых день и ночь поучалась в законе Господнем и пребывала в молитве за народ».

«Мирские думают, что монахи бесполезный род, но напрасно они так думают. Они не знают, что монах — молитвенник за весь мир; они не видят его молитв и не знают, как милостиво Господь принимает их».

Монахи ведут великую брань со страстями, и за эту борьбу Господь благоволит к ним еще при жизни их земной, и великими будут они в жизни вечной!

Наставления монашествующим

В монахах сохранится остаток
благочестия до кончины мира.

По великому милосердию Божию достигли вы, чада духовные, высоты и глубины монашеского звания. Высоты, — так как чин монашеский есть чин ангельский, и может ли быть на земле что выше сего? Глубины, — так как основание монашества есть: самоуничижение, вменение себя ни во что, постоянное мысленное лежание долу и покаяние до последнего издыхания.

«Аз же есмь червь, а не человек, поношение человеков и уничижение людей» (Пс 21, 7) — вот какое мнение о себе должен усвоить воспринявший монашество; вот какие слова должен он запечатлеть в уме своем, внедрить в сердце свое, воплотить во всем существе своем.

Не подневольно, а добровольно пришли вы на подвиг сей, на служение ангельское. Добровольно, с великим усердием вступили вы в ряды воинствующих под знаменем Христова Креста, принесли свои обеты Богу — пребыть верными Ему до конца, все терпеть из любви к Нему: всякую злобу, всякое озлобление, всякое поношение, клевету, напраслину. Сдержите же слово свое, исполните обеты и не падайте духом от приключающихся искушений и скорбей, которыми душа очищается, как золото в горниле.

Если же смущение закралось в сердце и скорбь и уныние овладели душой, то знайте, что в предыдущем поведении вашем случилось какое-нибудь немалое упущение, какая-нибудь внутренняя неисправность, подготовившие место настоящему обуреванию, так как, по мнению святых отцов, «всякому падению предшествует гордыня» или какая-нибудь другая страсть.

Часто, по принятии великого пострига, вместо уничтожения своего собственного «Я», появляются помыслы самомнения и гордыни. Вместо напоминания о том, что, повергаясь на землю и распинаясь, обещались смирить себя даже до смерти, сознавать себя как нижайшую и последнюю тварь, недостойную воззреть на высоту небесную, поддаемся помыслам превозношения и смиренную ангельскую одежду представляем хитоном величия и гордыни.

Приняв постриг, должно размышлять так: «Господь мой туне помиловал меня недостойного, туне даровал мне, обнаженному от дел благих, Свою одежду оправдания и ею прикрыл всю наготу души моей: чем же мне за это воздать Ему? Буду же, при помощи Божией, помнить свое ничтожество и всю неисправность свою и, не смея поднимать очей не только на небо, но и на людей, буду все более и более смиряться и доказывать благодарность и смирение мое всяким могущим появиться к этому поводом».

А поводов будет немало: всякому надо уступить, всякому покориться, пред всяким смолчать, на всякое

послушание быть готовым, — все это нужно делать с любовью в сердце. Что бы ни говорил вам помысл в самооправдание и самозащиту, нужно отгонять его воспоминанием о своем добровольном распятии и о том ничтожестве, из которого это распятие воздвигло вас. На каждую укоризну отвечайте в сердце своем: «Воистину я достоин сего по грехам моим».

Таким образом, при помощи Божией, вы отразите приступы первейшего искушения новопостриженных: помыслов тщеславия и величания своим постригом и ложного мнения, будто этот постриг служит не ступенью к усовершенствованию себя и обучению в глубочайшем смирении, а причиною самолюбия и самохвальства.

После первоначального ревностного горения духа и усердия к выполнению нового молитвенного правила, возлагаемого по принятии великого пострига, и неотступного хождения на все церковные службы является иногда некоторое охлаждение или разленение. Помысл начинает побуждать дать себе некоторые льготы: отдохнуть, повидать людей, побеседовать с ними, иначе говоря, — поразвлечься.

Бойтесь этого, чада возлюбленные, ибо это редко проходит даром, не оставляя за собою следа, — горького осадка в уме и сердце всего виденного и слышанного. Держитесь своей кельи, в которую монах никогда не войдет таким, каким из нее вышел. Бойтесь дать себе поблажку опущением или сокращением молитвенного правила, держитесь за него, как за якорь, который один в силах удержать от конечного расслабления обуреваемую душу. Держитесь за него крепко, молитесь, хотя с трудом и против желания, — как можете, — и Господь, всегда готовый прийти на помощь обуреваемым, вскоре явит и вам Свою всесильную помощь. Пусть ваша молитва будет подневольная, холодная и даже рассеянная, — не переставайте неуклонно исправлять свое молитвенное правило, которое, впрочем, не должно превышать меру, так как малое правило, постоянно

выполняемое, лучше большого или продолжительного, но прерываемого. В храм Божий продолжайте ходить неопустительно (кроме случаев истинной болезненности или исполнения возложенного послушания), и увидите, как не нужен окажется вам отдых, как снова окрылится дух ваш и возгорится жар ревности к молитве. Тогда как, если не поостережетесь, — по возвращении в келью она покажется вам затвором, а на душе почувствуете так много тяготящего, а в памяти и воображении так много лишнего, а иногда и нечистого, что на очищение, обновление и приведение в порядок своего внутреннего потребуется гораздо более времени и труда, нежели на исполнение обычного правила.

Молитесь же неленостно, чада мои, взывая из глубины души к Сладчайшему Господу Иисусу, да отженет Он от вас «уныние, забвение и окамененное нечувствие» и да утвердит на пути спасительном стопы ваша.

Как сначала первым грехом падшего ангела была гордыня, за которою непосредственно последовало охлаждение или отвращение от Бога и нехотение исполнять волю Его, а вслед за этим и озлобление на все живущее и зависть к оставшимся верными Творцу и Богу своему и не лишенным Его благоволения и вечного блаженства, — так и по восприятии иноческого, ангельского чина после первых двух упомянутых страстей (гордость, леность) начинает чаще всего бороть душу третья и самая мучительная страсть из страстей — зависть.

В сердце приявшего постриг закрадывается неприязненное, враждебное чувство к окружающим, оказавшим предпочтение не ему, а другим, душу его начинает томить неестественная, непонятная, но тем не менее трудно подавляемая печаль о благополучии другого. В помыслах начинается сравнение себя с другими, приравнивание своих заслуг и трудов к заслугам и трудам предпочтенных, является жалость к самому себе, и раздаются сперва тихие, а потом во услышание всех громкие жалобы на несправедливость и пристрастие

окружающих, — жалобы, вкрадывающиеся даже и в молитвенные к Богу воззвания.

Что тут делать? Чем удержать развитие страшной и душепагубной болезни?

Прежде всего необходимо приневолить себя помолиться за тех, которые возбуждают чувство зависти, и положить три поклона с молитвой:

«Господи, помилуй и спаси раба Твоего (имя) и меня грешного за святые его молитвы!» Потом припасть усердно к Богу с горячею молитвою об избавлении от мучительного недоброжелательного чувства и о насаждении, на место его, чувств любви и благожелательства. И сделать это не раз и не два, а продолжать так делать, пока не умилосердится Господь, всегда готовый утишить всякую бурю, и пока чувство не изменится.

Должно помогать излечению своему размышлением о том, насколько неразумно чувство зависти к существу себе подобному, себе сродному, соединенному с тобою и святыми Таинствами, и обетами, и сослужением Единому Владыке, и с которым заодно искуплены вы Животворящею Кровию, волею закланного за нас Безгрешного и Пречистого Агнца — Христа.

Притом рассудите: есть ли основание завидовать кому-нибудь другому, во-первых, потому, что благополучие другого ничего не может отнять или убавить от определенной человеку от Бога доли, так как у Него щедрот бездна, яко море, а от моря сколько ни черпай, ничего не убавится; а во-вторых, кто может знать, что именно для человека лучше и что обратится ему на пользу и на радость и что — на вред или печаль?

Главное же средство против зависти, после искренней молитвы, — это смиренное о себе мудрование, самоуничижение и избежание «приравнивания» себя к другим, которое на первых же порах должно быть пресекаемо вопросом, задаваемым самому себе: «Кто я, ничтожнейший из тварей и недостойнейший, чтобы мне дерзать сравниваться с кем бы то ни было? Один Сердцеведец

Господь мой знает меня, и чего я стою, и ведает всю греховность мою; я же по ослеплению своему не могу рассмотреть ее всю! От тайных моих очисти мя и от чуждих пощади раба Твоего».

За получением мантии обычно следует назначение высшего и более ответственного послушания.

Принимайте его с покорностью и благодарением, но без особой радости, а напротив, с некоторым сожалением и опасением; чем выше дерево, тем более оно подвергается насилию ветра и непогоды. Чем более у начальствующего подчиненных, тем менее у него покоя и свободы; чем более власти, тем более трудов, соблазнов и огорчений.

Тут прежде всего старайтесь о том, чтобы забыть себя и свое собственное «Я», то есть заботу о своем покое и благосостоянии. На первом плане у вас должно быть то дело, которое вам поручено.

Забыть себя надо настолько, чтобы не только ничем не воспользоваться лично из врученного вам, но и того, что есть у вас своего, то есть Богом данного: здоровья, сил, способностей или вещественного имущества, — не жалеть для общей пользы и общего блага. На подчиненных влияйте более примером, нежели словами. Покрывайте их немощи любовью, но слабостям не потакайте из человекоугодия, а когда нужно — с благоразумием употребите и некоторую строгость. Заботьтесь об исправлении вверенных вашему попечению, обличайте, запрещайте, умоляйте со всяким долготерпением и учением, особенно слабых, и всеми мерами старайтесь удержать их в обители, не допуская изгнания или выхода из нее. Разделяйте с ними их заботы, радости и скорби; выслушивайте их жалобы на себя и на свои личные печали, но не допускайте жалоб на других и не выспрашивайте о действиях или словах прочих братьев или сестер.

Лучше, чтоб подчиненные любили вас, нежели боялись, потому что от боязни рождается ложь и лицемерие, а от любви — истина и усердие.

Вещественное имущество монастырское берегите сами и не допускайте небрежного или недобросовестного отношения к нему и других: за все, за все, до малейшего, придется давать Богу ответ, а Он — близ.

Не стыдитесь спросить совета у опытнейших, если сами чего не знаете или не умеете, и без ложного стыда выслушивайте мнение других. Этим не унизите себя.

Помните час смертный! Думайте, что он так близок: вот вы лежите трупом, жалким, бездыханным, холодным, страшным для всех! Недвижимы руки на спокойной груди... закрыты глаза! На всем ужасная печать таинства смерти! Позаботьтесь, где будет тогда душа ваша? Не пожалеете ли о загубленном напрасно времени, о силах, затраченных на пустое и неполезное, о небрежении и лености в подвиге стяжания неосужденного предстатия у страшного Престола Господа Славы?

К сказанному о молитвенном правиле прибавлю лишь напоминание заповеди премудрого сына Сирахова: «Сыне, даждь Богу сердце свое», и молитва ваша усовершится сама собою. Произнося в молитве страшное и преславное имя Господа нашего Иисуса Христа, взирайте мысленным оком на волею Распеншагося за вас на Кресте и на грехи свои — и бойтесь произносить Святейшее имя Его без участия ума и сердца и, призывая Пресвятую и Пренепорочную Матерь Господню, смотрите на Нее как на Единую свою непостыдную надежду и упование и мысленно простирайте к Ней руки за помощью, окормлением и заступлением; а призывая на помощь святых угодников, вспоминайте об их подвигах, искушениях и страданиях и примером их воодушевляйте себя к подражанию им и к терпению в молитве. Таким образом, каждое свое славословие, каждое моление, каждое слово, произносимое в молитве, одушевляйте, оживляйте, одухотворяйте глубочайшим проникновением, стараясь не только обнять умом, но и почувствовать сердцем, что вы говорите Богу или Его угодникам; иначе как услышит вас Бог, если вы сами не слышите того, что говорите Ему?

Сразу ничего не делается, а тем более совершенная молитва. Трудитесь, терпите в молитве, и, быть может, трудиться придется не малое время, но Подвигоположник наш Христос будет взирать на труд ваш и не оставит его втуне (без награды) и в свое время, «даяй молитву молящемуся», даст и вам настоящую, Ему угодную, благодатную молитву излиянием Пресвятого Своего Духа, Который научит вас и миром наполнит ваше посвященное Ему сердце.

Сущность монашества

Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный.
Мф 5, 48

Девство, нестяжание, пост, труд, деятельная любовь — это орудия, средства, но не само совершенство.

Христианское совершенство не заключено в тварной природе человека и потому не может быть достигнуто простым развитием возможностей природы в самой себе, в своей ограниченности.

Совершенство наше лишь в самом Боге и есть дар Святого Духа. Страдания человеческие растут — это следствие греха. Все неизбежно страдают. Одни в отрицательном смысле, включаясь в общий поток страстей мира сего; другие — в положительном, то есть в силу любви своей к человечеству. Смысл нашего бытия не в страданиях, а в преодолении их.

Православный христианин лишь тот, кто принимает Христа как абсолютную Истину и Правду, кто следует Его учению и идет по Его стопам. «Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Мф 11, 27); или: «Никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня» (Ин 14, 6); или: «Если не уверуете, что это Я, то умрете во грехах своих» (Ин 8, 24) — и другие.

Заповеди Христа суть отражение в нашем мире Вечной Божественной Жизни — путь к ней.

Первая заповедь — «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разу-

мением твоим, и всею крепостию твоею...» Вторая, подобная ей — «возлюби ближнего твоего, как самого себя»... (Мф 22, 37–39).

Мужество, долготерпение и смирение, сострадание и милостыня — как выражение любви к Богу и ближнему, вера, как тот же подвиг любви, — все это должно быть разумно свободным подвигом человека, но доколе не придет всеутверждающее действие Божественной благодати, все это остается лишь человеческим действием и, следовательно, — тленным.

В силу этого все в нашем подвиге сводится к исканию слияния нашей воли и нашей жизни с волею и жизнью Самого Бога.

Выражается это и достигается главным образом в молитве, и потому молитва есть вершина всех делании; она есть центр, от которого всякое иное действие черпает свою силу и утверждение.

Чрез истинную молитву совершается наше вхождение в Божественное бытие силою Духа Святого.

Молитва очень разнообразна как по форме, так и по достоинству. Наиболее совершенной является так называемая чистая молитва.

Ради достижения этой чистой молитвы христианин-подвижник оставляет все прочее как бы позади себя. Отрекается от мира.

Отречение от мира — это монашество. Монашество не есть иная вера, чем у прочих христиан. Монашество есть лишь иной образ жизни, вытекающий из тех же заповедей Христа, соблюдение которых является подвигом. Нет христианина — нет подвижника.

Отречение от мира многие, и особенно современные люди, понимают как нечто отрицательное — отречение от деятельной жизни, что-то скорбное, тяжелое, мрачное. Не так смотрели и смотрят те, кто избрал этот путь. Монашествующие считают отречение от мира — отречением от страстей, от обычаев, противных заповедям Христа.

«Мир лежит во зле», — говорит Писание (1 Ин 5, 19). Дело в том, что человек стал рабом греха.

Вследствие падения человека в нас действует «закон греховный». Освобождение — возрождение человека к вечной Божественной жизни. Преображение его бытия — обожение — происходит чрез соединение Божественного и человеческого. Именно это сочетание — есть монашеская жизнь.

Феодор Студит, будучи в восторге от этого образа жизни, назвал его «третьей благодатью». Первая благодать — это закон Моисея. Вторая — «благодать на благодать», которую все мы приняли от полноты Христа, по слову Иоанна Богослова (Ин 1, 16). И наконец, третья — монашеский образ жизни как сведение ангельского чина на землю.

Епископ Игнатий (Брянчанинов) так говорит о монашестве: совершенство христианское состоит в чистоте сердечной. Достигший сего совершенства есть светильник, не телесным служением, но служением Духа исполняющий заповедь любви к ближнему, руководящий спасающихся, восставляющий от падений, целящий их духовные раны.

Монашеский лик доставил Церкви Христовой пастырей, которые не словесами человеческой мудрости, но словесами Духа, споспешествуя учению чудесами, пасли и утверждали Церковь. Кто были Иоанн Златоуст, Василий Великий, Епифаний, Алексий и Филипп митрополиты, — словом, все святые пастыри. Но и не в чине архиерейском, а в простом монашестве есть много светильников — от Антония Великого, Иоанна Дамаскина до Сергия Радонежского и Георгия Затворника, которые веру утверждали, ереси обличали и попирали. Без монахов пропало бы христианство в мирянах.

Вот сколь необходимо в Церкви Христовой совершенство, без коего и спасение с самою верою легко может утратиться, ибо нужны чувства, обученные долгим временем в различии добра от зла.

Есть три образа призвания к монашеству: первое призвание — непосредственно от Бога; второе — чрез людей и, наконец, третье — по нужде.

Для первого призвания характерно некое вдохновение, которое исполняет сердце человека даже во сне, — неудержимо влечет его к любви Божией, к заповедям Христа. Второе призвание — чрез людей, когда кто воспламеняется желанием божественным посредством слова человеческого или влияния святых людей. Третье — по нужде, в силу постигающих нас бедствий, несчастий, потери близких родных, что толкает человека обратиться к Богу.

Некоторые люди, воспитывающиеся в Церкви и как бы питающиеся от Божественной Трапезы, без бурных надломов, как бы естественно, приходят к монашеству.

Совершенно другое с теми, которые теряли Бога, далеко уходили от Него или даже боролись с Ним. Их обращение обычно принимает форму острого внутреннего кризиса. Духовное обращение таких людей происходит под действием благодати.

Благодать вводит человека в мир Божественного света; при всей своей влекущей силе, не лишает свободы воли и не совершенно освобождает от дальнейшей брани и даже колебаний. И познавшие благодать подвергаются искушениям.

Иногда излияние благодати бывает настолько обильно, что душа в глубоком чувстве явно ощущает свое воскресение.

Тогда внутреннее свидетельство Духа об истине бывает столь очевидно, что в душе не остается места для сомнений или колебаний. Любовь к Богу заполняет все существо и влечет к Нему, преобладая над всем прочим. В таких случаях душа бывает утвержденною на всю последующую жизнь и получает свободу от сомнений — нет в ней мучительных исканий истины.

Святые отцы никогда не умаляли никакого рода призвания. История Церкви знает немало случаев, когда призванные по нужде достигали большего совершенства, чем призванные непосредственно Богом.

Итак, не на начало пути, а на конец и завершение его смотрели святые отцы.

В некотором соответствии трем родам призвания находятся и три отречения — три ступени монашеского посвящения.

По святому Пафнутию, эти три отречения идут в таком порядке:

– первое, когда мы телесно оставляем стяжание мира сего;

– второе, когда оставляем прежние нравы и страсти, телесные и душевные;

– третье, когда отвлекаем ум от всего видимого и временного и погружаемся духом в созерцание невидимого и вечного.

Авва Пафнутий говорит: «Каждое отречение — есть восприятие креста».

По слову епископа Феофана Затворника, первый вид креста — беды и скорби, постигающие человека в земной жизни. Второй крест — это внутренняя борьба со страстями и похотями. И третий: предание себя на волю Божию.

Последний крест есть следствие духовных благодатных дарований и свойствен лишь совершенным.

Первый постриг совершается без произнесения обетов. В этом чине дается новоначальному монаху право носить рясу, откуда и название «рясофор», то есть ряссоношение. Перед совершением этого пострига дается наставление о смысле монашества и о необходимости отречения от мира и родных. Обетов вступающий не произносит, и, таким образом, эта степень есть по существу еще период испытания в подвижничестве.

Второй постриг — «малая схима», или «мантия». При постриге в мантию уже произносят обеты. При постриге в высшую степень монашества, в «великую схиму», обычно именуемую просто «схима», те же обеты повторяются в несколько измененной форме.

Три обета связаны единством цели, как и три отречения, а именно: послушание, целомудрие и нестяжание.

Мы заповедь имеем от Христа уподобиться Богу, и жизнь эта у святых отцов именуется «наука из наук»

и «искусство из искусств». И познается она не иначе, как из опыта.

Трудно определить по одному названию всю сущность содержания.

Так, например, многие кротость понимают как естественный «тихий нрав». Иначе определяет ее Иоанн Лествичник. Он говорит: «Кротость есть такое состояние ума, когда он непоколебимым пребывает и в чести, и в бесчестии, кротость есть неподвижная скала, возвышающаяся над морем раздражительности... утверждение терпения; дверь и даже матерь любви, дерзновение в молитве, вместилище Святого Духа, узда неистовства, подательница радости, подражание Христу...»; это есть мужество, берущее на себя тяготы и немощи других. Это есть постоянная готовность терпеть поношения или не поколебаться внутренне при прославлении. Кротость есть спокойная решимость на всякую скорбь и даже смерть. В ней заключена великая сила и победа над миром.

Христос говорит: «Блажени кротцыи, яко тии наследят землю», то есть победят и овладеют миром в высшем смысле этого слова.

В душе человека порождаются всякие бури, и всякий, кто не имеет за собой надлежащего руководства, истекающего из тысячелетнего опыта Церкви, может не только недоумевать, но и потеряться.

Святой Иоанн, игумен Синайский, в своем творении «Лествица» говорит: «Необходимо, чтобы море сие (жизнь души нашей) задвигалось, возмутилось и рассвирепело, дабы посредством этой бури извергнуть на землю... все то гнилое, что реки страстей внесли в него. Рассмотрим внимательно и увидим, что после бури на море бывает глубокая тишина».

Трудно найти слова, которые пояснили бы необходимость доведения внутреннего состояния до возможно последней степени, с тем чтобы раскрылись глубины души. Как покажешь в словах необходимость совмещения в нашей душе одновременного пребывания и во аде,

и в Боге? Как объяснить, что только при этом условии достигается полнота человеческой жизни и вместе та устойчивость подлинно здорового духа, которая устраняет внутренние колебания? Кто из нас не знает болезненность смены духовных «восхождений» и «падений»? И вот, когда человек нисходит во ад внутренней борьбы, нося в себе Бога, тогда избегает он колебаний и бурь.

Слияние всех трех обетов в единое целое создает условия, благоприятствующие достижению главной цели подвижника — бесстрастия и чистой молитвы.

Послушание — основа монашества

Послушание — есть тайна, которая открывается только Духом Святым.

Послушание, как отречение от своей воли и разума, потеря своей личности, может на первый взгляд показаться каким-то рабством, самоуничтожением, как бы противным замыслу Божию о человеке, который наделен свободной волей. Но тем, которые последовали с верою учению Православной Церкви и совершили такое отречение в духе этого учения, — послушание открылось как невыразимо великий дар свыше.

Послушник — это орел, на своих крыльях поднявшийся в высоту. Он чувствует свою безопасность, господство, которое другим недоступно и страшно. С доверием, с готовностью, с любовью, с радостью отдавай свою волю и всякий суд над собою духовному отцу, тем самым ты сбросишь тяжелый груз земной заботы и познаешь то, чему невозможно определить цену — чистоту ума в Боге.

Монашество — это чистота ума, что не достигается без послушания. Без послушания нет монашества. Вне монашества возможны достижения великих дарований Божиих, вплоть до мученического совершенства, но чистота ума есть особый дар монашеству, неведомый на иных путях, и познает монах это состояние не иначе, как чрез подвиг послушания.

Послушник уклонением от мира и отвержением своей воли, как златыми крыльями, восходит на небо бесстрастия.

Отношения между старцем и послушником имеют священный характер.

Послушник поучается творить волю Божию и тем приобщается божественной жизни; старец молитвою и подвигом своей жизни приводит послушника к познанию этого пути, воспитывает в нем истинную свободу, без которой невозможно спасение.

Истинная свобода там, где Дух Господень. Цель послушания, как и вообще христианской жизни, — стяжание Духа Святого.

Старец не порабощает волю послушника своей «человеческой» воле, а поэтому старайтесь не доводить старца до необходимости приказывать.

Подвиг старца тяжелее подвига послушника в силу великой ответственности его перед Богом. Но ответственность перед Богом падает на старца только в том случае, когда ученик творит послушание старцу; если же нет послушания, то всю тяжесть ответственности за свои действия несет сам послушник, теряя все, что достигается послушанием. Цель старца, однако, не в том, чтобы освободить ученика от ответственности, но в том, чтобы научить послушника подлинной христианской жизни и подлинной христианской свободе.

Послушание освобождает от страсти любоначалия и властолюбия.

Одно из главнейших препятствий к достижению того состояния, к которому зовут нас заповеди Христовы, есть — наша самость, эгоизм.

Послушание — путь к победе над этим последствием первородного в нас греха.

Отсекая свою волю пред Богом, предаваясь в волю Божию, становимся способными вместить и носить в себе действие Божественной воли.

Совершенствуясь в послушании и Богу и ближнему, мы совершенствуемся в любви.

Современный интеллигентный человек, со своим критическим подходом ко всему, — к подвигу монашеского послушания несравненно менее способен, чем простой человек, не искушенный любопытством ума.

Образованному человеку, полюбившему свой критический ум, привыкшему смотреть на него как на свое главное достоинство, прежде чем стать послушником, нужно отречься от этого своего «богатства».

«Как отречься? Пред кем отсекать волю, пред тем, кто даже ниже меня? — начинает рассуждать такой монах. — Да что же, старец — оракул? Откуда он знает волю Божию? Нам дан от Бога разум, мы должны сами рассуждать. Вот, например, то, что мне теперь сказал старец, совсем неблагоразумно» — и подобное. Он судит по внешности, как свойственно судить «рассудочному» человеку, и потому не находит пути живой веры.

Кто добровольно вручил свою волю и рассуждения духовному отцу, тот опытно познает несовершенство своего ума — рассудка — и с радостью убеждается, что пришел к источнику воды, текущей в жизнь вечную.

Послушник, продающий себя в добровольное рабство, взамен получает истинную свободу.

Добрый послушник ощущает присутствие Духа Божия, Который дает душе не только глубокий мир, но и несомненное чувство «перехода от смерти в жизнь».

Девство и целомудрие

Второй основной обет монашества — девство и целомудрие.

Понятие о девстве как о жизни по образу Иисуса Христа, «образ бо дах вам» (Ин 13, 15), настолько мало усвоено современным миром, даже христианской частью, что не прекращаются извращенные толкования монашеского целомудрия и даже сопротивления ему как явлению якобы патологически противоестественному.

Это извращенное толкование не имеет никакой обоснованности, тогда как тысячелетний опыт Церкви

с неоспоримой достоверностью показал, что сохранение девства не только не влечет за собой вреда, но правильное прохождение этого подвига повышает физическую выносливость, и долговременность жизни, и психическое здоровье, и духовное развитие.

Святой Варсонофий Великий говорит о послушании, что оно «возводит на небо, а приобретших его делает подобными Сыну Божию». То же должно сказать и о девстве, и о целомудрии.

Утроба святого девства носила Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, и в тело, которое восприял Господь наш, Он облекся от Святой Девы.

Познайте же в этом величие и славу девства.

Пророк и Креститель Господень Иоанн и другой Иоанн, любимый ученик Господа, который возлежал на персях Его, — были святыми девственниками. Затем идут Павел, Варнава, Тимофей и другие, имена коих написаны в Книге Жизни.

Девство — радость Матери-Церкви.

Если брак есть Таинство, то и девство также есть Таинство Церкви.

Девство и целомудрие близки по существу, но это не одно и то же.

При постриге лицами, пришедшими к монашеству после брака или незаконной связи, дается обет целомудрия, то есть дальнейшего полного воздержания; для девственников — обет девства.

Целомудрие, как показывает самое слово, понимается как целостность или полнота мудрости. Целомудрие есть не только преодоление плотского влечения, — это есть чистота ума и сердца.

Девство же подлинное святыми отцами определяется как состояние вышеестественное.

В своей совершенной форме оно понимается как непрерывное пребывание в Божественной любви, как осуществление заповеди Христа — «любите Бога всем сердцем, всем умом, всей душой, всею крепостию».

Всякое отступление ума и сердца от любви Божией рассматривается как духовное «прелюбодеяние», то есть преступление против любви.

Девство не есть наивное неведение, как это видно из жизни Приснодевы Марии, Которая на благовестие Ангела о рождении от Нее Сына ответила вопросом: «Как будет это, когда Я мужа не знаю?» И тем показала Свою ненаивность (Лк 1, 34).

Нравственность по плоти — не есть еще девство. Один из величайших святых нашей Православной Церкви, Василий Великий, с горечью говорил о себе: «Хоть жены я не познал, но я не девственник», то есть в более совершенном смысле этого слова.

По церковному представлению есть три степени духовного состояния человека: вышеестественное, естественное и, наконец, ниже, — или противоестественное.

К первому относится девство и монашеское целомудрие, понимаемое как дар благодати; всякая же иная форма плотской жизни — духовно будет или ниже, или даже противоестественною.

Сказано у святых отцов: «Не посягай на вышеестественное, чтобы не попасть в противоестественное». Отсюда правило: никого не должно допускать к монашеству без предварительного испытания.

Монах, не хранящий целомудрие, в деле спасения стоит много ниже благочестного брака, почитаемого Православной Церковью спасительным путем.

Принявший обет монашества лишается права на освященный церковью брак, а всякое нарушение монахом целомудрия рассматривается как падение, и притом падение в нижеестественное.

Нормальный неизвращенный брак сохраняет человека и физически и нравственно, тогда как всякое извращение, даже мечтание о грехе, разлагающе действует на всего человека, то есть и на психику, и на телесное здоровье.

Это разрушительное действие особенно усиливается, когда преткновению подвергается монах, нарушающий

тем самым данный пред Богом обет, что влечет за собой потерю благодати, — а мучительные угрызения совести могут довести его до мрачного отчаяния.

Подвиг девства есть некое искусство и сила божественной жизни, научающая живущих во плоти уподобиться бесплотному естеству.

Самым существенным моментом в этом «искусстве» является «хранение ума». Важнейшее правило в этом подвиге — не отдать ума. Без этого никакие телесные подвиги не достигают цели. Аскетически воспитанный ум может сохранить не только свою чистоту и свободу, но и покой тела, и даже в таких условиях, при которых другим это дело покажется невозможным. «Не все вмещают слово сие» (Мф 19, 11).

Святой Пимен Великий сказал: «Мы — не телоубийцы, а страстеубийцы», ибо от Бога нас удаляет не тело, призванное быть сосудом или храмом живущего в нас Духа Святого, а сладострастие, то есть страсти с их услаждениями.

Великий Иоанн Лествичник говорит: «Кто, будучи во плоти, получил и здесь победную почесть, тот умер и воскрес и еще здесь познал начало будущего нетления».

Для достижения совершенной чистоты не имей привязанности, даже духовной, ни к человеку, ниже к вещи; люби всякого любовью совершенною, как самого себя, но без пристрастия, то есть не пожелай присутствия или видения любимого человека и не услаждайся мыслью о нем.

Чистое супружество — похвально, но выше супружества — нерастленность. Супружество — уступка немощи, а чистота — светлость жизни!

Сколько девство предпочтительнее супружества, столько непорочный брак предпочтительнее сомнительного девства.

Посему и ты, ревнитель совершенства, или вполне возлюби чистое девство, если имеешь к тому и силу и расположение, или избери супружество.

Нестяжание

Нестяжание — третий из основных обетов монашества, является естественным дополнением первых двух, составляя с ними неразрывное единство в целях достижения чистой молитвы и наибольшего уподобления Богу, чрез уподобление Иисусу Христу, настолько не искавшему стяжаний на земле, что не имел где приклонити главу (см.: Мф 8, 20).

Опыт показал, что для чистой молитвы необходимо ум освободить от отягощающих его образов вещества.

В монашеском обете нестяжания ударение падает на борьбу со страстью «любостяжания», или «сребролюбия» и «вещелюбия». При этом монах обещает не столько жить в нищете, сколько освободить свой дух от желания «иметь», знаком достижения чего является сильное желание «не иметь» до такой степени, что истинный подвижник нестяжания перестает щадить и самое тело свое. Только при этом условии и возможна подлинно царственная жизнь духа.

Вначале это покажется непонятным, как можно освободиться совсем от вещей — они необходимы. Не об этом и речь идет, чтобы упразднить абсолютно всякую вещь, но чтобы ограничить себя в вещах и иметь только самые необходимые, без которых жизнь стала бы уже невозможною. Причем мера этой возможности различная у каждого. Современный мир не мог построить свою жизнь так, чтобы иметь достаточно свободного времени на молитву и на духовное созерцание Божественного бытия.

Причина этому — алчная страсть «иметь». Эту страсть любостяжания апостол Павел назвал идолослужением (см.: Кол 3, 5), а Иоанн Лествичник — «дщерью неверия», «хулою на Евангелие, отступлением от Бога» (Слово 16).

Подлинное христианское нестяжание миру неведомо, непонятно, а оно — подлинное и несравненное богатство, приносящее великий покой.

Любовь к стяжанию изгоняет любовь к Богу и человеку.

Сребролюбие, то есть любостяжание, есть и называется «корень всех зол» (1 Тим 6, 10), и действительно оно таково, ибо порождает хищения, зависть, разлучения, вражды, жестокость, ненависть, убийства, войны.

Итак, чтобы вырваться из плена низменных забот, очистить свой ум и дать духу наслаждаться богоподобною свободою, вкусить высшие блага, легко презирать земное... иметь беспристрастие — все, что имеется, считать за ничто и не имея не печалиться, но жить так же, как бы имел, молиться чистою молитвою — конечная цель нестяжания.

Наставления мирянам

Мир находится в состоянии дремоты, греховного сна, спит. Будит его Бог войнами, моровыми поветриями, пожарами, бурями сокрушительными, землетрясениями, наводнениями, неурожаями... Увы! Не слышит он гласа Божия!

Люди почивают на одре лени самообольщения, а о спасении и думать забыли. Некогда: надо то пороптать, то поспать, то посудить других, а других-то много, ну и некогда подумать о душе своей и о вечности!

Люди в продолжение всей земной жизни всего ищут, кроме Христа Жизнодавца, оттого и преданы всяким страстям: безверию, маловерию, корыстолюбию, зависти, ненависти, честолюбию, удовольствиям в пище и питии и другим страстям.

Только при конце своей жизни ищут Христа в причащении, и то по вопиющей необходимости, и то как бы по принятому другими обычаю.

Странно и жалко видеть, из-за каких пустых причин диавол лишает нас любви к Богу и ближнему: из-за земного праха, из-за денег, из-за пищи и пития, одежды, жилища. Стремящийся ко спасению не должен иметь пристрастия не только к пище и питию, к одежде,

к просторному и благоукрашенному жилищу, к богатой утвари домашней, но к своему здоровью, даже к своей жизни не должен иметь ни малейшего пристрастия, предав всю жизнь свою в волю Господню.

Пристрастие ко временной жизни, к здоровью ведет ко многим уклонениям от заповедей Божиих, к потворству плоти, к нарушению постов, к унынию, нетерпению, раздражительности.

Злополучен, кто любит чрез меру удобства в жизни. Обставив себя всевозможными удобствами, он будет чуждаться всякого неудобства, изнежится и не привыкнет к терпению. Между тем жизнь христианина вся есть неудобство, путь узкий и шероховатый, есть крест, требующий неудобства и великого терпения.

Его сердце полюбит удобства мира сего, а не Христа Крестоносца. Терпи неудобства, привыкай к неудобствам. «Навыкох, в них же есмь, доволен быти», — говорит апостол.

Злополучен, кто любит украшения для тела своего и ищет почестей: он сделает из себя постыдный кумир.

Завидовать почестям, богатству, одежде — есть безумие.

Богатство — самый проворный приспешник в худом, потому что при могуществе всего сподручнее сделать зло.

Подарок заставляет и мудрецов видя не видеть. Золото — такая ловушка для людей, как сеть для птиц.

Ум озабоченный — это моль, которая точит кости. Ослепляется ум тремя страстями: сребролюбием, тщеславием и сластолюбием.

Не питай пристрастно плоть свою, не ласкай ее, не угождай ей и не усиливай ее тем против духа. Невольником будет дух у плоти.

Ничто так скоро не погашает в нас духа веры, как невоздержание, лакомство и пресыщение, рассеянная, разгульная жизнь.

Отказывай себе в чувственных удовольствиях в той надежде, что вместо них получишь удовольствия высшие, духовные, божественные.

Всякое пристрастие к земному — мечта диавола и мечта нашего самолюбия. Эгоистическое веление чего-либо для других и смущение, порыв к велению — от диавола.

Ревнующий о благочестии! Тебе придется слышать, и может быть нередко, более от своих домашних, что ты тяжелый, невыносимый человек. Ты увидишь к себе сильное нерасположение, вражду за свое благочестие, хотя враждующие и не будут выражать, что именно за благочестие они враждуют против тебя, — не возмущайся этим и не приходи в отчаяние, потому что диавол в самом деле может преувеличивать до огромных размеров некоторые слабости твои, от которых и ты не свободен, как человек, но припомни слова Спасителя: «Враги человеку домашние его» (Мф 10, 36), и от недостатков исправляйся, а благочестие держи твердо.

Смотри на себя беспристрастно. В самом деле, не тяжел ли ты по своему характеру, особенно для домашних своих?

Может быть, ты угрюм, неласков, необщителен, неразговорчив? Распространи свое сердце для общительности и ласки, но не для потворства.

Будь кроток, нераздражителен. Будь терпелив. Только спокойные и кроткие обличения вразумляют людей. Жестокие более раздражают, нежели пользуют.

Дар прощать выше дара исправлять наказанием. Не за все выговаривай — иное сноси, проходя молчанием, и смотри на то сквозь пальцы: «Любы все покрывает и все терпит».

Мы всюду окружены соблазнами, но можно жить среди грешных, а самому не грешить. Надо поддерживать всегда и везде горение души, и тогда легко будет переносить все обиды.

Когда у нас есть Христос в сердце, то мы всем довольны бываем: и неудобство для нас — как лучшее удобство, и горькое — как сладкое, и бедность — как богатство, и голод — как сытость, и скорбь — как радость!

Душа человеческая есть свободная сила, ибо она может сделаться или доброю, или злою силою, смотря по тому, какое ты сам даешь ей направление.

Злая сила заставляет гордого человека в других видеть только плохое, и он радуется, когда говорят о них худо, а ты иначе поступай: ревнуй о взаимной любви и никого не осуждай. Каждый за себя даст Богу ответ, а ты в себя смотри! Злобы берегись! Отыщи в злом человеке что-либо доброе и порадуйся об этом добре и с радостью говори о его добрых качествах.

Нет человека, в котором не было бы какого-нибудь добра. Зло же, находящееся в нем, покрывай любовью и молись за него Богу.

Живи со всеми в мире, согласии, любви, тишине, уважая других, снисходи к их слабостям, не гордись, не завидуй, не враждуй, плотские похоти обуздывай, целомудрствуй, воздерживайся от всякого излишества, делись с неимущим, за всех молись, как за себя, особенно за тех, кто тебе в тягость, кто унижает, огорчает, оскорбляет тебя, возводит напраслину. Они тебе зло, а ты им добро делай. Никому не желай и не делай зла.

Врагов надо любить: ведь их диавол учит и подстрекает враждовать, чтобы тебя испытать, любишь ли ты ближнего по Евангелию. Обращай на себя внимание в то время, когда люди обижают тебя, ругают, смеются над тобою. Если ты в это время спокоен, не исполняешься духом вражды, ненависти, нетерпения, если продолжаешь любить этих людей так же, как и прежде, то ты любишь ближнего по Евангелию, а если раздражаешься, то не любишь. «Аще любите други ваши токмо, кая вам благодать есть?»

Ничто так не уподобляет нас Богу, как то, когда мы прощаем людей злых, которые обижают нас.

Молитва за врагов — это милость (милостыня) выше всякой милостыни, подаваемой неимущим.

Если нищие ежедневно преследуют тебя, это значит — милость Божия непрестанно преследует тебя:

«Блажени милостивии, яко тии помиловани будут» (Мф 5, 7). Кто же будет убегать от милости Божией? Все жертвы и милостыни нищим не заменяют любви к ближнему, если нет ее в сердце, поэтому при подаянии милостыни всегда нужно заботиться о том, чтобы она подаваема была с любовью, от искреннего сердца, охотно, а не с досадой и огорчением. Самое слово «милостыня» показывает, что она должна быть делом и жертвою сердца и подаваема с умилением или сожалением о бедственном состоянии нищего и с сокрушением о своих грехах, в очищение которых подается милостыня, ибо милостыня очищает всяк грех.

Кто подает милостыню неохотно и с досадою, скупо, тот не познал своих грехов, не познал самого себя.

Милостыня есть благодеяние прежде всего тому, кто ее подает. Милостыни заглаждают грехи, умерщвляют смерть, угашают вечный огонь мучений.

Когда подаешь милостыню, подавай с великодушием, с ласковостью в лице, снабди в большей мере, нежели сколько просят. Не старайся распознать достойного от недостойного: пусть все люди будут у тебя равны для доброго дела. Ибо сим способом можешь и недостойных привлечь к добру, потому что душа, посредством телесного, скоро привлекается в страх Божий.

Сохрани тебя Бог от того, чтобы пожалеть вещественного твоего достояния в жертву Господу, или Пречистой Его Матери, или другим святым Божиим и, таким образом, предпочесть вещество духу. Смотри, чтобы достояние твое не было тебе в погибель.

Ты должен твердо верить, что вместо тленных благ Господь или святые Его воздадут тебе нетленными благами, вместо временных благ — вечными. А блага духовные: свет духовный, прощение грехов, дар живой веры, надежды крепкой и любви нелицемерной, мира и радости в Духе Святом, — бесконечно выше вещественных даров.

С радостью расточай стяжания свои в жертву Господу и святым Его.

Если чрез чьи-либо руки пересылаешь их, верь, что они дойдут до принадлежности, и если люди утаят жертву Господню, Сам Господь взыщет с них, и ни едина лепта не пропадет туне, но принесет тебе соразмерный вере и расположению сердца твоего дар от Господа.

Доброхотное даяние предполагает в даятеле душу чувствительную, сердце нежное и открытое для всего доброго, а потому и способную для вмещения даров благодатных. Можно ли не любить такую душу и такое сердце?

Как тяжело в час кончины бывает человеку, который не давал милостыню и который в этой жизни имел идолом деньги, или пищу, или питие, или земные почести.

Сласти, деньги — хуже обыкновенного праха, сора, потому что они засоряют душу, тогда как обыкновенный сор засоряет только тело, одежду, жилище.

Теперь это все ему не нужно, а между тем сердце крепко привязано к ним. Истинного же сокровища, дающего жизнь вечную, то есть добродетелей нестяжания и милосердия, он не имеет. Может ли он надеяться на милость Божию, не оказавши сам милость ближнему? «Какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» (Мф 7, 2).

Итак, чтобы легче было умирать, — а умирать надо всем, — не должно иметь пристрастия ни к чему в мире, надо обуздывать страсти, иметь во всем воздержание, проявлять милосердие к ближним.

Когда видишь болезненное разрушение тела, не ропщи на Господа, а говори: «Господь даде, Господь отъят. Буди имя Господне благословенно». Вы привыкли смотреть на тело свое как на неотъемлемую собственность, но это крайне несправедливо, потому что ваше тело — Божие здание.

Много есть у человека вредных для тела и пагубных для души привычек. Из этих греховных привычек едва ли не самые отвратительные — пьянство и курение табака.

Вид до безобразия напившегося человека вызывает в нас невольное отвращение, и если мы не презираем его, несчастного, а сожалеем о нем, то делаем это толь-

ко потому, что Любвеобильнейший Господь наш Иисус Христос заповедал нам любить ближнего.

Курение табака так же грешно и вредно для здоровья, как и пьянство, однако многие называют это невинной забавой. Разве можно назвать невинной забавой страсть к табаку, когда от него страдает не только тот, кто курит, но и тот, кто принужден бывает дышать смрадным воздухом, отравленным табачным дымом? Печальнее же всего то, что курящий табак подает дурной пример детям.

Еще одна из скверных привычек — ругательство матерным словом. Во время ругательства у сквернословца уста кровью закапаются, горят веною, и паром скверным смрад исходит из уст его: такому человеку, если не раскается, нельзя в церковь Божию входить и прикасаться к святыне. Ангел Хранитель такого человека плачет, а диавол радуется. От такого человека Матерь Божия молитвенный покров Свой отнимает и Сама отступает от него. Такой человек проклятью себя подвергает. С таким человеком нельзя нам есть и пить, пока не перестанет браниться матерным словом.

За срамословие Бог попускает на человека беды, болезни и многие напасти. Поэтому отстанем от обычая нечестивых людей и послушаем апостола Павла, увещевающего: «Всяко слово гнило да не исходит из уст ваших» (Еф 4, 29), но лучше Иисусову молитву восприимем в уста свои и в сердце и тем избавлены будем вечной муки во веки веков. Аминь.

Не засматривайся на красоту лица человеческого, а смотри на душу его.

Накрашенное лицо — безмолвный обвинитель внутренних пороков.

Не смотри на женские лица (женщина — на лица мужские), избегай воспоминания о них, — гони и отсекай тотчас же всякий нечистый помысл, лишь только он появится в душе твоей. Бегай непристойных шуток, разговоров, не читай книг, в которых описывается нечистая любовь.

Неприлично женщинам показывать в себе мужеский нрав, всякое другое правило, кроме стыдливости, чуждо благонравной женщине.

А вы, на кого в этой жизни наложил свои узы честный брак, приложите ума, как бы вам больше плодов внести в небесные точила!

Человек есть дом Божий, но мы своею похотью превращаем свой дом в жилище страстей, за что и получаем в наказание мертвые плоды при родах жен.

Родители должны хранить себя в чистоте еще прежде зачатия во утробе матерней младенца, должны удаляться неумеренного плотского общения, должны иметь раздельное ложе друг от друга в ночи, предваряющие праздники и воскресные дни, под среды и под пятки и во все четыре поста, установленные Святою Церковью, наипаче же в Великий пост, и неотложно по зачатии плода, во все время беременности до самого рождения и даже до вскармливания младенца матерним молоком, жить в чистоте, решительно не имея сожития.

Во время беременности мать должна все внимание свое сосредоточить на том, как бы сохранить во чреве младенца, вспоминая, что он — будущий храм Божий и жилище Духа Святого.

Мать-христианка должна беречь не только физическую жизнь и здоровье, но особенно духовно-нравственную жизнь, помня, что во время утробной жизни младенец воспринимает духовно-нравственные качества своей матери. Питаясь ее физическими соками, он питается и ее духовною природою, живя ее жизнью. Вот почему христианка во время ношения должна как можно чаще и усерднее Богу молиться, почаще и подольше размышлять о премудрых свойствах и делах Божиих, а также непременно должна вести жизнь умеренную и строго воздержную, помня, что от всего этого зависит характер и нравственно-духовный облик ее младенца.

Родители должны крестить своих детей по возможности сейчас же по рождении.

Святейшее Таинство крещения — есть главнейший дар человечеству нашего Искупителя. Таинство крещения уничтожает первородный грех, то есть ту нравственную порчу нашей природы, которая переходит через естественное рождение от предков к потомкам и которая препятствует человеку нравственно развиваться и совершенствоваться в добре.

Некрещеные дети должны быть рассматриваемы наравне с мертворожденными. Давать им христианские имена и поминать их на церковных богослужениях также не следует; судьба их такова же, как и мертворожденных, то есть они не будут наказаны, так как не сотворили еще по малолетству грехов, но и полного блаженства не могут быть удостоены, как не очищенные от первородного греха.

Велик грех родителей, если по их вине, особенно по небрежности, дети умирают некрещеными. Если нет поблизости священника, а новорожденное дитя слабо и можно ожидать его смерти, то пусть совершит над ним крещение кто-нибудь из присутствующих здесь православных христиан — мирянин или монах.

Крещение совершается так: погружают, а если младенец больной, то окропляют его священною (крещенскою) водой троекратно, произнося:

«Крещается раб (или раба Божия — дается христианское имя) во имя Отца. Аминь. И Сына. Аминь. И Святаго Духа. Аминь».

Если после этого младенец останется живым, то его нужно представить священнику и заявить о том, что над ним такой-то совершил святое крещение. Священник не повторяет, а только дополняет крещение и совершает над младенцем святое Таинство миропомазания.

За нарушение чистоты супружеской жизни родителями родятся дети не на утешение, а на скорбь и слезы им и во вред отечеству своему: они бывают растленны нравом, способны воспринять всякое зло от юности своей, также часто родятся мертвыми. Нередко же в родах с ними и сама мать умирает в тяжких страданиях.

Таковы плоды за нарушение супружеских правил, за несоблюдение постов и всякое невоздержание, ибо чадородие есть дар Божий, а не человеческое изобретение.

Господь дал жену мужу в помощницу для взаимного сожития, благословив их, рече им: «Растите и множитесь» по естественному закону природы, для всех тварей Богом данному, а не ради похотного сладострастия, не ведающего ни времени, ни меры. Бессловесные животные поднесь строго соблюдают сей закон, ибо по зачатии плода до времени исхода его, и даже до вскармливания млеком, решительно не допускают сожития.

Человек же бывает иногда хуже скота несмысленного, увлекаясь страстным похотением, забывая свое достоинство, данное ему от Бога, создавшего человека по образу и подобию Своему. Злоупотребляя природою в оскорбление чести своей, человек вызывает на весь род свой (до четвертого колена) праведный гнев Божий.

Каким страшным бедствиям подвергается семейство, нарушившее правило и чистоту супружества! Предает их Господь в неискусен ум творити неподобная: является неверность супругов, нестроения и всякие беды. Детей постигают неисцелимые болезни, затем преждевременная смерть мужа или жены, а также чад их возлюбленных.

Посему умоляю вас, покайтесь от всего сердца вашего, исповедуйте свои грехи отцу духовному, исправьте житие свое во всем и храните свято супружество во всякой чистоте и правде Божией, ходя по заповедям Божиим, тогда узрите на себе и на чадах ваших благословение свыше в род и род, по неложному обещанию Господа нашего Иисуса Христа.

Из видения Григория, ученика святого Василия Нового, о Страшном Суде, видно, что младенцам, не просвещенным святым крещением, Господь в будущей жизни дает покойное место и участь наслаждений вечной жизни в небесных селениях. Эти свидетельства дают некоторое утешение для родителей, скорбящих о загробной

участи умерших младенцев, не просвещенных святым крещением.

С другой стороны, такая смерть младенцев попущена Богом не иначе, как за грехи их родителей, а потому родители должны принести чистосердечное покаяние свое пред Богом в грехах, исправить свою жизнь частыми и усердными молитвами в церкви и дома, соблюдением постов, любовью к ближним, подаянием милостыни.

Молитва матери за мертворожденное дитя: «Боже Милосердный, помилуй чадо мое, умершее во утробе моей, и за веру и слезы мои, не лиши его света Твоего Божественного».

Младенец, мать которого умерла вместе с ним во время чревоношения, при воскресении предстанет совершенным мужем и узнает матерь свою, а она — детище свое. Не видевшие здесь друг друга увидятся там. В воскресении не будет ни старых, ни малых. Преждевременно родившиеся предстанут такими же, как и совершеннолетние.

Любодейца, которая извела зачатый ею во чреве плод, чтобы не видел он здешнего мира, и сама не увидит будущий век. Как она не дозволила ему насладиться жизнью и светом в этом веке, так и он лишит ее жизни и света в оном веке. Поскольку она решилась погубить плод свой во чреве преждевременно, чтобы сокрыть его во мраке земли, то и сама, как мертвый плод, извергнута будет во тьму кромешную. Таково воздаяние любодейцам, которые посягают на жизнь детей своих. Судия накажет их вечною смертию и низринет в бездну мучения, полную зловонного тления.

Родители и воспитатели! Со всею заботливостью остерегайте детей своих от капризов, иначе дети скоро забудут цену вашей любви, заразят сердце свое злобою, заглушат совесть, рано потеряют святую, искреннюю, горячую любовь сердца, а по достижении совершенного возраста горько будут жаловаться на то, что в юности слишком много лелеяли их, потворствовали капризам их сердца.

Каприз — зародыш сердечной порчи, ржа сердца, моль любви, семя злобы, мерзость Господу.

Родители не только за грехи свои будут наказаны, но и за детей своих, если не воспитали их в благочестии.

Обращайте особое внимание на сохранение чистоты совести ваших детей и воспитанников. Совесть для них должна быть добрым руководителем и судией в продолжение всей их жизни. Следите, чтобы они не возросли бессовестными и не сделались язвою общества и причиною ваших слез.

Человек бессовестный (в смысле заглушения ее голоса нерадением и увлечением греховным) есть самый лукавый и потому самый страшный для других и самый несчастный для себя.

Дивная сила в человеке — совесть! От нее никуда не уйдешь, нигде не скроешься — она везде с нами, все видит, все: не только дела, но и мысли и намерения наши — знает; для нее нет ничего тайного, у нее и ночь и день — как день. Вот какой чудный страж поставлен над человеком от Творца.

Совесть — есть зеркало, пред которым нельзя скрыть ни одного порока; обвинитель, который не дает покоя; свидетель, которому нельзя противоречить; судья, пред которым нельзя устоять. Совесть, по словам Иоанна Златоуста, есть не умолкающий в нас обличитель, которого ни обмануть, ни обольстить нельзя.

Человек, учинивший грех и совершивший беззаконное дело, успеет скрыться от всех людей, но от этого судии укрыться он не может, напротив, всегда носит в себе этого обличителя, который беспокоит его, мучит и никогда не утихает. Как усердный врач, она не перестает прилагать свои врачевства, и пусть не послушают ее, она и тогда не отстает, но продолжает постоянно заботиться, непрерывно напоминая о грехе, не давая грешнику дойти до забвения, чтобы хотя чрез это сделать нас не столь склонными к прежним грехам.

Человек с чистой совестью, даже и необразованный, выше всякого образованного, заглушившего свою совесть.

В необразованном человеке простота сердца, кротость, незлобие, молчаливость, терпение — дороже пред Богом всех наших познаний, всего внешнего лоска, всех заученных выражений, всех приторных учтивостей, всех хитросплетенных речей, даже самые грехи их, как грехи неведения, извинительнее. Потому уважай простую необразованность и учись у нее простоте, незлобию, терпению и прочим добродетелям.

Необразованные — младенцы о Христе, которым иногда Господь открывает тайны Свои.

Когда Спаситель мира восхотел, по бесконечной благости Своей, исполнить в кончину веков Предвечный Совет о спасении погибающего грехом рода человеческого и найти пропавшую царскую драхму, взыскать погибшую овцу Своего словесного стада, тогда, приняв на Себя человеческий образ и облекшись во всего человека от Духа Святого и Марии Девы, Он избрал в помощники Себе, Своему великому делу, простых учеников и апостолов, рыбарей по занятию, и через них на деле показал, что дело спасения нашего не зависит от мирской знатности, учености или от земной мудрости, а что оно есть единственно дело Божие, дело Его благости, премудрости, силы, милосердия.

Напрасно мы привыкли представлять себе святых не иначе, как окруженных разными знамениями и чудесами небесными, ничего не ядущими, никогда не спящими, ходящими по водам и пр. Не все святые были чудотворцами, как и не все прославившиеся в жизни чудотворениями были святыми. Бог только того и хочет и требует от нас, чтобы мы были святыми. Святыми можно быть не удаляясь от общества и не бросая мир. Веруй от души всему тому, чему учит Святая Церковь, и живи так, как она требует; иначе — будь истинным христианином, и ты будешь святым.

Безмолвие, конечно, вещь хорошая, но кто призван послужить в обществе, не должен уходить от сего без особенного указания от Провидения Божия.

Жизнь в миру

Когда увидишь, что многие жадно ищут своего счастья в чувственных благах и чувственных удовольствиях, в неге, в роскоши и выдают это за мудрость, когда увидишь, что многие для своего земного счастья употребляют всякую ложь и всякий обман, защищают ненависть, мстительность и другие страсти, а отказ от удовлетворения чувственными удовольствиями считают за глупость, — тогда нам должно твердо помнить в сердце своем и говорить, как учили апостолы: «Мы христиане, нам должно жить по закону Христову» (Гал 6, 2), а закон Христов требует, чтобы мы плоть свою распинали с ее страстьми и похотьми (см.: Гал 5, 24), отложили ложь и говорили истину (см.: Еф 4, 25), всякое же мщение предоставили Господу Богу, сказавшему: «Мне отмщение, Аз воздам» (Рим 12, 19).

Вообще при всех представляющихся худых примерах тотчас смотри на Иисуса Христа, Который имеет полное право требовать от нас последования Своему примеру, а потом смотри на миллионы людей, подражавших Его жизни, сделавшихся святыми и достойными всякого нашего подражания. Подражай не примеру языческой жизни, которая в нашем мире так часто видна, но примеру благонравия, скромности, стыдливости, воздержности, порядка, ревности о богоугождении, которыми отличались святые или истинные христиане, непрестанно старавшиеся жить и жившие не по правилам мира, а по учению Иисуса Христа.

Как вести себя при занятиях житейскими делами

Житейских дел весьма много, и они различны, смотря по тем состояниям и званиям, в которых мы живем.

Все не противные нравственному закону житейские дела, какие нам должно делать по нашему званию и со-

стоянию, — должно признавать делами Божиими, делами, порученными нам от Самого Господа, ибо Бог, как Царь всея земли (см.: Пс 46, 8), установил разные законные звания и состояния, и Он же, а не мы сами, попустил и попускает нам стать в те житейские звания и состояния, в каких все мы находимся.

Без Божией воли или без Божия попущения ничего на свете не бывает. Итак, какие бы ты ни делал дела, все эти дела делай как бы для Самого Бога, и награду за это получишь от Бога. Кто же трудится не для Бога, того труд весьма жалок, ибо награда ему не от Бога, а от себя или от людей. А от себя и от людей какая награда? Земная, временная, ничтожная.

Делая все свои дела для Самого Господа Бога, непременно делай их так, как должно делать дела Божии, то есть делай все свои дела от души, с полною охотою и удовольствием, старательно, не допуская в них никакой медлительности и нерадения, по чистой совести, ибо сказано: «Проклят творяй дело Господне с небрежением» (Иер 48, 10).

Если твои дела идут успешно, то не гордись этим, а особенно — не приписывай успеха в делах своих собственным силам и умению, ибо Сам Господь сказал ученикам Своим: «Без Мене не можете творити ничесоже» (Ин 15, 5).

Если дело, которым тебе должно заниматься, трудно, неприятно, низко, малоуважительно, не ладится, замедляется, требует особенного терпения или ведет тебя к унынию, то не будь малодушен, не ленись, не досадуй, не предавайся гневу, нетерпеливости, ропоту и т.п., а оживляй и укрепляй себя мыслью, что эти труды, которые так тяготят тебя, так неприятны и досадны тебе, продолжатся не вечно. С земною жизнью все они кончатся, а там Господь «воздаст коемуждо по делом его» (Рим 2, 6). При этом поддерживай себя в трудах твоих каким-нибудь назидательным пением, тайною молитвою, размышлением о христианских истинах, рассуждением о делах, которыми мы занимаемся, вообще возвы-

шением сердца к Господу Богу в кратких молитвенных воздыханиях к Нему. Например, весьма полезны следующие воззвания:

— Как беспредельно любит нас Господь!

— Чего Он не делал и не делает для нас?

— Чего Он не дает нам?!

— Боже, как нам должно быть благодарными Тебе!

— Господи, благослови меня! Очисти меня! Освяти меня!

— Только Ты, Господи, так много любишь нас!..

— Ах, если бы все люди узнали, как благ Ты, Господи!

— О, если бы я возлюбил Тебя, Господи, всем моим сердцем!

— Господи, когда я буду вечно хвалить Тебя вместе со всеми святыми?

— Господи! Ты мое прибежище, Ты мое утешение, Ты моя надежда, Ты мое спокойствие. Ты мой свет. Ты моя слава. Ты моя радость. Ты мое блаженство!

Такие и подобные воззвания, если обратятся в навык, во время труда бесценны. Непрерывно держи душу в соединении с Богом, они непрестанно оживляют ее, отгоняют от нее всякое зло, укрепляют ее в добре и весьма благотворно подкрепляют самые телесные силы.

Кто так трудится над совершением своих житейских дел, тот трудится, как и должно трудиться во славу Божию.

Само собою разумеется, что прежде всего должно делать дела важнейшие, не терпящие отлагательства, прежде обдумавши, как лучше сделать их, и что никогда не должно делать дел, несообразных с законом Божиим.

Приступая ко всякому делу, надо прежде всего усердно помолиться Богу о ниспослании Божия благословения на труд наш. Надо прочитать молитву «Перед началом всякого дела», затем хорошо продумать, как лучше сделать начинаемое дело, и тогда только приступать к труду.

После обычных трудов следует обед и отдых. Христианину нужно знать и то, как вести себя во время обеда и во время отдыха после обеда.

Перед обедом и ужином всегда возноси ко Господу Богу усердную молитву; молись также и после обеда, и после ужина. Ибо не кто другой, а Сам Господь доставляет нам пищу и питие. Он же доставляет нашей пище питательную силу для нашего тела, а нашему телу дает способность обращать эту питательную силу пищи нам на здоровье. Не молиться перед обедом и ужином и после оных может только или не понимающий сего, или же отъявленный эгоист.

Стол наш всегда должен быть умеренным. Пища для тела необходима. В необходимой пище не должно отказывать телу, но для соблюдения умеренности всего лучше прекращать употребление пищи в то время, когда позыв на пищу еще не совсем кончился. «Ешь столько, чтобы утолить голод», — говорит святой Иоанн Златоуст. «Воздержно пий, мало яждь, здрав будеши», — говорит другой святитель Божий, Митрофан. Опыт также свидетельствует, что только воздержные живут здраво, долговечно и хорошо.

Весьма неразумно поступают те, которые дозволяют себе пресыщаться пищею весьма питательною, горячительною, неудобоваримою, вкусною, сладкою, ибо пресыщение весьма вредно и для нашего тела и для нашей души. Расстройство желудка, порча крови, разные болезни, преждевременная смерть — суть следствие пресыщения. Невоздержный не способен ни к каким духовным упражнениям: он не может ни молиться, ни размышлять о Божественном. У пресыщенного бог — его чрево и целая бездна нечистых мыслей и пожеланий.

Во время обеда и ужина никогда не говори чего-либо греховного. Это оскорбительно для Бога, Которого дары вкушаешь, и соблазнительно для твоих ближних. Напротив, за обедом всегда должно рассказывать или слушать что-нибудь назидательное или в глубоком молчании, с благоговением принимать пищу. Истинные

христиане, преимущественно во время принятия пищи, старались живее вспоминать свою смерть и Страшный Суд. Пустая болтовня — признак людей неразумных и пустых; всегдашняя назидательность — удел людей мудрых.

Кто так употребляет свой обед и ужин, то есть умеренно и с благодарностью Богу, тот поступает, как требует долг, праведно и богоугодно.

После обеда, без сомнения, нужен отдых. Но отдых всегда нужно употреблять как лекарство для восстановления сил душевных и телесных, поэтому отдых не должен быть продолжительным. Во время отдыха всякому должно думать: «Какой отдых в здешней жизни, отдохнем за гробом!»

«Праздность научила многому худому» (Сир 33, 28). «Мерзок пред Господом покой телесный», — говорит святой Варсонофий Великий. Так должно думать всем вставшим из-за стола, поблагодарить Бога и, немного отдохнувши, снова приниматься за дело.

Времени отдыха отнюдь не употребляй, как поступают многие неразумные, на какие-нибудь удовольствия или на какие-нибудь порочные забавы, бесполезные игры. Игра и христианин — две вещи непримиримые. Чтобы во время нужного отдыха не вошли в голову какие-нибудь богопротивные мысли, а в сердце богопротивные желания, христианин, смотря по состоянию своей души, старается питать себя разными духовными размышлениями, и особенно сердечным воззванием ко Господу Богу:

«Господи, как велика Твоя Премудрость и Благость! Всякий день питаешь Ты неисчетное множество живых созданий на земле: людей, птиц, скот, зверей, насекомых, — и все они сыты, никто не умирает с голоду».

Такие размышления и воззвания несравненно скорее восстанавливают наши телесные силы, нежели все другие способы восстановления их. А кроме того, такие размышления и воззвания чрезвычайно укрепляют душу в добре.

Как вести себя вечером

Вечером, по окончании всех дневных дел, благодари Бога за все благодеяния, полученные тобою в течение дня, именно: за то, что остаешься живым, за твои духовные и телесные силы, за здоровье, за пищу, питие, за все душеспасительные мысли, за все святые желания, за земной и небесный свет, за помощь и защиту — за всякое благодеяние.

Потом займи свое сердце следующими духовными мыслями: «Вот я целым днем стал ближе к смерти. Что, ежели Господу угодно будет поставить меня в наступающую ночь на Свой Праведный Суд? Устою ли я? Поутру намеревался я провести весь день свято, как же я провел его? Не прогневал ли чем-нибудь Господа Бога?»

После таких вопросов:

а) молись в своем сердце Всесвятому Духу, чтобы Он просветил твой ум и верно, до мельчайших подробностей привел тебе на память: как ты провел весь прошедший день, как ты встал поутру, как убирался, как совершал утреннюю молитву, как вел себя во время утренних занятий по твоему званию, как во время обеда и отдыха, как в обращении с домашними, с соседями, с посторонними, особенно в случаях, для тебя опасных; не подвергся ли греху, не ослабил ли намерения уклоняться от греха, как ты вел себя, когда тебе грубили, не слушали тебя, смеялись над тобой и т.п.;

б) молись, чтобы Святой Дух верно привел тебе на память: что ты в нынешний день думал, что говорил, что делал; как старался или не старался сохранять принятое тобою поутру святое намерение удаляться от греха; что особенно вовлекало или вовлекло тебя во грех; какой способ предпринимал ты против греха или против препятствий исполнить волю Божию и почему этот способ оказался недостаточным;

в) молись, чтобы Святой Дух привел тебе на память: в чем и почему ты согрешил, чего и почему не исполнил;

не согрешил ли питанием в себе дурных мыслей и желаний, не согрешил ли опущением сделать что-нибудь доброе или должное; не согрешил ли против заповедей первой, второй, третьей и т.д. Не принимал ли участия в каких-либо чужих грехах и т.п. Наконец,

г) особенно молись, чтобы Дух Святой привел тебе на память, какое тобою принято было поутру святое намерение, что тебе способствовало исполнить его, если ты его исполнил; в противном случае — что препятствовало или воспрепятствовало тебе исполнить его; предпринимал ли ты что-нибудь против представлявшихся тебе препятствий, что именно и почему предпринятое тобою оказалось несильным.

Дело это чрезвычайно важное. Никогда не оставляй его без внимания. Именно от такого примерного исследования себя зависит наше нравственное, духовное усовершенствование себя. Без такого точного исследования себя никогда нельзя ожидать нам нравственного усовершенствования.

Вспоминая, как ты вел себя в прошедший день, ты найдешь в себе и доброе и худое. Доброе все приписывай Богу, а худое — себе. И снова принимай решительное намерение противиться греху, особенно твоему любимому греху. Придумывай всевозможные меры и способы избавиться от него. Но в то же время моли и проси Господа Бога, чтобы Он Сам открыл тебе надежнейшие способы утвердиться в твоем добронамерении так крепко, чтобы ты готов был бы лучше умереть, чем снова совершить прежние грехи свои и снова оскорблять Господа Бога.

Отходя ко сну, соверши вечернюю молитву по готовым церковным молитвам или своими словами, только смотри, чтобы твои молитвы были непременно святы и обстоятельны:

а) прежде всего благодари Бога за все оказанные Им тебе и всем людям благодеяния: за искупление, за святую веру, за Святые Таинства и за все святые внушения ко спасению;

б) молись, чтобы Господь Бог простил тебе все твои грехи и не попустил тебе умереть во грехах;

в) молись, чтобы Он избавил тебя от вражеских искушений во сне и в нощи, но послал тебе Своего Ангела Хранителя, да сохранит он душу и тело твое от всякого зла;

г) молись, чтобы Господь благословил всех близких твоему сердцу: родителей, братьев, сестер, сродников, знакомых, благодетелей, начальников. Помолись и за врагов своих;

д) молись, чтобы Он помог бедным, скорбящим, путешествующим, больным, обиженным, чтобы утешил несчастных, приютил сирот, укрепил надеждою умирающих, чтобы благословил всех детей, направил к добру всех юношей, укрепил в святой жизни возрастных и всех старцев сделал образцом святой жизни, чтобы всех грешников привел к покаянию, истребил тьму, в которой живут язычники, неверующие, еретики и раскольники, чтобы просветил их Своим светом, всех ввел в познание Своей Истины, всех направил на истинный путь спасения и спас.

Наконец, предай себя Господу Богу совершенно. Ознаменуй себя крестным знамением, ложись в постель и засыпай, памятуя смерть и Суд Божий. Старайся засыпать с хорошими мыслями. Хорошо почитать какую-либо назидательную книгу или житие святого, который празднуется завтра. Старайся засыпать в преданности Господу Богу. Тогда, что бы ни случилось с тобой во время сна, тебе нечего бояться; тогда ты спишь как бы на руках Божиих; тогда Господь Сам смотрит за тобою и бережет тебя; тогда, какое бы бедствие ни постигло твое тело, твоя душа безопасна, она у Господа Бога.

В случае бессонницы, когда долго не можешь заснуть, опять размышляй и опять молись. Размышляй о судьбах правды Божией и неправды человеческой и извлекай отсюда полезные уроки для своей жизни. Молись внутреннею молитвою сердечною: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

Если пойдут в голову и сердце дурные мысли, встань и клади поклоны с молитвою: «Помилуй мя, Боже...» (Пс 50), пока не утомишься. Если усердно помолишься — скоро заснешь, а не заснешь, так душевную пользу получишь.

Вот как добрые люди препровождают жизнь свою богоугодно, свято. Здесь показан тебе способ, как проводить свято только один день. Так проводи другой и третий — все дни твоей жизни. Всегда имей себе сей указатель перед глазами и по нему располагай дни твоей жизни. Если так будешь поступать, то в конце концов сделаешься совершенным, истинным христианином и получишь венец заслуженной славы. Сначала это дело покажется, быть может, трудным, но ты всеми мерами победи это искушение, чтобы это главное и необходимое для тебя дело сделалось легким.

Помни, что леность — мать всех пороков и, следовательно, погибели, а труд, бодрость и бдительность — необходимые условия добродетели и, следовательно, спасения. И в свете человек без правил считается негодным человеком, тем более христианину нельзя жить без правил, как попало. А эти правила несомненно и верно доведут тебя до цели твоего назначения временного и вечного.

Ежедневные правила

Из дневника

1) Быть ко всем справедливым и беспристрастным до мелочей.

2) Никогда, даже шутя, никого не обманывать.

3) Быть бескорыстным даже в мелочах.

4) Искать случая, где только можно, быть кому-нибудь полезным.

5) Во всех неприятностях судить строже всех самого себя и быть снисходительным к другим.

6) Никогда и ни над кем не шутить и не насмехаться.

7) О себе никогда ничего хорошего не говорить и забывать самого себя для других.

8) Более молчать, нежели говорить, выслушивать других и, по возможности, избегать споров.

9) Всегда стараться не быть праздным.

10) Не горячиться, а ежели будешь чувствовать, что гнев так овладел тобой, что тяжело преодолеть себя, то тотчас замолчать и, если можно, уйти.

Отчего человек одинок?

Да, прискорбно жить тебе, боголюбивая матушка Д., в обстановке, не сродной духу твоему, и твоя жалоба на одиночество меня не удивляет. Но в назидание должен сказать тебе, что человек бывает одинок только тогда, когда он никого не любит.

Любовь наподобие нити притягивает нас к любимому человеку и согревает сердце. Кто любит, у того сердце цветет и благоухает, и он дарит свою любовь всем, как цветок свой запах. Такой человек не может чувствовать себя одиноким, потому что сердце его с теми, кого он любит. Он думает о них, заботится о них, радуется их радостью и страдает их страданиями. У такого человека нет времени на размышление о том, одинок он или нет, и чтобы прочувствовать свое одиночество. В любви человек забывает себя. Он живет с другими, он живет для других, он живет в других, и в этом его счастье.

А человек, который не любит других, чувствует вокруг себя пустоту, не проникнутую и не согретую лучами его сердца. Это передается и другим. Они чувствуют, что вокруг него пусто, холодно и жестко, поэтому отворачиваются от него и не ждут от него тепла. Это его еще больше ожесточает, и вот он сидит в полном одиночестве, отвергнутый и несчастный. В душе мрак, теснота, уныние, а иногда и отчаяние. Избави Господи!

А это все отчего? Оттого, что себя человек любит больше, чем других, и любовь к самому себе, то есть самолюбие, поглощает любовь к ближним. За это

благодать отходит от человека, и вот получается такое тяжелое состояние...

Надо переродиться. Надо будить людей своей любовью, надо любить всех горячо, искренно, самоотверженно и этим призывать их к любви.

Любить — это великое счастье! Только признай это, и начнутся вокруг тебя чудеса. Отдайся призыву своего сердца, отпусти свою любовь на свободу, пусть лучи ее светят и греют во все стороны, и тогда ты скоро почувствуешь, что к тебе отовсюду текут струи ответной любви. Почему? Да потому, что твоя нелицемерная, непосредственная, непреднамеренная доброта, твоя непрерывная и бескорыстная любовь будут незаметно вызывать в людях тоже доброту и любовь. И тогда ты испытаешь этот ответный, обратный поток любви не только как истинное, полное счастье, но и как незаслуженное вечное блаженство.

На пути твоем встретится еще много огорчений, скорбей и искушений. Злая сила до самой смерти будет смущать и тревожить тебя, но ты не смущайся, не падай духом. Проси у Господа помощи, проси горячо, неотступно, с дерзновением, и Он непременно поможет тебе. Ведь ты посвятила Ему всю свою жизнь, отдала Ему свое сердце, ради Него презрела и оставила все земное, так неужели Он не помилует и не спасет тебя?! Только возлюби ближних, как возлюбила Господа, и возрадуется сердце твое.

Если по немощи телесной ты не можешь выполнять полностью свое молитвенное правило и положенное число поклонов, то смирением, терпением и неосуждением, а также верным исполнением обетов иноческих восполняй пробел.

Монах, не исполняющий обетов своих, бывает поруганием монашества и соблазном для мирян на свою погибель. Исполняющий же обеты иноческие просветится как солнце во Царствии Небесном и получит награду, которая и на ум человеку не может прийти. «Иже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яко уготова Бог любящим Его» (1 Кор 2, 9).

Не смущайся, что в своем описании о монашестве я обращался не лично к тебе, инокине, а к иноку. Ведь читать будут и другие. Тот, кто интересуется монашеской жизнью, но не знает даже самых начальных и основных понятий о монашестве, найдет здесь достаточно пищи для себя.

А ты, когда будешь читать обращение к «нему», а не к «ней», мысленно представляй, что это относится к понятию «человек». Значит, относится не только к мужам, но и ко всякому человеку. Так и инок, когда читает что-либо с обращением не к «нему», а к «ней», то он представляет, что обращение относится к его душе.

Вот все, что с Божией помощью я смог пояснить, удовлетворяя твою просьбу. Старался писать кратко, чтобы не утомить тебя. Другие книги помогут разобраться в этих вопросах более подробно. Прошу прощения и святых молитв.

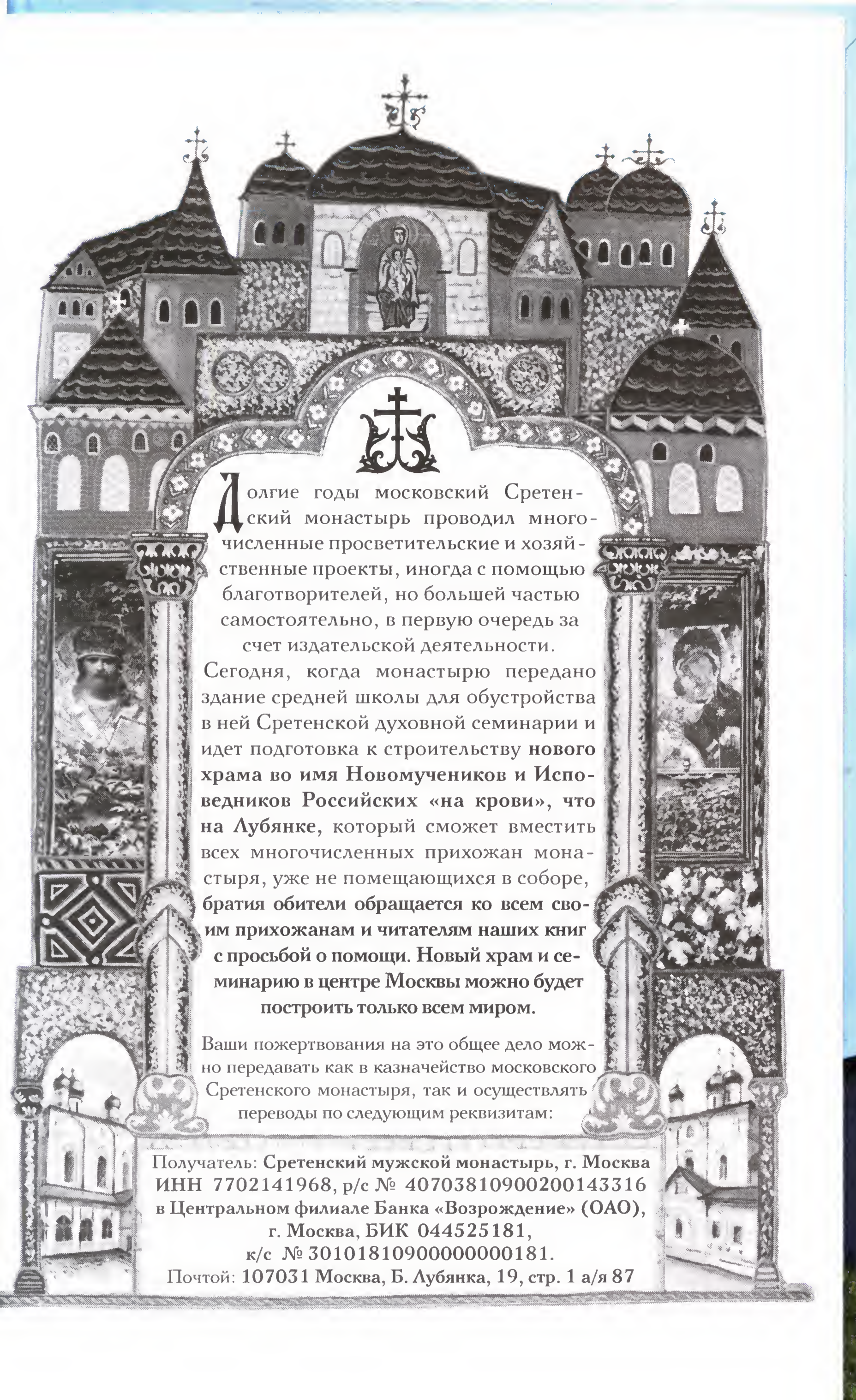
С детской доверчивостью и с дерзновением веры в простоте сердца будем единодушно следовать за Христом по пути в Царство Небесное.

Мир тебе и Божие благословение.

Псково-Печерский монастырь

Молитвенно с тобой пребывающий
твой духовный отец схиигумен Савва

СОДЕРЖАНИЕ

Долгие годы московский Сретенский монастырь проводил многочисленные просветительские и хозяйственные проекты, иногда с помощью благотворителей, но большей частью самостоятельно, в первую очередь за счет издательской деятельности.

Сегодня, когда монастырю передано здание средней школы для обустройства в ней Сретенской духовной семинарии и идет подготовка к строительству **нового храма во имя Новомучеников и Исповедников Российских «на крови», что на Лубянке,** который сможет вместить всех многочисленных прихожан монастыря, уже не помещающихся в соборе, **братия обители обращается ко всем своим прихожанам и читателям наших книг с просьбой о помощи. Новый храм и семинарию в центре Москвы можно будет построить только всем миром.**

Ваши пожертвования на это общее дело можно передавать как в казначейство московского Сретенского монастыря, так и осуществлять переводы по следующим реквизитам:

Получатель: **Сретенский мужской монастырь, г. Москва**
ИНН 7702141968, р/с № 40703810900200143316
в Центральном филиале Банка «Возрождение» (ОАО),
г. Москва, БИК 044525181,
к/с № 30101810900000000181.
Почтой: **107031 Москва, Б. Лубянка, 19, стр. 1 а/я 87**

Серия «Подвижники благочестия XX века»

Близок к нам Господь

Жизнеописание, воспоминания духовных чад и труды схиигумена Саввы (Остапенко)

3-е издание

Редактор-составитель **Мария Жукова**

Художник **иеромонах Матфей (Самохин)**

Верстальщик **Юлия Стрельникова**

Технический редактор **Анна Кузнецова**

Корректор **Лариса Иконникова**

Технолог **Михаил Мыскин**

Формат 84×108/32. Объем 16,5 п.л. Тираж 5 000 экз.
Бумага офс. №1. Печать офсетная. Гарнитура Cambria, Myriad Pro.
Подписано в печать 14.11.2013. Зак. № 1313760

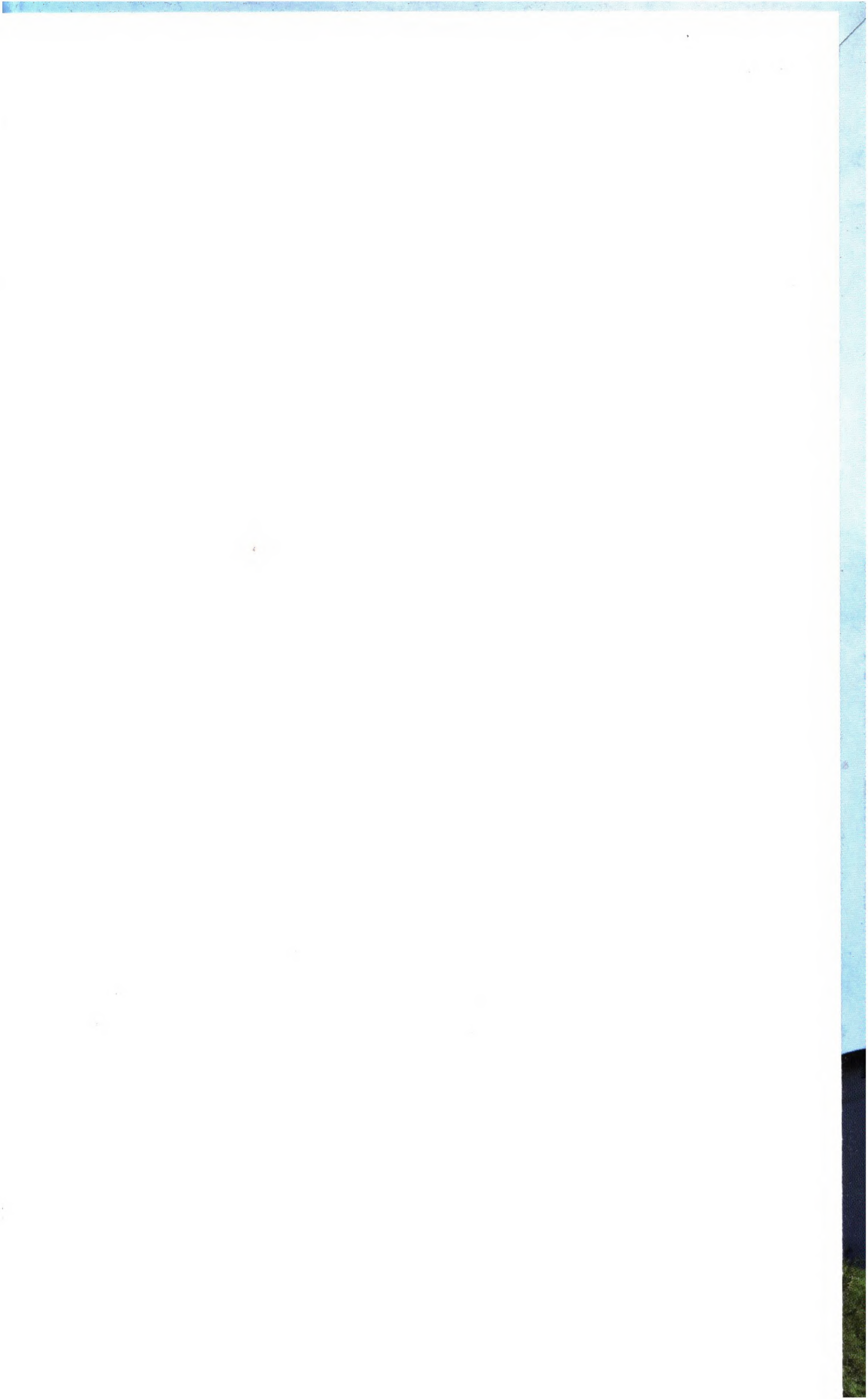
Отпечатано с электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Издательство Сретенского монастыря:
107031, Москва, ул. Б. Лубянка, 19

Интернет-магазин: **www.sretenie.com**
Книжная торговля Сретенского монастыря:
(495) 628-82-10

Магазин «Сретение»: (495) 623-80-46

2ccc

Схиигумен Савва (Остапенко) (1898–1980) известен многим православным людям. Он был добрым пастырем Христовым, в продолжение нескольких десятилетий верою, любовью, духовной мудростью и другими благодатными дарованиями служившим Церкви Божией.
В книгу вошли воспоминания многочисленных духовных чад старца, а также лучшие из его духовных наставлений на разные темы христианской жизни. Они направлены к одному — единению со Христом и спасению человека в вечности.

Схиигумен
Савва
Близок к нам
Господь